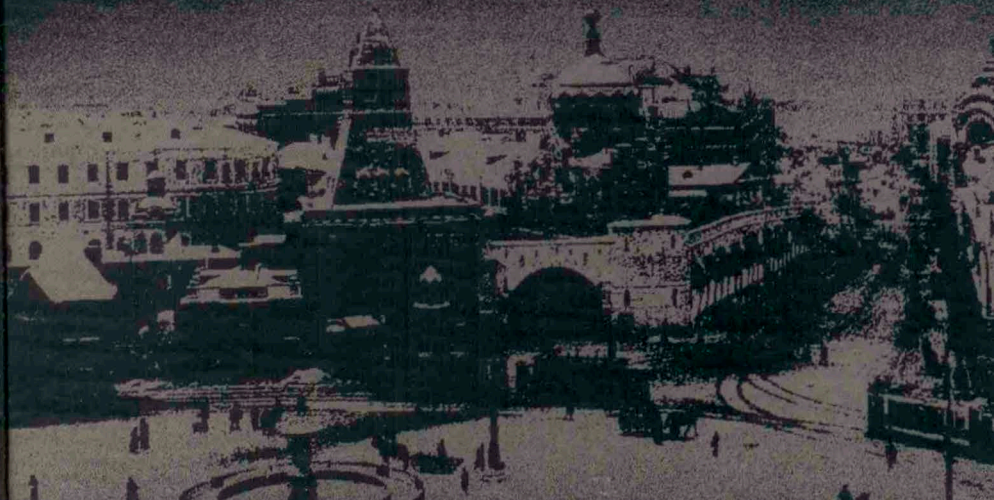

ПЕТР
КОШЕЛЬ

Россия
и Мир

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СЫСКА

С Е Р И Я « Р О С С И Я И М И Р »

Россия
и
Мир

Петр КОШЕЛЬ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СЫСКА

Москва
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2005

УДК 351(470)
ББК 67.401.213
К 76

Серия основана в 2004 году

*Серийное оформление
ИГОРЯ СУСЛОВА*

* * *

Вряд ли какое-либо государство может обойтись без правоохранительных органов. Ведь кому-то необходимо следить за порядком, бороться с уголовными преступлениями, хулиганством, охранять покой и жилища мирных граждан. Для этого и существует полиция.

Но не все ее действия нам открыты. Иногда для успеха дела приходится действовать тайно: засылать агентов, секретно готовить операцию и пр. Часто для этого создается специальная тайная полиция, специальные секретные службы, занимающиеся сыском преступников.

Юридический словарь объясняет это слово так:

«Сыск — термин, которым в России обозначались специальные мероприятия непроцессуального характера по установлению и обнаружению неизвестных или скрывшихся преступников».

Если приемы уголовного сыска вообще-то походили друг на друга, то методы и приемы сыска политического имели широкий диапазон.

Как все это начиналось

В начале 1555 года выходит первая статья из череды законов о губной (территориальной) реформе. Она говорит об устройстве розыска «лихих людей». Определялось, если при «обыске» кого-либо признают «лихим человеком», найдя у него «поличное», «того по обыску и по разбойничьим речам и по поличному казнить». Даже если подозреваемый будет на пытке отпираться.

Приказывалось внимательнее относиться к соучастию в преступлениях, проводить тщательный розыск о лицах, у которых был схвачен разбойник и найдена «разбойная рухлядь».

Но этих мер оказалось, видимо, недостаточно, и боярин И. А. Булгаков докладывал в конце года царю, что «по городам и волостям чинятся татбы великие», а губные старосты бездействуют. С ноябрьским указом 1555 года дела о татбе (воровстве) переходили губным старостам и определялся порядок «обыска» по этим делам. Стала обязательной регистрация всех появившихся в губе людей на случай скрывающихся разбойников.

Августовская статья 1556 года делала «обыск» главным в судопроизводстве, при этом большое внимание уделялось розыску, ибо «в обысках многие люди лжут семьями и заговоры великие».

Вместо старой временной Боярской избы, «которой разбойные дела приказаны», в 1555 году создано постоянное учреждение — Разбойная изба.

В начале XVII века уже были известны преступления, выражавшиеся в оскорблении верховной власти и в стремлении к ее удалению; эти преступления раскрывались путем доносов, бывших как бы обязательными, причем эти доносы носили специальное название «изветов по государевому делу или слову». Такое название, возможно, обозначало отношение доноса собственно и непосредственно к особе царя. Следствие ближайшее велось обычно воеводами, которые немедленно доносили обо всем ими найденном в Москву, где дела эти велись в Разрядном и других приказах, так как никакого особого учреждения для их ведения не существовало.

На делах первой половины XVII века уже встречаются краткие указания, что воеводы допрашивали виновных «очи на очи», или «на один»; эти беглые замечания определенно указывают, что уже в то время желание вести подобного рода дела скрытно, окружать их особой тайной существовало в правительственной практике.

С 1645 года начинается царствование Алексея Михайловича. До Уложения, в самом начале его царствования, никаких изменений в понимании и способах преследования преступлений по «слову и делу» не происходит.

В октябре 1645 года в Приказ Большого дворца, где сидели трое подьячих, вечером «пришел к столу старец колодник», а дневальным был в то время подьячий Афанасий Мотякин; и этот пришедший колодник начал говорить о царе непристойные слова, что царь Алексей Михайлович — не «прямой царевич», а рожден от сенной девушки. Услышав такие слова, Мотякин хотел сейчас же известить о них приказного дьяка, но было уже темно, и он идти побоялся, а на следующий день «такие слова побежал известить в село Коломенское государю» и подал обо всем этом челобитную. По показанию одного из подьячих, чернец говорил: «Прямо во корени был царевич князь Иван Михай-

лович, а князь Алексей Михайлович не прямой, подменной, знаем мы такие подмены!» На вопрос бояр, откуда обвиняемый это слышал, последний говорил, что все это явлено ему от святого Андрея Критского, а также слышал от жены своей и баб своего села Олексина. Бояре пугали его пыткой и огнем.

Таких примеров того времени можно привести довольно много.

В Уложении царя Алексея Михайловича, в первом из законодательных памятников, имеется раздел, посвященный преступлениям по «слову и делу». Собственно, выражений «слово и дело» и ему подобных мы не встречаем и в Уложении, но один раздел посвящен именно и исключительно таким преступлениям, а встречающийся в Уложении термин «извет» есть не что иное, как только более общее обозначение частных понятий, заключающихся в выражениях «слово и дело», «государево слово», «государево дело». На все это точно указывает практика в применении этой, второй по счету, главы Уложения, носящей следующее название: «О государевой чести, и как его государское здоровье оберегать». В первой статье этой главы говорится об «умышлении» на «государское здоровье» «злого дела», то есть о покушении на жизнь и здравие царя; во второй статье речь идет об умышлении «государством завладеть и государем быть», и в конце говорится о государственной измене, которой дальше посвящены статьи с 3 по 11; далее до конца идут статьи процессуального характера и о проступках против процесса. Итак, вторая глава рассматривает следующие роды преступлений: 1) государственную измену; 2) покушение на жизнь и здравие государя; 3) покушение на власть «державы царского величества», каковое покушение понимается сообразно времени в прямом смысле, как желание «Московским государством завладеть и государем быть»; 4) преступление «приходить, грабить и побивать» «самовольством скопом и заговором» «к Царскому Величеству и на его государевых бояр и окольничьих, и на думных, и на ближних людей и в городах, и в полках на воевод и на приказных людей». Следующая, 22 статья, говорит о наказании только «приказных людей» за неправоное обвинение кого-либо в действии против них «скопом и заговором», а из этого видно, что тут, как и в статье 21, разумеется мятеж или заговор против власти.

В этой же второй главе мы находим и процессуальные формы для дел по этому роду преступлениям. Устанавливается обязанность каждого «извещать» власти обо всяком «ведомом» злом умысле, заговоре и прочем; за неисполнение этого требования грозит смертная казнь «без всякой пощады». Этот извет должен быть произведен «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси или его государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям». Если ответ-

чика, на кого «извещают», налицо не оказывается, то его разыскивают, потом делают ответчику и доносителю очную ставку, и должны притом «сыскивати всякими сысками накрепко и по сыску указ учинить». Уложение не устанавливало никакого особого учреждения по этому поводу, дела такого рода ведались общими государственными установлениями того времени: воеводами и другими приказными людьми.

До Петра I в России вообще не было специальных полицейских учреждений, их работу выполняли военные, финансовые, судебные органы. Деятельность этих органов регламентировалась Соборным уложением, Указными книгами Разбойного, Земского, Холопьяго приказов, а также разовыми указами царя и Боярской думы.

Собственно полицию начал формировать царь Петр, определив ей довольно широкий круг обязанностей, вплоть до вмешательства в воспитание детей, в домашние расходы, покроем одежды и пр.

Преобразовательная работа Петра I началась с изменения внешнего вида, одежды и формы отношений между классами.

Если раньше запрещено было носить нерусское платье и стричь голову по-иноземному, и князя Мосальского за то, что он подстриг волосы на голове, записали из стряпчих в стрельцы, при Петре вышли специальные указы об обязательном ношении иностранной одежды и бритье бороды и усов. Это, впрочем, не касалось крестьян и духовенства.

С бородой у русских связывалось понятие о подобии и образе Божиим, и многие считали, что без бороды невозможно будет спасение. Митрополит Димитрий написал по этому поводу рассуждение «Об образе Божиим и подобии в человеке», где объяснял, что подобие Господа в невидимой душе и что бритье бороды спасению не вредит.

В Астрахани возник бунт, когда приставы у входа в церковь стали обрезать у мужчин бороды.

Характерен случай той эпохи. Князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский повздорил как-то с известным сподвижником Петра высокоученым Яковом Брюсом и обидел его. Брюс немедленно пожаловался Петру, и царь, заступаясь за Брюса, написал Ромодановскому: «Полно тебе с Ивашкою (то есть пьянством) знаться — быть от него роже драной». Ромодановский отвечал Петру: «Некогда нам с Ивашкою знаться — беспрестанно в кровях омываемся». Этим он указывал на свою трудную должность начальника Преображенского приказа, где ему ежедневно приходилось пытаться и допрашивать множество людей.

Преображенский приказ, это своеобразное следственное учреждение, принимавшее изветы (доносы) и проводившее рассле-

дование, создан Петром I в 1686 году в подмосковном селе Преображенском первоначально для управления Преображенским и Семеновским полками. Преображенским приказом стал называться с 1695 года и ведал наиболее важными судебными делами. С 1697 года получил исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям. С 1698 года, когда был открыт стрелецкий заговор Пушкина, Циклера и Соковнина, занимался массовыми процессами стрельцов. Караул в Москве заняли молодые петровские полки: Преображенский, Семеновский и Бутырский, а все дела по нарушению городского порядка и безопасности — о пьянстве, драках и прочем, а также о кормчестве, продаже табака — судились в Приказной избе села Преображенского. Поскольку приказ находился близ церкви Петра и Павла, появилась поговорка: «Живет правда у Петра и Павла». Начальником приказа стал ближний стольник и любимец Петра I князь Ф. Ю. Ромодановский, фактический правитель страны в отсутствие царя, носивший звание князя-кесаря.

Со временем дела Приказной избы разрослись и увеличились присоединением к делам полицейским уголовных дел, а изба получила название Преображенского приказа. В 1702 году вышел указ, которым повелевалось все дела о «слове и деле» пересылать также в Преображенский приказ, и с этого времени они стекались в одно место, тогда как прежде разбирались в Судном приказе.

Вопреки сложившемуся мнению, сам Петр I участия в пытках не принимал, хотя в расследовании политических дел участвовал. Он допрашивал замешанных в стрелецком бунте царевен Софью и Марфу, царевну Екатерину Алексеевну, присутствовал при допросе своего сына Алексея...

Приговоры же Петр выносил на основании документов, представленных ему приказом. Сохранилось более пятидесяти решений Петра за пять лет.

В помощь Преображенскому приказу он образовал судебную коллегия из бояр. Она давала советы главному судье и выносила решения по тем делам, которые он считал нужным поручить коллегии.

Петр I начинает коренную ломку всего старого строя. Боярская оппозиция растет. Страсти разгораются. Петр становится все подозрительнее и в каждом, даже пустячном пьяном слове готов видеть крамолу, проявление непокорства и стремление сделать ему наперекор. За каждой нелепой выходкой какого-нибудь пьяного мужика или солдата ему мерещится влияние бояр, сторонников старины. В ноябре 1702 года выходит царский указ: «Буде впредь на Москве и в Московский судный приказ каких чинов ни будь люди или из городов воеводы и приказные люди, а из монастырей власти присылать, а помещики и вотчинники

приводить людей своих и крестьян будут, а те люди и крестьяне учнут за собой сказывать «государево слово и дело», — и тех людей в Московском судном приказе, не расспрашивая, присылать в Преображенский приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. Да и в городах воеводам и приказным людям таких людей, которые учнут за собою сказывать «государево слово и дело», присылать к Москве, не расспрашивая».

Этим указом Петр, подчеркивая сугубую важность дел о государственных преступлениях требованием передавать все дела подобного рода в руки старого испытанного слуги Федора Ромодановского, положил начало стремлению изъять эти дела из порядка общей подсудности и создать для производства их какую-то исключительную обстановку, окружив их строгой тайной.

Стремление Петра, выраженное в указе 1702 года, было зерном, из которого шестнадцать лет спустя выросло новое государственное учреждение в России — Тайная канцелярия.

После указа прошло пятнадцать лет. Возникло дело несчастного царевича Алексея Петровича. 31 января 1718 года царевич воротился из-за границы в Россию, и на другой же день было начато следствие по обвинению его в измене и умысле против царя-отца. По воле Петра следствие было поручено главным образом графу Петру Андреевичу Толстому, потратившему немало усилий, хитрости и изворотливости, чтобы выманить царевича из-за границы и убедить его вернуться в Россию, и ведшему в Москве розыски по этому делу Андрею Ивановичу Ушакову. В помощь им были назначены капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, которому указом поручено было произвести обыск и арест в Суздале бывшей царицы Евдокии и ее предполагаемых единомышленников, и Иван Иванович Бутурлин.

День начала действий этой следственной комиссии был днем фактического возникновения и началом расцвета политического сыска в России. С этого момента широкой, все более и более разливавшейся волной покатылся по Руси возглас: «Слово и дело!» Возглас, неимоверно быстро приобретший себе право гражданства на Руси, вошедший в ее обиход и ставший одной из особенностей русской жизни XVIII столетия.

Россияне скоро постигли все грозное значение этого возгласа, и не было на Руси человека, начиная с самого захудалого бродяги и кончая обитателями боярских и даже царских палат, который не трепетал бы, заслыша эти слова.

Все, что творилось ранее в стенах Преображенского приказа, ведавшего до 1718 года делами по государственным преступлениям и проступкам «противным персоне Его Царского Величества», бледнеет по сравнению с застенками «Тайной розыскных дел Канцелярии» петровского времени.

Стоявшие во главе этого учреждения Петр Андреевич Толстой и Андрей Иванович Ушаков были мастерами и любителями своего дела. Петр знал, кому он поручал ведать таким важным и серьезным для него учреждением. Недаром же один из современников П. А. Толстого боярин Артамон Матвеев характеризует его как «в уме острого, великого пронырства и зла втайне исполненного».

С этими лицами — Толстым и Ушаковым — связан и в значительной степени определен характер нового учреждения первого периода.

Петр еще указом 25 января 1715 года широко раскрыл частной предприимчивости двери политического доноса и добровольного сыска, объявив, что «кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому государю или, пришед ко дворцу Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно, о следующем:

1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены.
2. О похищении казны.
3. О возмущении или бунте; а о прочих делах доносить, кому те дела вручены».

Этой возможностью широко воспользовались все, кто хотел так или иначе поправить свои дела, кто дрожал за собственную безопасность или надеялся таким путем смягчить назначенное ему за какую-либо вину наказание. Не стеснялся пользоваться ею и тот, кто хотел отомстить соседу, свести с ним счеты или просто занять его место.

Собиралась ли компания подвыпивших школяров, или праздновался шумно царский праздник, кутили ли офицеры, или вели между собой душепасительную беседу странницы-богомолки либо смиренные монастырские иноки — везде раздавалось внезапно, как удар грома в ясный день: «Слово и дело!»

П. А. Толстой и А. И. Ушаков не смущались нелепостью повода и, если никакого дела в действительности не было, старались создать его, вырывая под пытками признания в таких преступных замыслах, которые никогда и не снились обвиняемому.

К каким способам прибегали судьи в застенках, чтобы добыть истину или, вернее, нужные показания, лучше всего скажет следующий документ: «Обряд, как обвиняемый пыгается».

«Для пытки обвиняемых в преступлениях отводится особое место, называемое застенком. Оно огорожено палисадником и накрыто крышей, потому что при пытках бывают судьи и секретарь для записи показаний пытаемых, в силу указа судьи должны скрепить записи секретаря своими подписями, не выходя из застенка.

В застенке для пытки устроена дыба, состоящая из трех столбов, из которых два врыты в землю, а третий положен наверху, поперек.

Ко времени, назначенному для пытки, кат, или палач, должен явиться в застенок со своими инструментами, а именно: шерстяным хомутом, к которому пришта длинная веревка, кнутами и ремнем для связывания пытаемым ног.

По приходе в застенок судей, на кратком совещании устанавливается, о чем нужно спрашивать обвиняемого, которого конвой передает палачу.

Палач перекидывает длинную веревку через поперечный столб дыбы, потом закручивает пытаемому руки на спину, заправляет их в хомут и вместе со своими помощниками тянет за веревку до тех пор, пока человек не повиснет в воздухе. При этом у человека руки совсем выворачиваются из суставов и он испытывает сильную боль.

После этого палач связывает ноги пытаемого упомянутым выше ремнем, а другой конец последнего прикручивается к столбу, врытому в землю перед дыбой.

Растянув таким образом человека, палач бьет его кнутом, а секретарь подробно записывает каждое слово, сказанное под пыткой.

Если пытается человек, обвиняемый во многих и тяжких злодействах, и на дыбе он не винится в них, то, вправив ему кости в суставы, пытаются его еще иначе:

1. В тисках, сделанных из трех толстых железных полос, с винтами. Между полосами кладут большие пальцы пытаемого, от рук — на среднюю полосу, а от ног — на нижнюю. После этого палач начинает медленно поворачивать винты и вертит их до тех пор, пока пытаемый не повинится или пока винты больше вертеться не перестанут.

Тиски надо применять с разбором и умением, потому что после них редко кто выживает.

2. Голову обвиняемого обвертывают веревкой, делают узел с петлей, продевают в нее палку и крутят веревку, пока пытаемый не станет без слов.

3. На голове выстригают на темени волосы до голого тела, и на это место, с некоторой высоты, льют холодную воду по каплям. Пытку прекращают, когда пытаемый начнет кричать истошным голосом и глаза у него выкатываются. После этой пытки многие сходят с ума, почему и ее надо применять с осторожностью.

4. Если почему-либо нельзя первыми тремя пытками пытать, а человек на простой дыбе не винится, надо для обнаружения истины, когда он висит на дыбе, класть между ног на ремень, которым они связаны, бревно. На бревно становится палач или его помощник, и тогда боли бывают много сильнее.

Таких упорных злодеев надо через короткое время снимать с хомута, вправлять им кости в суставы, а потом опять поднимать на дыбу. При этом винятся многие, ранее очень упорствующие.

Пытать по закону положено три раза, через десять или более дней, чтобы злодей оправился, но если он на пытках будет говорить по-разному, то его следует пытать до тех пор, пока на трех пытках подряд не покажет одно и то же, слово в слово. Тогда, на последней пытке, ради проверки, палач зажигает веник и огнем водит по голой спине висящего на дыбе, и так до трех раз или более, глядя по надобности.

Когда пытки кончатся и злодей, повинившийся во всем, будет подлежать ссылке на каторгу или смертной казни, палач особо приспособленными шипцами вырывает у него ноздри и, сверх того, на щеках и лбу ставит знаки. Для этого он берет клейма, в которых острые железные спицы набиты словами, и сильно бьет злодея в лоб и щеки, а потом натирает порохом, после чего слова те бывают ясно видны навсегда».

Вот какими приемами триста лет назад добивались от людей признания, часто во мнимых преступлениях.

Застенки Тайной канцелярии

При Петре I Тайной канцелярии много хлопот доставил принятый им титул императора. Народ на Руси знал царей, бояр, слышал про «заморских королей», но самое слово «император» было для него совершенно чуждо. На этой почве происходили недоразумения, которые кончались трагически, когда вмешивалась Тайная канцелярия, впрочем, благодаря Петру виновные отделялись сравнительно дешево.

Начинались такие дела обычно с пустяков. Один украинец, например, проездом через город Конотоп изрядно выпил с каким-то солдатом, которого он встретил в кабаке.

Солдат предложил выпить за здоровье императора. Украинец, никогда не слышавший такого слова, обозлился. Он ударил кулаком по столу и крикнул:

— На кой нужен мне твой император?! Много вас таких найдется! Черт тебя знает, кто он, твой император! А я знаю праведного моего государя и больше знать никого не хочу!

Солдат бросился к своему началству, кабак оцепили, всех бывших там арестовали и под строгим караулом отправили сначала в Киев, в Малороссийскую коллегию, а оттуда, уже законными в ручные и ножные кандалы, — в Петербург, в Тайную канцелярию.

Началось громкое дело «о поношении Императорского Величества».

Украинец, по имени Данила Белоконник, был допрошен на дыбе и три раза показал одно и то же, слово в слово:

— Молвил я такие слова, не ведаючи того, что гренадер про государево здоровье пьет. Мыслил я, что пьет он какого боярина, кличка которому император. Не знал я, Данила, по простоте своей, что его царское величество изволит зваться императором.

Зато свидетели путались в показаниях. В момент совершения «преступления» все были пьяны, никто ничего толком не слышал, но дыба заставила их говорить, и бедняги кричали, что им приходило в голову. И более всего пострадали именно свидетели: пятеро из них умерли, не выдержав «неумеренной пытки», другие были сосланы в каторжные работы, и только двоим посчастливилось отделаться пыткой без дальнейшего наказания.

О самом «преступнике» состоялся такой приговор: «Данило Белоконник расспросом показал, что непристойные слова говорил он от простоты своей, не зная, что Его Величество — император. Знает-де он государя, а что у нас есть император — того он, Данило, не знает. И хотя два свидетеля показали сходно простоту Данилы, однако же без наказания вину Белоконника отпустить невозможно, для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежит. Того ради бить его, Белоконника, батогами нешадно, а по битье освободить и дать ему на проезд паспорт».

В царствование Петра многие оговоренные выходили из Тайной канцелярии на свободу, но бывали случаи, когда ни в чем серьезном не повинные люди обречались на тяжелые наказания просто по недоразумению, совершенно против воли царя.

Особенно характерен в этом отношении эпизод, о котором повествуют документы Тайной канцелярии за 1721 год. В общих чертах дело рисуется так. 27 июня 1721 года в Петербурге праздновалась двенадцатая годовщина победы под Полтавой. На Троицкой площади были выстроены войска, в обширной палатке совершалось торжественное молебствие в присутствии царя и его приближенных. Петр был одет в тот же мундир, в котором он вел свои войска на шведов: на нем был старый зеленый кафтан с красными отворотами, широкая кожаная португеза со шпагой, старая, сильно поношенная шляпа. На ногах — зеленые чулки и побуревшие от времени башмаки. Костюм царя так резко выделялся среди щегольских мундиров гвардии и богатых кафтанов придворных, что все зоры невольно были обращены на него.

За рядами гвардейцев толпился народ. Зрителями были усеяны все заборы и крыши домов.

В числе лиц, окружавших царя, был и герцог Голштинский, жених старшей царевны. По окончании молебна Петр хотел похвастаться перед дорогим гостем выправкой своих солдат. Он приказал гвардии выстроиться в колонну и сам повел ее парадным маршем мимо палатки.

В это-то время и произошел казус, которым долго пришлось заниматься Тайной канцелярии.

В толпе зрителей стоял мужичок Максим Антонов. По пути на торжество он завернул в кабак и изрядно выпил, благо накануне у его хозяина был расчетный день. На площадь Антонов явился сильно навеселе, или, как говорили в то время, «зело шумным».

Торжественная обстановка, пальба и колокольный звон ошеломили его, под влиянием солнца, припекавшего обнаженную голову, хмель стал бродить, затуманивал сознание, и Антонову захотелось чем-нибудь проявить свое восторженное состояние.

Под звуки музыки, с царем во главе, войска двигались по площади. Гремело «ура». Вдруг в пьяном мозгу мужичка мелькнула мысль, что он должен лично засвидетельствовать государю-батюшке свое почтение. Недолго думая он протиснулся вперед, прорвался сквозь цепь солдат, еле сдерживавших напор толпы, пробежал несколько шагов по площади и отвесил царю глубокий поясной поклон. Потом поклонился второй раз, третий. Один из адъютантов Петра подбежал к нему и оттащил в сторону. Антонова окружили солдаты. Но, по его глубокому убеждению, он недостаточно полно выразил свое почтение царю. Антонов развернулся и ударил одного из солдат в ухо. На Антонова накинудись другие солдаты. Прежде всего они старались отнять висевший на поясе небольшой ножик с костяной ручкой. Мужичок защищался с отчаянием пьяного, произошла свалка, через несколько минут Антонова связали по рукам и ногам и поволокли в Петропавловскую крепость, в Тайную канцелярию.

Через два дня Максим Антонов предстал перед грозным судом. Дело получилось серьезное, незаурядное: по свидетельству очевидцев, злодей, вооруженный ножом, кинулся на царя, имея злой умысел, а потому и следствие велось со всей строгостью.

Прежде чем начать допрос, беднягу «для острастки» три раза вздернули на дыбу и уже после этого стали предлагать обычные вопросы. Однако, несмотря на повторные пытки, вплоть до раздробления костей в тисках, Антонов не признал себя виновным в злом умысле. На все вопросы он отвечал одно и то же:

— Был зело шумен, хотел поклониться его величеству государю Петру Алексеевичу, иного умысла не имел, а нож у меня всегда висит на поясе, чтоб резать хлеб за едой. Дрался же потому, что меня неучтиво за шиворот хватали и нож отнять хотели.

Однако такие показания совсем не удовлетворяли судей, которым непременно нужно было создать «государево дело».

Принялись за других мужиков, работавших вместе с Антоновым. Все они попали в застенки Тайной канцелярии. Их пытали целую неделю, но все показывали одно и то же.

— Максим часто бывает «шумен», во хмелю «вздорлив», бранит кого приключится, и нас бранивал. Ни о каком его злом умысле никогда не слыхивали и ничего не знаем. А нож был при нем постоянно, но он им не дрался и только хлеб да, когда случится, убоину (мясо) резал.

Обо всех мужиках навели справки на родине, но и там ничего не дознались. Через два месяца пришлось их отпустить. Но трем из них свобода сулила мало отрадного: у них от «неосторожной» пытки были сломаны кости и работать они не могли...

Самого виновника этого переполоха периодически продолжали пытать, но уже без особого рвения, а просто «для порядка».

19 ноября 1721 года в ознаменование Ништадтского мира Петр издал манифест, в котором, между прочим, говорилось: «Чего ради генеральное прощение и отпущение вин во всем государстве явить всем тем, которые в тяжких и других преступлении в наказании впали или к оным осуждены суть...»

Но такого «тяжкого» преступника, как Максим Антонов, помилование не коснулось. Тайная канцелярия составила приговор: «Крестьянина Максима Антонова за то, что к высокой особе Его Царского Величества подходил необычно, послать в Сибирь и быть ему там при работах государевых до его смерти неотлучно».

Сенат утвердил приговор.

Воронежский подьячий Иван Завесин все свободное от работы время отдавал пьянству. В 1720 году, как и теперь, для этого веселого занятия требовались деньги. Завесин занимался разными махинациями, сутяжничал да ябедничал, несколько раз попадал в тюрьму, сначала провел там год, дальше уже более. У Завесина было несколько крепостных, и у одного из них проживал некий гулящий человек Худяков. Завесин, составив поддельные бумаги, записал этого Худякова в крепостные. Худяков поднял бучу, и заравшавшегося подьячего арестовали.

Так вот и жил Завесин: в сутяжничестве, в пьянстве да в арестах.

Случилось ему быть в Москве. Сначала, конечно, отправился в шинок. Нарезался изрядно, но еще на ногах держался. Понесло его в церковь, там уже кончалась обедня. Стоял Завесин спокойно, потом вдруг торжественно снял с чаши со святой водой крышку и надел ее на голову, вылив воду на пол. Прихожане набросились на подьячего, исколотили и свели в Земский приказ. Там его били кнутом.

Однажды сидел Завесин под арестом при воронежской губернской канцелярии за какие-то служебные провинности. Он отпросился навестить дядю, не застал его и вместе с конвойным пошел

в кабак. Вышли они оттуда нескоро и, тепленькие, проходили мимо надворного суда. Завесин решил зайти.

Там дежурил канцелярист, склонились над бумагами писцы.

— Кто ваш государь? — закричал пьяный Завесин канцеляристу.

Тот, видя странного человека и сопровождающего его солдата с ружьем, отвечал по всей форме:

— Наш государь — Петр Великий, император и самодержец всероссийский!

— А-а-а! Ваш государь... Петр Великий... а я холоп государя Алексея Петровича!.. и за него голову положу!..

Канцелярист остолбенел, едва хватило у него духу крикнуть: «Слово и дело!» Как государственный чиновник, он помнил указ:

«Где в городах, селах и деревнях злодеи и злыми словами явятся, их в самой скорости провожать в город к правителям, а тем правителям заковывать их в ручные и ножные железа, не расспрашивая, затем вместе с изветчиками присылать либо в Тайную канцелярию, либо в Преображенский приказ».

Каково было Завесину проснуться с похмелья утром в воеводском подвале, да еще в кандалах!

Его привезли в Москву, в Тайную канцелярию, снимать допрос.

— Ничего не помню, — лепетал подъячий, — ничегошеньки... А в трезвом уме никогда и ни с кем государственных противных слов не говаривал и от других не слышал... Со мною случается, что болезнь находит, бывало, я вне ума и что в то время делаю и говорю — не помню. Болезнь та со мной — лет шесть.

Навели справки: действительно, Завесин в пьяном состоянии делается неменяемым. Несмотря на это положили подъячего допросить «с пристрастием». Тайная канцелярия сомневалась: «Хотя он и говорит, что те слова не помнит, говорил ли, нет ли, за великим пьянством, но его расспроса за истину причесть невозможно; может быть, он, отбывая вину свою, не покажет самой истины без розыску... а при розыске спрашивать: с чего он такие слова говорил и не имеет ли он в них каких-нибудь согласников?»

Завесина пытали. Но что он мог сказать? Приговорили его к битью кнутом, привязали к столбам на Красной площади, палач высыпал двадцать пять ударов. После каждого за кнутом тянулась полоска кожи...

Отлежался Завесин и отправился домой, в Воронеж. Только перед этим расписку дал: «Ежели я впредь какие непристойные слова буду говорить, то по учинении жестокого наказания сослан буду на каторгу, в вечную работу, или учинена мне будет смертная казнь».

Отбilo ли это происшествие у него тягу к вину — неизвестно.

Теперь таких женщин не видно. Может быть, вывелись со временем или их держат в психбольницах? Но когда-то, обычно в церкви, можно было увидеть стоявшую подле дверей бабу, явно не в себе. Она морщилась, рот перекашивался; казалось, вот-вот упадет на пол и забьется в истерике. Вокруг нее образовывалась как бы зона некоей пустоты, отчужденности. Народ у нас с недоумением и боязнью относится ко всему непонятному. Раньше считали, что в человека вселился бес, и поэтому человек так себя ведет. Беса изгоняли. Нам известны костры европейской инквизиции. В России как будто было помягче. Позже в народе поняли, что это болезнь, — падучая, или, как называли ее в деревнях, родимчик.

Как запоят в церкви, так ее и начнет бить: дергается баба, слюною брызжет, на пол падает, ноги-руки судорогой сводит... Только минут через двадцать в себя придет.

Если при Иване Грозном на блаженных и юродивых смотрели как на святых, на прорицателей, то в петровское время власть их недолюбливала: народ смущают. За всякие бессмысленные слова, за пьяный бред Тайная канцелярия цеплялась как за антигосударственные действия.

Где уж было неграмотным бабам разбираться в высокой политике. Но власть обратила свое подозрительное око и на них. В 1720 году в московских храмах схватили трех кликуш: Авдотью Яковлеву — дочь хлебопека, Авдотью Акимову — купеческую женку да Арину Иванову — слепую из богадельни. Дело в том, что вышел царский указ: «Ни по церквям, ни по домам не кликать и народ тем не смущать». Бабы попадали под категорию государственных преступников.

Бедная Акимова показывала на допросе:

— В сем году точно я была в Успенском соборе и во время божественного пенья кричала нелепым голосом, лаяла собакою... Случилась со мною эта скорбь лет уж с сорок, еще младенцем. Находит она на меня в месяц по однажды, по дважды, по трижды и более, приключается в церквях и дома. Ведают о той скорби многие посторонние люди, а также духовник мой, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы, за Москвой-рекой. А буде я, Авдотья, сказала, что можно, и за то указал бы великий государь казнить меня смертью...

Послали за духовником. Старичок священник подтвердил:

— Не ведаю, кликала ли она в церкви, но, живучи у меня в дому, почасту лаяла собакою, кричала лягушкою, песни пела, смеялась да приговаривала: «Ох, тошно мне, тошно!»

Показывала Авдотья Яковлева:

— Кричала и я нелепым голосом в разных церквях и дома почасту: в храме Положения ризы Богородицы, иде-же лежат мощи

Иоанна Блаженного на Рву, да Козьмы и Демьяна в Нижних Садовниках. Кричала во время божественного пения, а по-каковски, того не упомяну. А та скорбь приключилась недавно, и с чего — не знаю.

— Довелось мне кричать нелепым голосом, — соглашалась Иванова, — было сие во время слушания чтения святого Евангелия в Никитском девичьем монастыре да в Тихвинской церкви в Сушеве; что кричала — того не ведаю, и была та скорбь со мной в богадельне по дням и ночам, приключилась она от рождения...

Тайная канцелярия решила их попытать.

Вздернули на дыбе Акимову:

— Не притворяешься ли? Кто научил тебя кричать?

— Ах, батюшка, кричала я лягушкой и лаяла собакой без приговору в болезни своей, а та болезнь у меня сорок лет, и как схватит — тогда ничего не помню... а кликать меня не научали.

Дали ей семь ударов кнутом. Подняли на дыбу Авдотью Яковлеву:

— Говори без утайки, по чьему наущению и с чего кликала?

— В беспамятстве кричала, болезнь у меня такая... ничего не помню...

Дали ей одиннадцать ударов кнутом, Ивановой — пять. Полежали кликуши пять дней в застенке, и опять их на пытку.

Авдотья Яковлева, плача, говорила:

— Вот и вчерашнего дня схватила меня скорбь та, кликанье. При караульном солдате упала оземь в беспамятстве полном...

Позвали вчерашнего часового.

— Заподлинно правда. Молилась эта баба в караульне равелиновой да вдруг вскочила, после упала, затряслась, и стало ее гнуть. Лежала замертво часа полтора — пришел я в страх немалый.

Это свидетельство спасло Яковлеву от наказания. Ее отпустили, а с супруга взяли расписку, что женка «во святых храмах кричать, кликать и смятения чинить не будет, под страхом жестокого штрафования кнутом и ссылки на прядильный двор в работу вечно».

А двум другим кликушам пришлось стать прядильщицами.

Смирный и скромного вида поп Козловского уезда Кочетовской слободы ездил в Москву по делам и пробыл там несколько недель. Никогда не бывший в столичных городах и ничего, кроме своей слободы, не видевший, поп заставил свою попадью прождать его долее, чем следовало, увлекшись представившемся ему, может быть единственным, случаем посмотреть на столичные диковинки.

Попадья так соскучилась по мужу, что успела уже попросить дьякона написать попу письмо и отослать его «с верною оказией».

Получив письмо, поп опомнился, ибо сообразил, что попадья его очень терпелива и если она решила даже письменно просить

воротиться, значит, очень уж соскучилась. И вот поп, покончивший все дела и досыта насмотревшийся на Москву, собрался домой к своей осиротевшей пастве.

Помимо известия об удачном окончании дел, поп повез домой целую кучу рассказов о Москве, ее редкостях и диковинках. Он видел много зданий, нескольких вельмож, о которых в его кочетовском захолустье ходили смутные и чудесные рассказы, видел даже вблизи самого царя Петра Алексеевича — чудо и загадку всей Руси! То-то много будет рассказов, когда соберутся соседи вокруг стола, то-то будет расспросов, аханья, оханья и удивления!

С такими мыслями подъехал поп к своему дому и брякнул скабейкой у калитки. В доме поднялась суматоха; матушка-попадья вышла встретить его и после радостных лобызаний не преминула укорить за долгое отсутствие.

— Вот ты, мать, буесловишь, якобы я позадавил на Москве, а я тебе скажу, что надо человека с умом, чтобы эти дела оборудовать в столице, — начал поп свое повествование, сидя за наскоро собранной закуской. — Столица-то, мать моя, не то что наш деревенский угол, в ней ходи да оглядывайся!..

Весть о приезде попа из Москвы разнеслась по слободе, и к вечеру все мало-мальски значительные кочетовские обитатели начали собираться к нему послушать рассказов о столице. Отдохнувший поп расхаживал из угла в угол, когда вошел к нему отец-дьякон, а потом и дьячок с пономарем.

Вскоре изба попа наполнилась народом, вопросы сыпались со всех сторон.

— А царя, отец, видел на Москве? — возник, наконец, самый интересный вопрос.

— Сподобился, друже, сподобился. Видел единожды, и по грехам моим в великое сумнение пришел, да надоумили добрые люди...

— Что же он?.. Страшен?

— Зело чуден и непонятен: ростом что бы мало помене сажени, лицом мужествен и грозен, в движениях и походке быстр, аки пардус, и всем образом аки иноземец: одеяние немецкое, на голове шапочка малая солдатская, кафтан куций, ноги в чулках и башмаки с пряжками железными.

Слушатели ахнули, и на попа снова посыпались вопросы: где видел, что тот говорил...

— А видел я царя, как он съезжал со двора князя Александра Даниловича Меншикова в колымаге. И мало отъехав, побежала за каретой со двора собачка невелика, собой поджарая, шерсти рыжей, с зеленым бархатным ошейничком, и с превеликим визгом начала в колымагу к царю проситься...

Слушатели навострили уши, боясь проронить хоть слово.

— И великий царь, увидя то, велел колымагу остановить, взял ту собачку на руки и, поцеловав ее в лоб, начал ласкать, говоря с нею ласково, и поехал дальше, а собачка на коленях у него сидела...

— Воистину чуден и непонятен сей царь! — пробасил отец дьякон и сомнительно покачал головой.

— Да не врешь ли ты, батька? — вернула свое замечание попадья, но поп только укоризненно посмотрел на нее.

— Своими глазами видел и еще усомнился — царь ли это? И мне сказали: «Царь, подлинно царь Петр Алексеевич». А дальше видел я, как солдаты честь ружьями колымаге отдавали.

Рассказ попа вызвал разные толки: кто удивлялся, кто осуждал царя.

— Ну подобает ли царю благоверному собаку в лоб целовать, погань этакую, да еще при народе!..

На другой день рассказ попа ходил уже по всей волости, а там пошел и дальше, и в народе началось некоторое смущение. Люди мирные покачивали головами, а злонамеренные и недовольные перетолковывали по-своему и находили подтверждение разговорам о «последних временах», «царстве антихристовом» и прочем.

Рассказ дошел, наконец, и до начальства. Смущенные власти стали доискиваться, откуда все пошло, и через несколько дней смиренный кочетовский поп был потребован по «важному секретному делу» в уездный город Козлов, а оттуда его отправили под крепким караулом в Москву.

Защемило сердце у попа. Однако как ни размышлял, не мог найти вины за собой. В Москве, кажется, он вел себя честно и благородно, в консисториях дела провел хорошо — что же это такое?

Только в Преображенском приказе разъяснилось дело, когда князь Ромодановский начал допрашивать попа: подлинно ли он говорил, что царь Петр Алексеевич собаку целовал?

— Видел подлинно! — утверждал поп. — Собачка рыженькая и ошейничек зеленый бархатный с ободком.

— А коли видел, чего ради распространяешь такие предерзостные слухи?

— Государь сделал это не таяся, днем и при народе, — оправдывался поп. — Чаятельно мне было, что и зазорного в том нет, коли рассказывать.

— А вот с твоих неразумных рассказов в народе шум пошел. Чем бы тебе, попу, государево спокойствие оберегать, а ты смуты заводишь, нелепые рассказы про царя говоришь!.. Отвечай, с какого умыслу, не то — на дыбу!

Тут уж поп струсил не на шутку, поняв свою простоту и дога-

давшись, что дешево от Преображенского приказа не отделаешься.

— С простоты, княже, с сущей простоты, а не со злого умысла! — взмолился кочетовский поп перед Ромодановским. — Прости, княже, простоту мою деревенскую! Каюсь, как перед Богом!

— Все вы так говорите — с простоты! А я не поверю да велю на дыбу вздернуть!

Однако попа на дыбу не подняли, а навели о нем справки, и когда оказалось, что кочетовский поп — человек совсем смиренный и благонадежный, а коли говорил, так именно «с сущей простоты», то приказано было постегать его плетью да и отпустить с наказом — не распространять глупых рассказов.

— Это тебе за простоту, — сказал ему Ромодановский, отпуская домой, — не будь впредь прост и умей держать язык за зубами. С твоей-то простоты чести его царского величества поруха причинялась, и ты еще моли Бога, что дешево отделался. Ступай же и не болтай!

Невесел приехал поп домой и, когда снова слобожане собрались было к нему послушать рассказов, ворота на шеколду запер, и сам не показывался.

И долго еще приходилось попу отделяться при встречах с любопытными общими фразами, а если речь заходила о царе, он в страхе только руками махал и бежал прочь...

Дыба и кнут

В январе 1725 года царь Петр I скончался, но созданная им Тайная канцелярия продолжала существовать.

На престол вступил Петр II, сын царевича Алексея Петровича, не умевшего ладить со своим суровым отцом. Внук Петра Великого начал свое царствование с того, что стал беспощадно преследовать всех, кто пользовался расположением деда. Двенадцатилетний царь, несмотря на юный возраст, был довольно самостоятелен, но, кроме того, его окружали люди, имевшие много причин для враждебного отношения к друзьям покойного императора.

Тюрьмы переполнились, одного застенка в Петропавловской крепости оказалось мало, пришлось устроить второй, на Петербургской стороне, по Колтовской улице. Там же на обширном дворе хоронили колодников, не выдержавших мучений или умерших в тюрьме.

В тюрьмах того времени смертность достигала чудовишных размеров. Тогда не было принято вести особые книги, по которым можно точно определить, сколько арестованных содержалось

в той или иной тюрьме, но, судя по дошедшим до нас отрывочным сведениям, можно предположить, что из ста колодников доживали до приговора или освобождения не более двадцати. Таким образом, смертность доходила до восьмидесяти процентов.

Человек, попавший в Тайную канцелярию, считался обреченным на суровое наказание, в нем видели тяжкого преступника, а если он не сознавался, судьи относились к нему еще суровее. Поэтому никто не находил нужным заботиться о «заведомых злодеях», и люди, часто ни в чем не повинные, должны были терпеть двойную пытку: в застенке и в тюрьме.

Алухов, секретарь князя Меншикова, перенесший несколько пыток и затем, в виде особой милости, сосланный в Сибирь на поселение, провел в тюрьме более года. В оставшихся после него записках он нарисовал жуткую картину такой тюрьмы.

Изящный, хорошо образованный молодой человек был посажен в подземелье, стены которого обросли толстым слоем зловонной плесени. Свет в эту яму проникал сверху, через крошечное отверстие, закрытое толстыми железными прутьями и почти сплошь затканное грязной паутиной. Сквозь это отверстие свободно проникал дождь, и нередко в яме вода стояла на вершок от пола.

Так как выходить колодникам не дозволялось и им не полагалось даже простого ведра, то земляной пол всегда был покрыт испражнениями, которые вычищались один раз в год — перед Пасхой.

Кормили колодников плохо. Утром им бросали куски заплесневелого хлеба, причем на каждого заключенного приходилось не более двух фунтов, на всех полагался один кувшин воды в день. В большие праздники кроме хлеба бросали куски вареных говяжьих отбросов. Если случались подавания — бросали и их. Но даже это подобие пищи доставалось не всем. Более здоровые и сильные завладевали лучшими кусками и были сравнительно сыты, в то время как больные и измученные пытками оставались совершенно голодными и умирали от истощения.

Для сна полагалась солома, не сменявшаяся по несколько месяцев и от грязи превращавшаяся в вонючую массу. Казенной одежды колодникам не полагалось, а о смене и стирке белья они не смели и мечтать. Если к этому добавить, что сами колодники считали себя обреченными на постоянные пытки и в «счастливом случае» могли надеяться разве только на ссылку в далекую Сибирь, то высокая смертность среди них станет вполне понятной.

В начале 1860-х годов на месте, где прежде находилось отделение Тайной канцелярии, рыли землю для какой-то постройки и нашли много скелетов в ручных и ножных кандалах. Несчастных колодников не считали нужным расковырять даже после смерти...

При Петре I канцелярия имела дело почти исключительно с людьми низших сословий. В случае, когда обвинялись военные либо люди, более или менее близкие к верхам, допрос чинили доверенные лица.

Петр II считал такой порядок лишним. При нем в застенки отправляли всех без различия; исключение делалось редко: когда обвиняемый стоял слишком на виду. Одним из этих немногих «счастливых» был князь Александр Данилович Меншиков, самый близкий к Петру I сановник. Его не пытали, а по личному распоряжению царя без суда и следствия сослали в Сибирь, в глухой городишко Березов. Там князь и умер. Зато было приказано всех, близко соприкасавшихся с князем, пытать до крайности, и, вероятно, не один из этих без вины виноватых был похоронен во дворе застенка.

Вообще за три года царствования Петра II у Тайной канцелярии было очень много дел, начатых по его личному указанию.

Отправляя в ссылку и бросая в застенки сподвижников своего деда, Петр II старался окружить себя людьми, не пользовавшимися милостью у Петра I. Эти новые любимцы, в свою очередь, спешили свести личные счеты со своими врагами. Государь, до вступления на престол живший в опале, видел от людей мало хорошего. Он был очень подозрителен и почти никому не доверял. Достаточно было лишь намек, что кто-то затевает заговор или даже просто отзывается о нем не совсем почтительно, как тотчас Тайной канцелярии отдавался приказ произвести расследование. Если же заподозренный имел несчастье еще раньше навлечь на себя немилость царя, то в приказе предписывалось пытать «жесточайше» и через короткое время доносили, что такой-то «во время допроса с пристрастием волею Божией помре».

Князь Яков Шаховской в своих «Записках» рассказывает о такой «жесточайшей» пытке.

Допрашивали Данилу Свешникова, родственника князя А. Г. Долгорукова. Петр II намеревался жениться на дочери князя Екатерине Алексеевне и вдруг узнал, что за ней ухаживает гвардии сержант Данила Свешников. Нашлись услужливые люди, донесшие, что Свешников подготавливает в гвардии бунт, чего на самом деле не было.

Ко времени пытки оговоренного в крепостном застенке, кроме судей и секретаря, собрались высшие гражданские чины: дело было чрезвычайной важности. Ввели Свешникова. На нем еще был гвардейский мундир. Бледный, он испуганно озирался. Помощники палача умелыми руками быстро раздели его донага и подвели к дыбе.

Допрос начался.

Завернув Свешникову руки за спину и вправив в хомут, палач дал знак, его помощники натянули веревку, хрустнули кости, и за-

стенок огласился нечеловеческим криком. Судьи задавали вопросы, но пытаемый из-за страшной боли не мог отвечать. Его опустили на землю, вправили вывихнутые в плечах руки и спросили, с кем он вел уговор против «царского величества». Что заговор существовал, считалось установленным. Свешников, только теперь узнавший, в чем его обвиняют, стал клясться, что ни о каком заговоре не знает, а потому не может назвать и соучастников. Его вторично подняли на дыбу, но на этот раз последовал приказ «встряхнуть».

Князь Шаховской, не раз присутствовавший на рядовых пытках, пишет, что трудно себе представить что-либо страшнее такого «встряхивания»: веревку слегка отпустили, затем сразу натянули, и раздался хруст костей, переломленных в локтях. Свешников уже не кричал, а только бессмысленно мычал. Его опустили на землю, вправили плечевые суставы сломанных рук и снова начали допрашивать. Но он едва держался на ногах и вряд ли понимал вопросы.

— Железо! — скомандовал старший судья.

Сержанта прикрутили ремнями к длинной скамье, палач взял клещи, достал из печи небольшой железный брусок, раскаленный докрасна, и стал им медленно водить по подошвам пытаемого. В застенке запахло поленым мясом.

Судьи опять задали вопрос и опять не получили ответа. Палач достал другой брусок и стал прижигать Свешникову грудь и живот.

Свешников впал в беспамятство. Его несколько раз обливали водой. Он очнулся, но не совсем понимал, что с ним делают, глядел мутными глазами. Сам палач был смущен и вопросительно поглядывал на судей. Было ясно, что при таком состоянии обвиняемого продолжать допрос бесполезно. Но судьи так не думали. Пытка продолжалась. Свешникову загоняли гвозди под ногти, капали на спину кипящей смолой, затем железными тисками раздробили пальцы на ногах — он молчал. Наконец сам Толстой заявил, что на этот раз достаточно. Свешникова подняли и только тут увидели, что он уже мертв.

Такая поспешность, однако, не понравилась Петру II. Выслушав доклад, он нахмурился, резко сказал: «Дураки!» — и повернулся спиной.

Смерть Данилы Свешникова не принесла Петру II никакой пользы: государь скончался, не успев обвенчаться с княжной Долгоруковой. Он умер в январе 1730 года, а через пять месяцев князь Алексей Долгоруков со всей семьей, в том числе и с нареченной невестой покойного государя, отправился в ссылку в Сибирь.

На российский престол придворными чинами была избрана Анна Иоанновна, племянница Петра Великого. Новая императ-

рица всегда относилась враждебно к Петру II и поспешила приблизить к себе людей, до тех пор бывших в опале или, по крайней мере, не одобрявших поступков покойного.

Трон окружили новые люди, и это, между прочим, сказалось и на сыске.

Анна Иоанновна до вступления на престол была герцогиней Курляндской. Естественно, что она пригласила к петербургскому двору многих курляндцев, сумевших заслужить ее расположение в Митаве. Среди этих людей первое место занимал Эрнст Иоганн Бирон, произведенный новой императрицей в герцоги. Бирон пользовался почти неограниченной властью. Чуждый всему русскому, даже плохо говоривший по-русски, он не доверял петербургской Тайной канцелярии и устроил свою, курляндскую, где допрашивались и пытались все заподозренные в неблагожелательстве к нему, Бирону, и другим курляндцам. Императрица оставалась совершенно в стороне, она вела рассеянную веселую жизнь и только подписывала то, что ей подсовывал Бирон.

* * *

Императрица Анна Иоанновна, скончавшаяся в октябре 1740 года, назначила своим наследником Иоанна, сына Антона Ульриха, герцога Брауншвейгского, и Анны Леопольдовны, внучки царя Ивана (брата Петра I) по его дочери Екатерине.

Ко дню кончины императрицы Иоанну Антоновичу едва исполнилось два месяца, а потому за его малолетством по воле Анны Иоанновны был назначен регент. Им стал Бирон. Так что в управлении страной ничего не изменилось и Тайная канцелярия могла свободно продолжать заниматься делами о болтливых старушках и энергичных солдатках. Но уже через месяц совершился дворцовый переворот, встряхнувший всю Россию. Бирона, сумевшего заслужить ненависть русских, свергнул фельдмаршал Б. К. Миних, прославившийся победами над турками. Официальной регентшей была объявлена Анна Леопольдовна. Хотя Миних был тоже из немцев, от него все же ждали, что он разгонит курляндцев, плотной толпой заслонивших императорский трон от народа. И в первое время эти надежды как будто начали сбываться.

С начала 1741 года застенки Тайной канцелярии наполнились невиданными до сих пор колодниками, почти не говорившими по-русски. Это были курляндцы, ставленники Бирона, обвиняемые во всевозможных преступлениях, начиная от простых краж и кончая государственной изменой. Для допроса этой толпы иноземцев пришлось даже приглашать особых переводчиков, которых во избежание разглашения застеночных тайн держали в одиночном заключении.

Одним из первых допрашивался двоюродный брат герцога Бирона, носивший высокий чин капитана Преображенского полка. Ему было предъявлено крайне серьезное обвинение: по сведениям Миниха, он подготовлял переворот в пользу брата, предполагалось, что он хотел, отравив Иоанна Антоновича, обвинить в его смерти Анну Леопольдовну, заточить ее в монастырь и, опираясь на войска, провозгласить российским императором герцога Бирона. Обвинение это, конечно, было вздорное, потому что русские войска не поднялись бы на защиту захватных прав курляндца, но Миниху нужно было создать что-нибудь крупное, чтобы оправдать им самим произведенный переворот.

Когда капитан Бирон вошел в застенок, судьи невольно переглянулись. Никогда прежде здесь не появлялся такой преступник. Бирон, рослый красавец, одетый в преображенский мундир, переступил порог с высоко поднятой головой. Сопровождавшие его двое конвойных солдат были смущены и, видимо, чувствовали себя неловко. Капитан остановился у порога, прищуренными глазами посмотрел на судей и хорошо знакомых ему военных, жавшихся к стене, презрительно сказал: «Sapperlott! Хороший компаний!» — и твердыми шагами направился к палачу.

Пока Бирона раздевали, в застенке царило томительное молчание. Первым очнулся Ушаков, старший из судей. Он наклонился к своим товарищам и довольно громко сказал: «Помните, приказано костей не ломать, на руках и лице знаков не оставлять. А об остальном мы постараемся».

И действительно, постарались.

Раздетого Бирона прикрутили к широкой доске и стали пытаться особым, утонченным способом. У него медленно, с полным знанием дела вырезали на коже маленькие квадраты, отдирали кожу, а рану присыпали солью. Сначала эту операцию произвели у него на груди, потом на боках, в паху...

Судьи предлагали вопросы, палачи старательно делали свое дело, но Бирон молчал. Только лицо его, то сине-багровое, то мертвенно-бледное, да скрип зубов говорили о нечеловеческих муках, которые ему приходилось переносить.

Видя, что «шашечки» не помогают, Ушаков распорядился «посмолить». Палачи достали из печи небольшие чугуны с кипящей смолой и стали каплями лить ее на обнаженное от кожи мясо. Когда на кровавую рану упала первая капля, Бирон дико вскрикнул, рванулся, широко раскрыл глаза, потом снова затих. Шипя на живом мясе, падала капля за каплей, далеко во все стороны брызгала кровь, но пытаемый не шевелился. Он был в беспамятстве.

После краткого совещания судьи решили продолжать допрос. Бирона несколько раз облили холодной водой, привели в чувство

и стали допрашивать без новой пытки. Первый вопрос остался без ответа. Когда судья повторил его, Бирон с огромным трудом повернул голову и плюнул в сторону судей. Возмущенные, они велели продолжить пытку.

Три раза терял Бирон сознание — его отливали водой. Наконец, четвертый обморок, длившийся около получаса, испугал истязателей, и полумертвого капитана отнесли в «секретную» камеру.

В это время Тайная канцелярия была завалена делами и два застенка работали круглые сутки.

По распоряжению Миниха трем главным судьям — Толстому, Ушакову и Писареву — было присвоено звание инквизиторов.

Тайная канцелярия прилагала все усилия, пытаясь найти нити хоть какого-нибудь политического заговора, чтобы оправдать действия фельдмаршала, но все было напрасно. Самые жестокие пытки не могли заставить курляндцев сознаться в том, что было нужно Миниху. А в своем рвении инквизиторы перестарались. Один из курляндских баронов, изувеченный в застенке, дал в состоянии полубреда нечто вроде признания и оговорил князя Сергея Путятина, одного из наиболее влиятельных вельмож того времени. Именитого князя схватили, жестоко пытали и, может быть, запытали бы до смерти, если бы за него не вступилась влиятельная родня.

Миних, которому уже успела надоесть возня с мнимыми заговорщиками и который чувствовал себя в роли фактического регента довольно прочно, призвал во дворец всех трех инквизиторов, накричал на них, изругал и велел «прекратить болванское занятие, от коего по Российскому государству смута сеется». В заключение он приказал немедленно освободить положительно всех, привлеченных по грандиозному делу о заговоре. Но сделать это было невозможно, поскольку две трети побывавших в застенках имели слишком «явные улики» против Тайной канцелярии. Состоялось особое совещание инквизиторов и младших судей, на котором решили отпустить лишь тех, кто не изувечен и не обезображен пытками, остальных же «продолжать допрашивать с пристрастием, как особо подозрительных». Освободили 80 человек. Об остальных донесли, что «Тайная канцелярия питает сугубые надежды изобличить злодейства оных».

Освободив Россию от курляндцев, Миних не мог воспрепятствовать вторжению в столицу родственников младенца-императора, брауншвейгцев, во главе с самим принцем Антоном Ульрихом, ближайшим советником которого стал канцлер Остерман, немец, недаром прозванный старой лисой.

Среди гвардии росло недовольство, которым умело воспользовалась цесаревна Елизавета, дочь Петра I.

В ноябре 1741 года Елизавета Петровна подняла гвардию, арестовала Иоанна Антоновича и его родителей, Миниха, Остермана и других и вступила на отцовский престол.

Уже в декабре начались допросы сторонников Бирона, которого тогда же отправили в ссылку, в сибирскую деревню Пелым.

Императрица Елизавета Петровна, не любившая курляндцев, приказала схватить тех из них, кто был привлечен к следствию по распоряжению Миниха. Застенки опять наполнились курляндцами, но уже не теми, успевшими познакомиться с дыбой и кнутом — те успели бежать на родину, а другими, ни в чем не повинными.

Снова полились потоки крови, захрустели кости.

Через десять месяцев после ссылки Бирона в тот же Пелым отправился его недруг Миних. У Тайной канцелярии на руках оказались новые дела: «О злоумышлениях бывшего фельдмаршала фон Миниха на здоровье принца Иоанна Антоновича, герцога Брауншвейгского» и «О происках бывшего канцлера графа Остермана».

Сами названия обоих дел настолько неопределенны, что давали полный простор инквизиторам, которые поняли свою задачу просто: они организовали целый штат шпионов, днем и ночью шнырявших по Петербургу. Стоило такому агенту подслушать разговор, в котором, пусть и косвенно, выражалось сочувствие Бирону, Миниху или Остерману, и неосторожные собеседники попадали в застенки и вносились в список государственных преступников.

В конце 1742 года Тайной канцелярии пришлось начать розыск еще по одному делу, едва ли не самому серьезному из всех, которыми она когда-либо занималась: императрица Елизавета Петровна назначила наследником российского престола принца голштейн-готторпского (Петра III), сына своей родной сестры, герцогини Анны Петровны.

И вот создался обширный заговор, целью которого было добиться назначения наследником Иоанна Антоновича, уже занимавшего престол после Анны Иоанновны.

Тайная канцелярия оставила в покое иноземцев и всецело отдалась уловлению русских, стремившихся к изменению порядка престолонаследия. И снова наряду с серьезными арестами и допросами начинались курьезы, нередко кончавшиеся трагически. Пример тому — дело некоего прапорщика Бутрова.

Началось с пустяков: прапорщик очень любил выпить и не пропускал ни одного сколько-нибудь удобного случая, когда можно напиться до бесчувствия «на законном основании». Такой случай ему представился накануне Троицына дня. По его глубоко-му убеждению, всякий верующий человек должен встречать праздник в радости, то есть в подпитии.

Проснувшись утром в праздник, «верующий человек» сделал неприятное открытие: добрая баклага вина, оставленная им накануне на похмеле, исчезла неведомо куда. Впрочем, не совсем неведомо, ибо прапорщик имел веские основания подозревать в похищении драгоценной посуды свою жену, постоянно ругавшую его за пьянство. Он «со всею вежливостью» попросил жену дать ему похмелиться, но та решительно отказала.

Жил прапорщик в своей крошечной усадьбе, кабаков поблизости не было, вином приходилось запасаться загодя и, таким образом, оставалось надеяться единственно на милость жены. Но та была неумолима. Тогда огорченный супруг прибегнул к испытанному средству: набросился на жену с кулаками. Но она отлично знала его привычки и приняла меры: схватила ухват и стала обороняться. Битва грозила принять серьезные размеры, единственной свидетельницей вооруженного столкновения была служанка Авдотья Васильева. Опасаясь, что господа изувечат друг друга, она выбежала на крыльцо и отчаянным голосом стала звать единственного дворового человека Бугровых — Василия Замятина. Когда последний вошел в комнаты, там уже наступило перемирие, прапорщик лежал на печи, а жена его сидела на лавке и причитала:

— И чего ты пьешь да буянишь, аспид ты окаянный! Пьешь да безобразничаешь, в среду да в пятницу блудишь, и никакой пропасти на тебя нет. Чай, ни один басурман поганый того не делает!

— Ан врешь! — мрачно отозвался с печи жаждавший опохмелиться Бугров. — Басурмане еще и не то делают. Вот, пожди, навяжут нам в цари басурмана голштинского, коли не удастся отстоять батюшку Ивана Антоныча, тогда и ты обасурманишься...

Замятин обомлел. Еще накануне проезжий офицер читал в деревне бумагу, чтобы все, кому ведомы речи, супротивные назначенному государыней наследнику, о том немедленно доносили начальству. За праведный донос бумага сулила всякие милости, а за утайку — кнут да рваные ноздри. Поразмыслив, мужичок отправился в деревню посоветоваться с друзьями и пропал. А через неделю наехал на хуторок всякое начальство, посадило прапорщика с женой на телегу и повезло их прямо в Петербург.

Начался допрос, и, по обычаю, «с пристрастием». При первом же вздергивании на дыбу Бугров повинился, подробно рассказал, как было дело, и клялся, что «иных важных предрезостных и непристойных слов ни допрежь, ни после того не было; про наследника с женой никогда не говаривал, а что им сказано, то спроста да спьяну, а ни в какую силу».

Все-таки «для прилику» прапорщика несколько раз подняли на дыбу, а жену его допросили даже без пытки, ограничились тем, что ввели ее в застенок, где она сразу упала в обморок.

Тайная канцелярия постановила:

«Прапорщика Николая Бугрова за глупые и непристойные слова бить батогами нещадно, затем отпустить. Жене его, Наталье, дать в застенке пять ударов кнутом за то, что слыша мужние речи, не донесла о них. А доносителю Василию Замятину за его извет дать паспорт, в котором написать, что ему, Василию, с женой и детьми от Бугрова быть свободну и жить, где похочет».

Вообще, в первые годы царствования Елизаветы Петровны, когда еще был страшен призрак свергнутого младенца-императора, доносчики неизменно награждались даже в тех случаях, когда изветы оказывались не только вздорными, но и явно лживыми.

Среди колодников Петропавловской крепости был некий Камов, которому неминуемо грозила сибирская каторга. Здоровый парень, бывший дворовый графа Разумовского, случайно попавший в солдаты. Четырнадцать лет тащил он лямку, принимал участие в нескольких походах и всюду выделялся своей старательностью и смышленостью. Между прочим, в мирное время он в совершенстве изучил токарное ремесло, и это погубило его.

Как способного мастерового, Камова из полка перевели в Петербург, где адмиралтейство нуждалось в опытных рабочих руках. Там он сразу занял положение мастера и уже мечтал о том времени, когда сможет выписать к себе, с разрешения добряка Разумовского, жену, как вдруг ничтожный случай положил конец его мечтаниям.

Камов любил выпить с приятелями. Однажды, немного подгуляв, он продал кабатчику какой-то медный точильный инструмент. Протрезвившись, он решил бежать, потому что за утрату казенного добра ему грозило суровое наказание. Однако его скоро поймали и определили в особую мастерскую, где работали исключительно штрафованные. Через месяц Камов снова бежал и поселился у свояка, дворцового повара. Рискуя, свояк дал ему приют, всячески уговаривал явиться к начальству и повиниться. В благодарность за все заботы повара Камов обокрал его, начал кутить и был задержан в кабаке, когда пытался сбыть серебряное блюдо с дворцовым клеймом.

До суда Камова поместили в каземат Петропавловской крепости вместе с другими уголовными колодниками.

В то время уголовных колодников не кормили за казенный счет и предоставляли им самим заботиться о собственном пропитании. С этой целью их отпускали в город за подаванием. Выводили в цепях.

После одной такой прогулки Камов заявил караульному, что хочет сделать важное сообщение. Его привели в канцелярию крепости, и там он заявил следующее:

— Сегодня, войдя во двор дома Шестерицына, что на Слободской улице, увидел я сержанта комендантского полка Бирюкова,

ведшего беседу со стряпчим того дома. Говорил Бирюков, что надо извести немецкого подкидыша и добиться, чтобы российский престол занял наш исконный государь Иван Антонович. И тогда только можно будет честно службу нести, а сейчас, когда надо ждать нашествия немцев, служить тошно.

Колодника Камова немедленно переправили в Тайную канцелярию, куда скоро доставили и сержанта Бирюкова. Допрос начался с последнего. И тут выяснилось любопытное обстоятельство: оказалось, что в тот день, когда Камов слышал разговор, Бирюков по служебным делам находился в Москве, а стряпчий был болен и лежал в постели. Вызванные свидетели подтвердили это.

Когда у Камова потребовали объяснений, он развязно заявил, что мог и обознаться, но что «разговор тот офицера с человеком, одетым во фризовую шинель, он сам слышал, и именно в тех словах, кои передал своему начальству».

Его пытали «не наседливо» — он оставался при том же показании. Тогда, чтобы поддержать ревность доносчиков, Тайная канцелярия постановила отпустить Камова на все четыре стороны за его преданность государыне, а сержанта комендантского полка Бирюкова, также освободив, держать под сильным подозрением...

Донос в то время процветал как никогда, и тем не менее главных виновников не удавалось обнаружить. Как всегда, помог случай, и нити заговора обнаружились без всякого содействия Тайной канцелярии.

В то время трехлетний Иоанн Антонович с матерью и отцом находился под сравнительно слабым надзором. Князь А. М. Черкасский, один из ближайших советников Елизаветы, неоднократно рекомендовал ей приказывать вскрывать письма, которыми Анна Леопольдовна обменивалась со многими близкими ко двору лицами, но императрица считала такие меры нечестными, унижающими ее достоинство. Тогда князь самостоятельно взялся за просмотр переписки, и скоро у него в руках собрались неопровержимые улики против Лопухиных, Бестужевых, Путятиных и других, письменно уверявших бывшую регентшу, что Иоанн Антонович во что бы то ни стало займет российский престол.

Это глубоко возмутило Елизавету Петровну. Она прежде всего распорядилась, чтобы всю семью Иоанна немедленно перевезли в более удаленный от столицы Ранненбург, а затем поручила Черкасскому произвести дознание «по всей строгости».

В середине XVIII века, когда пытка считалась вполне дозволенным и надежным средством для «отыскания истины», судьи-инквизиторы очень мало считались с положением допрашиваемых, особенно в случаях, когда допрос чинился по приказанию свыше, а не по собственному почину Тайной канцелярии. Но допрос лиц, уличенных в агитации в пользу воцарения малолетнего

Иоанна Антоновича, превзошел, кажется, все, что до того времени видели петербургские застенки.

В уверенности, что избыток усердия в этом деле встретит только одобрение, заплечных дел мастера довели пытку до последней степени утонченности. Они пытали больше нравственно, чем физически, и действительно достигли блестящих результатов: почти все заподозренные признались не только в том, в чем их обвиняли, но и в проступках, о которых обвинители не сказали ни единого слова.

Допрос начался в июне 1743 года. В застенках Петропавловской крепости одновременно привели Сергея Лопухина с женой, их сына Николая и его невесту, девицу Анну Зыбину.

Первым раздели Николая Лопухина, вправили ему руки в хомут и «слегка» подняли на дыбу. Услышав хруст костей, Зыбина упала в обморок. Ее оставили в покое и принялись за юношу. Он с поразительным терпением выносил боль и вполне сознательно отвечал на все вопросы. После формальных вопросов о звании, возрасте и тому подобном судьи спросили, участвовал ли он в заговоре против государыни Елизаветы Петровны. Лопухин твердо отвечал:

— Нет!

Стремился ли он посадить на царство брауншвейгского принца Иоанна?

— Нет! Я желал и желаю видеть на российском престоле его величество государя императора Иоанна Антоновича!

Главное было сделано, требовалось еще вывести имена сообщников. Но на все дальнейшие вопросы юноша упорно отмалчивался. Его «встряхивали», вытягивали на ремнях, били кнутом, но все напрасно. Старики Лопухины стояли, скованные каким-то столбняком. Судьи поглядывали на них выжидательно. Наконец Ушаков, руководивший допросом, громко, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Жаль молодца! Все кости ему переломают. Вот ежели бы сообщники выискались, сейчас и пытке конец. Отпустили бы его.

Сергей Лопухин выступил вперед, хотел что-то сказать, но не успел. Его предупредила Анна, только что очнувшаяся от обморока. Молодая девушка, дико озираясь, сидела на грязном полу и старалась понять, что вокруг нее делается. Последние слова инквизитора молнией пронизали ее мозг. Она вскочила, бросилась к судейскому столу и иступленно закричала:

— Отпустите его! Я сообщница!

Николая сняли, вправили суставы, туго стянули ноги и руки и положили у стены, лицом к дыбе. Затем раздели Зыбину, впадшую в полубессознательное состояние, и стали пытать ее. Девушка, казалось, не чувствовала боли. На все вопросы она равнодушно отвечала:

— Я его сообщница. Пустите его.

Юноша метался по полу, стараясь разорвать ремни. Напрасно он кричал, что Зыбина ни в чем не виновата, что она оговорила себя. Неумолимые судьи продолжали допрашивать девушку, требуя назвать других соучастников.

Сергей Лопухин умолял пощадить Анну и допросить его, но Ушаков знал, что делал. Секретные сведения, доставленные в Тайную канцелярию, указывали на Николая Лопухина как на одного из главных руководителей заговора; его невеста и родители обвинялись только в соучастии, да и то косвенном. Опытный инквизитор действовал с верным расчетом: молодой Лопухин мог выдержать собственные муки, но пытка невесты развязала ему язык. Он крикнул:

— Не мучьте ее! Я все скажу!

Анну спустили на пол. Николай Лопухин с лихорадочной поспешностью стал давать показания. Он называл десятки имен, указывал мельчайшие подробности заговора, не щадил никого. Секретарь едва успевал записывать. Допрос длился более двух часов. Наконец все устали. Судьи отправились обедать, Николая Лопухина и Анну Зыбину отвели в их камеры, а после перерыва началась пытка Лопухиной в присутствии ее мужа.

И опять посыпались показания, на этот раз — ни на чем не основанные, наскоро придуманные, вызванные исключительно одним горячим желанием спасти от мучений близкого человека...

Таким же образом были добыты показания князя Ивана Путятина, при котором пытали огнем его единственную дочь. Графиня Анна Гавриловна Бестужева оговорила всех, кого помнила, когда при ней подняли на дыбу ее брата Ивана Мошкова. Словом, новый способ применения пытки дал богатый материал для дальнейшей следствия: к делу о заговоре оказались привлеченными несколько сот человек, из которых огромное большинство было виновато разве только в том, что их имена вспомнили люди, доведенные до отчаяния.

В течение месяца тюрьмы Тайной канцелярии переполнились еще более, чем при расследовании бироновского дела. Судьи запутались в показаниях оговоренных до такой степени, что слова одних записывали в листы других, и, наконец, при проверке этого следственного материала были найдены такие курьезы, как показания некоего Александра Топтова, клятвенно утверждавшего, что никогда он не слышал о существовании Александра Топтова, а в показаниях одного гвардейского офицера отмечено: «В камеру принесено дитя для кормления оного грудью». Словом, получилась совершенно невообразимая путаница, в которой немыслимо было разобраться. Черкасский доложил об этом Елизавете. Государыня приказала подать письменный доклад и написала на нем резолюцию: «Главных злодеев сослать в Сибирь, других бить кнутом и отпустить».

Кнутом, согласно царской резолюции, были наказаны 286 человек, среди которых — несколько офицеров. Один из них, поручик Земцов, не вынес позора и повесился, остальные были разжалованы в рядовые.

Дело о заговоре в пользу Иоанна Антоновича было первым и последним большим делом Тайной канцелярии в царствование Елизаветы Петровны. Правда, не было недостатка в допросах и пытках людей, оговоренных в разных государственных преступлениях, но это были большей частью мелочи, с которыми опытные следователи справлялись без особого труда.

После тревожных лет власти Петра II, бироновщины и дворцовых переворотов двадцать лет царствования Елизаветы Петровны значительно успокоили и укрепили Россию. Возник первый университет, был основан первый русский постоянный театр. Россия приняла участие в Семилетней войне и одержала ряд побед над пруссаками. Словом, все обстоятельства говорили о благоденствии страны, насколько это было возможно во времена крепостничества.

Почти не было недовольных императрицей, твердо державшей власть в своих руках. Сыск терял всякий смысл, ибо государственной крамолы не было. С 1753 года, когда Елизавета Петровна отменила смертную казнь, чиновники Тайной канцелярии стали получать лишь половинное жалованье.

В первый день Рождества Христова 1761 года скончалась Елизавета Петровна. Ее кончина искренне опечалила всю Россию. За двадцать лет своего царствования дочь Петра Великого дала стране умиротворение после раздоров, которые до нее чинили курляндцы и другие иноземные выходцы. Впереди рисовалось повторение тяжелого прошлого, потому что наследником Российского престола являлся чуждый русским племянник покойной императрицы принц голштейн-готторпский, который и начал царствование под именем Петра III.

Новый государь, даже плохо говоривший по-русски, с первых шагов принялся ломать все, что создала Елизавета, которую он не любил и называл старухой. Впрочем, ему довелось править всего полгода, так что много он не успел, но в феврале 1762 года подписал указ об упразднении Тайной канцелярии. Этим он, по его собственным словам, хотел показать Европе, что «Россия вышла из состояния варварства и не нуждается в учреждениях, напоминающих средневековую инквизицию». В таких выражениях был составлен указ.

Официально Тайная канцелярия перестала существовать. Судьи получили «абшид», то есть отставку, с приличными пенсиями,

колодники были частью отпущены, частью сосланы в Сибирь, но... застенки не были упразднены, в них еще ощущалась надобность.

В сущности, изменилось лишь очень немного. Ушли инквизиторы, за долгие годы работы приобретшие опыт в допросах и пытках, а их место заняли новые, случайные люди, которым предстояло еще приобретать этот опыт.

Главным распорядителем всяких розысков был назначен любимый генерал-адъютант императора барон Карл Унгерн-Штернберг, худой рыжий немец, весь покрытый веснушками и всецело занятый уходом за своей внешностью. Ближайшим его помощником и действительным руководителем сыска был петербургский генерал-полицейстер Николай Андреевич Корф.

Корф был добродушнейшим человеком, но в застенке старался казаться суровым и неумолимым, хотя это ему не всегда удавалось. Возможно, что со временем и он сделался бы таким же безжалостным инквизитором, как предшественники, но ведать застенками ему пришлось всего три месяца, и за этот короткий срок не случилось ни одного серьезного дела, требовавшего неуклонной суровости.

Петр III приказывал хватать и строго допрашивать всех сторонников покойной императрицы, неодобрительно отзывавшихся о новом государе. Если бы Корф захотел исполнить волю императора в точности, пришлось бы забрать чуть ли не все население Петербурга. Поэтому приходилось довольствоваться оборванными представителями «дна», которые в пьяном угаре считали своим долгом всячески ругать «проклятую неметчину».

Петр III, поспешивший упразднить петровскую Тайную канцелярию, очень интересовался работой «судебных камер», как при нем официально называли застенки. Он даже посетил их два или три раза, чтобы лично убедиться, что там творится правосудие «по-европейски».

Генерал Мельгунов, находившийся при царе почти неотлучно, вел дневник, где очень образно описано первое из этих посещений.

В феврале 1762 года, поздно вечером, император выразил желание немедленно отправиться в Петропавловскую крепость. Подали сани. Его сопровождали, кроме Мельгунова, барон Унгерн-Штернберг и камергер Лев Александрович Нарышкин. По требованию государя комендант крепости не был предупрежден о прибытии высоких гостей.

Сани лихо подкатили к крепости, государь выскочил из них и в сопровождении маленькой свиты подошел к воротам. В окошечко выглянул дежурный, не узнал императора, и калитка распахнулась только после гневного окрика Нарышкина. Появился

испуганный офицер и по требованию того же Нарышкина повел нежданных посетителей темными коридорами в «судебную камеру».

В застенке шел допрос. Сам Корф мирно пил вино у коменданта, а вместо него распоряжался юный поручик.

Петр III вошел в застенок и остановился, пораженный невиданным зрелищем: на длинной лавке, привязанный к ней по рукам и ногам, лежал совершенно голый человек, а два парня, одетые в ярко-красные поддевки, били его по спине горящими вениками; лежавший дико визжал, парни, не обращая никакого внимания на вошедших, усердствовали, а сидевший в стороне за столом молодой поручик повторял, как заученный урок, один вопрос:

— Скажи, кто подговорил тебя бранить государя императора Петра Федоровича?

Офицер лениво взглянул на небольшую группу, остановившуюся в дверях, и, кивнув головой, небрежно заметил:

— Ничего здесь нет любопытного. Напрасно беспокоились.

Петром овладел один из тех припадков бешенства, под влиянием которых он обычно совершал многое, в чем впоследствии ему приходилось раскаиваться. Он бросился к офицеру и стал жестоко избивать его тростью. Поручик, никогда не выдававший государя, хотел было обнажить оружие, но ему вовремя помешали Мельгунов и Нарышкин, шепнувшие, что перед ним сам император. После этого поручик покорно подставил голову и плечи под удары палки.

Как всегда, Петр скоро пришел в себя. Он велел немедленно прекратить допрос и, путая русские слова с немецкими, долго доказывал офицеру, что «судебные камеры» существуют не для пыток, а для правосудия, что в Голштинии судьи пользуются всеобщим уважением, потому что они уважают других. Но поручик, ошеломленный всем случившимся, едва ли понял и сотую долю царских наставлений. По словам генерала Мельгунова, он «стоял с глазами, выпученными, аки у рака отваренного».

Корфу дали знать, что в крепости находится царь. Генерал-полицмейстер поспешил в застенок, но встретил государя уже в коридоре, направлявшегося к выходу. Петр не обратил никакого внимания на вытянувшегося в струнку старика и только процедил сквозь зубы:

— Чудовище!

После этого внезапного посещения барон Унгерн-Штернберг распорядился, чтобы допросы «с пристрастием» велись исключительно в застенке на Петербургской стороне, а в Петропавловской крепости осталась лишь показная «следственная камера», которой Петр при своем вторичном посещении остался очень доволен.

Из курьезов, которыми изобиловала упраздненная, но все-таки продолжавшая существовать Тайная канцелярия при Петре III, нужно отметить «расследование о преступной организации, поставившей себе целью мешать отправлению богослужения в храмах». Это витиеватое название было придумано самим царем и затем дословно переведено на русский язык. В действительности это было то же самое дело о кликушах, которое разбиралось еще при Петре I и составило в «Делах» Тайной канцелярии объемистый том.

Петр III любил подражать халифу Гаруну аль-Рашиду и гулять по городу. Из ста подданных навряд ли императора знал в лицо один. Однажды после бессонной ночи (он вообще страдал бессонницей, засыпал часа на два-три, потом поднимал дежурных офицеров и совершал куда-нибудь неожиданные наезды) Петр III в сопровождении дежурного генерал-адъютанта отправился в небольшую церковь близ Ораниенбаума. Никто, конечно, не ждал императора, и он застал обычную картину захолустного храма во время ранней обедни: несколько тускло мерцающих свечей перед наиболее чтимыми иконами, темные фигуры старух, гулко раздающиеся с амвона слова... Но церковь, куда случайно попал император, была известна в народе тем, что ее настоятель «отчитывал» кликуш — несчастных нервных больных крестьянских женщин, корчащихся в судорогах на холодном каменном церковном полу и искренне верящих, что в них «люет бес».

Петр вошел в церковь и остановился у дверей. Там же жались женские фигуры. Дьячок на клиросе запел «Иже херувимы...», и вдруг фигуры отделились от стен, грохнулись возле царя, закричали, завопили, забились в припадке, стали хватать Петра за ноги, за полы шинели...

Петр, сам отличавшийся нервностью, вскрикнул, бросился вперед, споткнулся и упал среди барахтающихся тел. Когда его подняли, он был в полуобморочном состоянии, и его пришлось почти нести в ораниенбаумский дворец.

Через день после этого случая во всех церквях с амвона читали царский указ, воспрещавший «всякие безобразия в божьих храмах, особливо же валяние по полу и непристойные вскрикивания», причем виновным грозил немедленный арест и строгий розыск о причинах такого поведения.

Разумеется, больных этот указ не излечил, но бедному Корфу пришлось много возиться с кликушами, которых ему ежедневно доставляли со всех концов Петербурга, и если бы Тайная канцелярия продолжала в это время существовать официально, ей было бы довольно работы. Корф отлично понимал, что больных нельзя лечить пытками, и допрашивал женщин только ради соблюдения формальностей. К тому же ни для кого, кроме самого

Петра и его ближайших фаворитов, не было тайной, что назревает переворот, который наверняка изменит многое, по крайней мере в столицах...

Новый дворцовый переворот совершился в июне 1762 года: супруга Петра III, урожденная принцесса Ангальт-Цербстская, при помощи войск провозгласила себя российской самодержицей и вступила на престол под именем Екатерины II. Петр III, оставленный всеми, при таинственных обстоятельствах скончался через неделю после переворота.

У власти опять стали новые люди, опять началась ломка старого, но на этот раз реформы действительно проводились с целью подвинуть Россию в сторону Европы, и русские встречали новшества без особого ропота.

Неистовый Шешковский

Когда после переворота дворцовая жизнь вошла в обычную колею, Екатерина II распорядилась немедленно уничтожить застенки как в Петербурге, так и в Москве. Императрица, изучавшая европейских энциклопедистов, состоявшая в дружеской переписке с Вольтером, не могла потерпеть у себя такого пережитка средневековья, как допрос под пыткой. Она мечтала править страной при помощи ласки, всепрощения, но, как это часто бывает, не смогла осуществить свои благие намерения.

Манифестом 21 февраля 1762 года Тайная канцелярия была уничтожена. В манифесте говорилось: «...Тайная розыскных дел канцелярия всегда оставалась в своей силе: то злым, подлым и бездельным людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же зlostнейшими клеветами обносить своих начальников и неприятелей».

Манифест Екатерины II 19 октября 1762 года дословно повторял манифест Петра III, пропущены были только фамилии тех лиц, которым поручалось принимать доносы «о деле важном, справедливом и действительно до упомянутых двух первых пунктов принадлежащем». Значение «первого» и «второго» пунктов разъяснял указ 14 апреля 1730 года: под «первым» подразумевался — «умысел противу императорского здравия, персоны и чести», под «вторым» — «измена государю и государству».

Этот манифест «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии, о хранении дел оной в Сенате и о воспреещении произносить „Слово и дело“» гласил, что так как уже нет причин, побудивших Петра I учредить Тайную розыскных дел канцелярию, — «не исправлены еще в народе нравы», — то в ней нет теперь необходи-

мости. «И мы, — говорилось в манифесте, — следуя нашему человеколюбию и милосердию и прилагая крайнее старание, не только неповинных людей от напрасных арестов, а иногда и самых истязаний защитить, но паче и самым злонравным пресечь пути к произведению в действо их ненависти, лишения и клеветы, а подавать способы их исправлению, повелеваем: Тайной розыскных дел канцелярии не быть...» Однако если бы все-таки возникли дела по «первому» и «второму» пунктам указа 14 апреля 1730 года, то такими делами должен был ведать Сенат, и в последующих пунктах манифеста предусматривалось, как и куда надо подавать доносы по этим пунктам, что делать с доносителями и прочее; при этом делалась оговорка, что виновными по этим пунктам и ложными доносчиками императрица мыслит в дальнейшем только людей «подлых», то есть солдат, матросов, людей господских, крестьян, бурлаков, фабричных, мастеровых, и совсем не думает, чтобы «благородные дворяне, офицеры или кто-либо из знатного купечества нашлись когда-либо в столь мерзких пред Богом и пред светом преступлений, каковы суть противу двух первых пунктов», а также чтобы они сделались ложными доносчиками.

Таким образом, могло получиться впечатление, что Екатерина действует в соответствии с тем, о чем она писала, будучи еще великой княгиней, в самом конце 50 — начале 60-х годов: «Не знаю, но мне кажется, что у меня во всю жизнь будет отвращение к назначению чрезвычайной комиссии для суждения виновного, особенно когда эта комиссия должна оставаться негласною. Зачем не допускать до судов дела, относящиеся до их ведения? Быть истцом и назначать еще судей — это значит высказывать опасение иметь против себя справедливость и законы. Преступление и производство дела должны быть оглашены, чтобы общество, всегда судящее беспристрастно, могло распознать правоту».

Энгельс, характеризуя политику Екатерины II, считал одной из ее существенных черт «удачное сочетание либеральной и легитимистской фразеологии, которой, по мере надобности, Россия дурачит падких до фраз «образованных» филистеров Западной Европы, их так называемое общественное мнение». Так было и в данном конкретном случае.

Несмотря на свое «отвращение» к чрезвычайной комиссии, в полном противоречии с либеральной фразеологией своих манифестов, «Наказа» и прочего, Екатерина такую комиссию создала, и Тайная канцелярия сейчас же возродилась под названием Тайной экспедиции. Никакого специального указа об этом не было, а на основании слов манифеста 19 октября 1762 года, что делами по «первому» и «второму» пунктам должен ведать Сенат, при нем была создана экспедиция, всецело заменившая прежнюю канце-

лярию. Впрочем, может быть, более правильным будет считать, что начало существования Тайной экспедиции было положено за семнадцать дней до манифеста 19 октября, так как еще 2 октября 1762 года на имя генерал-прокурора А. И. Глебова был дан следующий рескрипт: «По делам важным, кои касаются до первых двух пунктов и кои принадлежали до Тайной канцелярии, а вступают из разных мест в Сенат, оные распечатывать и определение чинить по оным с ведома нашего вам общее с тайным советником Н. И. Паниным, и дела кои между тем явятся маловажные, оные сжечь, не делая на все то сенатских определений».

Одновременно с этим на основании устного приказа императрицы от 3 октября 1762 года особая комиссия в составе графа К. Разумовского, сенатора В. Суворова и генерал-поручика Ф. Вадковского начала «секретно, по самой справедливости, ближайшими способами к открытию правды и без розысков» производить следствие по делу Хрущевых и Гурьевых. Это была чрезвычайная комиссия, действующая негласно: то есть как раз такая, против которой высказывалась Екатерина II в названной выше записке.

Этими двумя распоряжениями императрицы был определен порядок рассмотрения политических дел, который продержался в течение всего ее царствования. Менялись лица, но порядок прохождения и решения этих дел оставался все тот же.

Первые два года царствования Екатерины II генерал-прокурорскую должность исполнял А. И. Глебов. Он был назначен на эту должность при Петре III 25 декабря 1761 года и уволен 3 февраля 1764 года. Своим возвышением он был обязан родственным связям и особенно покровительству графа П. Шувалова, клеветником которого был. «Глебов, — писал о нем князь М. М. Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов в России», — угодник графу Шувалову, умный по наружности человек, соединяющий в себе все пороки, которые сам он, Петр Иванович, имел». Щербатов писал, что Шувалов и Глебов приблизили к себе людей, которые ни в какой степени не могли претендовать на звание «законодателей и благотворителей своего отечества», сочинили уложение, которое наполнили «неслыханными жестокостями пыток и наказаний». Императрица Елизавета, уже готовая его подписать, перебирая листы, попала на главу пыток, «ужаснулась тиранству» и велела переделать. «Так чудесным образом избавилась Россия от сего бесчеловечного законодательства». А вот отзыв о Глебове как о генерале-прокуроре его позднейшего биографа: «...судебная часть, вверенная его надзору, представляла в себе тогда крайнее расстройство... Императрица неоднократно убеждала словесно и письменно не идти по следам своего предшественника князя Трубецкого... наконец, решилась удалить его от должности гене-

рал-прокурора, назначив на его место князя Вяземского. Поводом для этого послужило дело иркутского следователя П. Крылова, вскрывшего грандиозную картину злоупотреблений и хищений, в которых главное место принадлежало Глебову. Тем не менее потом он был генерал-аншефом и смоленским наместником. И вот в руках такого человека в течение двух лет — последние полтора года, правда, так сказать, под контролем графа Н. И. Панина — было руководство разбором политических дел и вынесение приговоров по ним. Формирование штата Тайной экспедиции последовало, по-видимому, только 10 декабря 1763 года, когда сенатский секретарь Шешковский был назначен состоять «по некоторым поручениям от нас делам» с жалованьем 800 рублей в год. «Да при тех же делах, — говорилось в указе, — быть протоколисту Зотову, канцеляристам Зряхову и Волокову и копиисту Казину». С этого времени Степан Иванович Шешковский делается бессменным главой Тайной экспедиции в течение 30 лет. Известны многочисленные свидетельства современников об истязаниях людей, попавших в руки Шешковского, и его различных приемах, которыми он добивался «раскаяния» и «сознания» у привлеченных к следствию.

Это был загадочный человек, волей капризного случая поднятый из низов на вершину чиновничьей лестницы. В молодости он много учился, писал стихи, брал уроки живописи и очень недурно набрасывал модные в то время амурные пасторали (одна из них, «Психея у ручья», хранится в Эрмитаже). Одно время Шешковского даже считали вольнодумцем, и при Елизавете Петровне он едва не попал в ссылку.

Июньский переворот сыграл в жизни Степана Ивановича кардинальную роль. Платон Зубов, твердо ставший у трона, оценил достоинства скромного чиновника, приблизил его к себе, представил императрице, и через несколько лет имя Шешковского в Петербурге произносили шепотом, с почтением, смешанным со страхом. Приказание «явиться к Шешковскому» повергало в трепет даже людей, занимавших видное положение, отмеченных орденами.

Имя Шешковского было окружено таинственностью. Жил он на углу Садовой и Итальянской (где, кстати, спустя сто с лишним лет народovolыцы будут делать подкоп, чтобы взорвать царскую карету), в небольшом особняке, некогда принадлежавшем Бирону. Люди, которые проходили мимо этого дома, приветливо выглядывавшего из-за палисадничка, переходили на другую сторону и пугливо косились. Никто из побывавших «в гостях» у Степана Ивановича не рассказывал, что ему там пришлось пережить. На расспросы все только отмалчивались, а наиболее откровенные скрежетали зубами и обещали «стереть в порошок» Шешковско-

го. Во всяком случае, Шешковский за свои «старания» имел, очевидно, основание бояться должного возмездия. Он решался обедать только во дворце, когда его приглашали к царскому столу, а дома ел лишь яйца, которые пекли в его присутствии, да просфоры, приносимые ежедневно настоятелем приходской церкви. Очевидно, несмотря на высокий чин и всевозможные награды, ему жилось далеко не сладко...

Майор Бехтерев, которому пришлось посетить Шешковского «по особому приглашению», описал в дневнике его наружность:

«За столом, заваленном горами бумаг между двух восковых свечей, я разглядел прямо сидевшую против меня добродушную фигуру невысокого, сгорбленного, полного и кротко улыбавшегося старика. Ему было под семьдесят лет. В таком роде я встречал изображения некоторых, прославленных тихим правлением, римских пап. Жирный, в мягких складочках, точно взбитый из сливок, подбородок был тщательно выбрит, серые глаза глядели вяло и сонно; умильные, полные губы, смиренно и ласково сложенные, казалось, готовы были к одним ободряющим и ласковым словам. Белые, сквозящие жирком руки в покорном ожидании были сложены на животе...»

Этот «добрый старичок» не стеснялся, когда к нему попадал человек, чем-либо провинившийся перед фаворитами государыни или просто не поладивший с ними. Он начинал допрос вкрадчиво, мягко, под видом дружеской беседы, затем в его голосе начинали звучать резкие, стальные нотки, глаза загорались недобрым огнем, белая рука тянулась к серебряному колокольчику, вбегали несколько рослых гайдуков, и здесь же, в кабинете, начиналась расправа...

По приблизительному подсчету современников, принимавших в расчет число посетивших таинственный особняк на Садовой, Шешковский за 15 лет своей «работы» высек не менее двух тысяч человек, среди которых были особы генеральского чина и даже дамы, пользовавшиеся почетом в обществе. Старый камердинер Степана Ивановича, переживший своего господина, перед смертью показывал, что не проходило дня, когда в кабинете Шешковского кого-нибудь не истязали.

Избитые, даже генералы, молчали, потому что не хотели сознаваться в своем позоре, но бывали случаи, когда посещение Шешковского влекло за собой суровые последствия. Не раз случалось, что темной ночью к «черному» крыльцу на Садовой подкатывала фельдьегерьская тележка или, если допрос у Шешковского кончался особенно печально для допрашиваемого, простая кибитка, крытая рогожей. С крыльца сводили или сносили кого указано, и бодрая тройка мчалась к заставе. Верные люди, снабженные «открытым листом», быстро и без огласки доставляли порученного

им человека в какой-нибудь захудалый городишко, где он попадал под опеку привыкшего не рассуждать городничего или гарнизонного начальника. Таким образом Шешковский избавлялся от людей, которых нельзя было образумить ни угрозами, ни плетью.

Как известно, наследник престола великий князь Павел Петрович расходился во взглядах с матерью, почти не показывался в Петербурге и жил в Гатчине, окруженный своими друзьями. Орловцы и зубовцы, конечно, относились к гатчинцам враждебно, и эта распря давала Шешковскому возможность широко проявлять свою деятельность. Бывали случаи, когда он «беседовал» с близкими любимцами князя Павла, и тогда Павел, выведенный из себя, мчался к Екатерине, жаловался, но никогда ничего не добивался.

Мягкий, вкрадчивый Степан Иванович немало содействовал расширению пропасти между державной матерью и сыном...

6 ноября 1796 года скончалась Екатерина II, и 7 ноября Шешковский ушел в отставку без всякой пенсии. Умер он в нищете.

Таинственный узник

Опасными для правительства Екатерины были заговоры, в частности дело поручика Смоленского пехотного полка Мировича, предпринявшего в июле 1764 года попытку освободить Иоанна Антоновича и возвести его на престол.

Дед Василия Мировича был приверженцем Мазепы, отец тоже был в чем-то замешан. В обвинительном заключении Мирович назван внуком и сыном изменников. Было ему 24 года. Картежник, мот, постоянный должник. Что называется, без царя в голове. Он все время добивался возвращения конфискованного отцовского имущества.

От отставного барабанщика из крепости Мирович случайно узнал, что в Шлиссельбурге заточен Иван Антонович. И у него возникает мысль освободить его. Зачем? Да кое-что изменить в России. Что же? На допросе Мирович изложил причины, побудившие его пуститься в такое рискованное предприятие. Их четыре: первая — «он не имел свободного входа при высочайшем дворе в те комнаты, где Ее Императорское Величество присутствовать изволит, и в кои только штаб-офицерского ранга люди допускаются»; вторая — «в те оперы, в которых Ее Императорское Величество сама присутствовать изволила, он равномерно допускаем не был»; третья — «в полках штаб-офицерам не такое, какое следует офицерам по своей чести, отдают, и тех, кои из дворян, с теми, кои из разночинцев, сравнивают и ни в чем преимущества первым против последних не отдают»; четвертая — «по поданной им Ее Императорскому Величеству челобитной о выдаче из отписанных пред-

ков его имений, сколько из милости Ее Императорского Величества пожаловано будет ему, в резолюции от Ее Величества написано было: как по прописанному здесь проситель никакого права не имеет, потому отказать...».

Мирович вошел в сговор с поручиком Аполлоном Ушаковым. Они порешили так: Мирович постарается быть посланным в караул в Шлиссельбургскую крепость, а Ушаков, надев штаб-офицерский мундир, должен был в крепость приплыть на шлюпке и, представившись Мировичу при всех подполковником Арсеньевым, предъявить указ императрицы: арестовать коменданта крепости, заковать его в кандалы и с тайнственным узником везти в Петербург. А там они намеревались, пристав в шлюпке к Выборгской стороне, показать Иоанна артиллеристам и прочитать составленный Мировичем манифест о настоящем государе. После присяги новому государю полки должны были захватить Сенат, правительственные учреждения.

Заговорщики и не предполагали, насколько их план наивен. Правда, Ушакову не суждена была публичная казнь. Военная коллегия послала Ушакова с казной к генералу князю М. Волконскому, и он по пути утонул в реке.

Мирович продолжил начатое дело один. Он дождался, когда Екатерина уехала в Прибалтику, и явился в крепость как караульный офицер Смоленского полка. Караульные офицеры дежурили неделю, потом сменялись другими.

В крепости Мирович попытался прощупать офицера Власьева, но тот, почувствовав неладное, сразу известил графа Панина:

«Сего июля 4-го дни, после полудня, вышел я для прогулки в крепости и сошелся со мною караульный обер-офицер Смоленского пехотного полка и начал мне говорить: «Ежели позволите мне вам довериться, не погубите меня». Приметил я из тех разговоров, что клонился он до нашей комиссии».

Ночью от коменданта крепости пришел посыльный: в крепость нужно было пропустить гребцов. Спустя несколько минут пришел он опять: следовало пропустить канцеляриста. Потом нужно было гребцов выпустить. Это не то что необычное, а прямо удивительное оживление насторожило Мировича. Он понял, что Власьев донес на него.

Мирович оделся и со шпагой в руке ворвался в караульную, крича: «К ружью!» Он отправил трех солдат к выходам с приказом никого не впускать и не выпускать. Под командованием Мировича была команда Смоленского полка из 45 человек. По его приказу они притащили пушку, зарядили ее и направили против гарнизонной команды.

Комендант крепости вышел на крыльцо и крикнул Мировичу, желая узнать, в чем дело. Тот с ружьем бросился к нему, крича:

— Ты здесь держишь нашего государя! — и ударил коменданта прикладом так, что разбил ему лицо.

Во главе солдат Мирович пошел к казарме, где обитал Иоанн. Гарнизон стал стрелять. Солдаты пехотного полка отступили и, опомнившись, потребовали у Мировича объяснений. Мирович вынес им из кордегардии поддельный манифест и зачитал его. Подстегивая солдат и не давая им опомниться, он велел прикатить пушку, что и было исполнено. Пушку зарядили и установили перед казармой.

Власьев и поручик Чекин, видя такое дело, решили поступить по инструкции. А в инструкции предписывалось в таких случаях узника убить. Что они и сделали.

Гарнизонная команда под наведенной пушкой сдалась, и Мирович вбежал в казарму:

— Где государь?

— У нас государыня, а не государь, — отвечал Чекин.

Мирович закричал:

— Отпирай дверь и укажи государя!

Вошли в комнаты и увидели на полу бездыханного Иоанна.

Тело было выставлено перед построившимися солдатами. Под бой барабана Мирович поцеловал у Иоанна руку и воскликнул:

— Вот наш государь Иоанн Антонович, и теперь мы не столько счастливы, как несчастны, и я более всех! За то я все и претерплю; вы не виноваты, вы не ведали, что я хотел сделать, и я за всех вас буду ответственность и все мучения на себе сносить!

Идя вдоль шеренги, Мирович целовал солдат. В это время капрал схватил его сзади. Подбежавший комендант сорвал с Мировича офицерские отличия и шпагу. Мировича арестовали. Тут появился приехавший командир Семеновского полка, и Мирович сказал ему:

— Может быть, вы не видели живого Ивана Антоновича, так ныне мертвого можете посмотреть. Он кланяется вам теперь не духом, а телом.

Вот так кончилась эта история. Иоанна похоронили где-то на территории крепости, Мировичу отрубили голову, а тело сожгли.

К сечению кнутом, вырыванию ноздрей и вечной ссылке в Сибирь...

Тайная экспедиция ведала также делами о самозванцах. Велся розыск по следующим делам: Елизаветы Таракановой, выдававшей себя за дочь Елизаветы Петровны (1775); в 1765 году беглого рекрута Евдокимова, украинца Колченко, беглого солдата Кремнева, капитана Кретьова, солдат Чернышева и Сенюшина,

а в 1797 году — московского купца Петерикова, выдававших себя за Петра III. Кроме того, в 1784 году сына пономаря Зайцева, выдававшего себя за великого князя Павла Петровича, и купца Тимофея Курдюмова, выдававшего себя за царевича Иоанна. Большинство самозванцев, дела которых рассматривались в Тайной экспедиции, были приговорены к смертной казни или подвергнуты наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке в каторжные работы.

В 1772 году в конце войны против польских конфедератов велся розыск по делу полкового старшины запорожского войска Максима Высоцкого. Было установлено, что Высоцкий вступил в тайные сношения с конфедератами, дал им обещание склонить на их сторону запорожских казаков. Высоцкого лишили старшинского звания и сослали в Сибирь. В 1776 году в Тайной экспедиции проводился розыск по делу раскольника ошастковского купца Исакова, отказавшегося по своим религиозным убеждениям дать «клятвенное обещание в верности императрице» после избрания его выборным для производства «соляного сбора». В отношении Исакова экспедиция не применяла своего метода «допроса с пристрастием». Вместо этого она широко использовала синодальных чиновников для его «уверования», с тем чтобы купец вернулся «в лоно истинной веры». Другим крупным делом, которым Тайная экспедиция занималась в связи с обвинением в государственной измене, было дело кригсцальмейстера Овцына, арестованного в Бердичеве в 1798 году за то, что собирался бежать из России.

А. Н. Овцын, один из передовых людей своего времени, был знаком с литературой просветителей XVIII века и занимался распространением запрещенной литературы. При аресте в его бумагах нашли значительное количество рукописных сочинений «вольных мыслей». Овцын, находясь в заключении, в ответ на политику Павла I и «строгости», которые были им введены (запрещение собраний и съездов в частных домах, правила пользования экипажами, порядки, введенные в судах и армии), написал интересный обзор современного ему положения в Польше и состояния денежного курса в России, а также указал на причины недовольства в разных социальных группах общества: дворянских, солдатских, офицерских, купеческих. К записке была приложена написанная им же «диссертация народная» о перемене правительства.

Овцына приговорили к сечению кнутом, вырыванию ноздрей и вечной ссылке в Сибирь.

С последней четверти XVIII века в России появляются замечательные просветители: А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, В. В. Попугаев, И. М. Борн, Ф. В. Кречетов, В. В. Пассек. Власть относилась к ним подозрительно. Екатерина назвала Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева».

Радишев был арестован Тайной экспедицией. В протоколе от 20 декабря 1790 года записано: «Находящийся при здешней таможне коллежский советник Радишев сочинил и напечатал в своей типографии книгу, наполненную зловредными мыслями против царской власти и правительства, которая дошед до рук Ее Императорского Величества, прислана была в Тайную экспедицию с замечаниями, сделанными собственною ее рукою, против коих и велено было одного Радишева допросить. При допросе он... говорил, что, по его мысли, подобное когда-нибудь исполнится, но не в нынешнее время».

Розыск по делу Радишева велся Шешковским и графом А. А. Безбородко. Шешковским на основании «замечаний» Екатерины были составлены вопросные пункты, предъявленные Радишеву, и протоколы допросов. В последних Шешковский значительное место уделял биографии Радишева, сведениям о его литературной работе и выяснению целей, которые тот ставил перед собой написанием книги «Путешествие из Петербурга в Москву». При этом Шешковского особенно интересовало отношение Радишева к освобождению крестьян. Протоколы допросов книгопродавца Зотова и Николая Петрова, арестованных по обвинению в распространении книги Радишева, составлялись тем же Шешковским. Тайной экспедицией был подготовлен проект приговора Радишеву, которым он присуждался к смертной казни. Этот приговор Екатерина заменила ссылкой в Илимский острог на 10 лет. Но перед этим Радишев успел еще насидеться в Петропавловской крепости. Он вообще был впечатлительным человеком: когда узнал, что его делом поручили заниматься Шешковскому, упал в обморок. Пока Радишев находился в крепости, его родственники каждый день посылали Шешковскому гостинцы, и, пожалуй, лишь это спасло писателя от пыток. Шешковский ограничился «вопросными пунктами».

В мае 1792 года в Тайной экспедиции велся розыск по делу Н. И. Новикова. Он преследовался по обвинению в участии в масонской ложе. По поводу Новикова князь Прозоровский писал Шешковскому: «Жду от Ее Императорского Величества высочайшего повеления и сердечно желаю, чтобы вы ко мне приехали, а один с ним не слажу. Экова шута тонкого мало я видал». В другом письме тому же адресату он жалуется: «Птицу Новикова я отправил, правда, что не без труда вам будет с ним, лукав до бесконечности, бессовестен, и смел, и дерзок».

По делу Новикова также привлекли действительного статского советника Николая Трубецкого, отставного бригадира Лопухина и Тургенева. Новикова осудили на 15 лет тюремного заключения в Шлиссельбургской крепости, откуда выпустили досрочно лишь в связи с кончиной Екатерины II в 1796 году.

При императрице запрещено было наказывать битьем дворянина и священника, бить без суда мещанина и простолюдина. В Тайной экспедиции на это не обращали внимания. Да и само дворянство не очень-то указу верило. Московский главнокомандующий граф Брюс требовал увеличения наказаний для простого люда: не пятьдесят ударов плетью назначать, а двести, пятьсот. «Но, — возражали ему, — так до смерти засечь можно!» — «Что ж их жалеть, это наказание вместо смертной казни». Брюса с трудом убедили, что смертная казнь отменена не затем, чтобы ее заменили смертельными истязаниями.

Сама Екатерина иногда прибегала к наказанию плетью, только негласно. Жена генерала Марья Кожина однажды прошла шуткой по адресу императрицы. Та написала Шешковскому: «Кожина каждое воскресенье бывает в публичном маскараде, поезжайте сами и, взяв ее оттуда в Тайную экспедицию, слегка телесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопристойностью».

Для Шешковского же что дворянин, что крестьянин — все одно. При допросе студента Невзорова он заявил: «Государыня велела тебя бить четвертым поленом, коли не будешь отвечать». — «Нет, не верю, — кричал студент, — не могла так велеть государыня, которая написала наказ комиссии о сочинении Уложения!»

Екатерининский наказ достоин внимания.

В первой главе говорится, что Россия есть европейское государство. Далее наказ отмечает вред гонений любой веры. Политические преступления, выраженные в словах и письменно, требуют к себе осторожного отношения во избежание предвзятости и недоразумений. Особое внимание уделяется нравственности, говорится даже об управлении нравами: «Каждый градоначальник обязан наблюдать в подчиненных своих благопристойность нравов, так как каждый хозяин в своих домашних».

Впервые «праздных» и непорядочных девок начали отправлять на поселение. За содержание непотребного дома и за посещение его назначался штраф, а проституток заключали на полгода в смиренный дом.

В Москве поймали бывшего иеромонаха Симеона, выдававшего себя за архиерея. Сам он был греком. Вина Симеона «такой важности имела, что он по поимке в Москве в Святейшем правительственном синоде из допросу и взятых у него писем явилось, будучи в Польше, назвался сам архиереем, ходил в мантии и белом клобуке и отправлял в Могилеве и Луцке, и Вильне божественные литургии, посвящая разных в диаконы, и благословил архимандрита и игумена, и сочинял лживограмоты и прочие письма, в которых назывался разное, архиепископом и митрополитом, князем и кавалером, и напоследок, будучи в Риме, учинил присягу о признании папы наместником Христовым свыше святейших патриархов».

В 1793 году Тайная экспедиция была занята розыском по делу отставного поручика Ф. В. Кречетова, арестованного по доносу Осипа Малевинского. Последний доносил, что Кречетов «сочиняет разные сочинения против царской власти, клонящиеся к соделанию бунта, а нередко говорил и на словах возмутительные речи, касающиеся до порицания особы ее императорского Величества и нынешнего правления». При обыске у Кречетова нашли сочинения об учреждении в России школ, типографий, об издании книг, организации «компаний путешественников» по России, о преобразовании человеческого общества на основах законности. Особое внимание Тайной экспедиции привлекла записка Кречетова об издании в России «Основного государственного закона», по которому «монархи» должны были быть лишь «блюстителями» и «стражами» этого закона, а в противном случае лишались престола. Среди бумаг был найден и текст печатного объявления об открытии подписки на его сочинения. Заглавие — «Открытие нового издания, души и сердца пользующие, о всех и о вся, и обо всем, или Российский патриот и патриотизм».

Кречетова заключили в Петропавловскую крепость «под крепчайшей стражей» без права писать и встречаться с родными.

Преследованию Тайной экспедиции в 1792 году был подвергнут купец Гавриил Попов за сочинения, в которых он под псевдонимом «Ливитов» писал о равенстве всех людей, осуждал порабощение человека человеком, продажу людей и предупреждал «вельмож» о возможности восстания «ожесточившихся земледельцев», то есть крепостных крестьян. Сочинения Попова признали вредными и автора сослали в Спасо-Евфимиев монастырь.

Екатерина II и Павел I были твердо убеждены, что «вольные мысли» и «дерзкие сочинения» появились в России под влиянием французской революции. Поэтому правительство приняло некоторые меры.

В августе 1790 года было предписано всем русским немедленно выехать из Франции. Усилили контроль за приезжающими иностранцами, особенно из Франции и Италии. В указе от 1798 года говорилось: «Развратные правила и буйственное воспаление рассудка, поправшие закон Божий и повиновение установленным властям, рассеянные в некоторой части Европы, обратили внимание наше... Приняли мы все меры к ограждению зла от пределов империи нашей, предписав пограничным губернаторам о строгом наблюдении за всеми теми, кои в империю нашу приезжать пожелают».

В апреле того же года циркулярным указом Павла I было предписано выдавать иностранные паспорта на въезд в Россию только после получения личного разрешения императора. В результате въезд иностранцев резко сократился.

В январе 1792 года в Тайную экспедицию присланы «три француза — Аже, Дарбель и Миош, на которых донесено, что они в кофейном доме говорили дерзостные о государях вообще слова». По следствию же в Тайной экспедиции оказалось, что Аже и Дарбель подлинно люди дурного поведения и бродяги. Французов выслали из России.

В 1800 году в Москве арестовали домашнего учителя семьи полковника Нарышкина француза Мерме по подозрению в якобинстве. На вопрос: «Кто якобинцы в Москве?» — заданный Мерме в Тайной экспедиции, он ответил: «Якобинцы там следующие: мадам Рашель, живущая у Ивана Ивановича Демидова, Лебон — учитель, ее посещающий, Франсуа — гувернер детей вдовы Салтыковой, Файлет девица Марк». Кроме них Мерме указал также на Лекеня, «содержателя музыкального собрания в Москве». На вопрос, связан ли он с якобинским клубом в Париже, Мерме ответил отрицательно.

Все лица, им названные, были арестованы и допрошены в Тайной экспедиции.

Лекень показал, что в Россию приехал в 1785 году и работал столяром пять лет. После он стал в Москве учредителем музыкального общества под именем Академии музыки. В доме академии Лекень содержал «стол и бильярд» и давал «концерты, нанимая музыкантов у московских дворян Столыпина, князей Трубецкого, Волконского и Волынского».

Намерение чиновников Тайной экспедиции придать делу «московских якобинцев» крупное значение, не увенчалось успехом. Павел I, несмотря на свою ненависть к якобинцам, вынужден был признать, что в поведении арестованных ничего революционного не было. Поэтому все они были освобождены, а музыкальное общество вновь открыто.

Ввели строжайшую цензуру. Любое произведение, содержание которого в какой-то степени касалось событий французской революции, не допускалось к изданию. Все печатные произведения такого характера, уже вышедшие в свет, изымались из продажи и в большинстве случаев уничтожались. Таким образом поступили с игральными картами с изображением санюлетов вместо обычных фигур.

Литографская картина с изображением казни Людовика XVI была изъята из продажи и сожжена по указанию Екатерины, велевшей «поступать таким же образом и впредь, если где таковые найдутся».

Генерал-прокурор Самойлов с возмущением выговаривал московскому главнокомандующему Прозоровскому по поводу плохой работы московских цензоров, допустивших выпуск книг «Любопытный разговор в царстве живых о французской револю-

ции» и «Разговор в царстве мертвых несчастного Людовика с императором Леопольдом II и Густавом III шведским». Эти книги у продавцов отобрали, новые типографии открывать запретили.

По традиции Тайная экспедиция занималась и преследованием раскольников.

Управитель Коростинской дворцовой волости Новгородской губернии ассессор Будаков избиениями, денежными вымогательствами, различными поборами, изнурительной работой довел в 1762 году крестьян-раскольников этой волости до крайнего возбуждения. Попытка Будакова силой заставить раскольников деревни Псижи посещать церковь переполнила чашу их терпения. Раскольники решили предать себя огню. Руководителем этого своеобразного протеста был крестьянин деревни Псижи Ефим Петров, «наставник» местных раскольников. По предложению Петрова крестьяне отказались от выполнения всех работ и собрались в молельном доме для самосожжения. Однако до этого дело не дошло: явившаяся команда разогнала собравшихся. После чего раскольникам зачитали определение Сената, в котором наряду «с увещеванием» отступить от «раскольниковчей ереси» говорилось, что претензии крестьян к управителю Будакову будут рассмотрены комиссией.

Ефим Петров, допрошенный по этому делу, от имени крестьян заявил: «... когда их ни в чем изнурять не будут, они будут жить, а если будет какое притеснение, то могут и опять собраться».

Прямая зависимость между притеснениями, чинимыми управителем, и твердым намерением крестьян предать себя огню была настолько очевидной, что даже чиновники Тайной экспедиции поняли, что в этом случае одним лишь применением репрессий к раскольникам ограничиться нельзя. Решили воинскую команду из волости вывести, а Будакова направить управителем в другую волость. Ефим Петров был без наказания освобожден из Тайной экспедиции.

В 1776 году Тайная экспедиция вела розыск по двум раскольничьим делам. Первое — по доносу Гриненкова, священника Чугуевского уезда, на однодворца Пирожкова и второе — по доносу монахини Енисейского Богородицкого монастыря Феодотии. Пирожков обвинялся в том, что «в церковь никогда не ходит, говоря якобы Бога нет, причем имеющиеся в доме своем иконы на землю бросал, сняв с себя святой крест, говорил, что-де врага на себе ношу, бросал на землю, топтал ногами».

В Тайной экспедиции Пирожков во всем признался, но был освобожден без наказания после того, как объявил о своем желании «присоединиться к церкви».

Монахиня Феодотия обвиняла енисейских мещан «в приведении ее и других тамошних жителей в квакерскую ересь». Тео-

дотии «за раскаяние и что она других от заблуждения отвратила» Тайная экспедиция выдала 100 рублей. Дело мещан прекратили, поскольку они «раскаившись в заблуждениях, обратились к церкви».

Дело мещанина Алексеева, сыск по которому производился Тайной экспедицией в 1797 году, закончился значительно хуже для обвиняемого. Объясняется это тем, что в богохульных словах, произнесенных в Вытегрской церкви, Алексеев не только заявил о своем отрицательном отношении к греко-католической церкви, но и о непризнании Павла I главою церкви. Алексеева отправили в Соловецкий монастырь на год.

Профессор Московского университета Иоганн Мельман был обвинен в том, что в своих лекциях по греческому и латинскому языкам утверждал, что «религия христианская должна основываться не на слове Божьем, а на рассудке человеческом и на философии», что «просвещение и нравоучение можно более почерпнуть из языческих писателей, нежели из церковных учителей». Конференция Московского университета под председательством Д. И. Фонвизина исключила Мельмана из университета, а после он предстал перед судом Тайной экспедиции. Его выслали из России.

Несмотря на то что в работе Тайной экспедиции основное место принадлежало политическому розыску, в отдельных случаях это учреждение занималось сыском и по делам, не имеющим прямого отношения к политическим преступлениям. В таких случаях Тайная экспедиция выступала в качестве карательного органа императрицы по отношению к тем лицам, которые своим поведением вызывали ее гнев или раздражение.

В начале царствования Екатерины фрейлины ее двора графиня Эльмит и графиня Бутурлина посплетничали по поводу женских качеств императрицы. Последней стало известно об этом в тот же день, и назавтра фрейлины оказались в Тайной экспедиции, где и были допрошены с пристрастием. И после соответствующего внушения высланы в свои деревни.

Раздражение Екатерины вызвал тайный брак между генерал-поручиком графом П. Апраксиным и Елизаветой Разумовской без разрешения родителей невесты. По поручению императрицы это дело расследовалось в 1776 году и закончилось заключением Апраксина в петербургскую крепость, а затем высылкой в Казань.

В начале 1775 года дворцовый полотер Тимофей Теленков, увидев в дворцовой зале великого князя Павла Петровича, опустился перед ним на колени и хотел обратиться к нему с просьбой, но от волнения сказать ничего не мог. Сразу же после этого Теленков был доставлен в Тайную экспедицию, где признан «в помешательстве ума» и отправлен к родным для присмотра.

Известно, что в 1797 году полководец А. В. Суворов попал в опалу и был выслан Павлом I в село Кончанское Новгородской губернии. Опальный Суворов не скрывал своего отношения к воинским порядкам, введенным новым императором. Павел написал прокурору А. Б. Куракину установить за Суворовым негласное наблюдение, для чего в губернию направили одного из чиновников Тайной экспедиции коллежского асессора Николева. Согласно секретной инструкции, Николев должен был «сколько возможно скрывать от него самого (Суворова) и его окружающих, что предмет пребывания его там и есть порученное оное надзирание». Для этого Николеву предлагалось выдать себя за человека, случайно попавшего в деревню Суворова по делам торговым или судебным. Николев обязан был узнать все о людях, посещавших Суворова, о цели их приезда, о содержании разговоров. Николеву не удалось скрыть настоящей причины появления в Кончанском. При первом же знакомстве, по словам Николева, у него с Суворовым произошел следующий разговор: Суворов «встретил меня с печальным видом, спросил, откуда я приехал. Я сказал, что проездом в Тихвин. На что он мне сказал: «Я слышал, ты пожалован чином, и служба большая. Выслужил! Выслужил! — повторил он, улыбаясь. — Продолжай эдак поступать, еще наградят». Я в ответ ему сказал, что исполнение воли монаршей — первейший долг всякого верноподданного. На сие он мне отвечал: «Я б сего не сделал, а сказался б больным». Для наблюдения за домом Суворова Николев получил от Боровичского земского исправника двух солдат «в исправности и расторопности испытанных». Кроме них, Николев использовал еще двоих секретных агентов — соседей Суворова по имению.

В 1799 году в качестве секретного агента политического розыска использовался статский советник Егор Фукс, известный впоследствии в качестве личного секретаря Суворова. Фукс в январе этого года был направлен в корпус Розенберга как спецагент Тайной экспедиции. В ордере, выданном перед отправлением, ему поручалось «сделать точное и строжайшее наблюдение неприметным образом об офицерах... в каких они подлинно связях, мнениях и сношениях, и не имеют ли какого-либо действия иностранных противные внушения и соблазнительные книги...»

Прибыв в русскую заграничную армию, Фукс немедленно приступил к своим обязанностям. В начале февраля он уже сообщал в экспедицию, что «по содержанию данной мне инструкции употребил все возможные способы для разведывания об образе мыслей итальянского корпуса и о поведении офицеров».

В мае Фукс извещает, что «по всем военным письменным делам употребляет меня его сиятельство граф Александр Васильевич Суворов». Фукс регулярно извещал Петербург обо всех

встречах своего начальника с генералами и офицерами, пересылал копии его писем.

В конце XVIII века Тайная экспедиция обзаводится уже довольно значительным штатом секретных агентов. Из краткой выписки о расходах на эту агентуру в 1800 году мы узнаем, что в штате московской конторы состояло несколько таких агентов: корнет Семигилевич, получавший 400 рублей в год, майор Чернов с тем же жалованьем и ряд агентов, получавших деньги за выполнение отдельных заданий конторы: Дельсоль, переводчик московской полиции, «люди при Несловском и Ясинском находящиеся, получавшие по 10 рублей» за доставленные сведения. В этой же выписке имеется пункт о расходах «по особо порученным от Его Императорского Величества секретным делам, касательно некоторых людей по разным губерниям», за которыми несомненно скрывалась и секретная агентура московской конторы.

Создание секретной агентуры было явлением новым в судебной практике центрального органа политического розыска.

Тайная экспедиция к концу XVIII века недалеко была от превращения в специальное учреждение, занимающееся исключительно политическим розыском и борьбой с политическими преступлениями.

Русский Нострадамус

В одном из центральных архивов хранится следственное дело за 1796 год «О монахе Авеле и написанных им книгах». Чем глубже знакомишься с ним и судьбой загадочного монаха, тем больше удивляешься: как могли забыть историки человека, чьи пророчества сбывались день в день? Он предсказывал Екатерине II и Павлу I, Александру I и Николаю I. Правда, всем Авель имел дерзновение назвать день их смерти, а тем паче причину, за что двадцать один год провел в ссылках и тюрьмах. Так кем же он был — авантюристом, сумасшедшим или действительно пророком?

Крестьянин Василий Васильев родился в 1757 году в Тульской губернии. С юности он отправился странствовать по Руси, принял постриг в одном из новгородских монастырей. Став монахом и взяв имя Авель, сперва жил отшельником на Волге, потом в Соловецком монастыре, затем в Валаамском, где написал свои первые «зело пристрашные книги». Это две небольшие тетрадки с главами «Сказание о существе, что есть существо Божие и Божество», «Жизнь и житие отца нашего Дадамия».

Авель потом объяснял, что ничего не писал, а «сочинял из видения». Однажды утром, еще затемно, ему будто бы открылись

в небе две большие книги. Также было видение, что «ожидаемый жидами мессия уже объявился на земле, а именно в русском городе Орле под именем Федора Крикова». Авель поехал в Орел и действительно нашел торговца-еврея с этим именем. Они долго беседовали, и Криков назначил Авеля «в этом же году встречу в Киеве». Встрече не суждено было состояться, поскольку к этому времени Авеля арестовали, но именно разговор с мессией подвиг, видимо, его к паломничеству в Константинополь, куда он и двинулся через Орел, Сумы, Полтаву и Херсон.

Костромской епископ, в епархии которого стал жить Авель, немало озадачился писаниями монаха, углядев в них ересь. Авеля расстригли и должны были судить светским судом. Но так как в книгах шел разговор и об императрице, епископ счел за лучшее отдать расстригу в костромское наместническое правление, откуда под строгой охраной его отвезли в петербургскую Тайную экспедицию для допроса.

Допрашивал Авеля преемник знаменитого Шешковского Александр Макаров.

«Вопрос. Что ты за человек, как тебя зовут, где ты родился, кто у тебя отец, чему обучен, женат или холост, и если женат, то имеешь ли детей и сколько, где твой отец проживает и чем питается?

Ответ. Крещен в веру греческого исповедания, которую содер­жка повинует­ся всем церковным преданиям и общественным положениям; женат, детей трое сыновей; женат против воли и для того в своем селении жил мало, а всегда шатался по разным городам.

Вопрос. Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся и какое имел пропитание, а домашним — пособие?

Ответ. Когда было еще 10 лет от роду, то и начал мыслить об отсутствии из дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу, а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «Аще кто оставит отца своего и мать, жену и чада и вся имени Моего ради, той сторицею вся примет и все­лится в царствии небесном», внемля сему, вяще начал о том думать и искал случая об исполнении своего намерения. Будучи же 17 лет, тогда отец принудил жениться; а по прошествии несколько тому времени начал обучаться российской грамоте, а потом учился и плотничной работе.

Вопрос. Какой тебе год и откуда был глас и в чем он состоял?

Ответ. Когда был в пустыне Валаамской, во едино время был из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей всю истину, еже аз тебе заповедую. Первое скажи ей, егда

воцарится сын ее Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его земля турецкая, а сам султан дань станет платить. И еще рши северной царице Екатерине: царствовать она будет 40 годов.

Вопрос. Для чего внес в книгу свою такие слова, которые кажутся Ея Величества и именно, акиби на ню сын восстанет и прочее, и как ты разумел их?

Ответ. На сие отвечаю, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию, и утверждаю под смертной казнью, что я восстание в книге своей разумел словом и мыслию; признаюся чистосердечно, что сам сии слова написал потому, что он, то есть сын, есть человек подобострастен, как и мы...»

Много задавал Макаров вопросов монаху, в основном по поводу императрицы и наследника. Остальные пророчества его не волновали. Очень удивился следовательно ответному вопросу Авеля: «Есть ли Бог и есть ли диавол, и признаются ли они Макаровым?»

Авель был приведен к генерал-прокурору графу Самойлову, который, рассвирепев, отвесил монаху три оплеухи. Предстал наконец Авель и пред светлые очи матушки-императрицы. Услышав год и день своей смерти, она была в истерике. Результатом их разговора явился указ:

«Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял из самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблемость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ея Императорского Величества и высочайшего Ея Величества дома, в чем и учинил собственноручное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти по государственным законам заслуживает смертную казнь; но Ея Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева, вместо заслуженного ему наказания, посадить в Шлиссельбургскую крепость, вследствие чего и отправить при ордере к тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотром, с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в каждый день, а вышеказанные, писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурора, хранить в Тайной экспедиции».

Эти бумаги, несмотря на разные российские передряги, войны и прочее, сохранились в архиве. В том числе и такая книга — «Житие и страдание отца и монаха Авеля».

«Сей отец Авель родился в северных странах, в московских пределах, в Тульской губернии, деревня Окулово, приход церкви

Ильи-пророка. Рождение сего монаха Авеля в лето от Адама семь тысяч и двести шестьдесят и в пять годов, а от Бога Слова — тысяча и семьсот пятьдесят и в семь годов. Зачатия ему было и основание месяца июня и месяца сентября в пятое число; а изображение ему и рождение месяца декабря и марта в самое равноденствие; и дано имя ему, якоже и всем человекам, марта седьмого числа. Жизни отцу Авелю от Бога положено восемьдесят и три года и четыре месяца; а потом плоть и дух его обновятся, и душа его изобразится яко ангел и яко архангел... И воцарится... на тысячу годов... царство восстанет... в то убо время воцарятся... вси избранные его и вси святые его. И процарствуют с ним тысячу и пятьдесят годов, и будет в то время по всей земле стадо едино и пастырь в них един... И процарствует тако, как выше сказано, тысячу и пятьдесят годов; и будет в то время от Адама восемь тысяч и четыреста годов, потом же мертвые восстанут и живые обновятся; и будет всем решение и всем разделение: которые воскреснут в жизнь вечную и в жизнь бессмертную, а которые предаются смерти и тлению и в вечную погибель; а прочая о сем в других книгах. А мы ныне не возвратимся на первое и окончаем жизнь и житие отца Авеля. Его жизнь достойна ужаса и удивления...»

«Житие» написано самим Авелем. Далее он рассказывает, как жил в монастырях, как ему случилось видение, после которого он «стал все познавать и все разуметь». Проведя несложные подсчеты, видим, что, по Авелю, конец света, «когда мертвые восстанут и живые обновятся», падает на 2892 год по нынешнему календарю.

После кончины Екатерины на престол взошел Павел. Новый император затребовал из следственного дела сочинения «столь зрячего провидца» и, прочитав их, приказал привезти автора к нему.

Встретил он Авеля уважительно, даже предложил помощь в обустройстве жизни, на что Авель возразил: «От юности мое желание быть монахом и служить Богу». Тогда Павел попросил предсказать его будущее. О чем говорил прорицатель — неизвестно, но после разговора император приказал «облечь Авеля в монашество, обеспечить хорошее питание».

Неугомонный монах лишь год пробыл в Александро-Невском монастыре, после чего отправился в Москву, где общался с известными по тем временам грамотеями Матвеем Мудровым, Петром Страховым и, пророчествуя, собирал деньги для дальнего путешествия. Но вскоре последовал новый запрет, и он отправился в понравившийся ему ранее Валаамский монастырь, где тайно сочинил новую книгу предсказаний. Об этом узнали. И настоятель написал обер-прокурору: «Книга от него отобрана и ко мне представлена с найденным в ней листком, писанным русскими литерами, а книга писана языком неизвестным». Опасаясь последствий, Авель, по всей видимости, зашифровал текст.

Его вновь привезли в Петербург и заточили в Петропавловскую крепость. Опять пришлось свидеться со следователем Макаровым. Правительства меняются, а следователи остаются!

Навестил монаха архиерей Амвросий, пытаясь «понять этого человека». Он отписывал обер-прокурору: «Монах Авель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустыnnики даже в страха приходят. Впрочем, Бог весть».

Последние слова архиерея означают, что «помешанный» его все-таки озадачил.

Из каземата Авель писал архиерею:

«А ныне я имею желание определиться в еврейский род и научиться их познанию Христа Бога и всей нашей православной веры и прошу доложить о том Его Величеству».

К несчастью своему, Авель неосторожно назвал дату смерти императора Павла, чем совсем уж себя погубил... Сидеть бы ему и сидеть в крепости... Но вступил на престол Александр Павлович, и Авеля отправили в Соловецкий монастырь, а потом и вовсе освободили. Провел он на свободе целый год (1802), написал новую книгу, в которой предсказал, что «врагом будет взята Москва», да еще и дату назвал. Книга дошла до императора, и Авеля приказано было заключить в соловецкую тюрьму, пока не сбудутся его пророчества. На этот раз пришлось просидеть двенадцать лет: «...И видел в них добрая и недобрая, злая и благая, и всяческая и всякая; еще ж такие были искусы ему в соловецкой тюрьме, которые и описать нельзя. Десять раз был под смертью, сто раз приходил в отчаяние; тысячу раз находился в непрестанных подвигах, а прочих искусов было отцу Авелю число многочисленное и число бесчисленное».

Предсказание о взятии Москвы исполнилось в 1812 году, и Александр I вспомнил об опальном монахе. Полетело на Соловки письмо: «Монаха Авеля исключить из числа колодников и включить в число монахов, на всю полную свободу. Ежели он жив и здоров, то ехал бы к нам в Петербург: мы желаем его видеть и с ним нечто поговорить».

Архимандрит Соловецкого монастыря, который морил Авеля голодом и вообще обращался с ним плохо, занервничал и ответил в столицу: «Ныне отец Авель болен и не может к вам быть, а разве на будущий год весною».

Авеля выпустили, снабдили его паспортом, деньгами и одеждой. Он поселился в Троице-Сергиевой лавре, жил тихо, разговаривать не любил. К нему повадились было ездить московские

барыни с вопросами о дочерях да женихах, но Авель отвечал, что он не провидец. Однако писать он не бросил. В письме к графине Прасковье Потемкиной говорится, что сочинил, мол, для нее несколько книг, которые вскоре вышлет: «Оных книг со мною нету, а хранятся в сокровенном месте; оные мои книги удивительные и преудивительные, те мои книги достойны удивления и ужаса, а читать их токмо тем, кто упоает на Господа Бога и на пресвятую Божию Матерь. Но только читать их должно с великим разумением и с великим понятием». Однако это уже не были книги пророчеств, поскольку в другом письме Авель сетует: «Я от вас получил недавно два письма и пишете вы в них: сказать вам пророчества то и то. Знаете ли, что я вам скажу: мне запрещено пророчествовать именным указом. Так сказано: ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет и самого монаха Авеля и держать их в тюрьме или в острогах под крепкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство, — в тюрьмах ли лучше быть или на воле, размысли убо. Я согласился ныне лучше ничего не знать да быть на воле, а нежели знать да быть в тюрьмах и под неволию. Писано есть: будити мудры яко змии и чисты яко голуби; то есть буди мудр, да больше молчи; есть еще писано: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну и прочая таковая; вот до чего дошли со своею премудростию и с своим разумом. Итак, я ныне положился лучше ничего не знать, а если знать, то молчать».

«Книга бытия» Авеля, где говорится о возникновении Земли, сотворении мира и человека, иллюстрирована им самим разными таблицами и символами. Он так их комментирует: «Изображен весь видимый мир и в нем изображена тьма и земля, луна и солнце, звезды и все звезды, и все тверди и прочая таковая. Сей мир величеством тридцать миллионов стадей, окружности девяносто миллион стадей; земля в нем величеством во всю третью твердь, солнце — со всю вторую твердь, тьма — со всю мету. Земля сотворена из дебелых вещей и в ней и на ней — воды и леса и прочие вещи. Солнце сотворено из самого сущего существа. Такожде и звезды сотворены из чистого самого существа, воздухом не окружаемы; величина звезд не меньше луны и не меньше тьмы. Луна и тьма сотворены из воздуха, тьма вся темная, а луна один бок темный, а другой светлый..» Авель делит мир на видимый и невидимый. Солнце у него состоит из самого сущего существа — не из ядерной ли энергии?

В 1823 году монах определился на жительство в Высотский монастырь под Серпуховом, но вскоре его покинул и снова отправился бродяжничать. Его обнаружили наконец в родной деревне

и, как самовольно оставившего поселение, заточили смирения ради в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, служивший в то время тюрьмой для духовных лиц.

Там Авель и умер в 1841 году, прожив, как сам предсказывал, ровно «восемьдесят и три года и четыре месяца».

Как возникло III Отделение

Граф Александр Христофорович Бенкендорф в своих записках так объясняет возникновение вверенного ему учреждения: «Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из внезапно открытого заговора, обагрившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие. Государь избрал меня для образования высшей полиции, которая покровительствовала бы угнетенным и наблюдала бы за злоумышлениями и людьми, к ним склонными. Таким образом император создавал орган, при помощи которого он мог непосредственно следить не только за появлением антигосударственных элементов в обществе, но и за действием всей сложной административной машины. Поэтому высочайшее повеление об учреждении III Отделения гласит, между прочим: «Предписать всем начальникам губерний и сообщить другим лицам, до которых сие касаться может, дабы они о всех предметах, в состав III Отделения собственной моей канцелярии входящих, доносили прямо на имя мое, с надписью».

Граф А. Х. Бенкендорф оставался во главе Отделения до самой своей смерти (15 сентября 1841 года); преемником его был князь Александр Федорович Орлов (по 5 апреля 1856 года). С 1856 по 1866 год шефом жандармов был князь Василий Андреевич Долгорукий, с 1866 по 1874 год — граф Петр Андреевич Шувалов, с 1874 по 1876 год — Александр Львович Потапов, с 1876 по 4 августа 1878 года (в этот день он был убит революционером Кравчинским) Николай Владимирович Мезенцев, с 1878 по 1880 год, когда III Отделение было (при графе М. Т. Лорис-Меликове) упразднено, — Александр Романович Дрентельн. Все эти лица были генерал-адъютантами.

Специальными местными органами III Отделения были жандармские части, которые постепенно обособлялись от военного ведомства и становились в теснейшую связь с Отделением. Так, в 1836 году все жандармские части, находившиеся в ведении корпуса внутренней стражи, выделены и включены в состав образованного корпуса жандармов, подчиненного исключительно

своему шефу (он же главный начальник III Отделения). В 1839 году должность начальника штаба корпуса жандармов соединена с должностью управляющего III Отделением. В 1842 году жандармский полк, состоявший при войсках, подчинен шефу жандармов во всех отношениях и включен в состав корпуса жандармов. Для ближайшего управления сетью жандармских команд, раскинутых по всей империи, в 1826 году образовано пять округов (в 1843 году число их возросло до восьми); округа эти разделены на отделения со штаб-офицерами (начальниками отделений) во главе; деятельность каждого распространялась на двести губерний.

С 1826 года важнейшей обязанностью жандармских чинов помимо полицейской службы становится и наблюдательная деятельность. Приказом шефа жандармов от 31 августа 1826 года предписано всем начальникам жандармских частей доносить ему «обо всех происшествиях» в местах квартирования частей, а также «о всех примечательных фактах», о которых «чины» узнают, сведения, «заслуживающие особого внимания», предписывалось посылать в конвέρтах с надписью «в собственные руки». В начале 1827 года была издана особая инструкция, определяющая обязанности жандармских чинов «по наблюдательной части».

Превыше всего ставивший дисциплину и из всех общественных организаций симпатизировавший только военной, император Николай I сам относился к своим государственным обязанностям с добросовестностью исполнительного ротмистра. Он стремился принимать участие в разрешении всякого дела, независимо от его масштабов и значения. Не доверяя бюрократической системе управления, особенно широко развернувшейся со времени административных реформ его брата, он пытался превратить всю несметную чиновническую массу, от министров до коллежских регистраторов, в покорных исполнителей царской, и только царской воли. И здесь III Отделение было весьма к месту. Бенкендорф в записке к Николаю замечал: «Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали...»

Как ни странно, такие же советы император мог получить и от «демагога» П. И. Пестеля.

В «Русской правде» Пестеля, хотя и рассчитанной на совершенно другую аудиторию, Николай мог найти много полезных истин, если бы только он самолично познакомился с текстом этого «возмутительного произведения». С особым вниманием он должен был отнестись к разделу «Записки о государственном управлении», где Пестель намечал полицейскую систему будущего государства, по плану «Записки», еще монархического.

«Высшее благочиние охраняет правительство, государя и государственных сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства, и по важности сей цели именуется оно вышним...» Оно «требуя непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главе сего приказа, который может оное устраивать посредством канцелярии, особенно для сего предмета при нем находящейся...» Имена чиновников «не должны быть никому известны, исключая государя и главы благочиния». Рассматривая далее функции благочиния, Пестель включает в них наблюдение за правильным ходом государственного аппарата, преследование противоправительственных учений и обществ и иностранный шпионаж. «Для исполнения всех сих обязанностей имеет высшее благочиние неприменную надобность в многоразличных сведениях, из коих некоторые могут быть доставляемы обыкновенным благочинием и посторонними отраслями правления, между тем как другие могут быть получаемы единственно посредством тайных розысков. Тайные розыски, или шпионство, суть посему не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и почти, можно сказать, единственное средство, коим высшее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели».

Изложив, таким образом, принципы высшей тайной полиции, Пестель переходил к устройству того, что он называл благочинием обыкновенным, или открытым. Для нашего повествования особый интерес представляет то место его плана, где говорится об организации «внутренней стражи», то есть той силы, «которая, превышая все частные силы, принуждает всех и каждого к исполнению повелений правительства». Пестель пишет: «Для составления внутренней стражи, думаю я, 50 000 жандармов будут для всего государства достаточны. Каждая область имела бы оных 5000, а каждая губерния 1000, из коих 500 конных и 500 пеших... Содержание жандармов и жалованье их офицеров должны быть втрое против полевых войск, ибо сия служба столь же опасна, гораздо труднее, а между тем вовсе не благодарна».

У нас нет, конечно, оснований утверждать, что этот суровый план, начертанный мятежником Пестелем в целях укрепления революционной дисциплины, действительно был использован при организации престола. Но самое совпадение любопытно и, может быть, не случайно.

Всерьез ставилась III Отделением борьба с бюрократической системой. Система эта, особенно развившаяся в царствование Александра I, в связи с усложнившимся строем общественной жизни сложилась к тому времени в довольно основательное и крепкое, хотя и не очень стройное здание. Современники, при-

выкшие персонифицировать причины социальных явлений, связывали рост бюрократии с деятельностью М. М. Сперанского: «В кабинете Сперанского, в его гостиной, в его обществе... зародилось совсем новое сословие, дотоле неизвестное, которое, беспрерывно умножаясь, можно сказать, как сеткой покрывает ныне всю Россию, — сословие бюрократов». Чиновники размножились в таком несметном количестве, что появились специальные казенные города, высший круг которых состоял исключительно из должностных лиц, — к таким городам принадлежал и выведенный Гоголем в «Ревизоре», единственными неслужилыми дворянами которого были, по-видимому, Бобчинский и Добчинский. Вместе с ростом аппарата росла и путаница взаимоотношений отдельных его частей, росло и количество злоупотреблений. При том порядке, который господствовал в первой четверти XIX века, когда во время судебных разбирательств приходилось справляться с боярскими приговорами времен царя Михаила Федоровича, а Уложение его сына было единственным кодифицированным памятником действующего права, немудрено было, что российская Фемида представляла зрелище довольно жалкое.

Вместе с тем сохранялся незыблемым, и в течение очень долгого времени, принцип «кормлений», согласно которому каждое должностное лицо должно было питаться от рода своей службы. Оклады чиновников были поразительно ничтожны. Какой-нибудь полицмейстер или почтмейстер не мог существовать на свое скудное жалованье. Первый из них, получая 600 рублей ассигнациями в год, принужден был тратить на одну свою канцелярию не менее 4000 рублей, а содержания второго едва ли доставало на отопление, освещение конторы, бумагу, свинец и прочее. Губернии делились по признаку рентабельности. Описывая одного из пензенских губернаторов, мемуарист Ф. Ф. Вигель вспоминал:

«Новый губернатор царствовал тиранически, деспотически. Он действовал как человек, который убежден, что лихоимство есть неотъемлемое священное право всех тех, кои облечены какою-либо властью, и говорил о том непринужденно, откровенно. Мне, признаюсь, это нравилось; истинное убеждение во всяком человеке готов я уважать. Иногда в присутствии пензенских жителей позволял он себе смеяться над недостатком их в щедрости: «Хороша здесь ярмарка, — говорил он им с досадною усмешкой. — Бердичевская в Волынской губернии дает тридцать тысяч серебром губернатору; а мне здесь купчишки поднесли три пуда сахару; вот я же их!»

Лихоимство и казнокрадство пронизывали весь правительственный аппарат до низших слоев. Население облагалось такими поборами, что даже воры бросали свой промысел, не желая отдавать львиную долю добычи местной администрации.

Подобное положение вызывало резкий протест населения, причем в первую очередь приходилось считаться с мнением торгово-промышленных кругов, приобретавших все больший вес в общественной жизни, и рядового провинциального помещика, сплошь и рядом зависевшего в своих хозяйственных делах от произвола канцелярских крючкотворов. Между тем никакого контроля, по существу, не было. С учреждением министерств в 1802 году они были поставлены под контроль Сената, но это учреждение, в течение всего XVIII века пресмыкавшееся перед многочисленными временщиками, уже не имело достаточного авторитета для суждения хотя бы об общих министерских отчетах. К тому же, по словам Сперанского, «из самых сих отчетов усмотрено было, что все разрешения министров и все их меры принимаемы были не иначе как по докладу и совершены высочайшими указами, на указы же постановлением 1803 года воспрещено было Сенату делать примечания». В целях контроля создали специальное ведомство, но, как заявил первый государственный контролер барон Б. Б. Кампенгаузен, он «искренно желал учредить в России контроль и завел только путаницу, мелочные придирки, необъятное множество бумаг».

О том, что III Отделение всерьез относилось к поставленной ему в области контроля задаче, свидетельствует дошедшая до нас переписка директора канцелярии Отделения М. Я. Фока с Бенкендорфом во время пребывания последнего на коронации в Москве. Рассуждая о внутренних неурядицах, Фок в письме от 17 сентября 1826 года говорит: «...городское управление должно знать законы и быть столь же беспристрастным, как они. Да это, скажут, план республики de Mogen. Положим, так, но это не причина отказываться от совершенствования полицейского управления».

В следующем письме он соглашается с ходящими в городе слухами: «Бюрократия, говорят, это гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом; в противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманных намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры, более опасной, чем сказочная гидра. Она ненасытна; это пропасть, становящаяся все шире по мере того, как прибывают бросаемые в нее жертвы... Начатые с этою целью преследования настолько же полезны, насколько и необходимы; в этом все согласны...»

Впрочем, старый служака, имевший и время, и случай познакомиться с работой бюрократического механизма, смотрел на возможность успеха начатой кампании довольно скептически. «Подавить происки бюрократии, — замечает он в одном из писем, — намерение благотворное; но ведь чем дальше продвига-

ешься вперед, тем больше встречаешь виновных, так что, вследствие одной уж многочисленности их, они останутся безнаказанными. По меньшей мере, преследование их затруднится и неизбежно проникнется характером сплетен».

Всемерно возвеличивая принцип единодержавия, верховная власть опиралась на поддержку не только столичной аристократии и крупного землевладения, заинтересованного в сохранении своих сословных привилегий, но и на всю массу рядового дворянства. И в борьбе против бюрократии, как бы узурпировавшей ее права, натолкнулось на глухое противодействие той же рядовой дворянской массы, жадно бросившейся в результате оскудения поместного хозяйства на ступени чиновной лестницы. Борьба с системой оказалось невозможным, наоборот, она разворачивалась все шире и шире. В желании поставить предел бюрократическим аппетитам, правительству пришлось прибегнуть к старым, дедами завещанным приемам — ревизиям. Зато последних стало много. По дорогам Российской империи понеслись заливчатские тройки, унося молодых людей в жандармских мундирах или голубых воротниках; в подорожных было прописано, что едут они «по особенной надобности». Ревизор стал бытовым явлением николаевской России.

Само по себе III Отделение являлось учреждением со сравнительно небольшим аппаратом. Первоначально личный состав был определен в 16 человек, которые должны были обслуживать все четыре экспедиции. Функции между этими экспедициями распределялись следующим образом:

I экспедиция ведала всеми политическими делами — «предметами высшей полиции и сведениями о лицах, состоящих под полицейским надзором».

II экспедиция — раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и крестьянским вопросом.

III экспедиция занималась специально иностранцами.

IV экспедиция вела переписку о «всех вообще происшествиях», ведала личным составом, пожалованиями и т. п.

Постепенно работа III Отделения усложнялась. В 1828 году к кругу его деятельности была причислена и театральная цензура, в 1842 году выделенная в специальную V экспедицию. Увеличилось и число служащих: к концу николаевского царствования штат состоял из 40 человек. Тем не менее строгого размежевания дел между экспедициями не было, в течение долгого времени не было и установленной формы переписки. Наиболее же секретные дела, в том числе и работа тайной агентуры, были подчинены непосредственно управляющему III Отделением — сначала М. Я. фон Фоку, потом А. Н. Мордвинову и Л. В. Дубельту.

Управляющий отделением, вместе с двумя-тремя наиболее ответственными сотрудниками, собственно и являлся центральным двигателем всей системы. Он непосредственно сносился с тайными агентами, на его имя поступали доносы и жалобы, от него зависело дать делу тот или иной оборот, так или иначе отредактировать всеподданнейший доклад и т. п.

К сожалению, материалы по истории тайной полиции особенно бедны сведениями о «приватной» агентуре III Отделения. Поэтому мы не в состоянии дать сколько-нибудь точную картину полицейского наблюдения того времени. Но уже по результатам его можно судить, что поставлено оно было довольно примитивно. Исследователи революционного движения 60-х годов, знакомясь со сводками агентурных донесений о революционных деятелях — Лаврове, Чернышевском, отмечают чрезвычайную скудность шпионских данных. Наблюдение за Чернышевским, по словам историка А. Шилова («Красный архив», 1926), показывает «низкий уровень агентов...». Их донесения не выходили из пределов данных наружного наблюдения или сообщений о «толках и слухах». Никакой «внутренней агентуры», дававшей впоследствии столько ценных для охраны сведений, не существовало. Не существовало и настоящих «секретных сотрудников». Данные «наружного наблюдения», «толки и слухи», перлюстрация писем, материалы, получаемые при обысках, и «откровенные показания» раскрывающегося или доведенного каким-нибудь способом до «раскрывания» — вот чем располагало III Отделение в начале 60-х годов.

Если так обстояло дело в 60-х годах, когда жандармерия мобилизовала свои силы для борьбы с поднимающейся революционной волной, то в предшествующую эпоху, гораздо более спокойную, наблюдение было поставлено еще хуже. Постоянные агенты, слонявшиеся по рынкам и трактирам и крайне редко проникавшие в дома так называемого «приличного общества», могли поставлять только материалы «слухов и толков». На помощь им приходили шпионы-добровольцы, но их материалы на 90 процентов оказывались ложными; чаще всего доносы эти являлись результатом сведения мелких счетов. Впрочем, III Отделение, памятуя, что в хорошем хозяйстве «и веревочка пригодится», никогда не отказывалось от их услуг, хотя наперед знало, что, скорее всего, дело кончится разочарованием. Не приносила значительных материалов и перлюстрация писем, это видно по тем совершенно безобидным письмам, которыми все же интересовались жандармские чины в чаянии хоть какой-нибудь поживы. Что касается постоянного наблюдения, то оно, по-видимому, производилось сравнительно редко и чаще всего работало вхолостую.

Так, например, в мае 1849 года в районе Зимнего дворца стал ежедневно гулять какой-то подозрительный незнакомец. Время

было смутное, а место для прогулки такое, что переполошилось не только III Отделение, но и все высшие власти. За неизвестным было установлено наблюдение. 4 мая он вовсе на прогулку не вышел, чем очень смутил Дубельта: уж не скрылся ли? 5 мая он был задержан и оказался совершенно безвинным отставным драгунским поручиком. В оправдание своей ретивости Дубельт сообщал: «Кажется, он несколько расстроен в уме».

Сравнительно слабо организован был и внутренний справочный материал Отделения. В отчете за 1828 год Бенкендорф писал: «За все три года своего существования надзор отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение». Карточки эти до нас не дошли, но трудно предполагать, что они были составлены сколько-нибудь организованно. Во всяком случае, в сохранившемся до нашего времени большом личном алфавите III Отделения помещены были только те фамилии, которые стояли в заголовках дел. Обычно при столкновении с III Отделением какого-нибудь лица управляющий требовал архивную «справку» о данном обвиняемом или просителе. И если на него специального дела заведено не было, архив отвечал, что сведений нет. Только в 70-х годах был налажен справочный аппарат, использовавший не только обложки, но и содержание делопроизводства.

Обзоры III Отделения

Уже в «Обзоре общественного мнения» за 1827 год мы находим картину отношения к правительству различных социальных групп. Помимо непосредственного интереса, этот очерк любопытен еще и тем, что дает социальную иерархию жандармского общественного деления.

На первом месте обзор ставит «двор», то есть «круг лиц, из коих собственно и составляется придворное общество». Здесь жандармский надзор отмечает две группы: телом и душой преданных императору и партию вдовствующей императрицы. Впрочем, настроение придворных, по справедливому мнению III Отделения, несущественно: «Мнение двора не представляет значения для правительства, так как оно (мнение) не играет никакой роли в обществе».

На втором месте стоит «высшее общество», то есть столичная аристократия и бюрократическая верхушка. Здесь обзор устанавливает довольно грубое деление на две группы: «довольных»

и «недовольных». Недовольные — это либо опальные вельможи прежнего царствования, либо же сторонники аристократической конституции на английский манер, члены английского клуба. Последние кажутся опаснее, но ни те ни другие не представляют сколько-нибудь значительной угрозы в смысле перехода к какому-нибудь действию.

Далее идет «средний класс: помещики, живущие в столицах и других городах, неслужащие дворяне, купцы первой гильдии, образованные люди и литераторы. Это многочисленный класс, разнородные элементы коего спаяны в одно целое, составляет, так сказать, душу империи». Здесь все обстоит благополучно: «Улучшение настроения и общественного мнения этого класса прогрессирует с поразительной быстротой». Правда, все эти группы имеют свои мелкие жалобы. Помещики и купцы страдают от налоговой политики и денежных затруднений, литераторы недовольны бездеятельностью Министерства народного просвещения. Но основной факт непреложен: «средний класс» является надежнейшей опорой правительства.

Следующей социальной группой, выделяемой «Обзором», является чиновничество. Последнее не внушает сколько-нибудь серьезных опасений, но «морально наиболее развращено» и требует попечения с этой стороны. «Хищения, подлоги, превратное толкование законов — вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы».

В своей борьбе с бюрократизмом III Отделение на словах шло довольно далеко. В «Картине общественного мнения за 1829 год» дан разбор всех министерств и министров. В своей критике жандармы, «не взирая на лица», были довольно резки. Так, о министре финансов Канкрине сказано, что он «человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый; не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают». Министр внутренних дел Закревский «деятелен и враг хищений, но совершенный невежа». Министр народного просвещения — обскурант. Военный министр граф Чернышев «пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти публики, всех классов без исключения». Морской министр прямо обвинен в воровстве и т. п. Наряду с характеристикой высших бюрократов жестокой критике подвергается и вся государственная система.

Но, как мы отмечали выше, борьба III Отделения с чиновничеством была исторически обречена на неудачу. Несколькими «показательными» процессами и наказаниями нельзя было остановить все усиливавшийся бюрократизм аппарата. И, сознавая свое бессилие, III Отделение на практике мало боролось с чинов-

ничеством, особенно средним и высшим, не приходившим в личные столкновения с центральной жандармской конторой.

Возвращаясь к «Обзору общественного мнения», мы находим в нем еще три отдельные группы: армию, крепостное крестьянство и духовенство. В армии сравнительно все хорошо: нельзя, может быть, определенно утверждать, что армия в целом довольна, но надо сознаться, что она «вполне спокойна и прекрасно настроена». Неблагополучно обстоит с крестьянством, жаждущим освобождения, и массой духовенства. Последнее живет почти в одинаковых условиях с крестьянством и заражается его настроениями.

Вся эта картина рисует сравнительно спокойное состояние общества, да так оно и было на самом деле. И единственное черное пятно на безоблачном жандармском небе составляет интеллигентская дворянская молодежь. В ее характеристике автор доходит до пафоса:

«Молодежь, то есть дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы и чаще всего прикрывающиеся маской русского патриотизма. Тенденции, незаметно внедряемые старшинами в них, иногда даже собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении в России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ».

Таким образом, центром оперативной деятельности III Отделения стала слежка за молодежью, которая представлялась наиболее благоприятной почвой для возникновения «тайных обществ». Однако «наблюдение вскоре убедило, что преступные замыслы (имеются в виду декабристы) не оставили в обществе почти никакого следа. Оренбургское дело и ничтожная попытка образования тайного общества в Москве (дела Колесникова и братьев Критских) были единственными, можно сказать, исключительными случаями, обратившими на себя внимание Отделения в первые пять лет его существования». С тем большей энергией взялось III Отделение за дело с 1831 года, после Польского восстания.

В приведенной выше характеристике «общественного мнения», помимо разреза социального, не был забыт и разрез национальный. Правда, не все народности были признаны достойными жан-

дармского изучения. Упомянуты только прибалтийские провинции, Финляндия и Польша. Хуже всего обстояло с последней, но как раз в Польше III Отделение не имело силы. Там действовала, хотя в значительной степени лишь на бумаге, своя конституция, а наместник, великий князь Константин, относился к жандармам довольно скептически, в польские губернии их не допускал и управлял по собственному разумению. Восстание 1830—1831 годов сразу изменило обстановку. Уже в самом начале Бенкендорф почувствовал, какую обильную пищу для работы своего учреждения он получает. «У нас эта война будет войной национальной, — писал он великому князю Константину в 1830 году, — тем не менее она большое для нас несчастье. Она послужит поощрением для негодяев всяких национальностей и бросит на весы, и без того уже наклоняющиеся в другую сторону, большую тяжесть в пользу мятежа против законной власти».

После подавления восстания польская конституция была уничтожена и III Отделение распространилось на Польшу. Здесь оно развило энергичную деятельность, приведшую, кстати, к созданию заграничной агентуры.

Списки дел III Отделения пестрят именами поляков, отправляемых на каторгу, в ссылку, бегущих оттуда и вновь попадающих в силки и т. п. Каково было отношение жандармов к польским делам, хорошо иллюстрирует рассказ жандарма Ломачевского, относящийся к его деятельности в виленской следственной комиссии 1841 года. Когда председатель комиссии, изумившись рвению одного из ее членов, полковника Н., спросил его: «Скажите, полковник, что, по вашему мнению, лучше для государя: не раскрыть вполне преступления или, напутав небылиц, обвинить невинного?» — тот ответил: «Лучше обвинить невинного, потому что они здесь все виноваты, каналы!»

«Между тем как польские провинции вызвали усиленную деятельность III Отделения в политическом отношении, внутренние, чисто русские области империи оставались по-прежнему спокойными и не возбуждали ни малейших опасений». Действительно, за весь период от декабристов до петрашевцев жандармам не довелось раскрыть ни одного сколько-нибудь крупного революционного дела. Оренбургское дело Колесникова, дело братьев Критских, дело Ситникова, кружки, связанные с именами Сунгурова, Герцена и Огарева, Кирилло-Мефодиевское общество — и все. Ни одна из этих организаций не успела начать революционные действия, а некоторые вовсе не собирались к таковым приступать. Кроме того, не все эти общества были раскрыты непосредственно III Отделением.

С одной стороны, это положение было для жандармов чрезвычайно отрядным. Спокойствие общества позволяло работать без

излишней спешки и волнений и приобретать чины и ордена без особого риска и невзгод. Но, с другой стороны, нужно было проявлять деятельность, а наиболее важного поприща — политического движения — как раз и не хватало. Поэтому то немногое, что находилось, раздувалось донельзя. Жестокие наказания постигали невинных студентов, за чаркой вина спевших оппозиционную или просто непристойную песню. Все, что чуть-чуть выходило за рамки дозволенного, превращалось в преступление. Без государственных преступников III Отделению было неприлично. Правда, значительную работу доставляли разбросанные по разным тюрьмам декабристы и позднее поляки. На каждого было заведено дело. Но вся эта слежка, хотя и требовала времени, уже не могла принести сколько-нибудь желаемого результата. И жандармы хватаются за каждое сообщение, каждый слух о тайном обществе, а ловкие авантюристы-провокаторы используют и жандармское рвение, и страх императора перед революцией. Николай I не оставял без внимания ни одного политического доноса.

Так, в 1835 году некий Луковский, приехавший из Англии, сообщил, что там существует два тайных общества: русское и польское. Он, Луковский, состоит членом этих обществ. Оба они действуют в контакте и предполагают начать в России широкую пропаганду. Для этого печатается соответствующая литература, полная ненависти к России и русскому престолу, и литературу эту будут переправлять в Россию по маршруту: Индия — Персия — Грузия — Астрахань. При всем том Луковский ни одной фамилии не называл и, как полагалось, просил дать ему денег для раскрытия злого умысла.

Нелепость доноса была очевидна: после 14 декабря неоткуда было взяться в Англии тайному обществу, а невозможный и придуманный лишь для вящего эффекта маршрут сразу обнаруживал мнимость предприятия. Николай, как он ни боялся призрака революции, догадался, что его обманывают, и на докладе по доносу Луковского положил резолюцию: «Все это очень неясно, нет ни одного положительного указания; во всем этом правда только ненависть к нам англичан». Однако тут же смутился — не проворонит ли он таким манером заговора — и приписал: «Впрочем, в наш век нельзя ничего оставлять без внимания». Пользуясь мнительностью императора, III Отделение давало ход таким делам и провокациям, фальшивость которых наиболее умные жандармы, как Фок или Дубельт, должны были понимать. Недаром про Дубельта говорили, что он выдумывает заговоры, чтобы пугать постоянно правительство. Если Дубельт сам заговоров и не выдумывал, то он не препятствовал другим измышлять их. Дела III Отделения полны доносов о «государственных тайнах» и злоумышлениях против императора, которые по расследовании оказывались дутыми. Эти доносы, наконец, утомили самих жандармов, и они стали наказывать неудачливых доносчиков.

Петрашевцы

Оживление общественных настроений, распространение в России идей социализма нашло выражение и организационное оформление в кружках, получивших название по имени основателя одного из них М. В. Буташевича-Петрашевского. Он был родом из небогатой дворянской семьи, учился в Царскосельском лицее. Окончив Петербургский университет, служил переводчиком в Министерстве иностранных дел. В 1844 году он стал собирать у себя по пятницам приятелей для обсуждения разных злободневных вопросов русской жизни. «Пятницы» Петрашевского приобрели большую известность в столице, на них перебивало несколько сотен человек: офицеры, чиновники, учителя... Там бывали Достоевский, Салтыков-Щедрин, Майков и другие. Сначала это были дружеские вечеринки, потом у них появились элементы организационного собрания: председатель, колокольчик, чтение заранее подготовленных рефератов. Посетители «пятниц», уезжая на работу в провинцию, собирали и там такие же кружки.

Петрашевский сознательно относился к своей деятельности как к пропаганде революционных идей, себя называл «старейшим пропагатором социализма». У него сложилась и концепция подготовки революции: сперва пропаганда, затем создание тайного общества и наконец восстание. Критике петрашевцев подвергались все звенья государственного аппарата, вся система: «Слово чиновник — почти то же, что мошенник или грабитель, официально признанный вор». О законодательстве: «Законы сбивчивы, бестолковы, противоречивы». Политическим идеалом петрашевцев являлось республиканское устройство с однопалатным парламентом во главе законодательной власти и выборностью на все правительственные должности. Они высказывались за федеративное устройство будущей России, при котором народам будет дана широкая автономия: «Внутреннее же управление должно основываться на законах, обычаях и нравах народа».

Все петрашевцы решительно осуждали крепостное право и освобождение крестьян считали важнейшей задачей.

На вечере, посвященном памяти французского утописта-социалиста Фурье, Петрашевский, выражая мнение большинства собравшихся, заявил: «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить!»

Как же виделось исполнение приговора? В отличие от своих предшественников петрашевцы думали не о военном восстании, а о «всеобщем взрыве». Они говорили: «В России революция возможна только как народное, крестьянское восстание, и поводом для него будет крепостное право».

Но когда Петрашевский провозглашал свой тост, осуждая на смерть крепостной строй, он не подозревал, что рядом с ним сидит полицейский агент Антонелли и что сам он, Петрашевский, еще пять лет назад попал в поле зрения руководителей III Отделения и Министерства внутренних дел. Не знал он и того, что, кроме Антонелли, еще два полицейских агента регулярно доносят в полицию о «пятницах», о составе собирающихся кружковцев и их речах.

Слухи и сплетни о «пятницах» петрашевцев ходили по Петербургу. Даже среди дворников шли разговоры, что «по пятницам Петрашевский пишет новые законы».

Полиция начала с того, что снабдила двух агентов лошадьми с дрожками, и они, как извозчики, останавливались каждую пятницу вечером недалеко от дома Петрашевского у церкви Покрова, с тем чтобы гости могли их нанять в первую очередь. Расчет строился на том, что возбужденные спорами на «пятницах» друзья Петрашевского будут продолжать свои разговоры и в дрожках. Кроме того, легко выяснить их имена и адреса.

В сети, раскинутые полицией, время от времени попадали различные молодые люди из мелкого чиновничества, больше всего на свете стыдящиеся своей бедности. Именно среди них вербовали агента.

После длительных поисков остановились на Петре Антонелли, студенте-филологе. Он с трудом окончил гимназию, в университет поступил лишь по настоянию отца и учился неохотно. Его влекло к веселой жизни, а денег не было. Антонелли был начитан, имел хорошую память. Наружность у него была несимпатичная: «Блондин, небольшого роста, с довольно большим носом, с глазами светлыми, не то чтобы косыми, но избегающими встречи, в красном жилете».

Он без сожаления расстался с университетом и после вербовки в качестве полицейского агента был оформлен канцелярским чиновником в департамент иностранных дел, где служил Петрашевский. Если один человек (Петрашевский) ищет единомышленников, а другой хочет познакомиться с ищущим, то их встреча неизбежна.

Знакомство вскоре произошло, и агент сумел так расположить к себе Петрашевского, что тот поручает ему переводить французский «Политический словарь».

Полицейские чины, желая сделать себе карьеру на деле петрашевцев, решают спровоцировать Петрашевского, подвигнуть его на какие-то реальные поступки. Пока ведь одни разговоры. И вот Антонелли должен убедить Петрашевского, что у него есть тесные связи среди народностей Кавказа, недавно завоеванных и очень недовольных этим. Агент создает из числа дворцовой

стражи группу «недовольных черкесов», якобы временно гостящих у него, и знакомит с ними Петрашевского. Разговор ведется через переводчика — Антонелли — и убеждает Петрашевского в том, что горцы — «горячий материал», хотя им явно недостает образованности. Поэтому он тут же предлагает юному другу заняться пропагандой среди южан. Он уверен, что на Кавказе обязательно произойдет переворот и черкесы создадут самоуправление.

На докладе графа Орлова о петрашевцах Николай I написал:

«Я все прочел, дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нетерпимо. Приступить к арестованию, как ты полагаешь, точно лучше, ежели только не будет разгласки от такого большого числа лиц на то нужных... С Богом! Да будет воля его!»

Арестовывали петрашевцев по списку, составленному Антонелли на «пятницах» в доме Петрашевского. В списке значилось 36 фамилий.

Пять месяцев длилось следствие, затем император распорядился «означенных лиц передать суду, составя смешанную Военно-судную комиссию...». Последняя полтора месяца рассматривала дело петрашевцев и вынесла в отношении 23 человек приговор, по которому «за преступный замысел к ниспровержению существующего в России государственного устройства» 15 человек были приговорены к расстрелу, остальные — к каторге и ссылке. Из комиссии дело поступило в генерал-аудиторат (высший военный суд), который изменил приговор и осудил 21 человека к расстрелу, в том числе Достоевского, обвинявшегося главным образом в чтении на собраниях петрашевцев «Письма Белинского к Гоголю». Приговоренных привезли на Семеновский плац в Петербурге, где была разыграна инсценировка смертной казни, после которой осужденным сообщили о помиловании. Зачитали новый приговор: Петрашевскому — каторга без срока, остальным от двух до пятнадцати лет каторжных работ, некоторых отдать в солдаты в действующую армию на Кавказе.

Столь суровый приговор правительство объясняло так: «Пагубные учения, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержению всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве. Но в России, где святая вера, любовь к монарху и преданность престолу основаны на природных свойствах народа и доселе хранятся непоколебимо в сердце каждого, только горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности поправить права религии, закона и собственности».

Люди в гороховых пальто

С конца XIX века до 1917 года в России существовала проблема, игравшая заметную роль в русской государственности, а именно: борьба правительства с различными оппозиционными и революционными партиями и группами.

Оставляя в стороне вопрос о степени необходимости такой борьбы, укажем только, что невероятное крушение огромной страны со всеми ее духовными и материальными ценностями совершено именно теми людьми, против которых в свое время были направлены охранительные учреждения России. Вполне ясно, что многие законы были далеки от совершенства и некоторые из них подлежали коренному изменению, но розыскные учреждения к делу изменения законов отношения не имели, их деятельность сводилась только к охране существовавшего в империи государственного строя.

Борьба этих учреждений с различными революционными партиями и группами велась на основании законов, а потому говорить о произволе исполнительных органов не приходится.

Относиться к розыску можно по-разному, но отрицать его необходимость нельзя, отчего он и существует без исключения во всех государствах мира, причем техника его везде одинакова. Правда, чем шире конституция в стране, тем уже сфера розыскной деятельности в политическом отношении.

Под понятием «политический розыск» подразумевались действия, направленные лишь к выяснению существования революционных и оппозиционных правительству партий и групп, а также готовящихся ими различных выступлений: убийств, грабежей, называемых «экспроприациями», агитаций и пр. С 1914 года это еще и шпионаж в пользу австро-германского блока.

Розыск по политическим преступлениям — одно, а возмездие по ним — совершенно другое, посему никаких карательных функций у политического сыска не было, а осуществлялись они в ином порядке, о чем речь ниже.

Высшее руководство политическим и уголовным розыском в начале XX века сосредоточивалось в Департаменте полиции при Министерстве внутренних дел.

Как тем, так и другим ведали отдельные делопроизводства, действовавшие самостоятельно друг от друга. В числе различных отделов департамента существовало делопроизводство регистрации, заключавшее в себе фамилии, клички, фотографии, дактилоскопические и антропометрические данные, относящиеся ко всем без исключения лицам, проходившим по политическим и уголовным делам империи.

В феврале 1917 года запылали по всей России драгоценнейшие для истории документы. Не избегло этой участи и одно из самых

больших охранных отделений — Московское. В ночь на 2 марта его подожгли какие-то темные личности. Они же руководили толпой, разбрасывающей бумаги во все стороны. Но еще 1 марта около 10 часов вечера группа вооруженных революционеров и солдат на грузовиках прибыла к охранному отделению и проникла в него со двора. Взломав двери, они забрали находившееся там оружие, часть документов, много бумаг сожгли.

Как ни странно, все же уцелели архивы всех политических дел, начиная с 1867 года и до самого последнего времени — 27 февраля 1917 года.

«Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве» (таково его полное название) возникло в 1880 году и обслуживало не только Москву и Московскую губернию; оно было в то же время «районным отделением» центральной области, охватывая 13 губерний и являясь самым большим в России.

При мартовском налете документы «охранки» были выброшены из шкафов, регистрационные карточки — много тысяч, — без которых найти что-либо невозможно, рассыпаны по всему зданию, по двору. Ко всему этому при тушении пожара были выбиты все стекла, все залито водой и смерзлось. Однако же погибли только списки лиц, служивших охранке, и библиотека революционных изданий. Исчезли и несколько отдельных дел, взятые, очевидно, не случайно. Так, например, дела № 1 и № 6 за несколько последних лет. Первое — о служащих охранного отделения, второе — о конспиративных приемах работы.

Но остался богатый для истории материал, по которому можно восстановить полную картину организации и работы этого учреждения.

Задача «охранки» была трудна, ибо она стремилась не только к подавлению революционного движения и устранению неблагонадежных лиц, но, как будет видно дальше, и к постоянным заботам о том, чтобы движение, избави бог, не заглохло, к поддержанию того напряженного состояния перед грозой, которое так способствует ловле рыбки в мутной воде, получению всяких чиннов и отличий.

Все, что делалось в «охранке», что приходило туда и исходило оттуда, — все было «секретно» или «совершенно секретно». Секретными были служащие и сотрудники, и приносили они особую присягу и клялись, что никогда и никто, даже близкий родственник, не услышит от них и намека на служебную тайну. Они не должны были даже знать друг друга и сходились лишь для деловой беседы, и лишь те, которым это было необходимо.

При разрешении своей задачи по выслеживанию и уловлению революционеров «охранка» пользовалась разными средст-

вами и методами. Каковы же они были? Здесь уместно предоставить слово самой «охранке», ее официальной инструкции:

«Главным и единственным основанием политического розыска является внутренняя, совершенно секретная и постоянная агентура, и задача ее заключается в обследовании преступных революционных сообществ и уличения для привлечения судебным порядком членов их.

Все остальные средства и силы розыска органа являются лишь вспомогательными, к таковым относятся:

1. Жандармские унтер-офицеры и в розыскных органах полицейские надзиратели, которые как официальные лица производят выяснения и расспросы, но секретно, под благовидным предлогом.

2. Агенты наружного наблюдения, или филеры, которые, ведя наружное наблюдение, развивают сведения внутренней агентуры и проверяют их.

3. Случайные заявители, фабриканты, инженеры, чины Министерства внутренних дел, фабричная инспекция и прочие.

4. Анонимные доносы и народная молва.

5. Материал, добытый при обысках, распространяемые прокламации, революционная и оппозиционная пресса и пр.

Следует всегда иметь в виду, что один, даже слабый секретный сотрудник, находящийся в обследуемой среде, даст несоизмеримо больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально могут вращаться заведующие розыском.

Поэтому секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не сможет».

Из инструкции ясно, что само наблюдение резко распадается на две части: наблюдение наружное — при помощи филеров, и когда деятельность революционных организаций освещается изнутри ею самой при помощи членов партии, пристроившихся одновременно и к «охранке».

Сильно различаются филер и секретный сотрудник. Филер — это простой шпик, «гороховое пальто» (несколько выше филер развездной и заграничный). Его работа была механической: следить за своим клиентом и докладывать «охранке» ежедневно, в форме письменного рапорта, где бывает его подопечный и что делает. Если наблюдаемый берется под слежку впервые, филер обязан дать ему кличку.

Как сказано выше, основой работы «охранки» была тайна, все дела и документы велись под псевдонимом как доносчика, так и наблюдаемого. Псевдонимы наблюдаемых впервые вводились филером, «крестным отцом». Обычно кличка давалась по наруж-

ному виду. Нет нужды, что филер зачастую не знал ни имени, ни фамилии лица, за которым следил или принял от своего предшественника. Он дает ему кличку по всей силе своего разума, а там отделение, которое все может и знает, разберется, что это за человек.

Кличка должна быть краткая, из одного слова, и притом такая, чтобы по ней можно было судить, относится она к мужчине или к женщине. Кличка должна характеризовать внешность наблюдаемого, его костюм или выражать собою впечатление, производимое данным человеком. Вот образцы кличек наблюдения: А. Ф. Керенский назывался Скорый; В. Л. Бурцев — Кашинский; банкир П. П. Рябушинский — Кошелек; Григорий Распутин — Темный; министр внутренних дел М. А. Никитин — Лысый; редактор «Голоса минувшего» С. П. Мельгунов — Плисовый и т. д.

Филер должен как можно подробнее запомнить и сообщить «охранке» приметы наблюдаемого, манеру ходить и держать себя, отличительные черты его костюма. Получив приказ принять в назначенном пункте в таком-то часу наблюдаемое лицо, филер ставит своей задачей не упускать его из виду до тех пор, пока не сдаст наблюдаемого своему сменщику; при этом шпику твердо внушено начальством вести себя так, чтобы наблюдаемый не заметил за собой слежки, и в крайнем случае филеру предписано лучше прекратить наблюдение, чем дать себя обнаружить.

Филер недаром носит свое название — он действительно все время в движении, все время на ногах, и его наблюдение только наружное. Он не знает, важное или не важное лицо, за которым он следит, часто не знает, принадлежит ли наблюдаемый к какой-либо партии, или это просто интересный для «охранки» человек. Вся его деятельность — настороженная работа ищейки, боящейся в то же время выдать себя и попасться, — вырабатывает из шпики тот особый тип, который поднатеревшие поднадзорные узнавали по манере держаться. «Охранка» учила, как скрывать свое лицо, особо строго внушала, что встречаться глазами с поднадзорным нельзя, так как глаза запоминаются легче всего.

Приняв от своего соратника наблюдаемого за лицом, филер преследовал его неотлучно, хотя иной раз и с большого расстояния. Он сопровождал его всюду пешком, сопровождал на трамвае или преследовал на извозчике, заходил вместе с ним в чайную, иной раз и в подъезд многоэтажного дома, если необходимо было установить номер квартиры, куда зашел наблюдаемый. Если преследуемый был «строг», часто посматривал по сторонам и оборачивался, филер увеличивал расстояние или передавал наблюдение при первой возможности другому.

В тех случаях, когда наблюдение считалось особо конспиративным, когда у наблюдаемого не должно было зародиться и тени

сомнения в своей «чистоте», наблюдение за ним становилось не под силу одному шпику и слежка велась двумя или тремя филерами по параллельным улицам. При этом один из них следовал за наблюдаемым на таком расстоянии, что едва видел его, а второй и третий филеры шли параллельными улицами. При этом шли они не просто, а с таким расчетом, чтобы их шаги были не быстрее и не тише, чем у наблюдаемого, и на каждом перекрестке они могли его видеть переходящим улицу.

Много ловкости и сноровки требовалось от хорошего филера, чтобы не упустить наблюдаемого. Многие революционеры были достаточно ловки, а в таком большом и нелепом городе, как Москва, так много укромных мест, так легко увернуться. И вот «охранка» требовала от филера, чтобы он знал наизусть все дома в Москве, где есть проходные дворы. Подходя к такому дому, филер подтягивался к наблюдаемому, держал его глазами как на привязи.

При первом удобном случае филер записывал в свою книжку, куда заходил наблюдаемый, сколько там пробыл, в котором часу вышел и т. д. Эту книжку он бережно хранил и, заполнив, сдавал заведующему наружным наблюдением. Сообщения филера должны были быть предельно точны. Охранка любила правду, ставила ее выше всего, и плохо приходилось филеру, если он сообщал ложные сведения. Если наблюдаемый был ловок и ускользал от слежки, филер обязан был, не боясь потерять репутацию, донести об этом по службе.

Ежедневные донесения филера подшивались в особую тетрадь, и сводка сведений из нее вместе с данными секретной агентуры ложилась в основу того писаного «Дела», которое с роковой неизбежностью заканчивалось, по техническому выражению охранного отделения, «ликвидацией», то есть арестом данного лица.

Вот выдержки из тетради наружного наблюдения за Григорием Распутиным, он же Темный:

«26 марта 1915 года. Разбор шифрованной телеграммы из Петрограда на имя начальника Московского охранного отделения от 26 марта 1915 г. за № 24554. 25 марта курьерским № 1 выехал в Москву Григорий Распутин, кличка наблюдения Темный. Установите неотступное совершенно секретное наблюдение случае выезда сопровождайте. Телеграфируйте мне № 139. Полковник Глобачев».

Конечно, чины «охранки» встретили Распутина, и филеры ежедневно докладывали о его похождениях в Москве.

«В 7 часов вечера приехал на автомобиле № 1592 в дом № 4 графа Шереметева по Б. Кисловскому пер., в подъезд № 2, с двумя неизвестными и неизвестной. Темный был в пьяном виде, а также и неизвестные были заметно выпившими. Первые трое

пошли в упомянутый подъезд, а неизвестная на автомобиле уехала без наблюдения. Через 15 минут автомобиль вернулся, а через 50 минут вышел один из неизвестных и уехал на нем без наблюдения. В 9 часов вечера вывели из подъезда Темного совершенно пьяным, усадили на извозчика и поехали по Никитской, Моховой, Волхонке, к Пречистенским воротам, откуда бульварами к Никитским воротам и домой (т. е. в дом № 4); более выхода его не видали. В 9 часов 30 минут вышел второй неизвестный, совершенно пьяный. На Б. Никитской ул. намеревался сесть в трамвай, но его не пустили, как пьяного. После чего он взял извозчика и отправился в дом № 43, графа Татищева по Пятницкой, 5».

Когда ныне мы видим на лотках брошюрки о святости Распутина, это может вызвать лишь улыбку.

На донесении филеров имеется приписка об уплате им вознаграждения за трудовой день:

«Бычков — 60 коп. трамвай и извозчик 90 коп.

Осминин — 60 коп. трамвай и извозчик 50 коп.»

Такова оплата труда филеров, и если бы не извозчики, на которых они ездили не так часто, а в счет вносили почти всегда, то их заработок был бы просто нищенским.

Если когда-нибудь историку понадобится установить точно время какого-либо события в связи с историческим лицом или общественным деятелем нашего прошлого, он без труда, с точностью до пяти минут, сможет его определить по беспристрастному донесению филера, подшитому к тетради наружного наблюдения.

Смотря по ходу дела и интереса к наблюдаемому, «охранка» следила за ним более или менее продолжительное время, а потом подводила итог работы в так называемой сводке наружного наблюдения, в конце которой имелась любопытная диаграмма, графическая сводка наблюдения.

Здесь отражены все связи и круг знакомств наблюдаемого; в руках «охранки» уже имеется ясное представление о его времяпрепровождении. Наружное наблюдение сделало свое дело. Картина жизни и деятельности этого лица станет вполне законченной, если осветить его деятельность изнутри, узнать, что делается за стенами этих домов. Поэтому нужно в круг его знакомств ввести своего человека, секретного сотрудника, и это удавалось охранке почти всегда и везде.

Нельзя не обратить внимания еще на одну мелочь, характеризующую эту организацию. Случалось, филер, стоя на своем посту, ждал выхода нужного лица из его квартиры; кличка наблюдаемого — Окунь; но вместе с ним выходят еще трое, и он дает им клички: Ерш, Пескарь, Карась. Эта родственность кличек не случайна: филеру таким образом легче запомнить клички целой группы лиц, за которыми он должен следить. Благодаря этому, люди, при-

надлежащие к одной группе или профессиональному союзу, всегда имели родственные клички. Так, например, члены профессионального союза булочников имели клички Жареный, Пареный, Сухарь и т. д.

Бывало, что дежурный филер давал какую-нибудь кличку лицу, уже окрещенному другим филером, но путаницы из этого отнюдь не выходило: отделение быстро разбиралось в своих диаграммах и устанавливало тождественность двух кличек, сообщая об этом филерам. Но большей частью такие ошибки вскрывали сами филеры при передаче взятого под наблюдение с рук на руки или на вечернем общем собрании филеров.

Иногда бывало нужно взять наблюдаемого, едущего в Москву из другого города. И оттуда уже идет телеграмма, конечно, условная, и без собственных имен, а в адресе нет намека на охранное отделение: просто — Москва, Гнездиковский, 5, Смирнову. Эти телеграммы составлялись в форме торговых отправлений, причем заведующих розыском называли хозяевами, филеров — приказчиками, а наблюдаемых — товаром. В Москве получается телеграмма: «Благоволите принять товар кашинский едем Петрограда Москву почтовым № 7». По прибытии в Москву петроградские филеры телеграфируют своему начальству в Петроград: «Товар кашинский сдан московским приказчикам». А в пути они, конечно, не спали, следили за ним неотступно и записывали: вышел в Любани, купил газету и т. д. Если наблюдаемый скрылся, то телеграфировали: «Товар подмочен». Если наблюдаемый был арестован, филеры слали извещение: «Товар смирный упакован упаковка хороша».

При арестах каждый охранник мог требовать содействия чинов наружной полиции, предъявляя свою служебную карточку.

Таковы были задачи и функции филера. Как говорят документы, к 1917 году при Московском охранном отделении было около восьмидесяти штатных филеров. Но если прибавить всех околоточных, бывших при каждом участке в распоряжении «охранки», и вольнонаемных служителей сыска, то эта цифра поднимется до семисот.

От негласного наблюдения не был застрахован никто: подзрительный интеллигент и Распутин, студент и великая княгиня, депутат Думы и секретный сотрудник охранки, ибо она следила и за собственными служащими. Могло случиться, что начальник Московского охранного отделения следил за начальником Петроградского охранного отделения.

Охранное отделение не предоставляло филеров только собственной инициативе и наблюдательности, оно помогало им чем могло. По-видимому, каждый филер имел при себе карманный альбом с фотографиями известных революционеров. Это была

небольшая книжка с листками из полотна, на которые наклеены портреты, а под ними краткий перечень примет. В любой момент филер мог сличить, похоже ли наблюдаемое лицо на одно из имеющихся в его альбоме.

Кроме того, в «охранке» имелись большие исчерпывающие альбомы с фотографиями эмигрантов. В этих альбомах были снимки, сделанные при арестах, и домашние, из семейного круга, и сделанные уже за границей. Попадали они в альбомы разными путями: покупались у прислуги, выкрадывались или же доставлялись в охранку добрыми друзьями. В регистратуре были целые шкафы с фотографиями арестованных, по алфавиту, мужские и женские отдельно. Таких карточек — много тысяч, и каждая за номером, и на каждую хранится в конверте негатив. На обратной стороне — дактилоскопические отпечатки пальцев и разные сведения.

Если арестованные не хотели сниматься, это делали насильно, призывая городских.

Существовала опись многих московских домов, особо подозрительных, состоящих на учете. С некоторых домов снимались планы и фотографии с указанием проходных дворов и т. д. К числу таких домов принадлежали известные дома на Бронной — «Гирши», всегда наполненные студентами, курсистками и всякими подозрительными интеллигентами.

Остается добавить, что филеров принимали на службу с большим разбором. Вот некоторые параграфы инструкции начальникам отделения по организации наружного наблюдения:

«Филер должен быть политически и нравственно благонадежным, твердым в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям, крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такую внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдаемым.

Филерами не могут быть лица польской и еврейской национальности. Вновь поступающему филеру должно быть разъяснено, что такое государственное преступление, что такое революционер, как и какими средствами революционные деятели достигают своих целей, несостоятельность учений революционных партий. Объясняются задачи филера — наблюдение и связь филера с внутренней агентурой, серьезность принятых на себя обязанностей и необходимость безупречно правдивого отношения к службе вообще, к даваемым сведениям — в особенности, вред от утайки,

преувеличения и ложных показаний. Причем ему должно быть указано, что только совокупность безусловно точно передаваемых сведений ведет к успеху наблюдения, тогда как искажение истины в докладах и стремление скрыть неудачи в работе наводят на ложный след и лишают филера возможности отличиться.

Принимать филеров нужно с большой осторожностью; при сомнении новичка испытать, выдержав его при отделении недели две без поручений по наблюдению, стараясь за это время изучить его характер, на основании данных общения его с другими служащими. При всех достоинствах чрезмерная нежность к семье или слабость к женщинам — качества, с филерской службой несовместимые. Ему же в первый день службы должно быть внушено: все, что он слышал в отделении, составляет служебную тайну и не может быть известно кому бы то ни было. Во время испытаний новичка нужно посылать для детального изучения города: узнавать проходные дворы, трактиры, пивные, сады, скверы с их входами, отход и приход поездов, пути трамваев, места стоянки извозчиков, таксу их, учебные и другие заведения, время занятий, фабрики и заводы, начало и окончание работы, формы чиновников и учащихся и пр.

Полученные в этой области филером познания он должен представлять ежедневно в письменном виде заведующему наблюдением для суждения о степени пригодности его к филерской службе.

Одеваться филер должен, согласуясь с условием службы; обыкновенно же так, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом вообще и отдельными его частями (также ботинки) из общей массы жителей.

При выходе наблюдаемого филер должен держать себя спокойно, не теряться, не срываться с места. Если наблюдаемый еще не видел следящего за ним филера, то последнему лучше укрыться, но если наблюдаемый заметил, то лучше остаться, не изменяя положения, и трогаться лишь тогда, когда наблюдаемый далеко отойдет или завернет за угол.

...На глухих улицах и переулках совершенно нельзя смотреть в лицо наблюдаемому.

Если встреча наблюдаемого с филером неизбежна, то не следует ни в коем случае встречаться взорами (не показывать своих глаз), так как глаза легче всего запоминаются.

В местностях, недоступных для стоянки пеших филеров, а также к наиболее важным наблюдаемым для успешности наблюдения назначается конное наблюдение — через филера, переодетого извозчиком.

...Появление извозчика вне места их обычной стоянки обращает внимание дворников и сторожей, которые обыкновенно гонят их, чтобы не гадили лошади. В этом случае продолжительность

стоянки извозчика-филера на одном месте зависит от находчивости филера. Он всегда должен быть готовым к ответам и быстро схватывать тип дворника. Судя по типу дворника, извозчик одному говорит, что ожидает доктора, приехавшего к больному, другому по секрету сообщает, что ожидает «барина», находящегося у чужой жены и для поездок по этому делу всегда берущего его, или же рассказывает басню про такую же барыню; третьему предлагает угостить «по-хорошему», чтобы не гнал с выгодного места, и т. п. На вопрос публики отвечает: «Занят».

Наблюдение за местами, где предполагаются лаборатория, типография, склад оружия и т. п., ведется с крайней осторожностью. В таких случаях пешее наблюдение ведет часто к провалу, а потому наблюдать из квартиры (снимается напротив или поблизости) или ставить конное наблюдение, если есть близко извозчик; на бойкой улице — переодетым торговцем, посыльным, в помощь которым даются пешие филеры. Последние не ставятся близко около наблюдаемого дома, а загораживают выходы из улицы и берут наблюдаемых по пути, ведут их с большой осторожностью, остерегаясь малейшего провала. При возвращении таких наблюдаемых домой надо идти как можно дальше от наблюдаемых. Входить во двор или дом для установки квартиры можно только в бойких дворах и очень больших домах.

В продолжительной командировке в маленьких городах удобнее жить с семьей, так как меньше шансов на провал, и, кроме того, прогулки с женой или ребенком часто могут замаскировать наблюдение.

Письма по наблюдению посылаются заказными в двух конвертах с сургучной печатью, причем в верхнем конверте на месте печати делается прорез, чтобы сургуч при запечатывании проник до внутреннего конверта и припечатал его к наружному. Письма рекомендуются сдавать на вокзалах или же опускать в почтовые ящики поездов».

Секретные сотрудники

Теперь перейдем к тем источникам сведений, которые сама «охранка» считала наиболее важными, необходимыми и незаменимыми, — к секретным сотрудникам. Их было много видов, и степень их полезности была очень различна.

1. Жандармы всех видов и чинов, готовые всегда донести, осветить, доложить. Это, в сущности, мелкие сошки, которые могли большей частью «тащить и не пущать».

2. Вторую категорию составляли приставы, околоточные, специально причисленные к охранному отделению, состоявшие при

участке в его распоряжении. Во время войны их развелось даже слишком много, среди них оказывались домовладельцы и купцы, не потому, что работали на «охранку» или нуждались в побочном заработке, — им просто надо было освободиться от военной службы. При этом некоторые из чинов старого градоначальства прямо заявляли, что Москва была на особом положении, что для Москвы число лиц, привлекаемых на службу охранным отделением, было неограниченно: могли брать, сколько хотели.

Конечно, патристические убеждения играли большую роль. Не будем говорить о рефлекслирующих интеллигентах — каждый гражданин империи считал своим долгом сообщить о подозрительных ему людях.

3. Третьими были сами чиновники охранный отделения, служившие в нем самом, исполнявшие текущую канцелярскую работу. На 1 ноября 1916 года их было 134 человека. Они знали мало и даже при желании не могли бы много сообщить той или другой стороне, так как все было под секретом, в руках старших жандармов.

Можно представить себе, что революционер, преданный своим убеждениям и партии, с определенной целью помочь партии поступает на службу в охранку; возможно, что усердием и трудом он добивается там известного положения, становится настоящим чиновником. Что мог бы он сделать, что мог бы он сообщить своей партии? Да ровно ничего или почти ничего. Он мог бы видеть и читать дела и документы, груды документов; он видел бы перед собой массу дел о наблюдении и преследовании революционеров, он видел бы имена секретных сотрудников. Но кто эти революционеры и сотрудники, он сказать не сумел бы — одни клички и псевдонимы: какая-то Зоя или Пелагея выдает десятки Скорых, Редисок и Лысых, но кто эти лица, чиновники узнают только после ареста в графе «установка» на обложке тетради наружного наблюдения.

4. Филеры, о которых сказано выше.

5. Секретные сотрудники, из которых различаются:

а) члены партийных организаций, часто занимавшие в них руководящую роль, заведовавшие типографиями, бывшие руководителями и издателями партийных органов;

б) провокаторы, соиздатели и подстрекатели к революционным выступлениям, одновременно сообщавшие «охранке» все, что знали. Но если спросить руководителей «охранки», как они могли держать на службе провокаторов, они с достоинством заявят: «Провокаторов мы не держали». И действительно, в «охранке» можно было найти целый ряд регистрационных карточек на лиц, которые были на службе и оказались уволенными за шантаж или «провокацию», — все это верно. Но в «охранке» провокацией

называлось совсем иное. Если сотрудник во время обыска или до него подсунет товарищу по партии бомбу или литературу, то это провокация. А вот если он уговорит товарища взять эти вещицы на сохранение и при обыске по его же доносу товарищ вяпается в историю, это уже не провокация, а ловкая работа! Проще говоря, если сотрудник надует «охранку», то это провокатор, которого надо гнать, если он подведет товарища по партии, то это работа, стоящая благодарности;

в) к числу секретных сотрудников относились и те, которые к партиям не принадлежали, но систематически давали «охранке» интересные сведения о каком-либо движении в определенном районе. К их числу принадлежали владельцы и приказчики мелких лавочек и мастерских, в которых можно было много услышать любопытного.

Департамент полиции в своем циркуляре 1908 года указывает и круг лиц, где могут вербоваться такие сотрудники: «Лучшим элементом для вспомогательной агентуры являются содержатели чайных и различных лавок; они отлично знают, что делается кругом на 20—30 верст, и, получая небольшое постоянное вознаграждение, могут быть весьма полезны, особенно для установок. Вторым подходящим элементом будут крестьяне-лентяи, проводящие все время в чайных. Вообще содержание таких вспомогательных агентов обходится недорого: 5—10 рублей в месяц. Пользу же они могут принести несомненную, особенно в виде опорных пунктов для командированных филеров, живущих у них под видом родственников, и пр. Могут быть полезны волостные и сельские писари, но содержание их обойдется дороже, да и население относится к ним не с полным доверием и много от них скрывает».

К этой же категории относились и лица, которые, не состоя в партии, держались вблизи нее, связанные личными знакомствами, а то и родством: так, были случаи, когда муж доносил на жену, брат — на брата...

Руководители и вдохновители охранного отделения — офицеры отдельного корпуса жандармов, заведовавшие различными делами. Под их наблюдением и руководством велось как наружное, так и внутреннее наблюдение за партийной работой. Одни заведовали всеми филерами, другие — секретными сотрудниками, около 12—20 у одного офицера, которых знал только он, а те, в свою очередь, знали только его одного и встречались с ним на частной квартире.

Сама организация охранного отделения — дело их рук. Чтобы работать успешно, им необходима была точная регистрация дел и лиц. И эта регистрация была идеальна. Всякий, кто хотя бы только подозревался в чем-либо, попадал в особую регистрационную карточку, на которой проставлялся номер дела, и всякую

справку на любое лицо можно было получить в несколько минут. На этих карточках можно было найти имена всех общественных деятелей, высокопоставленных особ и пр.

Особо стояла карточная регистрация в агентурном отделе. Там карточки носили характер групповой обособленности: на красные карточки заносились эсеры, на синие — социал-демократы, на желтые — студенты, на белые — деятели разных общественных групп, на зеленые — анархисты.

Для практического обучения собиралась коллекция бомб, которые употреблялись революционерами. Имелась подробнейшая инструкция, как производить обыски в лаборатории и обращаться со взрывчатыми веществами. Имелась коллекция оружия, обычно употребляемого революционерами.

Из всех упомянутых выше категорий следует, наверное, остановиться на наиболее интересной: это секретные сотрудники, освещавшие положение внутри самой партии, проникавшие туда под маской революционеров с заранее намеченной целью. В большинстве случаев это были рядовые партийные работники или смалодушничавшие на допросе, или недостаточно сильные волей, чтобы избежать искусных ловушек «охранки».

По диаграмме в сводке наружного наблюдения можно было увидеть картину знакомств и связей определенных лиц: кто с кем знаком, куда и как часто ходит. Но ведь необходимо узнать, что это за люди, зачем они собираются? Наружное наблюдение, даже самое тщательное, на этот вопрос не ответит. Но стоило ввести в этот круг одного своего человека, и картина становилась совершенно ясной: ваша деятельность получала освещение и изнутри, и снаружи. Если представлялась возможность ввести в этот круг не одного, а двоих или более своих агентов, «охранка» такого случая не упускала. И второй сотрудник, попавший в эту разрабатываемую группу, не знал, что там уже есть его коллега. Оба работали параллельно, друг друга дополняя и давая «охранке» возможность проверить работу обоих.

Читателю, конечно, интересно знать, много ли было таких сотрудников и сколь крупную роль они могли играть в жизни и работе партийных организаций подполья. Случалось, верхи этих организаций, областные и иные комитеты, были ими насыщены, были сплошь и рядом в их руках.

При этом немалую роль играло право кооптации, обычно предоставлявшееся комитету в революционных организациях. Если члены комитета, за исключением, конечно, секретных сотрудников, арестовывались, то оставшиеся могли широко использовать свое право кооптации, привлечь на свое место других сотрудников, а сами под предлогом небезопасности для себя уехать и занять места в других организациях.

Не обходилось и без курьезов.

Был у московского отделения собственный Азеф, только не эсер, а социал-демократ, большевик Андрей Романов, кличка Пелагея.

Для характеристики ценности сотрудничества Пелагеи, правой руки Ленина в Москве, обратимся к выдержке из одного документа.

В сентябре 1915 года полковник Мартынов отчитывался перед начальством, узнавшим об участии секретных сотрудников охранного отделения в агитации в Иваново-Вознесенске, результатом которой был расстрел рабочих.

«Вашему превосходительству известно, насколько ценен Пелагея как сотрудник, не раз освещавший проходившие за границей, созываемые центральным комитетом социал-демократической рабочей партии совещания партийных работников, находящийся в непосредственной близости с такими видными большевистскими деятелями, как Ленин и другие, и еще в совсем недавнее время давший сведения, по которым была в конце минувшего года арестована под Петроградом, в дачной местности Озерки, социал-демократическая конференция с участием членов социал-демократической рабочей фракции Государственной думы».

Его превосходительству было, однако, известно и то, что делегаты рабочих Иваново-Вознесенска имели явку в Москве к некоему Романову, жившему на Грузинской улице, 22. Имел ли этот Романов непосредственное отношение к событиям в Иваново-Вознесенске или нет, утверждать не беремся — в распоряжении охранного отделения был не он один. Но чем был виноват полковник Мартынов, что жандармские филеры проследили иваново-вознесенских рабочих до этой квартиры, где проживал переплетчик Романов, который оказался Пелагеей? Просто случай, подобный которому уже был однажды с тем же сотрудником. Однажды его вызвал в Петроград член Государственной думы Петровский для присутствия на съезде в Озерках, о чем Романов в качестве Пелагеи доложил по охранному начальству. Начальство посоветовало ему ехать и послало с ним ротмистра Кирпотенко. На самом съезде Романов не был (Департамент полиции не советовал), но о ходе работы доложил подробно. Депутаты социал-демократы были арестованы и обысканы. И вот у одного из них, Муранова, нашли телеграмму, посланную ему Романовым из Москвы. По просьбе полковника Мартынова эту телеграмму и еще некоторые компрометировавшие Пелагею документы успели изъять из найденных у Муранова при обыске бумаг. Но другой социал-демократ, депутат Бадаев, не успел уничтожить бывшие при нем адреса, в том числе и адрес Романова. Пришлось для очистки Романова от подозрения произвести у него обыск, — конечно, безрезультатный, почему Романов и был оставлен на свободе

без последствий. Ленин наметил его для формирования «Областного бюро» и восстановления партийных организаций в центрально-промышленном районе и в Москве, благодаря чему Романов и сделал блестящую партийную карьеру. Одновременно он был, кстати, цеховым старшиной живописного цеха, и очень деятельным.

В делах охранного отделения имеется агентурная записка за 1914 год, из которой узнаем, что товарищ Маракушев виделся с товарищем Георгием и беседовал с ним о важных партийных делах. Маракушев — видный социал-демократ «примиренческого» течения, а Георгий — «ленинец». Оба — особо доверенные лица, облеченные полномочиями вести этот разговор.

«Маракушев передал, — сообщает в своем доносе Босьяк, — что сегодня он виделся с членом областного бюро центрального промышленного района Георгием, с которым беседовал относительно положения дел в партии и о возможной в будущем совместной работе. Разговор носил чисто академический характер и велся весьма миролюбивым тоном.

Георгий все время доказывал Маракушеву, что никаких разногласий между ними — «ленинцами» и «примиренцами» — нет и быть не может. Маракушев указал Георгию, что они, «примиренцы», объединяют как большевиков, так и меньшевиков-партийцев и никогда не откажутся от совместной с ними, т. е. меньшевиками-партийцами, работы — это одно; другое же, что они считают действия Ленина узурпаторскими и ни в коем случае не согласятся признать созданный им, Лениным, центральный комитет за партийный центр.

Георгий принципиально соглашался с Маракушевым и только настаивал, что созыв общепартийной конференции хотя и очень желателен, но трудно выполним в настоящее время по полицейским соображениям, время же уходит, и ждать созыва конференции нельзя, а нужно теперь же, не ссорясь из-за пустяков, начать работать вместе.

Георгий предлагает работу повести так: они, «ленинцы», отдадут «примиренцам» все свои связи по Москве, где таковые имеются в левфортовском, замоскворецком, пресне-хамовническом и бутырском районах, а «примиренцы» должны передать «ленинцам» свои связи в области; местный же руководящий центр образовать из представителей обеих групп.

Маракушев был немало удивлен, что представитель «ленинцев» так «примиренчески» настроен, и вынес убеждение, что «ленинцы» получили слишком преувеличенные сведения о связях и работе «партийцев»...

Так излагает секретный сотрудник Босьяк беседу двух виднейших революционных деятелей. Теперь же для оживления этого до-

кумента следует пояснить, что Босяк есть не кто иной, как сам товарищ Маракушев, а товарищ Георгий — все тот же Романов. Два провокатора, не зная о службе в «охранке» друг друга, с академической серьезностью обсуждают важнейшие партийные вопросы.

По документам «охранки» можно установить, что отнюдь не редки были партийные организации и группы, весьма конспиративного характера, где 50—75 процентов членов составляли сотрудники охранного отделения.

Бывали случаи, когда все сношения партии с границей велись исключительно через сотрудника «охранки», он являлся единственным звеном, связывавшим заграничный центр с местными организациями: через него шли транспорты литературы, а подчас и оружия.

Как известно, в январе 1912 года по инициативе Ленина и его единомышленников была созвана Всероссийская конференция партии социал-демократов. Как и при каких условиях она собиралась, видно из того, что охранное отделение было в точности осведомлено о выборах на конференцию, и сам Департамент полиции занял при этом вполне определенную позицию. Не препятствуя самому созыву конференции, департамент принял все меры к тому, чтобы на нее попали исключительно представители большевистского толка, арестовывая членов всех других фракций. Видимо, тактика Ленина не расходилась с намерениями департамента, ибо все командированные Лениным лица свободно разъезжали по России с ведома «охранки»; не менее шести агентов принимали самое живое участие в созыве ленинской конференции. Больше того, при выборах в Государственную думу кандидат большевиков и кандидат охранного отделения являли собою одно и то же лицо. Совместными усилиями социал-демократов и «охранки» кандидат в Думу прошел, и начальник Московской «охранки» телеграфно поздравил «с блестящим успехом» свое непосредственное руководство — Департамент полиции. Этим избранником был Р. Малиновский.

Секретный сотрудник представлял в «охранку» подробный отчет о своей работе в форме словесного доклада, который тут же записывался чиновником, и получалось то, что носило название «агентурной записки». Эти записки обдумывались в тиши рабочего кабинета, сведения для них собирались и улавливались сотрудником везде, при всяких обстоятельствах. Так, в одном из обширнейших томов с агентурными записками по партии «Народная свобода» обнаруживаем записку секретного сотрудника Лизы следующего содержания:

«Во время похорон проф. Шершеневича в группе следовавших за гробом представителей партии кадетов происходил обмен мнений по текущим политическим вопросам. Между прочим, член

Государственной думы Маклаков высказал такой взгляд по поводу стремления правительства провести в I Государственную думу возможно больше представителей духовенства.

Более близорукой политики, и именно с точки зрения самого же правительства, трудно представить. Стремясь создать покорную Думу, правительство вовлекает в политическую игру духовенство, фатальным образом не понимая, что оно затевает игру, очень опасную по последствиям...»

Стиль и способ выражения мысли не оставляют сомнения, что автор — человек интеллигентный.

Секретные сотрудники работали не только в партиях, но и при лицах особой важности: к Илиодору был прикомандирован, по распоряжению начальника охранного отделения Заварзина, секретный сотрудник — публицист.

Существовали особые агенты, которые следили за всеми новейшими изобретениями, просматривали патенты всех стран мира, ибо считалось, что революционеры могут познакомиться с изобретением раньше, чем «охранка» примет против него меры. Завели в «охранке» и папку «О возможных покушениях и террористических актах с аэропланов». А со времени начала Первой мировой войны в руках «охранки» сосредоточилась военная контрразведка и шпионаж. Среди дел отделений оказались копии всех заказов военного ведомства на оборону страны — очевидно, и они представляли интерес для «охранки».

Агентурные записки — архив русской истории

Один из найденных полицейских докладов посвящен «обеспечению безопасности Их Императорских Величеств и высокопоставленных лиц». В нем приводится план «денных постов у дворцов, в коих имеют пребывание высочайшие особы, и у домов, в коих проживают высокопоставленные лица». Всего было установлено 98 постов в три смены.

«Для наилучшей постановки службы этих постов, — говорится в докладе, — а равно для получения от них наибольшей пользы будет целесообразно заместить часть этих постов, а также часть людей, находящихся ныне на вокзалах, филерами, командированными в охранную агентуру по два от каждого из провинциальных охранных отделений из числа филеров, наиболее осведомленных о местных революционных деятелях. При такой технике охранных постов, в особенности если эти филеры будут расставлены на Невском проспекте и Морской улице, явится вероятным выяснение провинциального революционера, или последний, скрывшись у себя от наблюдения, появится в столице. Взамен прикомандиро-

ванных филеров из охранной агентуры можно будет командировать равное количество агентов, которые, ознакомившись в подлесах охранного отделения с наблюдаемым составом, возвратятся в охранную агентуру, а присланные люди будут откомандированы. Затем смена людей, ввиду движения наблюдаемого состава и появления в нем новых лиц, может быть произведена вновь».

В состав охранной агентуры того времени (около 1905 года) входило 250 человек. Помещались они в отдельном здании. Задачей филеров этой команды являлась охрана царя, его семьи, министров. При проездах царя по улицам Петербурга и поездках его в другие города они следовали за ним. Филеры рассыпались по улицам, где пролегал путь царя, следили, чтобы никто не бросился из толпы.

Во всех театрах были места для филеров охранной команды. И перед подъездом министров установлены были посты филеров.

Служба эта считалась в «охранке» тяжелой: ведь простаивали по 12—20 часов на улице при любой погоде.

Вот расклад охранной команды: в Царском Селе — 100 человек; в окрестностях Царского Села — 12; в охране императорских театров — 17; в Департаменте полиции — 7; при доме министра внутренних дел — 1; на вокзалах — 8; дежурных и сторожей — 6; писцов — 2; больных в среднем — 10; налицо — 87.

«Из этого числа, — продолжает докладчик, — необходимо исключить 50 человек, имеющих быть после таяния снега командированных в Царское Село, так как расширяется район путей поездок Их Императорских Величеств по окружающим паркам и увеличится население в прилегающих дачных местностях...»

Уличный агент получал в среднем 60 рублей в месяц. Вместе с жалованьем трех офицеров агентуры общий расход исключительно на охрану царской семьи составлял в 1905 году всего 159 тысяч рублей.

Находя охрану недостаточной, заведующий охранной командой ротмистр Герарди сообщал свой новый план распределения охранников: вводились посты филеров у дворцов всех великих князей и всех министров.

Так, министра внутренних дел охранял уже не один филер, а пятеро.

План уличных постов составлял довольно густую сеть охраны, но все-таки были улицы, даже и в центре столицы, которые не контролировались. Так, можно было спокойно ходить по Жуковской, по Надеждинской, затем свернуть по Кирочной и, если «наблюдаемый состав» благополучно пересекал Сергиевскую, можно было пройти по Воскресенской набережной на Охту. Лучшее всего обслуживался Невский проспект, требовавший 45 филеров, и Морская улица — 24 филера.

На каждом полицейском участке Петербурга проживали особые сыщики — надзиратели охранного отделения. Некоторые из них совместно с агентами центрального отряда и другого рода филерами несли дежурства на определенных улицах и перекрестках. Всех их, вместе с надзирателями, находившимися при самом охранном отделении, было в столице 70 человек. Эти сыщики — из опытных филеров — должны были следить за всеми лицами, проживающими или приехавшими на время в их околоток. В участках они проверяли паспорта лиц, показавшихся им подозрительными. Донося о них охранному отделению, надзиратели устанавливали особую слежку. Они следили за людьми, к которым часто собирались гости, и через дворников и швейцаров узнавали всегда, когда у каких-либо общественных деятелей устраивались тайные собрания или заседания. Все квартиры, где проживали студенты, находились под наблюдением. Обо всем, происшедшем за день, надзиратели доносили в отделение, которое сопоставляло их сведения со сведениями другого рода и принимало свои меры.

Отчасти в тесной связи с охранной командой находились в Петербургском охранном отделении филеры так называемого центрального отряда. Здесь были сыщики, которые знали в лицо уже известных революционеров, — из тех, понятно, что успели скрыться и были в розыске. Многие из филеров этого отряда знали иностранные языки, и их посылали за границу в места, где проживали революционеры, бежавшие из России.

Филеры подробно заносили в свои тетрадки описания наружности эмигрантов: рост, цвет волос, глаз, внешность и пр. Если удавалось — незаметно фотографировали их. В Петербургском охранном отделении была особая комната, увешанная фотографиями известных революционеров. На столе лежали толстые альбомы. Иногда сыщиков неожиданно проверяли, смогут ли они узнать революционера, если он появится при царском проезде. Как только из-за границы доносили, что такой-то эмигрант выехал в Россию, ему навстречу высылался для опознания агент центрального отряда. Часть филеров отряда составляли вполне образованные люди — студенты, курсистки, чиновники, окончившие университет на средства охранного отделения. Этим образованным сыщикам давали более сложные поручения, и им иногда удавалось вступить в приятельские отношения даже с общественными деятелями.

Следует вспомнить и так называемое регистрационное бюро. Работали при нем гостиничные филеры. Эти сыщики следили только за приезжающими в столицу, останавливающимися в гостиницах и меблированных комнатах, проверяли их паспорта, наблюдали за теми, кто старался избежать прописки в участке. Некоторые содержатели меблированных комнат нарочно соглаша-

лись не прописывать приезжего, если тот просил об этом, но тут же сообщали гостиничному филеру, что за гусь к ним пожаловал. Слежка за некоторыми общественными деятелями шла по всей России. Как только кто-нибудь из них прибывал в Петербург, паспорт его относился в регистрационное бюро, где заносили все данные: с кем виделся, что делал, когда уехал.

Таких гостиничных агентов было немного, около сорока.

Ну, а наружным наблюдением, как и в Москве, занимались непосредственно филеры охранного отделения. Разбиты они были на две группы, кроме них имелись филеры, выполнявшие отдельные поручения, и вокзальные филеры.

Филер только следил, в планы относительно наблюдаемого руководство его не посвящало. Ему давали сравнительно однообразные поручения: встретить «товар» (объект) при выходе из такого-то дома, провести до первой встречи с кем-нибудь. Затем филер бросал «товар» или сдавал его другому филеру, а сам «вел» другое лицо. К швейцарам и дворникам обращаться не рекомендовалось. Необходимые справки давали в охранном отделении уже надзиратели.

Душой же всего дела являлись жандармские офицеры, которым с марта 1881 года было поручено дело политического розыска. Внутреннее наблюдение, то есть наблюдение за революционерами в их квартирах, на заседаниях революционных партий вели не филеры, а секретные сотрудники охранного отделения. Донесения этих агентов собирались канцелярией «охранки», откуда уже все виды филеров получали приказы.

Канцелярия охранного отделения и имевшийся при ней архив разделялись на общую канцелярию и общий архив и на канцелярию и архив — секретные. Помещались они в одном и том же здании, но на разных этажах и не имели между собой почти ничего общего. Даже более того, служащие общей канцелярии не имели права входить в секретные комнаты.

Можно сказать, что, например, называвшийся первым стол в общей канцелярии был наиболее невинным. Там занимались личным составом всех открытых, не секретных служащих «охранки», рассматривались разные прошения об отпусках, повышении, выписывалось жалование и пр. По бумагам этого стола можно установить, что в Петербургском охранном отделении состояло уже до 600 человек, включая охранную команду. В отделении были самые различные должности, вплоть до старика, который пекся о лампадах перед многочисленными образами. У отделения на постах стояли свои городовые, а на одной из улиц была своя конюшня с извозчиками-филерами. В общей канцелярии велась та обширная переписка по самым причудливым поводам, которая ведется и теперь во всех казенных учреждениях России. Все несе-

кретные бумаги имели номера от 3000 и выше, секретные же проходили под номерами от 1 до 3000. Второй стол этой канцелярии занят был уже более серьезной работой. Этим столом выдавались свидетельства о политической благонадежности. Требовались такие свидетельства желавшим поступить в высшие и военные учебные заведения, поехать за границу, купить револьвер и т. д. В этом же столе наводились справки обо всех лицах, приезжавших хотя бы на день в Ялтинский уезд Таврической губернии и в Царскосельский уезд, то есть в места проживания царской семьи. Получив сообщение, что какое-то лицо приехало в Ялту, охранное отделение передавало это сообщение специальным служащим, причем немедленно наводились справки в общем архиве, не замечено ли это лицо в чем-нибудь антиправительственном.

Гораздо более значительной являлась канцелярия в нижнем этаже и архив при ней. Эта канцелярия делилась на секретный и особо секретный отделы. В секретном архиве хранились дела всех террористов, крупных общественных деятелей и видных революционеров, дела Льва Толстого и Григория Распутина. Все служащие этих отделов, вплоть до переписчиков, были надежными людьми, умели молчать. В особо секретной комнате работали главным образом руководители отделения, жандармские офицеры. Сюда приносили донесения по внутреннему наблюдению, здесь обрабатывались доклады филеров наружного наблюдения. Оба рода сведений сопоставлялись, сравнивались. Там же переписывались донесения секретных сотрудников, доставляемые жандармскими офицерами. Переписывались, впрочем, в тех случаях, когда все меры, которые охранное отделение считало нужными, уже были приняты. Тут же в одной из комнат заносили на карточки фамилии тех, кто в письмах неодобрительно отзывался о русских порядках.

В целях уже не столько розыскных, сколько осведомительных (или даже образовательных) в департаменте составлялись «обзоры» партий. В нашем распоряжении имеются два таких «обзора»: первый, составленный в 1909 году, представляет собой краткий очерк истории РСДРП со времени ее зарождения; второй, датированный 7 августа 1916 года, носит название «Обзор деятельности РСДРП за время с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией по июль 1916 г.».

В 1909 году сотрудник Московского охранного отделения, а затем Департамента полиции Л. П. Меньшиков с копиями документов о секретных сотрудниках сбежал за границу, где передал В. Л. Бурцеву сведения о 40 провокаторах. Он опубликовал в Париже под фамилией Иванов ряд очерков о провокаторах.

Уже в советское время Меньшиковым составлена «Черная книга русского освободительного движения», в которую внесено

несколько тысяч руководителей политического сыска, секретных сотрудников и филеров, а также лиц, подозреваемых в провокации.

Исполняющий обязанности вице-директора Департамента полиции Виссарионов сообщал 29 октября 1911 года в Министерство внутренних дел, что «целый ряд разоблачений секретной агентуры причинил непоправимый вред... возбудил в наличных сотрудниках недоверие к розыскным органам». Одновременно он делал вывод, что у эсеров «на местах в подавляющем большинстве работа приостановилась» и нет смысла засылать к ним агентов. Виссарионов сделал вывод о крайней слабости и неспособности многих сотрудников охранных отделений и жандармских управлений к розыску. Поэтому при департаменте были созданы трехмесячные курсы. На этих курсах изучалась история революционного движения, в том числе история РСДРП, партии социалистов-революционеров, анархистов и других. Особое внимание уделялось организации политического розыска, правилам работы филеров, содержанию конспиративных квартир, изучению фотографии и дактилоскопии и т. д.

Цветочки провокации

В 1903 году заведующий агентурой в Париже Н. И. Рачковский по личному приказанию царя был уволен в отставку за то, что сообщил неблагоприятные сведения о шантажисте-спирите Филиппе, который пользовался большим влиянием при дворе.

В Париж был командирован Ратаев, а на место заведующего особым отделом министр внутренних дел В. К. Плеве пригласил начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, который ввел на службу в Департамент полиции Медникова, Меньщикова, Квицинского, Труткова, Зверева, проваленных сотрудников — Гуровича и Панкротова, а также жандармских офицеров Терещенкова, Комиссарова, Меца и других.

С появлением этих лиц взгляды на революционное движение изменились. Создалась система исключительных награждений за открытие сенсационных дел: тайных типографий, складов бомб и пр.

По инициативе Зубатова Россия покрылась сетью охранных отделений, во главе которых были поставлены молодые жандармские офицеры, более восприимчивые к новым методам политической борьбы.

Для надзора за отправлявшимися в Россию революционерами с согласия германского правительства учреждена была в 1902 году

в Берлине самостоятельная агентура, начальником которой стал Гартинг (Геккельман), бывший секретный сотрудник III Отделения по партии «Народная воля». Гартинг тогда же за прежние заслуги был произведен в первый чин коллежского регистратора, а затем — сразу же в коллежского советника. Деятельность его, главным образом, свелась к тому, чтобы дискредитировать своего конкурента Ратаева, возглавлявшего парижскую агентуру, и занять его место. Это ему удалось с помощью вернувшегося из опалы Рачковского. Ратаева уволили.

В бытность А. А. Лопухина директором Департамента полиции произошел такой случай. После убийства террористом Каляевым великого князя Сергея Александровича петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов вошел без доклада к Лопухину, назвал его «убийцей», повернулся и вышел из кабинета. Дело в том, что Трепов, будучи московским обер-полицмейстером, возбудил ходатайство об ассигновании 30 тысяч рублей на охрану великого князя, а Лопухин отказал.

Вскоре генерал Трепов был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией. Но вся его распорядительность выражалась в том, что с первых же дней он настолько затюкал чиновников, что некоторые из них, приезжая к нему с докладом, лишались способности произнести хотя бы слово, и тогда Трепов говорил: «Приведите ко мне говорящего!» Кроме того, отдавая явно противозаконные распоряжения, он требовал, чтобы была найдена статья закона, оправдывающая его действия.

Ближайшим своим помощником Трепов назначил Рачковского, который немедленно приступил к организации своей личной агентуры и с этой целью выписал из Парижа Гапона, который должен был сманить в секретные сотрудники террориста Рутенберга. Но об этом ниже.

Директора Департамента полиции непрестанно менялись, оставаясь на своей должности лишь по несколько месяцев, и наконец был назначен М. И. Трусевич, который задумал превратить департамент в боевое учреждение и ввел в его состав жандармских офицеров — они и стали руководить политическим розыском. Генерал Климович стал заведовать особым отделом, а его ближайшими помощниками явились ротмистр, позже генерал Еремин — по партии эсеров, полковник Беклемишев — по польским партиям и т. д.

Приглашение на службу в Департамент полиции жандармских офицеров было вызвано еще и возникшим ко многим чиновникам недоверием после сделанных за границей старшим помощником делопроизводителя Меньщиковым разоблачений работы охранки.

Разоблачения В. Н. Бурцева тоже явились для департамента полной неожиданностью, и Трусевич с жандармскими офицерами прилагали все усилия к восстановлению агентуры.

Новой эпохой для Департамента полиции явилось появление на посту товарища министра внутренних дел генерала П. Г. Курлова, который первым делом стал набирать близких ему людей: директором департамента утвердили ничем не примечательного Н. Л. Зуева, делами же заправлял М. Н. Веригин — личный друг Курлова. Заведующим парижской агентурой стал отставной штабс-ротмистр А. А. Красильников, бесшабашный кутила.

Ходили слухи, что Курлов, как ярый монархист, был назначен против желания П. А. Столыпина для создания противовеса «либеральным» стремлениям последнего. Ведь Столыпин был министром внутренних дел.

Последствием разоблачений Бурцева явилось массовое увольнение секретных сотрудников, которые стали приходить в департамент просить о назначении им пособий и трудоустройстве. Пособия им давались мизерные, по 200—300 рублей, в дальнейшей их судьбе департамент участия не принимал, стараясь поскорее от этих людей отделаться.

У английского писателя Честертона есть затейливый роман «Человек, который был Четвергом». Доброволец-provokator поэт Сайм случайно становится участником собрания анархистов. Находчивый, злой и остроумный, он тут же на собрании приобретает симпатии анархистов и избирается ими в верховный совет анархистов Европы, каждый из членов которого носит кличку дня недели. В заседании совета вдруг поднимается вопрос о предателях, и когда Сайм, чувствуя на себе пристальный взгляд председателя, пытается вытащить из кармана револьвер, чтобы застрелиться, он замечает, что то же самое хочет сделать и его сосед. В конце концов оказывается, что и все другие анархисты — агенты полиции.

Этот роман мог стать для России реальной историей.

В современной юридической литературе под provokatorом понимается не просто полицейский агент, предатель, проникший в революционную среду, а такой агент, который своими действиями побуждает, подстрекает революционеров (независимо по каким причинам: государственным или личным) к невыгодным для них действиям с целью их разоблачения и ареста.

В партиях народовольцев и эсеров, где главным средством борьбы с правительственным строем был террор, provokация процветала особенно сильно. «Охранке» важно было не допустить террористических актов, и, чтобы предупредить их, они, бывало, провоцировались.

В работе с социал-демократами охранное отделение действовало больше приемами осведомления.

Неотделимы террор и provokация. Там, где раздаются револьверные выстрелы, зачастую живут бесчестье, предательство.

Политическая провокация особенно практиковалась при В. К. Плеве. Осуществлял ее в основном подполковник Г. П. Судейкин, которого называли «практическим сердцеведом».

Началось с «Народной воли».

Среди арестованных добровольцев III Отделение отбирало наиболее уязвимых в духовном отношении. Убоявшись виселицы, стал опознавать своих товарищей Иван Окладский; за предательство зарезан в гостиничном номере слесарь Рейнштейн.

После казни первоарматовцев руководителем остатков «Народной воли» был Сергей Дегаев, ставший агентом Судейкина. Когда Дегаева разоблачили, от него потребовали убить Судейкина. Иначе — смерть. И Дегаев в декабре 1883 года выстрелом из револьвера разнес голову своему шефу. Трудно все это объяснить — снисходительность и прочее, — но революционеры переправили Дегаева за границу, торжественно приговорили к изгнанию, и он уехал в Америку, где благополучно прожил еще 27 лет. А народу ведь погубил немало.

Не жандармерия делала Азефов и Малиновских, она лишь выбирала их из революционной среды. Прежде всего они были членами своих революционных организаций, а уже затем шли шпионить и доносить. Чины охранного отделения или жандармского управления, от начальника до младшего филера, никогда в революционные ряды не становились.

Дать исчерпывающий список секретных сотрудников, работавших в партии социал-демократов, пока невозможно, так как разработку имеющихся по этому вопросу материалов нельзя считать законченной. Можно говорить лишь о некоторых агентах внутреннего наблюдения.

Из них, несомненно, самым видным членом партии был Роман Вацлавович Малиновский.

Большевик-провокатор

В 1914 году в Государственной думе разразился скандал. Все знали руководителя большевистской фракции IV Думы, члена ЦК партии большевиков Романа Малиновского. Он вышел из рабочих, многого достиг самообразованием, стал секретарем союза металлистов. Но жизнь привела его в «охранку». Там Малиновского зачислили в штат и положили для начала 200 рублей в месяц.

Он постоянно виделся с Лениным (тот редактировал его статьи) и становился видным партийным публицистом. В 1914 году в Париже он прочитал реферат о работе большевиков в Думе, который Ленин очень высоко оценил.

Все бы хорошо, да Николай II, поддаваясь ширящемуся либерализму, назначил товарищем министра внутренних дел Джунковского, известного тем, что, будучи московским генерал-губернатором, ходил в 1905 году с революционерами под красным флагом от тюрьмы к тюрьме, освобождая политзаключенных. Начав знакомиться с агентурной картотекой, Джунковский очень удивился и, явившись к председателю Думы Г. Д. Родзянко, выложил ему: так и так, не депутаты у вас, а шпионы. Малиновский тут же сложил с себя полномочия депутата и бросился в Поронино к Ленину и Зиновьеву, жалуясь на усталость, депрессию и прочее. А слухи о провокаторе уже пошли. Дан и Мартов опубликовали заявления, обличающие Малиновского. Но Ленин объявил: «Наш ЦК ручается за Малиновского!..» В Первую мировую войну Малиновский попал в плен к немцам, в 1918 году выбрался оттуда и появился в России. Верховный трибунал ВЦИК тут же осудил его и расстрелял в 24 часа.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о нем — это, во-первых, некоторые данные, опубликованные в газетах «День» (от 16 июля 1917 г.) и «Русское слово» (от 19 мая 1917 г.), из материала, добытого Верховной следственной комиссией, учрежденной при министре юстиции А. Ф. Керенском, и, во-вторых, материалы, имеющиеся в архиве Московского охранного отделения. На основании этих данных мы можем составить довольно полное представление о нашем герое.

По справкам о судимости, издававшимся Министерством юстиции, Р. В. Малиновский был неоднократно судим за кражи, даже со взломом. Около 1901—1902 годов он стал сблизжаться с социал-демократическими рабочими кругами, а позднее был деятельным членом комиссии по рабочим вопросам при социал-демократической фракции III Государственной думы; в 1906—1910 годах состоял одно время секретарем союза рабочих-металлистов. К этому же времени относится его близкое знакомство, с одной стороны, с кругами, близкими к Ленину, а с другой — с московской «охранкой», секретным сотрудником которой он стал в 1910 году. 13 мая этого года Малиновский по операции против эсдеков арестовывается в Москве на улице и на допросе заявляет жандармскому офицеру Иванову о своем желании переговорить откровенно с начальником отделения Заварзиным. Освобожденный 25 мая, Малиновский вступает в агенты «охранки». В это время он, как эсдек, — меньшевик-ликвидатор, но «постепенно, после самых серьезных размышлений и наблюдений», как он говорил Ленину в январе 1912 года, переходит к большевизму. Одновременно с этой эволюцией он делает хорошую карьеру и в охранном отделении, где его ценят, увеличивая жалованье, первоначальный размер которого не превышал 50 рублей в месяц. До 1912 года в архи-

ве имеется 57 агентурных записок, освещающих работу московских социал-демократов. За это же время Малиновского три раза нарочно арестовывали, но за отсутствием улик освобождали.

Со времени поездки в январе 1912 года на Пражскую конференцию ленинцев Малиновский становится в ряды наиболее видных большевиков. На этой конференции он произвел хорошее впечатление на Ленина, был избран в ЦК партии и намечен кандидатом от рабочих Московской губернии в IV Государственную думу.

По приезде с конференции в Москву «стремится, — сообщает охранному отделению сотрудник Сидор (А. А. Поляков), — выставить свою кандидатуру по рабочей курии от губернии, и есть основание полагать, что он легко проведет ее, как имеющий популярность в рабочей среде». Через день сам Малиновский (Портной) сообщает о себе же: «Его кандидатуру в Государственную думу московский социал-демократический комитет определенно решил поддерживать». 20 сентября он о себе же: «Им собрано 20 рублей денег на командировку своих агентов по губерниям для агитации среди рабочих о голосовании за него при выборах в Государственную думу». 30 сентября он сообщает, что избран выборщиком на губернский избирательный съезд; 3 октября сотрудник Сидор сообщает, что Малиновским получено из-за границы около 300 рублей для ведения агитации среди уполномоченных от рабочих по проведению его кандидатуры, и, наконец, сотрудник Пелагея (А. С. Романов) доносит, что Малиновский участвовал в предвыборном совещании, где его окончательно наметили в Государственную думу.

Так проводили большевики Малиновского в Думу, но едва ли им удалось бы это сделать, если бы того же не желали и в охранном отделении, и в Департаменте полиции. Последние к тому же всячески устраняли препятствия, возникшие на пути Малиновского в Таврический дворец. А первое препятствие явилось в лице мастера завода, где работал Малиновский, Моисея Кривова.

Находясь в плохих отношениях с Малиновским, Кривов грозил уволить его с завода и тем самым сделать невозможным выборы Малиновского. Кривова на время выборов арестовали. Вскоре появилось новое препятствие. На основании положения о выборах, в них не могли участвовать лица, подвергшиеся по суду наказанию за кражу, мошенничество, причем означенное ограничение не покрывалось и давностью. Вице-директор департамента полковник Виссарионов предоставил директору Белецкому такой рапорт: «Вследствие личного приказа я имею честь обратить внимание Вашего превосходительства на положение о выборах в Государственную думу и доложить, что согласно 1 п. 10 ст. известное Вам лицо, как отбывшее наказание в 1902 г. за кражу со взломом из оби-

таемого строения, как за кражу в третий раз, по моему мнению, не может участвовать в выборах. К изложенному считаю долгом присовокупить, что Вы изволили приказать доложить Вам, что надлежит возбудить перед г. министром вопрос о том, следует ли ставить в известность о существующем ограничении московского губернатора, или это лицо должно пройти для него совершенно незамеченным». На представлении рукой Белецкого помечено: «Доложено г. министру. Предоставить дело избрания его естественному ходу». К переписке приложен лист бумаги с оттиском штампа особого отдела: «Шифр. Москва, начальнику охранного отделения. Вопрос об участии известного Вам лица в выборах предоставьте его естественному ходу. Белецкий». На другом листке такой текст: «...Разбор шифрованной телеграммы из Москвы от начальника охранного отделения на имя Департамента полиции. Дело предоставлено его естественному ходу. Успех обеспечен. Подполковник Мартынов». Наконец, 26 октября начальником Московского охранного отделения донесено директору департамента: «Исполнено успешно».

Выборы Малиновского в Государственную думу прошли успешно. Н. К. Крупская прислала поздравительное письмо, в газете «Правда» появилась горячая статья, выражающая уверенность, что Малиновский, уже более десяти лет являющийся социал-демократом и пользующийся большим уважением, несомненно скоро заявит о себе всей России. Департамент полиции увеличивает ему жалованье до 500 рублей в месяц.

После избрания Малиновский развивает чрезвычайно энергичную деятельность: как член ленинского ЦК, как член Государственной думы и как сотрудник Департамента полиции.

В качестве члена ЦК он присутствует на февральском совещании этого комитета, происходившем на рождественских каникулах 1912/1913 года в Кракове. В январе 1913 года Малиновский приезжает в Москву для организации легального марксистского издания. Летом 1913-го он снова за границей, на частном совещании лиц, пользующихся исключительным доверием Ленина (кроме самого Ленина и Малиновского, тут были Крупская, Зиновьев и Каменев). В представленном Малиновским в Департамент полиции отчете об этом совещании обращает на себя особенное внимание место, где он говорит о возникших в большевистском центре подозрениях, что «вблизи думской шестерки есть лицо, связанное с розыскными органами империи». Подозревать в предательстве кого-нибудь из членов самой шестерки, и в частности Малиновского, у Ленина и его ближайших помощников Зиновьева и Каменева, очевидно, не было и мысли, судя по тому, что и после истории с Черномазовым Малиновскому на этом совещании были даны ответственные поручения, как-то: назначение

двух учеников из Москвы в открывавшуюся Лениным партийную школу пропагандистов, добывание денег на эту школу, организация в Москве газеты и прочее.

Во исполнение данных ему поручений Малиновский в августе 1913 года принимает деятельное участие в издании в Москве большевистской газеты «Наш путь», первый номер которой вышел 23 августа. 2 сентября сам Малиновский в качестве секретного сотрудника (теперь он носит кличку Икс) сообщает начальнику Департамента полиции Мартынову, что социал-демократ Данский намеряет его (Малиновского) издателем журнала «Вопросы страхования», а 13 сентября доносит Мартынову, что ездил вместе с Петровским к Павлу Мостовенко за деньгами на партийные цели. 15 сентября Малиновский участвует в совещании видных социал-демократов от редакции газеты «Наш путь», на котором было решено организовать стачку-протест по случаю преследования рабочей печати и для этого выпустить листовку. На другой день Малиновский уехал за границу на совещание ленинцев, названное по конспиративным соображениям «августовским» (на этом совещании, кроме Малиновского, присутствовал еще провокатор А. И. Лобов).

Из постановлений этого совещания чревато последствиями было решение по вопросу об отношении думской «шестерки» к «семерке». Совещанием было решено «идти на явный раскол» с меньшевиками в случае неудовлетворения ими требований ленинцев! По возвращении в Петербург Малиновский добился этого раскола, что привело к вмешательству в партийные дела русских социал-демократов Международного социалистического бюро.

Служа в своей подпольной работе двум господам — Департаменту полиции и РСДРП, Малиновский и как член Государственной думы был таким же двуликим. Верховной следственной комиссией установлено, что он произносил в Думе речи частью от себя, частью же заранее приготовленные Лениным, Зиновьевым и другими лицами. Эти заранее приготовленные речи Малиновский представлял на просмотр вице-директору департамента Виссарионову, который вносил свои поправки.

Особенно замечательны выступления Малиновского в Думе 30 октября 1913 года и 22 апреля 1914 года. Подписав первый запрос к министрам внутренних дел и юстиции по вопросу о провокации социал-демократических депутатов II Государственной думы, Малиновский 30 октября 1913 года произнес горячую речь в защиту спешности этого запроса. Речь эта, вызвавшая ряд сочувственных отзывов и приветствий, напечатанных в газете «Правда», создала Малиновскому широкую популярность. 22 апреля 1914 года состоялась бурная обструкция со стороны левого

крыла Государственной думы против председателя Совета министров Горемыкина, причем 21 депутат, в том числе и Малиновский, были исключены на 15-м заседании. По словам членов Государственной думы Бадаева и Муранова, Малиновский возмущался создавшимся положением и настаивал на том, что «с этими карами парламентскими способами бороться нельзя», что «нужны другие приемы борьбы», что «возвращение в Думу было бы позорным, необходимы более революционные выступления в виде уличных манифестаций рабочих, которых депутаты должны были поднять на защиту».

Этот взгляд Малиновского не встретил сочувствия среди левых элементов Думы, и 7 мая 1914 года депутаты, по окончании срока исключения, возвратились в Думу. Здесь они по очереди читали декларацию с выражением протеста против насилия, причем председатель лишал говоривших слова. Когда после членов Думы Керенского и Хаустова выступил Малиновский и упорно продолжал читать декларацию, несмотря на лишение его слова председателем Думы, последний был вынужден поручить приставу Государственной думы предложить Малиновскому покинуть кафедру. В тот же день председатель Думы М. В. Родзянко узнал от товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, что Малиновский является сотрудником «охранки». 8 мая Малиновский внезапно сложил с себя депутатские полномочия и немедленно выехал за границу. Как видно из показаний допрошенного в качестве свидетеля генерал-лейтенанта Джунковского, когда он узнал, что еще до его назначения на должность товарища министра в Государственную думу при содействии Департамента полиции был проведен сотрудник «охранки», то «твердо решил прекратить это безобразие», но так, чтобы не вызвать скандала ни для Думы, ни для министров.

После неоднократных совещаний с директором Департамента полиции было решено выдать Малиновскому годовое жалованье в размере 6000 рублей, потребовать от него выхода из Госдумы и отправить немедленно его за границу. Все это и было исполнено, причем, как оказалось, Малиновский не считал нужным представить какие-либо объяснения своего ухода софракционерам. По приезду же в Австрию он явился к Ленину и там, несмотря на противоречивые объяснения причин своего ухода, был партийным судом оправдан по обвинению в провокаторстве за недостаточностью улик. Появившиеся же сначала в Госдуме, а затем в печати и в обществе слухи о сношениях Малиновского с деятелями «охранки» были энергично опровергаемы в печати как самим Лениным, так и другими представителями большевиков.

О дальнейшей судьбе Малиновского достоверно известно лишь, что он оказался в одном из лагерей военнопленных в Гер-

мании, но как он туда попал — не установлено. По словам Ленина и Зиновьева, Малиновский неоднократно им писал после этого из Германии; из писем к ним других военнопленных выяснилось, что Малиновский открыл там партийные занятия, читал лекции, разъяснял Эрфуртскую программу, причем слушатели присылали главе большевизма восторженные отзывы о нынешней деятельности Романа Малиновского.

Таковы данные, добытые Верховной следственной комиссией по делу об этом провокаторе. К ним мы можем добавить один любопытный документ, имеющийся в архиве дел Московского охранного отделения. Это телеграмма помощника начальника Московского охранного отделения подполковника Знаменского московским частным приставам от 17 февраля 1917 года, то есть за десять дней до начала революции, следующего содержания: «Прошу иметь наблюдение за прибытием в Москву бывшего члена Государственной думы из крестьян Плоцкой губ. Романа Вацлавова Малиновского и по прибытии срочно сообщить Охранному отделению. Подполковник Знаменский».

Ненавидевшая революцию

14 августа 1909 года Центральный Комитет партии социалистов-революционеров опубликовал следующее сообщение:

«ЦК п. с.-р. доводит до всеобщего сведения, что Зинаида Федоровна Жученко, урожденная Гернгросс, бывшая членом п. с.-р. с сентября 1905 года, уличена как агент-провокатор, состоявшая на службе Департамента полиции с 1894 года».

Началом деятельности З. Ф. Жученко была выдача так называемого распутинского дела (подготовка покушения на Николая II в 1895 году). В партии эсеров она работала, главным образом, сначала в московской организации, а потом и при областном комитете Центральной области.

12 октября 1909 года И. А. Столыпин представил царю следующий доклад:

«Летом текущего года, благодаря особым обстоятельствам последнего времени, старому эмигранту-народовольцу Бурцеву удалось разоблачить и придать широкой огласке долговременную секретную службу по политическому розыску жены врача Зинаиды Федоровны Жученко, урожденной Гернгросс.

На секретную службу по Департаменту полиции Гернгросс поступила в 1893 году и, переехав весной 1894 года на жительство в Москву, стала работать при местном охранном отделении. За этот период времени Жученко успела оказать содействие обна-

ружению и преданию в руки властей деятелей «московского террористического кружка» (Распутин, Бахарев и др.), подготовлявшего злодеяние чрезвычайной важности.

Будучи привлечена к ответственности по этому делу, Гернгросс, на основании высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, последовавшего по всеподданнейшему министра юстиции докладу в 14-й день февраля месяца 1896 года, была, по вменении ей в наказание предварительного ареста, выслана под надзор полиции на пять лет в город Кутаис, где в 1897 году и вступила в брак со студентом, ныне врачом Николаем Жученко, и перешла на жительство, с надлежащего разрешения, в город Юрьев, откуда с малолетним сыном своим в апреле 1898 года скрылась за границу и занималась там воспитанием горячо любимого сына, оставаясь несколько лет совершенно в стороне от русской деятельности, но затем, весною 1903 года, видя усиление революционного движения в своем отечестве и тяготясь своим бездействием в столь тревожное для России время, возобновила свою работу по политическому розыску и оказала правительству ряд дельных услуг по политическому розыску и освоению деятельности укрывавшихся за границей русских политических выходцев. Осенью 1905 года Жученко была командирована по делам политического розыска из-за границы в Москву, где во время мятежа работала при особо тяжелых условиях, с непосредственной опасностью для жизни, над уничтожением боевых революционных партий, свивших гнездо в столице.

Проживая до февраля текущего года в Москве, с небольшими перерывами, вызванными служебными поездками за границу, Жученко проникла в боевую организацию партии социалистов-революционеров, где и приобрела прочные связи, благодаря чему была выяснена и привлечена к ответственности вся летучая боевая организация московского областного комитета партии, а также произведен ряд более или менее крупных арестов.

Работая таким образом долгое время вполне плодотворно и обладая солидными связями в революционных сферах, Жученко доставляла правительству очень ценные сведения и приносила политическому розыску огромную пользу; так, благодаря названной личности, удалось обнаружить и разгромить целый ряд тайных организаций и предать в руки правосудия многих серьезных революционных деятелей, а равно своевременно предупредить грандиозные террористические покушения.

Жученко является личностью далеко не заурядною: она одарена прекрасными умственными способностями, хорошо образованна, глубоко честна и порядочна, отличается самостоятельным характером и сильной волей, умеет ярко оценивать обстановку каждого случая, делу политического розыска служила не из корыстных, а из

идейных побуждений и фанатически, до самоотвержения, предана престолу, ввиду сего относится к розыскному делу вполне сознательно и постоянно заботится только об интересах дела.

Последние годы Жученко получала в общем, включая и назначенное 7 лет тому назад Департаментом полиции за прежние заслуги постоянное пособие, 300 рублей в месяц, но при постоянно экономной жизни большую часть жалованья тратила на служебные расходы.

Настоящее разоблачение розыскной деятельности Зинаиды Жученко, происшедшее по совершенно независимым от нее обстоятельствам, легко может по целому ряду печатных примеров завершиться в отношении ее кровавой расправой.

Признавая таким образом участь Зинаиды Жученко заслуживающей исключительного внимания и озабочиваясь ограждением ее личной безопасности и обеспечением ей возможности дать должное воспитание сыну, всеподданнейшим долгом поставляя себе повергнуть на монаршее Вашего Императорского Величества благоволение ходатайство мое о всемилостивейшем пожаловании Зинаиде Жученко из секретных сумм Департамента полиции пожизненной пенсии, в размере трех тысяч шестисот (3 600) рублей в год, применительно к размеру получавшегося ею за последние годы жалованья».

27 октября 1905 года в Ливадии на подлинном докладе царь наложил резолюцию: «Согласен». Жученко была тотчас же уведомлена о высочайшей милости и поспешила выразить свою благодарность в письме на имя товарища министра П. Р. Курлова. «Ваше высокопревосходительство, — писала Жученко, — приношу Вам свою глубокую благодарность за назначение мне поистине княжеской пенсии. Считаю долгом сама отметить, что такая высокая оценка сделана мне не за услуги мои в политическом отношении, а только благодаря Вашему ко мне необычайному вниманию, за мою искреннюю горячую преданность делу, которому я имела счастье и честь служить, к несчастью — так недолго. Ваше внимание ко мне дает мне смелость почтительнейше просить вас обеспечить моего сына Николая частью моей пенсии на случай моей смерти до достижения им совершеннолетия». Это письмо было доложено директору департамента И. П. Зуеву, который приказал: «В случае смерти З. Жученко представить всеподданнейший доклад, в коем применительно к правилам пенсионного устава ходатайствовать о даровании Николаю Жученко пенсии в размере 900 рублей в год, впредь до совершеннолетия, если он не будет помещен на воспитание на казенный счет в одно из правительственных учебных заведений».

Судьба Жученко была устроена, и если бы не страх перед революционерами, то мирному и тихому течению жизни не было бы никаких помех.

Зинаида Федоровна Жученко представляет явление исключительное в галерее охранки. Она — образцовый экземпляр типа убежденных провокаторов. Она была таким своим, таким домашним человеком в охранной среде; ее отношения к своему жандармскому начальнику, ко всем этим Гартингам, Климовичам, фон Коттенам были совершенно близкие, но без тени фамильярности. Все эти господа относились к ней с великим уважением, дружеской почтительностью и безоглядной доверительностью. Они не «руководили» ею, а работали совместно с нею так, как работали бы с любым опытным жандармским офицером, и даже с большей уверенностью, склоняясь перед ее опытностью, умом, педантичной точностью. Ее отношение к руководителям было полно товарищеской приязни и оживленной дружбы — как раз тех качеств, которые так ценны при общей работе.

В партии, членом которой была Жученко, она считалась ценным работником. На ее испытанную точность в «работе», на ее щепетильную добросовестность, на ее товарищескую обязательность можно было положиться. Из рядового члена партии она становится руководителем партийной работы; она входила в состав областного комитета Центральной области партии эсеров и приняла участие в Лондонской конференции в 1908 году. Известие о ее предательстве произвело ошеломляющее впечатление.

Жученко, подозревая неладное, еще в феврале 1909 года выехала из Москвы и укрылась в Шарлоттенбурге, в скромной квартире.

В момент объявления войны Жученко жила в Берлине. В первые же дни она была арестована и заключена в тюрьму по подозрению в шпионаже в пользу России. В тюрьме она находилась еще и в 1917 году. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Кровавый Азеф

Мы же обратимся к суперпровокатору в российском терроре Евно Азефу, беспринципному и корыстолюбивому негодяю, не без успеха лавировавшему между полицией и революционерами. Им двигала только личная выгода. Он и внешне выглядел очень неприятно: здоровый, с толстым скуластым лицом и выпученными глазами.

В апреле 1906 года «охранка» интенсивно выслеживала террористов, готовящих покушение на П. Н. Дурново. Трое террористов следили за домом министра под видом извозчиков и держали связь с четвертым, явно руководителем. Этого-то четвертого и опознал один из филеров, утверждая, что это «наш». Пять лет назад в кондитерской Филиппова его показал филеру Медников,

помощник начальника «охранки» Зубатова, и сказал, что это очень важный и ценный сотрудник.

Начальник петербургской «охранки» Герасимов не знал, что и думать: никакого агента у них в «Боевой организации» не было. Он запросил Департамент полиции, но Рачковский ответил то же. Тогда «четвертого» втихую задержали и доставили к Герасимову. Задержанный возмущался и грозил влиятельными друзьями.

— Я — инженер Черкас. Меня знают в обществе. За что я арестован?

Герасимов отвечал:

— Все это пустяки. Я знаю, вы раньше работали в качестве нашего секретного сотрудника. Не хотите ли поговорить откровенно?

— О чем вы говорите? Как это пришло вам в голову?

— Хорошо, — сказал Герасимов. — Если не хотите сейчас говорить, вы можете еще подумать на досуге. Мы можем не спешить. Вы получите отдельную комнату и можете там подумать. А когда надумаете, скажите об этом надзирателю.

«Четвертого» увели в одиночку. Прошло два дня. Наконец, задержанный попросился на допрос:

— Я сдаюсь. Да, я был агентом полиции и готов все рассказать. Но хочу, чтобы присутствовал Петр Иванович Рачковский.

Через пятнадцать минут приехал Рачковский. До 1902 года он возглавлял заграничную агентуру Департамента полиции.

— Ах, дорогой Евгений Филиппович, давненько мы с вами не видались!

Но тот, крайне озлобленный после камеры, накинулся на Рачковского:

— Вы покинули меня на произвол судьбы без инструкций, без денег, не отвечали на мои письма! Чтобы раздобыть деньги, я был вынужден связаться с террористами!

Рачковский пытался успокоить «инженера», но тот ругался и кричал:

— Ну что, удалось вам купить Рутенберга? А хорошую агентуру вы обрели в Гапоне?.. Выдал он вам «Боевую организацию»?!

И далее продолжал:

— Знаете, где теперь Гапон? Он висит в заброшенной даче на финской границе...

Азеф, потерявший связь с Рачковским, решил заняться профессиональной революционной деятельностью. Так он оказался среди террористов.

Герасимов определил Азефа секретным сотрудником и единолично выделил ему пять тысяч, которые тот потребовал. По словам Герасимова, «он был наблюдательный человек и хороший знаток людей. Каждый раз поражало и богатство его памяти, и умение понимать мотивы поведения самых разнокалиберных

людей, и вообще способность быстро ориентироваться в самых сложных и запутанных обстановках. Достаточно было назвать имя какого-либо человека, имевшего отношение к революционному лагерю, чтобы Азеф дал о нем подробную справку. Часто оказывалось, что он знает об интересующем меня лице все: его прошлое и настоящее, его личную жизнь, его планы и намерения... По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком — не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением отзывался о насильственных революционных методах действия. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы. Меня всегда удивляло, как он, с его взглядами, не только попал в ряды революционеров, но и выдвинулся в их среде на одно из самых руководящих мест».

Евно Азеф родился в 1869 году на Гродненщине в семье местечкового портного. Окончил гимназию, давал уроки, подрабатывал в ростовской газетке, маклерствовал. В общем, и там и сям. Однажды он взял как комиссионер у мариупольского купца масло на продажу, выручил 800 рублей и уехал с ними в Германию, где поступил в политехникум.

Деньги кончились. Средств не было никаких. И тогда он написал письмо в Петербург, в Департамент полиции, предлагая сведения о русских революционных кружках. Из полиции ему ответили, что о кружках в Германии им все известно, но платить готовы. Как ни хитрил Азеф, скрываясь под псевдонимом, департамент его вычислил. Русские агенты в Германии доносили: «Евно Азеф — человек неглупый, весьма пронырливый и имеющий обширные связи между проживающей за границей еврейской молодежью... надо ожидать, что по своему корыстолюбию он будет очень дорожить своей обязанностью».

Азеф обзаводится революционными знакомствами, имеет некоторое уважение в студенческих кругах. Он выбирает позицию социалиста-революционера, сторонника террора.

Когда Азеф получил диплом инженера-электротехника, «охранка» предложила ему обосноваться в Москве, пообещав содействие в устройстве. Там он, имея зарубежные рекомендации, познакомился с руководителем «Союза социалистов-революционеров» П. А. Аргуновым и другими эсерами, держался Азеф с ними очень осторожно, не навязывался. По крохам собирал сведения. Благодаря ему полиция скоро ликвидировала эсеровскую типографию в Томске. Над московскими руководителями нависла опасность. И естественным было в это время подготовить к работе, передав ему связи, нового надежного человека, не бывшего у полиции на заметке. Им стал Азеф. «Он, — вспоминал Аргунов, — принял горячее участие в нашем горе. Оно стало как бы его горем. В нем произошла перемена. Из пассивного соучастника он

превратился в активного члена нашего Союза. Торжественного вступления в Союз не было: сделалось это как-то само собою...»

Теперь по совету полиции Азеф объявил своим новым друзьям, что по семейным делам он должен съездить за границу. Ему дали все пароли, адреса... С ним ехала и член ЦК Селюк, что очень повышало представительство Азефа. Оставшегося Аргунова полиция, выждав две недели, арестовала. Он просидел около трех лет в тюрьме, затем был отправлен в ссылку, откуда выбрался лишь в 1905 году.

Азеф докладывал «охранке»: «В Берлине и Париже я попал в центр». Да, это был центр зла, и его носителям — Гоцу, Гершуни, Чернову — Азеф понравился. Его привлекают к обсуждению покушений на Плеве и Зубатова. Азеф пишет в Петербург: «Нам необходимо лично повидаться для переговоров относительно моей дальнейшей практики. Мое положение несколько опасно. Я занял активную роль в партии социалистов-революционеров. Отступать теперь уже невыгодно для дела, но действовать тоже необходимо весьма и весьма осмотрительно».

Азеф сообщает о планах покушения на Плеве, Зубатова, но молчит о подготовке убийства Оболенского. Он сознательно вводит полицию в заблуждение, характеризуя Гершуни как второго-степенного эсера.

Азеф начинает темнить. Он становится двойным агентом.

На Азефа большое впечатление оказал апрельский кишиневский погром 1903 года. Все еврейские магазины были разгромлены, мужчины-евреи попрятались. Либералы считали ответственным за это министра внутренних дел Плеве. По этим ли соображениям, по другим ли причинам, но Азеф прилагал все усилия к осуществлению убийства министра. Полиции он попросту в этом деле лгал.

В 1903 году Азеф занимает место арестованного Гершуни. Теперь он — глава «Боевой организации». Если от Департамента полиции Азеф получает 500 рублей в месяц, то поступления из партийной кассы воистину громадны. Азеф теперь обедает и ужинает в ресторанах, с шампанским; в роскошной шубе катается с танцовщицами... В донесениях «охранке» он ограничивается самыми общими фактами... Лишь иногда он сообщает о готовящихся покушениях на министра юстиции Акимова, полковника Римана...

Один из эсеров вспоминал: «В глазах правящих сфер партии Азеф вырос в человека незаменимого, providенциального, который один только и может осуществить террор... отношение к Азефу носило характер своего рода коллективного гипноза, выросшего на почве той идеи, что террористическая борьба должна быть не только неотъемлемой, но и господствующей отраслью в партийной деятельности».

Азеф выдает полиции Савинкова, Слетова, Селюк. Но он же — в числе организаторов убийства великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Трепова.

Сведения о том, что Азеф — секретный агент, просочились в эсеровскую партию. Случилось это, по всей видимости, все из-за того же чиновника политической полиции Меньщикова, которого Рачковский за дружбу с Зубатовым отправил в отставку.

И вот в купе поезда, отошедшего от кельнского вокзала, вошел В. Бурцев — редактор исторического журнала «Былое». В купе сидел бывший директор Департамента полиции Лопухин.

— Позвольте мне, — обратился к нему Бурцев, — рассказать вам все, что я знаю об агенте-provокаторе, о его деятельности как среди революционеров, так и среди охранников. Я приведу доказательства его двойной роли... Я долго и упорно работал над его разоблачением и могу с уверенностью сказать: я с ним уже покончил. Он окончательно разоблачен мною...

Лопухин внимательно выслушал Бурцева. Дочь Лопухина на днях была похищена в Лондоне, и Бурцев предложил возратить ее в обмен на имя агента. Лопухин назвал Азефа.

Бурцев написал обращение ко всем членам партии эсеров и разослал его. Решено было организовать революционный суд, но судить не Азефа, а Бурцева — за клевету.

«Надо принять меры и усмирить Бурцева, который направо и налево распространяет слух, что Азеф provокатор!» — восклицал член ЦК Натансон.

Но Бурцев убедил явиться в суд Лопухина. Тут уж крыть было нечем.

Азеф бросился к Герасимову, тот дал ему несколько паспортов, и provокатор скрылся. Бросив без средств семью, он отправился с любовницей путешествовать: Италия, Греция, Египет, Швеция... Часто меняли паспорта, опасались нежелательных встреч. Наконец Азеф под видом немецкого купца осел в Берлине и занялся биржевой игрой. Значительную часть своих денег он держал в русских ценных бумагах, и с началом войны 1914 года и запрещением котировать эти документы на берлинской бирже потерял почти все. На остаток средств он открыл модную корсетную мастерскую. Сохранились его письменные указания выпускать корсеты малых размеров, ибо в войну из-за недостатка питания женщины будут худеть.

Туповатая немецкая полиция, толком не разобравшись, арестовала Азефа как анархиста. Ему грозил лагерь гражданских пленнх. Азеф умолял, чтобы его не помещали в русский лагерь. В тюрьме он пробыл два с половиной года и был освобожден в 1917 году на основании соглашения по обмену гражданскими пленными. У Азефа обострилась болезнь почек, и в апреле 1918 года он умер. Его имя стало нарицательным в русской истории.

Лопухин же за разглашение служебной тайны особым присутствием Сената был присужден к пяти годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. После четырех лет ссылки его в 1912 году помиловали по царскому указу.

Максим Горький даже хотел написать роман «Провокатор» — об Азефе. Он отвечал Екатерине Пешковой, написавшей ему об этой истории: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами... Впечатление оглушающее. Что же делать с такими людьми? Ведь они гаже палачей».

Филеры докладывают

Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов не смотрел на сотрудничество как на простую куплю и продажу, а видел в нем дело идейное и старался это внушить офицерам. Учил он также относиться к сотрудникам бережно:

«Вы, господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму.

Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы честно ни работал, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию, сделайте все, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему.

Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником, будет полезен уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства».

Благодаря таким взглядам Зубатова, работа по розыску приобрела интересный характер. Проводя эти взгляды в жизнь, Зуба-

тов сумел поставить внутреннюю агентуру на редкую высоту. Осведомленность отделения была изумительной. Заниматься революционной работой в Москве считалось безнадежным делом.

Красиво и убедительно говорил Зубатов, готовя из офицеров будущих руководителей политического розыска, но воспринять сразу эту государственную точку зрения на внутреннюю агентуру им было трудно. Они принимали как бесспорные все советы относительно сотрудника, и все-таки последние в глазах офицеров были предателями по отношению к своим товарищам.

Правой рукой Зубатова был Евстратий Павлович Медников, человек в то время лет пятидесяти. Он заведовал агентами наружного наблюдения, или филерами, которые, наблюдая на улице за данными им лицами, выясняли, что те делали, с кем встречались и какие места посещали. Наружное наблюдение дополняло данные внутренней агентуры.

Медников был простой малограмотный человек, старообрядец, служивший раньше полицейским надзирателем. Природный ум, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Он понял филерство как подряд на работу, прошел его горбом и скоро сделался нарядчиком, инструктором и контролером. Он создал в этом деле свою школу — медниковскую, или, как говорили тогда, «Евстраткину школу». Свой для филеров, которые в большинстве были из солдат уже и тогда, он знал и понимал их хорошо, умел разговаривать, ладить и управляться с ними.

Двенадцать часов ночи, огромная низкая комната с большим дубовым столом посередине полна филеров. Молодые, пожилые и старые, с обветренными лицами, они стоят по стенам в обычной позе — расставив ноги и заложив руки назад.

Каждый по очереди докладывает Медникову данные наблюдения и подает записку, где сказанное отмечено по часам и минутам, с пометкой израсходованных по службе денег.

— А что же Волк? — спрашивает Медников одного из филеров.

— Волк, Евстратий Павлович, — отвечает тот, — очень осторожен. Выход проверяет, заходя куда-либо, также проверку делает и опять-таки на поворотах, и за углами тоже иногда. Тертый...

— Заклепка, — докладывает другой, — как заяц бегает, никакой конспирации... Совсем глупый...

Медников внимательно выслушивает доклады про всех этих Заклепок, Волков, Умных, Быстрых и Галок — так по кличкам назывались все проходившие по наблюдению. Он делает заключения, то одобрительно кивает, то высказывает недовольство.

Но вот он подошел к филеру, любящему, по-видимому, выпить. Вид у того сконфуженный, молчит, точно чувствует, что провинился.

— Ну что же, докладывай! — говорит иронически Медников. Путаясь и заикаясь, начинает филер объяснять, как он наблюдал с другим филером Аксеновым за Куликом, как тот зашел «на Козихинский переулок, дом 3, да так и не вышел оттуда, не дождались его».

— Так-таки и не вышел, — продолжает иронизировать Медников.

— Не вышел, Евстратий Павлович.

— А долго ты ждал его?

— Долго, Евстратий Павлович.

— А до каких пор?

— До одиннадцати, Евстратий Павлович.

Тут Медников уже не выдерживает больше. Он уже знает от старшего, что филеры ушли с поста в пивную около семи часов, не дождавшись выхода наблюдаемого, почему он и не был проведен дальше. А у Кулика должно было состояться вечером интересное свидание с приезжим, которого надо было установить. Теперь этот неизвестный приезжий упущен.

Побагровев, Медников сгребает рукой физиономию филера и начинает спокойно давать зуботычины. Тот только мычит и, высвободившись наконец, всхлипывает:

— Евстратий Павлович, простите, виноват!

— Виноват; мерзавец, так и говори, что виноват, говори прямо, а не ври! Молод ты, чтоб мне врат! Понял?

Это расправа по-свойски. Что происходило в филерской, знали только филеры да Медников. Там и награды, и наказания, и прибавки жалованья, и штрафы...

Просмотрев расход, Медников произносил обычно: «Ладно, хорошо». Найдя же в счете преувеличения, говорил спокойно: «Скидай полтинник, больно дорого платишь извозчику, скидай!» И филер «скидал», зная, что, во-первых, Евстратий Павлович прав, а во-вторых, все равно споры бесполезны.

Кроме своих филеров, при Московском охранном отделении был еще летучий филерский отряд, которым тоже ведал Медников. Этот отряд разъезжал по России, разрабатывая агентурные сведения Зубатова или департамента.

То была старая медниковская школа. Лучше его филеров не было, хотя выпивали они здорово и для всякого постороннего взгляда казались недисциплинированными и неприятными. Они признавали только Медникова. Медниковский филер мог пролежать в баке над ванной (что понадобилось однажды) целый вечер, мог долгими часами выжидать на жутком морозе наблюдаемого, с тем чтобы провести его затем домой и установить, где он живет; он мог без багажа вскочить в поезд за наблюдаемым и уехать внезапно, часто без денег, за тысячи верст; он попадал за границу,

не зная языков, и умел вывертываться. Его филер стоял извозчиком так, что самый опытный и профессиональный революционер не мог бы признать в нем агента. Умел он изображать из себя и торговца спичками, и вообще лоточника. При надобности мог прикинуться и дурачком, и поговорить с наблюдаемым, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда же служба требовала, он с полной самоотверженностью продолжал наблюдение даже за боевиком, зная, что рискует получить на окраине города пулю или удар ножом, что иногда и случалось.

Единственно, чего не было у медниковского филера, это сознания собственного профессионального достоинства. Он был отличный специалист-ремесленник, но не был проникнут тем, что в его профессии нет ничего зазорного. Этого Медников им привить не смог. В этом отношении провинциальные жандармские унтер-офицеры, ходившие в штатском и исполнявшие обязанности филеров, стояли много выше, понимая свое дело как государственную службу. Позже и штатские филеры, подчиненные жандармским офицерам, воспитывались именно в этом духе, что облагораживало их службу и много помогало делу.

Во всех раскрытиях Московского отделения роль наружного наблюдения была очень велика.

Имелся в отделении и свой хороший фотограф, и расшифровщик секретных писем, а также и свой ученый еврей, который знал все по еврейству, что являлось при работе в черте оседлости большим подспорьем.

Сребреники Гапона

Сергей Васильевич Зубатов (1864—1917) поступил в Московское охранное отделение с гимназической скамьи, сначала секретным сотрудником, потом небольшим чиновником. Вскоре он обратил на себя внимание своей начитанностью, знанием революционного движения, умением находить подход к людям и склонять членов революционных организаций к сотрудничеству. Он обладал редкой настойчивостью, памятью и трудоспособностью. Высшее начальство департамента, посещая охранное отделение, усмотрело в этом чиновнике талантливого, инициативного человека, который в своей незаметной роли являлся в действительности центром московского сыска. Его скоро и назначили начальником Московского охранного отделения. Спустя три года он уже стал во главе всего политического розыска в России.

Зубатов был фанатиком своего дела. Касаясь задач розыскной работы, он ее разделял на две части: осведомительскую и конкретную розыскную.

— Правительству, — говорил он, — необходимо иметь постоянно полное освещение настроения населения и общественных кругов, особенно оппозиционных. Оно должно быть осведомлено о всех организациях и примыкающих к ним лицах. Государственная мудрость тогда должна подсказать центральной власти мероприятия, которые уже назрели и которым, следовательно, необходимо войти в жизнь. А жизнь эволюционирует — при Иоанне Грозном четвертовали, а при Николае II мы на пороге парламентаризма.

При этом он твердо держался мнения, что самодержавиелицетворяет суверенитет национальной власти и исторически призвано для благоденствия России, а значит, и для ее прогресса. «Центр идет от общего к частному, дедуктивно, — говорил он, — что же касается технической работы розыска, то она должна идти от частного к общему — индуктивно». Поэтому все детали по систематизации розыскного материала и его разработке должны быть особенно точны как в начальной фазе, так и в последующих этапах. Оппозиционное отношение к власти не может быть убито, как и революционные стремления, но полиция должна делать так, чтобы русло движения не было от нее сокрыто. Нужно наносить удары по центрам, избегая массовых арестов. Отнять у тайных организаций типографии, задержать весь их технический и административный аппараты, арестовать местное центральное руководство — это значит разбить и всю периферию. Он считал, что массовые аресты и аресты в провинции означают неправильную постановку розыскного дела и указывают или на неосведомленность розыскного органа, или на нерешительность власти, которая по тем или иным соображениям не трогает центральных фигур.

Зубатов придавал исключительное значение развивавшемуся движению марксизма, доктрины которого затрагивали самые насущные вопросы рабочего класса. К тому же это движение только в конечном своем итоге намечало захват власти насильственным путем, этапы же — агитация и пропаганда — подчас так бледно выражали признаки преступления, необходимые для преследования по суду, что оставались без возмездия. Зубатов хотел бороться с этим движением рационально, созданием здоровой русской организации, которая другим путем подошла бы к разрешению вопросов, предполагавших революцию.

Зубатов разработал план по отрыву рабочих от революционной интеллигенции. Рабочее движение ширилось, и Зубатов попробовал направить его в надлежащее русло, сделав профессиональным. По мнению Зубатова, это должно быть легальное движение на базе экономической защиты рабочих. Вырисовывалась некая социальная монархия, когда царь надпартиен. Рабочие могут получить все через царя и его правительство.

Для организации профессиональных союзов требовались лидеры, яркие образованные люди из рабочих. Зубатов перехватывал их на пути к социал-демократам или эсерам и заражал своими идеями. Стали возникать легальные рабочие кружки, враждебные к марксизму. В них обсуждались различные проблемы, профессорами читались лекции...

В случае фабричных и заводских конфликтов охранное отделение приходило на помощь рабочим, улаживало их споры с хозяевами.

Кружки спланировались в союзы. Петербург, Москва, Одесса, другие города... Зубатов прекрасно объяснился и с еврейскими рабочими. Многие из них отшатнулись от Бунда. Например, Маня Вильбушевич по инициативе Зубатова организовала в Минске «Еврейскую независимую рабочую партию» для борьбы с хозяевами при сохранении самодержавия. Эта партия немало попортила крови Бунду. После ее ликвидации в 1903 году Вильбушевич уехала в Палестину, где стала одним из идеологов сионизма.

В Одессе легальную группу из бывших революционеров организовали Шаевич и Волин. Там по их инициативе началась забастовка на чугунолитейном заводе, неожиданно распространившаяся по городу. Этим умело воспользовались социал-демократы, перехватив руководство забастовкой и втянув в нее сорок тысяч рабочих. Одесса оказалась без воды, хлеба и света. Плеве приказал навести порядок «хотя бы употреблением оружия». До оружия дело не дошло, но казачьих нагаек рабочие попробовали.

Во всем обвинили Зубатова. История с забастовкой дошла до царя, и Зубатову пришлось уйти в отставку. Выходя из кабинета Плеве, он так хлопнул дверью, что посыпались стекла. Государство потеряло талантливого незаурядного работника.

Зубатов жил тихо в маленьком домике в Замоскворечье. Сидя с семьей за обедом, он узнал, что царь отрекся, что в России революция. Зубатов вышел в другую комнату и застрелился.

Он-то понимал, какой кошмар обрушился на Россию.

Но вернемся к кружкам и обществам, созданным Зубатовым. Во главе одного из них стал священник Георгий Гапон — впоследствии фигура заметная в русской истории.

Происходил он из полтавских украинцев. Окончил семинарию, Духовную академию в Петербурге. Эмоциональный, с горящими глазами, всегда на подъеме, Гапон обладал даром слова и уже в академии обратил на себя внимание. Он разработал несколько проектов о реформе рабочих домов, о земледельческих исправительных колониях для детей и прочем. Ему пообещали, что их рассмотрит сама императрица Александра Федоровна.

На Гапона началась мода. Его можно было часто видеть в петербургских салонах.

В отличие от минских и одесских кружков гапоновские придерживались просветительской, религиозно-нравственной линии. Был выработан устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», где к трагическому дню 9 января насчитывалось около восьми тысяч человек.

Зубатова уже не было, и Гапон остался практически без контроля. Движение разрасталось; уже устраивались семейные собрания с танцами, посылались представители в другие города...

Петербургский градоначальник Фуллон вызвал Гапона и стал ему выговаривать за неверное направление. Ему, дескать, поручили укреплять христианскую мораль, а он разводит социализм. Гапон уверял, что он всегда стоял и стоит на принципах религиозной нравственности.

— Поклонитесь мне на священном Евангелии! — потребовал генерал. Чувствовал что-то старик Фуллон.

В декабре 1904 года на Путиловском заводе уволили четверых рабочих, членов гапоновского общества. Решено было объявить забастовку. От собрания к собранию требования рабочих росли. К путиловским рабочим присоединились газовый завод, электрическая станция, типографии. Петербург оказался без газет и освещения.

Николай II записал в дневнике:

«Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в сто двадцать тысяч. Во главе союза какой-то священник Гапон».

Неистовый священник носился с завода на завод, выступая на собраниях. Талантливый демагог, он пользовался большим успехом у рабочей массы.

«Вас давят хозяева, — кричал Гапон, — и власть не защищает. Но у нас есть царь! Он наш отец, он нас поймет!»

Гапон призвал идти всем миром к царю с челобитной, и эта идея была с восторгом подхвачена народом.

Движением воспользовались революционеры всех мастей. Возле Гапона отирались и социал-демократы, и бундовцы, и эсеры. Играя на романтическом честолюбии Гапона, они легко включили в петицию и свои политические требования. Величая Гапона народным вождем, его подталкивали к революционным начинаниям. «Только скажи слово, и народ пойдет за тобой куда угодно!» — нашептывал ему эсер Рутенберг, ставший Гапону ближайшим другом. Мысли Гапона приобретают несколько иное направление, и просьба к царю уже превращается в требование.

— Я выйду на площадь, — говорил Гапон, — и если царь принял нашу просьбу, махну белым платком, если же нет, махну красным платком, и начнется народный бунт!

На революционные деньги напечатали огромное количество листовок, поход к царю назначался на 9 января. Николай II же с семьей был в Царском Селе. Петиция начиналась словами: «Государь, воззри на наши страдания...» и кончалась требованием Учредительного собрания. Гапон закусил удила:

— Мы скажем царю, что надо дать народу свободу. И если он согласится, то мы потребуем, чтобы он дал клятву перед народом. Если же не пропустят, то мы прорвемся силой. Если войска будут стрелять, мы станем обороняться. Часть войск перейдет на нашу сторону, и тогда мы устроим революцию... разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, займем телеграф и телефон. Эсеры обещали бомбы... и наша возьмет.

У правительства было два выхода: ликвидировать движение силой, арестовав руководителей, или убедить царя выйти к народу и успокоить его. Царь и собирался это сделать, но его родственники, и особенно великий князь Владимир Александрович, категорически возражали. Именно великий князь руководил войсками 9 января.

Накануне на заседании Совета министров охранное отделение представило будущее шествие как мирную депутацию, с семьями, иконами, царскими портретами. Но все-таки войска решено было вызвать, они заняли ночью позиции на улицах близ дворца. Морозным утром 9 января толпы рабочих двинулись к царскому дворцу. В гуще народа с высоко поднятым крестом шествовал Гапон. Рядом с ним держался Рутенберг.

К 11 часам манифестация достигла речки Таракановки. Мост был занят солдатами. Показался кавалерийский разъезд. Толпа расступилась и сомкнулась вновь. Тогда рота, охранявшая мост, направила на людей ружья. Прозвучал рожок, и грянул залп. Видимо, солдаты приняли звук рожка за сигнал к действию.

Послышались крики, стоны. Толпа шарахнулась назад, оставив на снегу убитых и раненых.

Прозвучал второй залп. Рутенберг уже при сигнале рожка повалил Гапона на снег. Опытный террорист, он был готов ко всему.

— Жив?

— Жив, — прошептал Гапон.

Они побежали свободными улицами, и в каком-то дворе Рутенберг, вынув из кармана ножницы, остриг Гапону волосы и бороду. Гапон снял рясу.

Рутенберг привел его, рыдающего, на квартиру Максима Горького (там он отсиживался некоторое время, а впоследствии его переправили за границу). Уже вечером, успокоившись, он сочинил воззвание к народу, где поднимал «братьев, спящих кровью» к восстанию. Оно было отпечатано огромным тиражом и распространялось эсерами по всей России.

Перед самым дворцом тоже собралась толпа. После неоднократных требований разойтись командир дал приказ стрелять. Итоги Кровавого воскресенья — свыше 1000 убитых и около 2000 раненых.

За границей Гапона встречали как героя. Он предпринял попытки объединить под своим началом левые партии, но это, конечно, было смешно. Гапон составлял революционные воззвания, отправлял их в Россию. За книгу воспоминаний «История моей жизни» он получил довольно много денег. К тому же деньгами ему помогали разные партии.

Гапон стал посещать Монте-Карло, кутить... Появились и девочки...

О. Минор рассказывал, как они с Гапоном сидели на балконе гапоновской квартиры в Женеве, и пришел Ленин. Он отозвал Гапона, они пошептались, и Гапон, вынув из бумажника пачку денег, отдал ее Ленину. Тот ушел, очень довольный.

Воспользовавшись амнистией 1905 года, Гапон приезжает в Россию. Установив контакт с Департаментом полиции, он, получив тридцать тысяч рублей, начинает создавать рабочие организации. Но ему не повезло: кассир сбежал с деньгами.

Полиция требовала от Гапона сведений о «Боевой организации», но их у запутавшегося «народного вождя», увы, не было. И Гапон предложил полиции подкупить Рутенберга, который, как он полагал, знал много. Гапон запросил у департамента пятьдесят тысяч: двадцать пять — себе и двадцать пять — Рутенбергу. Но полиция уже разочаровалась в Гапоне, и он не получил ничего. Эсерам все явственнее становится провокаторская роль Гапона. Азеф от имени ЦК предлагает Рутенбергу ликвидировать его. Может быть, Азеф боялся, что Гапон узнает о его участии в убийстве Плеве и великого князя Сергея Александровича?

Революционный суд должен был состояться в Териоках на даче.

— Если это все правда, что вы говорите, — заявили Рутенбергу рабочие, — то мы его убьем без решения партии. Он нас вел, мы за ним шли, ему верили... Но мы боимся, что темная рабочая масса обвинит нас как действующих под давлением врагов Гапона. Он — герой в их глазах, и они только тогда не будут иметь сомнений в его предательстве, когда мы, рабочие, в этом лично убедимся.

Приехал Гапон. Они с Рутенбергом отправились в лес кататься. Вместо извозчика сидел один из рабочих.

Гапон был откровенен. От имени полиции он обещал Рутенбергу большие деньги, уверял, что в партии ни о чем не догадываются...

Так рабочие убедились в предательстве Гапона. Оставалось привести приговор в исполнение. В Озерках, пригороде Петер-

бурга, наняли дачу. Рабочие спрятались в одной из комнат, Рутенберг встречал Гапона.

— Вот это я понимаю! — воскликнул тот. — Ты всегда такое место найдешь, что ни одна собака не догадается!

По словам одного из сидевших в соседней комнате рабочих, дело происходило так.

— Двадцать пять тысяч — хорошие деньги, — говорил Гапон. — А потом Рачковский прибавит еще. Нужно сперва выдать четырех человек из «Боевой организации».

— А если мои товарищи узнают? — спросил Рутенберг.

— Они ничего не узнают. Поверь мне, Рачковский — такой умный человек, что он сумеет все это устроить. Уж на него можно положиться.

Свидетель из соседней комнаты разбирал не весь разговор, но и этого было достаточно.

— А если я, например, выдам тебя? — сказал Рутенберг. — Если я открою всем глаза на тебя, что ты служишь в охранном отделении?

— Пустяки! — возразил Гапон. — Кто тебе поверит? Где твои свидетели, что это так? А потом, я всегда смогу тебя самого объявить в газетах провокатором или сумасшедшим. Ну-ка, бросим об этом. Перейдем лучше к делу.

Они собрались выйти прогуляться, и тут Гапон заметил одного из рабочих, спрятавшегося за дверью на лестнице. Гапон бросился к нему, схватил за горло и с ужасом закричал Рутенбергу:

— Мартын! Он все слышал! Его надо убить!

Потом, обращаясь к рабочему, заговорил торопливо:

— Не бойся, не бойся, голубчик... Ничего не бойся... Только скажи, кто тебя сюда послал?

Рабочий, подыгрывая ситуации, отвечал:

— Я все расскажу, только не убивайте.

— Конечно, конечно... Не бойся... Ты только скажи, мы тебе ничего не сделаем...

И тут же Гапон кричал Рутенбергу:

— Его надо убить сейчас!

Рутенберг открыл дверь и крикнул остальных. Рабочие ввалились в комнату и бросились на Гапона. Тот упал на колени:

— Мартын! Мартын!

— Нет тебе здесь никакого Мартына!

Гапона поволокли по коридору, он вырывался:

— Братцы... Братцы...

— Мы тебе не братцы!

Его стали вязать.

— Товарищи, во имя прошлого... простите меня... во имя прошлого...

Рабочие молча опутывали его веревками.

— Товарищи! Пощадите, вспомните, ведь сколько у вас связано со мной!

— Вот потому-то ты и достоин казни, — возразили ему. — Ты нашу рабочую кровь продал «охранке» — за то и смерть тебе!

Гапону накинули на шею петлю и подтащили к вбитому над вешалкой железному крюку.

Тело обнаружила через месяц хозяйка дачи.

Из газет 1925 года:

«В Киеве арестован ряд провокаторов и охранников. Вот одна из наиболее ярких фигур — подполковник неевского губернского жандармского управления Кринский, имеющий солидный послужной список. В 1903 году Кринский вступил в отдельный корпус жандармов. До 1910 года по его вине произошло множество арестов. Он разгромил бундовскую организацию в Бердичеве. В 1906 году им арестовываются 30 человек бундовцев, из них 15 отправляется в Сибирь. С еще большей энергией он в 1907 году опять громит организацию, арестовав снова 30 человек, причем 25 товарищей было отправлено в Сибирь. Им же раскрывается подпольная типография бундовцев. В 1905 году Кринским была разгромлена социал-демократическая организация «Искры» в Бердичеве и группа эсеров. В 1905 году он устраивает кровавую баню рабочим, вышедшим на улицы Бердичева протестовать по поводу расстрела лодзинских рабочих. Только за один 1905 год им было посажено в тюрьму до тысячи человек. В 1906 году им была раскрыта организация анархистов, часть из них пошла на виселицу, часть — на каторгу. Арестованный ГПУ Кринский сознался в целом ряде преступлений, совершенных им».

«Другая фигура, как будто необычная в таких делах, — раввин г. Сквирсы Киевской губернии Ямпольский. Раввином он состоял с 1887 года до революции. Просвещая свою паству, он вместе с тем сотрудничал с жандармским полковником Лопухиным и сквирским исправником. Ямпольский освещал работу Бунда и сионистов. Им же была выдана бундовская организация во главе с тов. Бодером в 1905 году. В архивах жандармского управления имеется ряд докладных записок этого раввина, в которых он вместе с выражением верноподданнических чувств сообщает об известных ему еврейских организациях. В жандармском архиве обнаружен также ряд донесений за его личными подписями. В преступлениях своих Ямпольский сознался».

«Сын управляющего одного из сахарных заводов В. Ф. Габель в бытность свою студентом неевского политехнического института вошел в партию социалистов-революционеров. В связи с работой военной организации партии и восстанием 1907 года Габель был арестован и киевским военно-окружным судом осужден на 2 года и 8 месяцев каторжных работ, с последующим поселением

в Сибири. Срок каторги Габель отбывал в Смоленской каторжной тюрьме. Здесь он являлся одним из каторжан, ведавших сношениями с «волей» через тюремных служащих — фельдшера и писаря. Секрет этих совершенно конспиративных сношений состоял в особом способе проявления написанного химическими чернилами. Способ этот был, конечно, известен Габелю, и вот он, дабы снискать благорасположение к себе царской «охранки», выдал его смоленским жандармам, в результате чего тюремные сношения политических заключенных с волей прекратились, в городе произведены были повальные обыски, а по отношению к некоторым каторжанам тюремщики приняли «исправительные меры». По вине Габеля последовал провал смелого плана побега группы политзаключенных. Помимо того, Габель сообщил «охранке» ряд сведений, имеющих отношение к покушению на гр. Воронцова-Дашкова, убийству на воле провокатора и пр. С этого момента карьера Габеля как полезного деятеля «охранки» была обеспечена. На место ссылки в Иркутск он прибыл уже как секретный сотрудник охранного отделения и в течение 1911—1913 годов за плату выполнял ответственные поручения иркутского жандармского управления, освещая деятельность различных революционных организаций. Пришел 1917 год. Габель — «старый революционер». Он тщательно скрывает свое прошлое провокатора, выпячивая на первый план революционные заслуги — каторгу, ссылку. Вплоть до ареста он занимал ряд ответственных постов в Иркутске и Красноярске, где был директором Всекобанка. Все это было установлено губернским судом, приговором которого Габель приговорен к высшей мере социальной защиты — расстрелу».

Меньшиков начинает говорить

Леонид Меньшиков — фигура, достойная внимания. Он прошел всю школу зубатовского сыска, изучил все тонкости своего ремесла. Он учил приемам предательства других. И он, по крайней мере дважды, предал сам: предал революционеров и предал «охранку».

Генерал А. Спиридович, словоохотливый рассказчик о жизни Московского охранного отделения, рисует портрет Меньшикова такими красками:

«Была, наконец, и еще одна фигура, прогремевшая позже в революционном мире, чиновник для поручений Л. П. Меньшиков, когда-то, как говорили, участник одной из революционных организаций, попавший затем в отделение и сделавший в нем, а после в Департаменте полиции, большую чиновничью карьеру.

Угрюмый, молчаливый, корректный, всегда холодно-вежливый, солидный блондин в золотых очках и с маленькой бородкой, Меньшиков был редкий работник. Он часто бывал в командировках, будучи же дома, «сидел на перлюстрации», то есть писал в Департамент полиции ответы на его бумаги по выяснениям различных перлюстрированных писем. Писал также и вообще доклады департаменту по данным внутренней агентуры. Это считалось очень секретной частью, тесно примыкавшей к агентуре, и нас, офицеров, к ней не допускали, оставляя ее в руках чиновников. Меньшиковское бюро красного дерева внушало нам особое к нему почтение. И когда однажды, очевидно, по приказанию начальства, Меньшиков, очень хорошо относившийся ко мне, уезжая в командировку, передал мне ключ своего бюро и несколько бумаг для ответа департаменту, это произвело в отделении некоторую сенсацию. Меня стали поздравлять.

Меньшиков знал революционную среду, и его сводки про революционных деятелей являлись исчерпывающими. За ним числилось одно большое дело. Говорили, что в те годы департамент овладел раз всеми явками и данными, с которыми некий заграничный представитель одной из революционных организаций должен был объехать ряд городов и дать своим группам соответствующие указания. Меньшикову были даны добытые сведения и, вооружившись ими, он в качестве делегата объехал по явкам все нужные пункты, повидался с представителями местных групп и произвел начальническую ревизию. Иными словами, успешно разыграл революционного Хлестакова, и в результате — вся организация подверглась разгрому.

Меньшиков получил за это вне очереди орден. Позже, взятый в Петербург, в департамент, прослуживший много лет на государственной службе, принесший, несомненно, большую пользу правительству, он был уволен со службы директором Департамента полиции Трусевичем. Тогда Меньшиков вновь встал на сторону революции и, находясь за границей, начал публиковать те секреты, которые знал. Вот результат быстрых мероприятий шустрого директора».

Таким образом, в передаче Спиридовича, бестактность Трусевича послужила основанием для Меньшикова вновь переметнуться в лагерь революции.

Несколько иначе рассказывает о себе сам Меньшиков. В восьмидесятых годах, он, Меньшиков, имел какое-то отношение к революционным кругам. Он и его друзья, пишет Меньшиков, «собирались иногда потолковать о политике». Кружок этот был выдан полиции. Провокатором оказался Зубатов, только что начинавший тогда (и тоже в роли тайного агента) свою полицейскую карьеру.

«Разбираясь в обстановке своего ареста и «провала» других лиц, — пишет Меньшиков, — я скоро пришел к заключению, что неудачи революционеров часто являются результатом их собственных ошибок; что главная причина этих ошибок — почти полное незнание оружия врага; из этой предпосылки, естественно, вытекал один выход: чтобы избежать напрасной затраты сил, лишних жертв, необходимо прежде всего тщательно изучить средства, приемы и систему борьбы противника, и что сделать это можно лучше всего, лишь находясь в его лагере...»

Дальнейшая биография Меньшикова — это триумфальное шествие по служебной лестнице. Начав свою карьеру в качестве простого филера, он быстро дослужился до высоких чинов в Московском охранном отделении и далее — в особом отделе Департамента полиции.

Итак, согласно этой версии, Меньшиков рассматривал свою службу в «охранке» как своеобразную службу делу революции.

Нет особой нужды доказывать, выражаясь мягко, рискованность этих утверждений Меньшикова. Прием этот, впрочем, совсем не новый, и практика знает не один случай, когда избалованные провокаторы приводили в качестве оправдания именно эти доводы («пошел в охранку, чтобы выведать приемы ее работы»). Разоблачать Меньшикова и отыскивать причины, побудившие его избрать путь полицейской карьеры, нет большой нужды. Ясно лишь одно: Меньшиков никогда не смог бы сделать головокружительной карьеры, если бы он своей энергичной работой не приносил действительной и значительной помощи политическому сыску.

Нам не известны все его заслуги перед правительством. Обнажая себя в многотомных литературных творениях, он весьма скупое говорит о своей собственной деятельности в борьбе с революцией.

В полицейский актив Меньшикова, во всяком случае согласно его собственным признаниям, мы можем занести одно крупное дело, за которое, по свидетельству Спиридовича, он и получил «вне очереди» хороший орден и — благодаря которому, добавим мы от себя — он, несомненно, поднялся в глазах своего начальства. Речь идет о провале «Северного рабочего союза».

Организация эта оформилась в январе 1902 года, когда в Воронеже состоялся съезд представителей от отдельных губерний. «Северный рабочий союз» ставил своей задачей руководить рабочим движением в ряде смежных губерний (Владимирской, Костромской и Ярославской). Образование «Северного рабочего союза» — это попытка объединить силы социал-демократии на платформе «Покровского» течения.

О своем участии в ликвидации «Северного рабочего союза» Меньшиков писал в 1911 году в «Голосе социал-демократа»:

«В 1905 году я, состоя чиновником особых поручений при Московском охранном отделении, получил приказание выяснить «Северный рабочий союз». Пользуясь явками и паролями, добытыми агентурным путем (перлюстрация химической шифрованной переписи искровцев), я явился под видом нелегального к так называемым «американцам» — Любимову и его товарищам, живущим в Воронеже, и, получив от них рекомендации, объехал в течение недели города Ярославль, Кострому и Владимир, где имел свидания с социал-демократическими деятелями (Варенцова, Богданов, Александровы, Багаев и др.). Результатом моего доклада по начальству была «ликвидация», во время которой было арестовано несколько человек».

«Несколько человек» — это 51 член «Северного рабочего союза»...

«Поездка на север, — пишет дальше по этому поводу Меньшиков, — была тем крайним средством, к которому я обратился, чтобы скорее проникнуть в «святая святых» охраны».

И Меньшиков проник туда. Через год он уже был в Особом отделе Департамента полиции в Петербурге.

Оставляя в стороне побуждения Меньшикова, необходимо констатировать, что он тщательно и долго собирал материалы, документы, систематизировал их и в 1909 году явился за границу вооруженный фактами.

Но за границей он вел себя по-прежнему странно. Он не открылся революционерам, не передал им своих знаний, методов и приемов охранного дела, не передал им, наконец, и своих материалов и документов. Короче говоря, он «забыл» сделать то, что, согласно его словам, составляло цель его жизни. Как знать, не объяснялось ли это тем, что материалы и документы, скопированные им, представляли ценность не только для революционных партий, но и для царского правительства, обеспокоенного возможностью их публикации?

Именно этим, по нашему мнению, и надо объяснить ту сдержанность и осторожность, с которой Меньшиков стал оперировать своими документами за границей. Его поведение там заставляет думать, что он не столько помогал революционерам в изобличении провокаторов, сколько дразнил и пугал правительство, набивая себе цену.

Обосновавшись на юге Франции, он вызывал к себе на свидание представителей революционных партий, сообщая им весьма сухие и, как можно думать, не подтвержденные документами данные о провокаторах. Характерная деталь: меньшевикам он поставил условие, чтобы к нему не являлись ни Мартов, ни Дан, ни Троцкий. Сущность этой уловки весьма проста — Меньшиков боялся Дана, с которым встречался ранее (по делу провала «Северного рабочего союза»). Другие две фамилии должны были завуали-

ровать его боязнь встречи с Даном. На свидание с Меньшиковым от меньшевиков поехал Горев-Гольдман. Свою встречу и разговор с Меньшиковым он передает так:

«Я заявил ему, что раньше чем вступлю с ним в какие бы то ни было переговоры, я должен поставить ему один щекотливый вопрос.

— Спрашивайте, — сказал он, густо покраснев.

— Мы подозреваем, что вы — то самое таинственное лицо, которое в 1902 году провалило в качестве втершегося в организацию провокатора «Северный союз».

Меньшиков заметно побледнел, подумал минуту и ответил:

— Да, это я. Но я должен дать объяснения. Это единственный случай в моей карьере, когда я играл такую роль, и я стыжусь этого случая. Но это был необходимый шаг, чтобы заслужить доверие начальства и повыситься по службе, то есть попасть в Петербург, в секретный отдел Департамента полиции, где сосредоточены все сведения о провокаторах. Кроме того, я принял все меры, чтобы выданные мной члены «Северного союза» отделались лишь административной ссылкой».

Как сказано выше, Меньшиков далеко не «с открытым сердцем» приехал в эмиграцию и весьма скупое делился с революционными партиями своими знаниями приемов сыска и сведениями о провокаторах.

На развалинах старого

Разночинная интеллигенция стала складываться еще в середине века. Дети мелкого дворянства, не имея средств к существованию, поневоле начинали искать какой-либо заработка. А найти его можно было, лишь получив образование. Не мог же в ту пору дворянин, например, трудиться на фабрике или в поле.

Дети разорившихся дворян, потеряв с отменой крепостного права свои привилегии, поступали в университеты, где близко знакомились с другими сословиями: отпрысками купцов, священников. Вспомним тургеневских Аркадия и Базарова. Ведь это люди разные по социальному положению.

Со временем из этих групп молодежи образовалась так называемая разночинная прослойка, разночинцы (разные по чину, словесию).

Несколько либерально настроенных из них создали в 1862 году общество «Земля и воля». Это были Н. П. Огарев, братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев и другие. Программой общества явился листок «Что нужно народу?». Его сочинил Ога-

рев. Прежде всего, говорилось в нем, народу нужны земля и воля. И дать их должно правительство. Политических требований или национализации земли в программе не было.

Позже духовным вдохновителем разночинной молодежи стал журнал «Современник», редактируемый Н. Г. Чернышевским. Возник вопрос метода борьбы: социальная насильственная революция или постепенное изменение общества, ведущее к социализму.

Революционное движение 70-х годов XIX века — это, прежде всего, деятельность партии «Народная воля». В ней едва набирается сорок человек, нет подчас денег на неотложные нужды, но несколько лет подряд эта партия является головной болью правительства...

Основной задачей новой революционной партии наметилась политическая борьба с самодержавием, с полицейским режимом. А методом этой борьбы стал террор. Если Д. В. Каракозов и А. К. Соловьев были одиночками, то здесь уже наметилась некая система. Старая народническая идеология еще сопротивлялась: по ней политическая свобода и конституция были не более чем буржуазными предрассудками; политическая борьба считалась для социалистов ненужной, это удел либералов. Народничество не допускало террора. Правда, в партии «Земля и воля» был особый отдел, но он действовал лишь против агентов и сыщиков.

После липецкого и воронежского съездов образовавшаяся партия полностью нацеливается на политику и террор. Покушение следует за покушением.

Как сами террористы объясняли необходимость таких действий?

Николай Кибальчич говорил на суде:

«Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись патриархальнее к деятельности партии, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы, мы все не обвинялись бы в царевубийстве, а были бы среди городского и крестьянского населения. Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли...»

Андрей Желябов соглашается с ним:

«Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был это оставить по той же причине... Русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, в нашей деятельности была юность розовая и мечтательная, и если она прошла, не мы тому виной. Движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное было подавлено. Я насилия не признавал, политики касался мало, товарищи еще

меньше. Все мои желания были действовать мирным путем в народе, тем не менее я очутился в тюрьме, где и революционизировался. Вместо мирного слова мы сочли нужным перейти к фактической борьбе...»

Значит, если верить этим словам, правительство вынудило народников стать террористами.

Но если проследить развитие народничества, увидим: сначала шла пропаганда — по Лаврову, затем агитация и крестьянский бунт — согласно Бакунину, потом заговор, захват власти и использование ее для социальной революции — по Ткачеву. Стало быть, народники теоретически переходили к более простому, как им представлялось, методу — образованию партии заговорщиков, которым не нужно агитировать массы, просвещать народ и т. д.

Что такое социальная революция, они представляли довольно смутно. «Ни одна из современных программ классового социализма и не мерещилась нам в то время, и социализм понимался всеми исключительно в смысле идеалистическом, по Фурье и Роберту Оуэну, а то и просто никак не понимался» — так писал позже известный народоволец Н. А. Морозов. Он сам стремился к борьбе с монархизмом вообще и наилучшим средством для этого считал «способ Вильгельма Телля и Шарлотты Корде».

Известно, что политическая ситуация в стране базируется на ситуации экономической.

В 1861 году отменено крепостное право. Но крестьянин без земли все равно был в зависимости от помещика. Продуктовой, отработочной или денежной — одной из этих форм он должен был рассчитываться за арендованную землю.

Крестьянин, освободившись от крепостной зависимости, попадал под власть денег, в условия товарного производства. В России нарождался капитализм. Причем его развитие, в отличие от Европы, понеслось стремительно.

Хозяйственно отсталой стране пришлось строить заводы, фабрики и железные дороги. Но на все это требовались деньги. В деревню ринулись новые народившиеся дельцы, да и вчерашний крепостник драл семь шкур, переводя полученный от крестьян продукт в деньги, а те вкладывая в облигации, акции и т. п.

Реакция революционеров на происходящее последовала незамедлительно. Бакунин в брошюре «Наука и насущное революционное дело» пишет: «Народу нужна земля, вся земля; значит, надо разорить, ограбить и уничтожить дворянство, и теперь уже не только одно дворянство, но и ту довольно значительную часть купечества и кулаков из народа, которые, пользуясь новыми льготами, в свою очередь, стали помещиками, столь же ненавистными и чуть ли не более притеснительными для народа, чем помещики стародавние».

П. Н. Ткачев восклицал в 1875 году: «Пришло время ударить в набат! Смотрите! Огонь «экономического прогресса» уже коснулся коренных основ нашей народной жизни. Под его влиянием уже разрушаются старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый принцип общины, долженствующий лечь краеугольным камнем того общественного будущего строя, о котором все мы мечтаем... На развалинах перегорающих форм нарождаются новые формы буржуазной жизни; развивается кулачество, мироедство, воцаряется принцип индивидуализма, бессердечного, алчного эгоизма».

После убийства шефа жандармов Н. М. Мезенцова террорист С. М. Кравчинский издал за границей брошюру под названием «Смерть за смерть». В ней проводится интересная мысль: революция борется, собственно, не с правительством, а с буржуазией. Правительство не должно вмешиваться в эту борьбу, и если оно это все же делает, становясь на сторону буржуазии, то получает удары, предназначенные буржуазии.

Кравчинский не понимал, что помещичья Россия и принадлежащий ей правительственный аппарат защищали не буржуазию, а себя.

Мошенник или революционер?

Имя Сергея Геннадьевича Нечаева мы впервые встречаем при знакомстве с нефедовским кружком, где он только начинал впитывать революционные идеи. Процесс 1866 года не коснулся его, и уже через два года Нечаев становится заметным в кружковой среде. В конце 1868 года он вольнослушатель Петербургского университета и преподаватель приходского училища.

В эту пору разворачивается притихшее было студенческое движение: организовываются землячества, кассы взаимопомощи. На примере воззвания студентов видны устремления молодежи:

«Мы, студенты медицинской академии, технологического института, земледельческой академии, желаем:

1. Чтобы нам предоставлено было право иметь кассу, то есть помогать нашим бедным товарищам.

2. Чтобы нам предоставлено было право совещаться о наших общих делах в зданиях наших учебных заведений.

3. Чтобы с нас снята была унижительная полицейская опека, которая с ученической скамьи налагает постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требования отвечает закрытием учебных заведений, противозаконными арестами и высылками. Мы апеллируем к обществу. Общество должно поддерживать нас, потому что наше дело — его дело. Относясь равнодушно к нашему протесту, оно кует цепи рабства на собственную шею. Протест наш

тверд и единодушен, и мы скорее готовы задохнуться в ссылках и казематах, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя в наших академиях и университетах».

Как видите, требования студентов довольно невинны. Нечаев, посещая студенческие кружки, убеждал, что «студенческое движение нужно сделать политическим, производящим шум в обществе, вызвать к студентам сочувствие. Брожение среди студентов нужно неизменно поддерживать, организуя их в кружки для осуществления тенденций «Народного дела»...»

Нечаев в то время зачитывался книгой Буонарроти о заговоре Бабефа, Карлсйлем с его идеализацией героев и их роли в истории, изучал декабристов. Он говорил студентам: «Всякий честный человек должен бросить ученье и идти в народ, чтобы быть ему полезным; развития для этого не нужно; нужно только желание помочь народу, потому что есть люди более развитые, которые уже будут управлять действиями менее развитых».

Себя Нечаев, очевидно, видел в числе первых. В его разгоряченном воображении рисовались многочисленные организации по всей России, подчиняющиеся ему, дрожащие от ужаса вельможи, решительные преобразования империи. Нечаев рассчитывал организовать студентов и через них поднять народ. Он говорил: «Революция неизбежна и является единственным исходом, ибо правительство одной рукой открывает школы, а другой не допускает окончивших университет к преподаванию в них».

Нечаев, этот «худенький, маленький, нервный, вечно кусающий свои изъеденные до крови ногти молодой человек с горящими глазами, с резкими жестами» неутомимо ходит по студенческим группам, развертывая свои планы. Но безалаберные студенты организовываться в стройную революционную партию не желали, хотя нечаевские планы были грандиозны. Конечной целью его была социальная революция, а единственным средством достижения этой цели — революция политическая.

Всеобщее восстание Нечаев планировал на весну 1870 года, «потому что этот год поставит народу много серьезных и близких вопросов; в случае неудачи восстания в центрах, летнее время будет благоприятствовать сепаративно войне на Волге и по Днепру и укрылательству народа целыми массами в лесах».

С появлением Нечаева русское революционное движение обрело практическое осуществление.

Желая поднять свой авторитет в глазах студенчества, Нечаев решается на мистификацию. Сколько их будет еще! Его путь через невинную кровь, обман начался.

В конце января 1869 года Нечаев зашел к своей сестре, жившей у Томилиной, сказал, что его вызывает начальник секретного отделения. Возможен арест. Действительно, на другой день Нечаев

исчез.. К Томилиной прибежала девочка-подросток Вера Засулич и принесла записку, полученную по почте: «Идя по мосту, я встретил карету, в какой возят арестованных, из нее выбросили мне клочок бумаги, и я узнал голос дорогого для меня человека: если вы честный человек, доставьте, это я спешу исполнить и, в свою очередь, прошу вас, как честных людей, сию минуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку. Студент».

На другой записке от Нечаева, вернее, на грязном клочке бумаги красным карандашом было написано:

«Меня везут в крепость; не теряйте энергии, друзья-товарищи, хлопочите обо мне. Даст Бог — свидимся».

Нечаева с Томилиной тотчас отправились на поиски. Они обошли все возможные полицейские и тюремные инстанции. О Нечаеве там не слышали. Достучались даже до Петропавловской крепости. Комендант заверил, что такого заключенного у него нет. Сам шеф жандармов Мезенцов поклялся, что в его ведомстве Нечаева не было.

Среди молодежи распространился слух, что якобы Нечаев бежал из крепости через отхожее место в генеральской шинели. Возник образ героя.

В феврале Нечаев объявился в Москве у Орлова, сказав, что бежал из крепости, и, взяв у него паспорт для поездки за границу, сперва поехал в Одессу.

В марте он снова в Москве, рассказывал о своих приключениях. Его будто бы опять арестовали, он бежал, 50 верст шел пешком, потом ехал с чумаками. Нечаев взял паспорт у другого товарища и уже легальным образом под чужим именем выехал за границу.

Перед русскими эмигрантами он предстал как уже опытный, с именем, революционер. Но Герцен, ставивший себя очень высоко, отказался иметь дело с каким-то студентом. «Апостол анархии» Бакунин принял Нечаева ласково. Тот уверял старика, что студенческое движение, которое он, Нечаев, якобы представляет, есть искра будущего большого пламени. Он разукрасил небылицами свой мифический арест, свою подпольную работу. Ждавший хоть каких-то сдвигов в России, Бакунин поверил Нечаеву, как дитя.

Нечаев настолько очаровал его и Огарева, что последний даже посвятил ему стихотворение «Студент» с подзаголовком «Молодому другу Нечаеву»:

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли.

Нет нужды приводить полностью, оно довольно длинное и малохудожественное. Но стихотворение как бы подтверждало на родине значимость Нечаева.

Это потом Бакунин будет сетовать в письме своему другу:

«Нечаев — один из деятельнейших и энергичнейших людей, каких я когда-либо встречал. Когда нужно служить тому, что он называет делом, для него не существует колебаний; он не останавливается ни перед чем и бывает столь же безжалостен к себе, как и к другим... Нечаев не мошенник, это неправда! Это фанатик преданный, но фанатик опасный... способ действия его отвратительный... Он пришел мало-помалу к убеждению: чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять за основу политику Макиавелли и вполне усвоить систему иезуитов: для тела — насилие, для души — одна ложь. Солидарность существует только между десятком лиц, которые образуют ядро общества. Все остальное служит слепым орудием и как бы материей для пользования в руках этого десятка людей, действительно солидарных. Дозволительно и даже простительно их обманывать, компрометировать, обкрадывать и по нужде даже губить; это мясо для заговоров... Симпатии людей, умеренно теплых, которые имеют человеческие интересы, как любовь, дружба, семья, общественные отношения, эти симпатии в его глазах не представляют достаточной основы, и во имя дела он должен завладеть вашей личностью без вашего ведома. Для этого он будет за вами шпионить и постарается овладеть всеми вашими секретами, и для этого в вашем отсутствии, оставшись один в комнате, откроет все ваши ящики, прочитает ваши письма... Если вы его представите приятно, первую его заботой станет посеять между вами несогласие, дразги... Он обманул доверие всех нас, он покрал наши письма, он страшно скомпрометировал нас; словом, вел себя как плут».

Нечаева очень интересовал зарубежный денежный фонд. Жаждал денег он не для себя, а для революции.

Однажды какой-то русский по фамилии Бахметьев, отправляясь через Лондон на далекие острова, оставил Герцену 800 фунтов на революционные цели. Герцен поместил эти деньги в банк, и на момент приезда Нечаева революционный фонд составлял уже 1100 фунтов. Нечаев убедил Бакунина и Огарева, что в России вот-вот начнется восстание, и сумел благодаря им вырвать у больного Герцена половину этих денег.

В Москву Нечаев привез кроме денег удостоверение за подписью Бакунина и с печатью: «Предъявитель сего есть уполномоченный представитель русской ветви всемирного революционного союза».

Теснее, чем с другими, у Нечаева завязались отношения с Орловым, Томилиной и Успенским.

Орлов был земляком Нечаева, сельским учителем, сыном священника. Он приехал поступать в университет, но ему это не уда-

лось. Томилина была замужем за отставным горным инженером. Люди небогатые, они все же жили открытым домом, у них постоянно толкалась молодежь. Нечаев познакомился с Томилиной случайно в поезде. Потом он давал уроки латыни ее брату и устроил жить у Томилиной свою сестру, совершенно необразованную простую работницу.

Успенский служил в книжном магазине. Это был романтический молодой человек, попавший под влияние Нечаева. К нему-то последний и явился из Женева. Успенский стал первым слушателем нечаевского «Катехизиса революционера». В нем излагался план организации, задуманной Нечаевым по масонскому принципу.

Выдавая себя за эmissара некоего международного революционного центра, Нечаев стал организовывать кружки, причем члены одного не знали состава другого. Вступивший в кружок не имел права спорить, расспрашивать, сомневаться. Он должен был беспрекословно подчиняться комитету.

Нечаев хотел кружками охватить всю Европейскую Россию. По сигналу кружки должны были поднять восстание. Нечаев намечал революцию на 19 февраля 1870 года.

Успенский привел четырех студентов и отставного коллежского секретаря Прыжова. Последний, кстати, занимался сочинительством, написал книгу «История кабаков и питейного дела в России».

Организацию назвали «Обществом народной расправы». Его члены обозначались номерами, встречам придавалась таинственность. Приобрели печатный шрифт, сделали печать. По кругу шла надпись «Комитет народной расправы 19-го февраля 1870 г.», в середине изображен топор. Печать ставилась на бланки, внизу которых писалось «по прочтении сжечь немедленно».

Члены общества занимались в основном антиправительственной агитацией, распространяя ложные слухи и прокламации. Прыжов достал несколько старых паспортов и священническую рясу, Нечаев — офицерскую форму.

Нечаев уже думал послать к Бакунину связного. Но среди членов оказался человек, ставивший под сомнение слова Нечаева о каком-то таинственном комитете, постоянно споривший на встречах и даже пытавшийся организовать свое общество. Это был студент земледельческой академии Иванов.

В ноябре в пруду Петровского парка, принадлежащего академии, нашли тело. В нем опознали Иванова. По всей видимости, он был застрелен. На шее — красный шарф с привязанным кирпичом. Полиция вышла на Успенского, который признался в убийстве и назвал сообщников: Нечаева, Прыжова, Николаева и Кузнецова. При следствии открылось все об организации, были обнаружены бланки, прокламации.

Нечаев скрылся за границу вместе с женой коллежского советника Варварой Александровской. Правда, через месяц она вернулась с сундуком прокламаций. На границе ее арестовали. Александровская показала, что была в Женеве, где рассказывала Огареву о России, потом по приказанию Нечаева вернулась.

Всего по нечаевскому делу пошло под суд 87 человек, некоторых оправдали.

Нечаев не получил у Огарева остаток фонда, заставил Бакунина отказаться от начатого перевода марковского «Капитала» и даже написал издателю угрожающее письмо. Под редакцией Нечаева и Бакунина вышло несколько номеров «Колокола». Потом они поссорились, и Бакунин поддерживал знакомство с людьми, только если те порывали с Нечаевым. Он писал Огареву: «Нечего говорить, какую роль глупцов сыграли мы. Если бы жив был Герцен, как он над нами бы зло посмеялся, и по праву. Теперь нам остается только проглотить эту горькую пилюлю и быть осторожнее на будущее время».

Едва III Отделение узнало, что Нечаев за границей, оно стало его разыскивать. Выдачи Бакунина русское правительство у иностранных властей не могло требовать. Нечаев же был виновен в прямом убийстве. Шеф жандармов граф Петр Андреевич Шувалов обратился к российским посланникам во всех крупных государствах, прося принять меры к обнаружению Нечаева. В Европу отправили агентов. Думали выйти на Нечаева через Бакунина, но они уже не встречались. Две трети Европы активно прочесывали агенты, на всех крупных вокзалах было установлено наблюдение.

Наконец, решили ввести в среду революционеров, где мог бы появиться Нечаев, своего человека. Это был поляк Стемпковский. Он сообщил однажды, в каком цюрихском ресторане и когда будет встречаться с Нечаевым. Один из членов Интернационала, оказавшийся тоже там, говорил, что на вошедшего Нечаева напали несколько переодетых в штатское швейцарских жандармов и поволокли его из зала. Нечаев, знакомый с рассказчиком, крикнул ему: «Скажите русским, что Линдерса арестовали!» Под этой фамилией он жил в Цюрихе.

Рыцари плаща и кинжала

Политические покушения случались не только в столицах. Очень неспокойна была левая интеллигенция Южной России.

Давайте познакомимся с несколькими террористами юга и с их практической работой.

Григорий Попко происходил из казачьей семьи. Отец умер от

белой горячки, мальчик окончил бурсу, поступил в Ставропольскую семинарию. Позже ему удалось устроиться в Одесский университет на юридический факультет. Воодушевленный носящимися в воздухе революционными идеями, Попко сближается с пропагандистом Заславским, который наставляет его ехать в Петербург и отомстить за выпоротого политического заключенного Боголепова. По дороге в Петербург Попко заезжает в Киев, где знакомится с Д. Лизогубом и В. Осинским. Почему бы не организовать террористический кружок? — думают они. В конце 1877 года Попко приезжает в Петербург с замыслом убить Трепова, но уже прозвучал выстрел Веры Засулич. Тогда он возвращается в Киев, и новообразованный кружок террористов решает для начала ликвидировать агента «охранки» рабочего Акима Никонова. Никонов сидел в пивной с друзьями, вместе вышли, и на улице Никонова застрелили. На груди лежала записка: «Шпион Аким Никонов убит за доносы на социалистов».

Далее южные террористы активизировались: совершенно покушение на товарища прокурора Котляревского, убит адъютант Киевского жандармского управления, устроен побег из Киевской тюрьмы террористов Стефановича и Дейча, проведена демонстрация после суда над террористом Ковальским.

Имя Дмитрия Лизогуба — одно из весьма заметных в истории русского терроризма. Он — сын богатого черниговского помещика, слывшего либералом. Воспитывал мальчика гувернер-француз, поборник евангелических идей равенства и братства. Юность Лизогуба прошла во Франции. Потом он поступил в Московский университет, увлекся учениями французских просветителей, сделался социалистом. Лизогуб, имея громадный доход от своих украинских имений, ограничил себя 150 рублями в год. Его обед состоял из четырех яиц и чая. За чердачную комнату он платил пять рублей.

Высшее зарубежное революционное начальство, конечно же, сразу попыталось вытянуть у него все деньги. Ему было поручено осуществлять связь между русскими и заграничными кружками.

Секретарь ростовской городской управы Валериан Осинский, будущий известный большевик, появился в Киеве в 1877 году. По воспоминанию современника, «это был высокий, тонкий блондин, по виду лет 25-ти, казавшийся каким-то хрупким, почти женственным существом, с красивым лицом, живой и подвижный, как ртуть. Осинский не удовлетворялся деятельностью своих петербургских товарищей, сводившейся исключительно к пропаганде, и искал для себя более захватывающего дела».

Кружок изготовил печать с надписью «Исполнительный комитет русской социал-революционной партии» со скрепляющим посередине револьвером и кинжалом. Печать прикладывали к прокламациям. Никакого комитета, конечно, не было.

.. Решено было убить товарища прокурора Котляревского за то, что он вел следствие по делам террористов.

Котляревского настигли, когда он возвращался откуда-то домой. Три раза выстрелили. Котляревский упал. Террористы считали свое дело удавшимся, но оказалось, что они промахнулись. Котляревский остался жив.

Иначе случилось с жандармским ротмистром бароном Гейкингом. Вооруженный кинжалом и двумя револьверами, Попко настиг его в полночь на Крещатике и ударил кинжалом в поясницу. Гейкинг, крича, упал, а Попко побегал. Какой-то человек преградил ему путь, он в него выстрелил. Выбежали двое городских, дворник. Попко опять стал стрелять, ранил двоих. Он побегал через только что разбитый парк и спрятался в канаве. Погоня его не заметила.

Пропагандист Стефанович, одевшись крестьянином, ходил по селам Киевской губернии и рассказывал, что односельчане послали его ходоком к царю. Дворяне якобы пытались не пустить его, но все же встреча состоялась, и Стефанович рассказал царю о том, как плохо живет народ.

К Стефановичу примкнул Лев Дейч, тогда еще юноша, в 18 лет ставший социалистом, а при советской власти — историком революционного движения, написавший немало книг. Особенно способна позабавить одна из них — «Роль евреев в русской революции».

Дейч, не зная, куда себя девать, поступил вольноопределяющимся в армию. Служивый из него был нерадивый, и в конце концов он попал под суд. Дейч бежал и, перейдя на нелегальное положение, занялся террором.

Стоит вспомнить Ивана Ковальского, всегда носившего за поясом кинжал и револьвер. Сын сельского священника, он был исключен за неуспеваемость из семинарии. Поступил в Одесский университет, откуда тоже был отчислен как замешанный в беспорядках. Его выслали, но он под чужой фамилией возвратился в Одессу. Ковальский заведовал тайной типографией.

Полиция обнаружила конспиративную квартиру. Из отчета:

«Одесский жандармский начальник получил сведения о политических собраниях в квартире Каплуновского на Садовой. Вследствие этого указания капитан Добродеев с товарищем прокурора отправились в девять часов вечера к подозрительному дому в сопровождении восьми жандармов и многих полицейских. Войдя в намеченную квартиру, они застали там семь человек... Капитан Добродеев объявил Ковальскому, что он должен сделать обыск, и предложил прежде всего показать ему все, что могло быть у него компрометирующего. Ковальский тотчас же опустил руку в карман и, вынув револьвер, прицелился в Добродеева, громко крича: «Вот что у меня есть!» Револьвер дал осечку. Тогда капитан бросился на

Ковальского и позвал жандармов. В эту минуту раздался выстрел, но пуля пролетела над головой капитана. Последний в происшедшей суматохе упал на спину, не выпуская Ковальского, который давил его своей тяжестью, в то время как другой анархист, размахивая кинжалом над головой Добродеева, поранил ему сначала руки и лоб, а затем ударил его в висок, крича: «Пуля тебя не взяла, но ты не увернешься!» В то же время был легко ранен один из жандармов, защищавших своего капитана. В довершение беспорядка стол, на котором стояли лампа и свеча, был опрокинут, так что и нападавшие, и защищавшиеся очутились в совершенной темноте. Анархисты забаррикадировались в квартире и стали стрелять через дверь...

Когда прибыла рота пехоты, граф Левашов приказал двадцати солдатам подняться наверх и применить силу, если революционеры откажутся покориться. Солдатам пришлось сделать залп в двери квартиры, так как заговорщики сначала отказались сдаться и стали стрелять. Только по второму требованию они решили открыть дверь и сдались. Двое из них оказались ранеными. После ареста этой группы был произведен подробный обыск в квартире: нашли оружие, много компрометирующих бумаг, революционную литературу, прокламации и проч.».

Дело Ковальского означило заметную веху в истории терроризма. По случаю войны с Турцией одесский округ находился на военном положении, и ввиду этого террористы были преданы военному суду. А этот суд времени зря не терял, и присяжные заседатели ему не требовались. Поэтому правительство и порешило впредь террористов отдавать под военный суд.

Ковальского приговорили к расстрелу, остальных к каторжным работам или ссылке.

В феврале 1879 года в Харькове был убит губернатор князь Кропоткин. В него выстрелили через окно кареты прямо у подъезда губернаторского дома. Пуля раздробила плечо, ключицу и застряла в позвоночнике. На другой день князь умер.

Убийцей был Григорий Гольденберг, выдавший позже «охранке» более ста человек и покончивший с собой в камере Петропавловки. С. Степняк-Кравчинский писал:

«В пропагандисте 1872—1875 годов было слишком много идеализма, чтобы он мог устоять в предстоящей трудной и нестойкой борьбе. Он должен был измениться — или исчезнуть».

И уже начал вырабатываться иной тип революционера, готовый занять его место. На горизонте обрисовывалась сумрачная фигура, озаренная точно адским пламенем, которая с гордо поднятым челом и взором, дышавшим вызовом и местью, стала пролагать свой путь среди уstraшенной толпы, чтобы вступить твердым шагом на арену истории.

То был террорист».

Весной 1879 года в Петербурге сколотилась группа единомышленников. Гольденберг, Зунделевич, Михайлов, Соловьев и другие народники-пропагандисты собирались в трактирах, пили водку с дешевой закуской и спорили. Постепенно все они пришли к мысли о цареубийстве. От общих фраз у молодых людей недалеко был путь и к практической стороне дела. Нужно было наметить исполнителя, время, место, орудие покушения.

Исполнителем вызвался быть Гольденберг. Но его отвергли как еврея. Покушаться на русского царя должен русский. По той же причине не стали даже слушать поляка Кобылянского.

Исполнителем стал Александр Соловьев. Ему был куплен большой револьвер и несколько граммов яда, чтобы не даваться живым.

Михайлов на совете «Земли и воли» сделал сообщение о предстоящем покушении, не называя имени исполнителя. Это вызвало целую бурю. Плеханов и другие были категорически против убийства царя. Они считали систематический террор не согласующимся с программой народников. К тому же после покушения неизбежны репрессии, придется ликвидировать типографию, прекратить работу среди крестьян.

Но Соловьев уже пришел к брюкам потайной клеенчатый карман для револьвера, купил патроны. Он сбрил свою бородку, купил форменную фуражку какого-то гражданского ведомства. Несколько раз Соловьев выходил по утрам на угол Невского и Адмиралтейской площади наблюдать за выходом царя на прогулку. Александр II обычно шел от правого подъезда Зимнего дворца вокруг здания сельскохозяйственного музея и обратно. Прохожих в это время там было мало. По пути следования царя дежурили, конечно, филеры.

Ночь накануне покушения Соловьев провел у проститутки. В восемь часов утра он вышел от нее и отправился к Адмиралтейской площади, походил там немного и двинулся по тротуару навстречу царю, появившемуся из-за угла штаба. На расстоянии двух-трех шагов Соловьев стал стрелять. Царь, уже до выстрелов что-то заподозривший, бросился бежать зигзагами к Главному штабу. Он запутался в полах шинели и упал. Соловьева схватили. Он еще успел выстрелом ранить одного из нападавших и раскусить орех с ядом. Но яд оказался выдохшимся и не подействовал.

Дадим слово генералу Н. Литвинову:

«В доме градоначальника нас встретил какой-то хожалый, предложивший услуги, чтобы провести в комнату, где находился стрелявший... Мне бросилась в глаза на дверях надпись «Отделение приключений» — в эту дверь мы и вошли... В длинной, но светлой комнате в одно окно было порядочно много народу. Тут были и штатские, и военные, и полицейские... На кожаном диване в полулежачем положении находился молодой человек лет

около тридцати, высокого роста, с длинными русыми волосами и тонкими белесоватыми усами. Он был в толстом осеннем пальто, левая рука его покоилась на колене; головою он уткнулся в угол дивана и правой рукою подпирал щеку. Он имел вид человека в обморочном состоянии. Под ногами на полу были две лужи. Помощник градоначальника мне объяснил, что преступника рвало, он ему давал молоко...»

Литвинов побывал на благодарственном молебствии и снова отправился в дом градоначальника: «Признаюсь, что любопытство страшно тянуло меня к преступнику... Обстановка изменилась. Диван стоял уже не подле стены, а посреди комнаты, на нем всю длину лицом к свету лежал преступник. Волосы его были всклоочены, лицо бледное и истомленное, глаза несколько мутны. Его перед тем только что рвало, благодаря рвотным средствам. В него влили несколько противоядий, и они, конечно, произвели действие, совсем не подкрепляющее силы. Подле него на полу стояла умывальная чашка с порядочным количеством блевоты...»

На выстрелы Соловьева правительство ответило установлением генерал-губернаторской власти на местах, обязательной полицейской пропиской в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе и Ялте. М. Н. Катков в «Московских ведомостях» призывал: «Еще ли государственный меч будет коснеть в своих ножнах? Еще ли не пора явить святую силу власти во всей грозе ее величия? Ее проявления на страх врагам ждет не дожидется негодующий народ, беспрерывно оскорбляемый в своей святине... Пора и всем нашим умникам прекратить праздномыслие и празднословие, выкинуть дурь из головы и возвратиться к частному здравому смыслу...»

Народовольцы

После раскола «Земли и воли» эта организация разделилась. Наиболее радикальные, сторонники террора, образовали партию «Народная воля». В нее вошли А. Михайлов, А. Зунделевич, А. Квятковский, В. Фигнер, С. Перовская, Л. Тихомиров, А. Баранников, М. Фроленко, Н. Морозов, А. Пресняков. Позже были приняты А. Желябов, Н. Колоткевич, С. Ширяев и М. Ошанина.

У нас почти ничего не говорилось о виленском адвокате А. Зунделевиче, обладавшем огромными связями за границей. Он купил и перевез в Россию две типографии: «Русскую вольную типографию» и типографию «Начала», переименованную потом в типографию «Земли и воли». С 1875 года он в своих руках держал всех евреев-контрабандистов на западной границе, по его

указанию через границу переводились десятки людей, перевозились сотни пудов нелегальной литературы.

Состав «Народной воли» быстро пополнялся. Много сочувствующих ей было среди либеральных адвокатов, врачей, земских деятелей.

Александр Дмитриевич Михайлов был сыном землемера из Путивля. Путь в революцию — обычный: учеба в технологическом институте, участие в студенческих волнениях, высылка на родину. Зимой 1875 года в Киеве он знакомится с пропагандистами, получает у них рекомендации и едет в столицу. Там он попадает под покровительство Натансона и Плеханова. Революционная романтика воспламеняет Михайлова. Он даже создает правила конспирации для тайной организации. Каждый революционер, чтобы не вызывать подозрений, должен быть прилично одет. Конспиративная квартира имеет 2—3 выхода, на окнах обязательно выставляются условные знаки. Михайлов составил список всех проходных дворов в Петербурге и требовал от товарищей эти дворы изучить. Ему дали кличку Дворник.

Когда народники расходятся по деревням Поволжья — волостными писарями, фельдшерами, мастеровыми, — Михайлов пытается вписаться в сектантскую раскольничью среду. Выдавая себя за мелкого приказчика, он поселился в Саратове на квартире у старообрядцев.

Потом — опять Петербург. Михайлов вначале каждый день просиживает в Публичной библиотеке, знакомясь с богословской литературой. Но скоро столичные дела поглощают его, и Михайлов забывает о своих раскольниках. Он участвует в освобождении Преснякова из полицейского участка, пытается освободить переводимого из харьковской тюрьмы П. Войнаральского. При покушении на шефа жандармов Н. В. Мезенцова Михайлов был сигнальщиком. Плеханов отправил его на Дон, где началось брожение казаков. Предполагалось организовать там боевые дружины.

Вернувшись в столицу, он обнаруживает полный разгром «Земли и воли». Нет ни денег, ни паспортов. Он неумоимо восстанавливает былые связи, собирает деньги, с Зунделевичем устраивает типографию. В своей комнате Михайлов повесил плакат: «Не забывай своих обязанностей!» Это он составил смертный приговор предателю Рейнштейну, был сигнальщиком при покушении на генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна.

Михайлов сумел увлечь идеями террора Николая Клеточников, помощника делопроизводителя III Отделения.

Пензенский мещанин Клеточников слушал лекции в Московском университете, но по болезни вынужден был уехать в Крым. Там он работал кассиром, жил спокойно. Но его тянуло в столицу, и когда Клеточников приехал в Петербург подыскивать место, он

случайно познакомился с Михайловым. Сначала Михайлов прощупывал Клеточникова, но тот был чист и безмятежен, как дитя. Михайлов красочно рисовал ему счастье борьбы во имя свободы, обещал найти хорошую службу, помочь деньгами. Он посоветовал Клеточникову снять комнату в доме на углу Невского и Надеждинской, где жили агенты «охранки».

Клеточников очень понравился хозяйке за ежевечернюю игру в карты и тихое поведение. Она рекомендовала его своему знакомому, и тот устроил Клеточникова в агентурное отделение. Там Клеточников занимался тем, что переписывал результаты агентурных наблюдений, шифровал и расшифровывал секретные телеграммы, оформлял различную переписку. Короче, он стал посвящен во все дела сыска. Сведения Клеточников сообщал Михайлову, которого знал как Петра Ивановича. Так продолжалось два года.

При аресте Клеточников отрицал свою принадлежность к партии, но в показаниях заявлял: «Не сделавшись социалистом, я не могу не сознаться, что начал сочувствовать некоторым их идеям и стал считать их дело своим... Я руководствовался, главным образом, корыстными целями и желанием разнообразной жизни в столице, а также сочувствием к высказанным Александром Михайловым идеям о развитии и обогащении народа, к идеям, которым будто бы служат он и его сподвижники».

На судебном же разбирательстве Клеточников, видимо, решил выглядеть героем и понес откровенную околесицу: «До тридцати лет я жил в глухой провинции, среди чиновников, занимавшихся дразгами, попойками, вообще ведших самую пустую, бессодержательную жизнь... Наконец, я попал в Петербург, но и здесь нравственный уровень общества был не выше. Я стал искать причины такого нравственного упадка и нашел, что есть одно отвратительное учреждение, которое развращает общество, заглушает все лучшие стороны человеческой натуры и вызывает к жизни все ее пошлые, темные черты. Таким учреждением было III Отделение. Тогда я, господа судьи, решился проникнуть в это отвратительное учреждение, чтобы парализовать его деятельность...»

Михайлов повлиял на жизнь не только Клеточникова. Многим обязан ему в выборе своего пути и Андрей Иванович Желябов.

Сын бывшего дворового, Андрей Желябов окончил керченскую гимназию и поступил на юридический факультет Одесского университета. За участие в студенческих беспорядках исключен. Он определился домашним учителем в семью сахарозаводчика Яхненко, на дочери которого и женился. Может быть, Желябов так бы и прожил спокойно оставшуюся жизнь, выплескивая свою энергию в лучшем случае в земскую деятельность, но, наезжая в Одессу, он познакомился с кружком Волховского и после долгих

колебаний вошел в него. Но кружок скоро распался: кто ушел в народ, кого арестовали. Желябова тоже привлекли по делу 193-х, но по суду оправдали. В тюрьме он провел около семи месяцев.

Опять вернулся Желябов к своему хозяйству, работал в поле, выхаживал коней, играл с сыном.

Когда его казнят, вся эта жизнь развалится: тестя хватит удар, семью разорят жулики и кредиторы, и несчастная обезумевшая жена будет просить, как и родственники Каракозова, об изменении фамилии хотя бы во имя сына.

Хозяйством Желябову скоро надоело заниматься, и он уехал в Подольскую губернию бахчеводом-пропагандистом.

На Липецком съезде Желябов сходится с Михайловым. Они да Лев Тихомиров составят будущий костяк «Народной воли».

Желябов даже выработал свой взгляд на эволюцию общества.

Л. А. Тихомиров вспоминал:

«Политический агитатор рано сказался в нем. Так, например, он принимал деятельное участие в организации помощи славянам, рассчитывая, как рассказывал впоследствии, на деле возрождения славян помочь политическому воспитанию самого русского общества. Русская революция представлялась ему не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще. Его взгляды в этом случае значительно расходились со взглядами большинства современной ему революционной среды».

На деньги, данные Зунделевичем, в Саперном переулке организовалась типография, в которой работали Бух, Лубкин и специально выписанный из-за границы Цукерман. Типография просуществовала полгода. В январе 1880 года ее накрыла полиция. Абрам Лубкин, двадцатилетний юноша, при этом застрелился. Так он и остался лишь именем в революционном движении. Кем был Лубкин, откуда, почему перешел в нелегалы, о чем думал долгие часы за типографским станком — кто знает?

С осени 1879 года все силы народовольцев сосредоточились на организации покушений на Александра II.

Было намечено несколько мест под Александровском Екатеринославской губернии, под Одессой, под Москвой. Предполагалось взорвать царский поезд, идущий из Крыма.

В Одессу переправили полтора пуда динамита. М. Фроленко устроился сторожем в железнодорожную будку в 14 верстах от города и вместе с Татьяной Лебедевой готовил взрыв. Но выяснилось, что маршрут царского поезда изменен, и тогда сосредоточились на Александровске. Это была Лозово-Севастопольская железная дорога. Желябов, выдав себя за ярославского купца,

приобрел у местной Думы кусок земли, прилегающей к железнодорожному полотну, якобы для постройки кожевенного завода. Сам он с Якимовой поселился в Александровске и занялся подготовкой к взрыву поезда. Под полотном железной дороги они заложили две мины, от которых шли провода. Окладский и Пресняков привезли гальваническую батарею. 18 ноября, глядя на проходящий царский поезд, Желябов под выкрик Окладского «Жарь!» соединил два конца провода. Но взрыва почему-то не произошло. Поезд благополучно проследовал к Петербургу.

Взрыв поезда на Московско-Курской железной дороге организовывал Михайлов. На третьей версте от Москвы Гартман по подложному паспорту купил дом и поселился там с Софьей Перовской. Террористы намеревались прорыть подземный ход из дома к железной дороге. Кроме хозяев, в этой затее участвовали сам Михайлов, Исаев, Морозов, Ширяев, Баранников, Гольденберг и Арончик.

Работа была адской. Пол постоянно сырой, просачивалась вода. Двигаться можно было лишь чуть поднявшись на четвереньки. Донимал холод — все же ноябрь. Тяжело было вынимать землю. Когда подкоп почти закончили, полил сильный дождь. Ход затопило. Воду выносили ведрами, выливая ночью во дворе. Воздух в подкопе стал тяжелым, копать приходилось в грязи. Свеча по минутно гасла. Подземный ход пролегал под дорогой, где ездили с тяжелыми грузами. Телега или лошадь могли провалиться.

«Положение работающего походило на заживо зарытого, употребляющего последние нечеловеческие усилия в борьбе со смертью, — писал Михайлов. — Здесь я в первый раз заглянул ей в холодные очи и, к удивлению и удовольствию моему, остался спокоен».

Перовская постоянно дежурила наверху. При появлении полиции она должна была выстрелить в бутыл с нитроглицерином и тем самым взорвать дом.

Софья Перовская была дочерью бывшего петербургского вице-губернатора. В 16 лет она с сестрой поступила на так называемые «аларчинские» курсы при петербургской гимназии. Правительственная печать отмечала потом, что эти курсы «посещались всеми нигилистками и эмансипированными, избивовавшими в столице». Именно курсам стоит приписать формирование антиправительственных взглядов у Перовской. Она близко сошлась с сестрами Корниловыми, с Вильберг, Лешерн фон Герцфельд. Мать и сестра вынуждены были сопровождать больного отца за границу, и Софья провела все лето в Лесном под Петербургом со своими новыми друзьями.

Софья решает уйти из родительского дома и поселиться у Корниловых. Отец обратился к полиции, прося препроводить дочь

назад. Брат Василий добился выдачи Соне отдельного вида на жительство, уговорил отца.

Через Корниловых Перовская познакомилась с Натансоном; Кравчинским, Лопатиным, Тихомировым и другими народниками. Она тоже «ходила в народ», прожила зиму в Тверской губернии. В Самарской губернии Перовская занималась оспопрививанием, работала в школе, готовившей сельских учительниц. Подражая герою романа Чернышевского; она спала на голых досках, ела самую грубую пищу. В Твери Перовская выдержала экзамен на звание народной учительницы.

В 1873 году она ведает кружковой квартирой в Петербурге, ходит в ситцевом платье, мужских сапогах, сама носит воду из Невы. Полиция узнала о подозрительной квартире, и Перовскую арестовали. Скоро ее отпустили на поруки отцу. Тот отправил ее вместе с матерью в свое имение в Крым. Софья поступила в Симферопольскую фельдшерскую школу, окончила ее и три года работала в земской больнице.

После суда над 193 пропагандистами Перовскую все же назначили к высылке в Олонецкую губернию. В дороге она сбежала от сопровождавших ее жандармов и приехала в Петербург. С этого дня Перовская переходит на нелегальное положение и живет по фальшивым паспортам. Она вызывается заняться освобождением политических заключенных из Харьковской тюрьмы.

Перовская, привезя деньги из Петербурга, передает в тюрьму книги, теплые вещи, подыскивает людей. Она готова сама, одна, с револьвером в руках штурмовать тюремные ворота. Столичным революционерам не до нее, там свои проблемы. Харьковская подруга Перовской вспоминала: «Я жила с ней в одной комнате, когда получилось известие, что в Петербурге многие из членов «Земли и воли» арестованы. Трудно изобразить, какое горе причинило ей это известие. Как человек чрезвычайно скрытный, она ни перед кем не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночам, когда она была уверена, что я сплю и никто не услышит ее, давала волю своему горю. Помню, как Перовская провела первые три ночи... Я вынуждена была притвориться спящей из боязни своим присутствием или участием только стеснить ее, но как сжималось мое сердце при этих постоянно раздававшихся тихих рыданиях... С их арестом у нее явилось сомнение в возможности осуществить свой план. Расстаться с этим планом ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, так как за первыми арестами последовали другие и попытка освобождения не могла состояться».

Перовская вернулась в Петербург. Оставшиеся соратники-народники советовали ей ехать за границу.

— Нет, нет, — решительно отвечала она, — я останусь здесь погибать вместе с борющимися товарищами.

Перовская стала членом террористической организации «Народная воля».

Во многом этому способствовал и Желябов, в которого Софья без памяти влюбилась. Ей шел 26-й год, и — первая любовь. Желябов был высок, красив. Говорили, что он немного похож на Александра II. Прожили они как муж и жена год.

Итак, прокопали с огромным трудом 47 метров. До самых рельсов не дошли. Заряд с двумя пудами динамита уложили в трех аршинах. Дальше земля не поддавалась. Но сила взрыва должна была быть достаточно велика. Взрыв производился при помощи спирали, помещенной в сундук с бельем на втором этаже, и гальванической батареи в сарае.

Закончив подкоп, все уехали. Остались Перовская и Ширяев. Перовская караулила поезд, а Ширяев должен был соединять провода.

Утром 19 ноября 1879 года раздался взрыв. Но он оказался слишком слабым: только разрушил полотно, остановив поезд. Царь к тому же проехал в следующем поезде.

Будущий год принесет народовольцам много разочарований. Но они пока не знают об этом. Одна из террористок вспоминает встречу Нового года на конспиративной квартире:

«Там были многие: Фроленко, Желябов, Михайлов, Морозов, Ширяев, Лебедева, Якимова, Гесь Гельфман, Перовская и другие. Присутствовавшие избегали касаться недавно всплывших тяжелых жгучих вопросов: мы перекидывались шутками, пели, разговаривали. Особенно запала мне в память сцена приготовления жженки: на круглом столе посредине комнаты поставили чашу (суповую), наполненную кусками сахара, лимона и специй, облитых ромом и вином. Когда ром зажгли и потушили свечи, картина получилась волшебная: тревожное пламя, то вспыхивая, то замирая, освещало суровые лица обступивших его мужчин... Морозов вынул свой кинжал, за ним другой, третий, их положили, скрестив, на чашу, и без предупреждения, по внезапному порыву, грянул могучий торжественный напев известной гайдамацкой песни: «Гей, не дивуйтесь, добрые люди, шо на Украине повстанье!» Когда пробило двенадцать часов, стали чокаться, кто жал соседу руку, кто обменивался товаришеским поцелуем; все пило за свободу, за родину, все желали, чтобы эта чаша была последней чашей неволи...»

В наступившем году арестовали Квятковского, Преснякова, Веру Фигнер. От чахотки умирает Ольга Натансон. В январе разгромлена типография.

Для очередного покушения Квятковский и Желябов подготовили рабочего Степана Халтурина. Он устроился под чужим именем столяром в Зимний дворец.

В феврале в Петербург в гости к царской семье приехал принц Александр Гессен-Дармштадтский с сыном. Это был любимый брат императрицы, старый боевой офицер. Рассказывали как легенду: он преследовал Шамиля и подобрал Коран, оброненный неуживчивым горцем... Теперь он жил тихо, весь отдавшись нумизматике.

Император Александр вышел ему навстречу в малый фельд-маршальский зал, и тут раздался оглушительный взрыв. Погас свет, повалил дым. С разных сторон слышались крики.

Взрыв, как оказалось, произошел в подвальном этаже под помещением главного караула. А над караулом находилась комната, где был приготовлен стол для царского обеда. Десять солдат были убиты на месте, 56 человек получили различные ранения.

Появились агенты III Отделения. Они быстро установили, что взрыв произведен из комнаты столяров. Их арестовали, но не нашли четвертого столяра.

Несколько месяцев Халтурин носил и складывал в свою подушку динамит. От паров динамита очень болела голова. Три пуда динамита заложил Халтурин в сундук, который и взорвал.

Сын разбогатевшего крестьянина, Степан Халтурин окончил техническое училище в Вятке и вместе с двумя социалистами решил отправиться в Америку. Однако те, украв у него немногие деньги, скрылись. С тех пор Халтурин работает на разных заводах, нигде подолгу не задерживаясь, поскольку выгоняли за пропаганду. Человек он был довольно ограниченный и самолюбивый, но много читал, умел говорить с рабочими. На покушение его, по всей видимости, толкнуло тщеславие.

Взрыв в Зимнем дворце подвигнул правительство на решительные меры. Была создана Верховная распорядительная комиссия во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым. Комиссия обладала чрезвычайными полномочиями.

Новый диктатор предполагал безболезненный переход самодержавия на буржуазную дорожку. Он ратовал за создание земских учреждений по всем губерниям, за городское самоуправление. При нем прекратилась огульная раздача казенных земель. Лорис-Меликов дал некоторую свободу прессе, упразднил III Отделение. Либеральная интеллигенция была в восторге.

Исполнительный комитет «Народной воли», начавший было готовить покушение на Лорис-Меликова, понял, что подобная акция вызовет резко отрицательную реакцию у общества.

Однако экзальтированный юноша Ипполит Млодецкий, недавно приехавший из глухой провинции, решил единолично совершить покушение. В феврале 1880 года у подъезда канцелярии Министерства внутренних дел он попытался застрелить Лорис-Меликова. Стрелял Млодецкий в упор, но граф остался жив.

«Уже вечером следствие о злоумышленнике, оказавшемся мешанином города Слуцка Минской губернии, Ипполите Осиповиче Млодецком было окончено. Назавтра его приговорили к смертной казни.

Был Млодецкий крещеным евреем. Виленский генерал-губернатор сообщал: «Ипполит Млодецкий приготавливался в виленском духовном братстве к восприятию святого крещения, крещен и вскоре отправился в Петербург... Затем через полгода Млодецкий явился к секретарю братства, будто бы проездом в Слуцк по случаю смерти отца, в крайней бедности, что видно было по его платью. Из сумм братства выдано ему пособие 10 рублей».

Народовольцы получили сведения, что царь из Крыма поедет в Россию через Одессу. Там в это время жила Вера Фигнер. К ней приехали Перовская и Саблин и от имени исполнительного комитета «Народной воли» предложили заняться подкопом для укладки мины. Фигнер тогда готовила другой теракт: убийство правителя канцелярии генерал-губернаторства. Его предполагалось заколоть кинжалом. Но приказ есть приказ, и Фигнер подключилась к новому делу. Прибыли из столицы Исаев — специалист по динамиту, второй техник в партии после Кибальчича, и Якимова. Привлекли также местных — Меркулова и Златопольского.

На Итальянской улице Перовская с Саблиным под видом суругов сняли бакалейную лавку. Нужно было спешить: стоял апрель, а царь поедет уже в мае. Подкоп через улицу шел трудно, почва была твердая. Сначала землю складывали в жилых комнатах, но потом сообразили, что полиция, возможно, будет осматривать дома по пути следования царя, и стали выносить землю в корзинах, узах...

Исаеву при работе с динамитом оторвало три пальца, и ему пришлось лечь в больницу.

Вдруг Петербург известил, что подкоп нужно бросить, что царь в Крым не поедет. Тогда Перовская и другие предложили все же продолжать свою работу с тем, чтобы взорвать генерал-губернатора Тотлебена. Но Тотлебен был переведен из Одессы, и бакалейная лавка на Итальянской прекратила свое существование.

Потери народовольцев в то время были значительны.

В 1879 году арестованы Гольденберг, Ширяев, Квятковский и Зунделевич. Гартман сбежал за границу.

Родился Лев Гартман в семье немецкого колониста. С юности отдался революционной работе, исколесил почти всю Россию с целями пропаганды, попал в Саратовскую губернию, где познакомился с Соловьевым и Михайловым, присоединился к местному кружку Фигнер. Устроился там писарем, но после доноса вынужден был скрыться и отправиться в Петербург. Далее — жизнь эмигранта, в Париже его чуть не выдали русским властям,

но французская радикальная пресса подняла шум. Гартман перебрался в Лондон, где познакомился с Марксом и даже сватался к его дочери. Потом Америка, снова Лондон, где он и умер в 1903 году.

В 1880 году арестованы С. Иванова, Пресняков, Баранников, Колоткевич и Михайлов. В январе 1881 года взяли Златопольского, Клеточникова и Морозова.

Произошло это во многом благодаря психически неуравновешенному Гольденбергу, запутавшемуся и ставшему выдавать всех и вся. Гольденберг после убийства им князя Кропоткина и участия в подкопах случайно был арестован в Елисаветграде, когда он перевозил динамит. Родившийся в Бердичеве, сын купца, он в свои 24 года никогда не работал. Благо родители держали магазин в Киеве.

Гольденберг, видимо, испугался, что его повесят, и стал давать показания.

Михайлов и Желябов тщательно собирали революционный архив, думая хранить его где-нибудь вне Петербурга, возможно у украинского националиста М. Драгоманова, раз за разом переправляя ему новые документы. Этот архив и стал причиной гибели осторожного Дворника.

Михайлов, желая заказать снимки с карточек казенных Квятковского и Преснякова, зашел в фотографию на Невском. Хозяин, работавший для III Отделения, узнал людей на снимках. Его жена, стоя за спиной мужа, посмотрела многозначительно на Михайлова и провела рукой по шее. Помешанному на конспирации Дворнику не приходило бы туда за фотографиями... Но он пришел и оказался в руках полиции. Агенты «охранки» очень удивились, узнав, кто им попался: Михайлов считался вождем русского терроризма. На его квартире обнаружили динамит.

Покушение на царя

После ареста Михайлова руководство террором полностью взял на себя Желябов. Он разработал новый план покушения на царя.

На углу Невского проспекта и Малой Садовой у сырной лавки должна быть заложена мина. Если взрыв не совпадет с моментом проезда царской кареты, то в запасе будут четыре бомбометателя. Если же и у них сорвется, то из толпы должен броситься Желябов и поразить царя кинжалом. Если с Желябовым что-то случится, его заменит М. Тригони.

Но Тригони-то как раз попался первым. Его выследили, и когда к нему пришел Желябов, их взяли обоих. Как только террори-

стов ввели в канцелярию градоначальника, товарищ прокурора воскликнул: «Желябов, да это вы!» Он его знал по Одессе, когда тот привлекался по делу 193-х.

Казалось бы, покушение не состоится. Но на воле осталась гражданская жена Желябова Софья Перовская. Ее биографы — Тихомиров, невестой которого она была когда-то, и Степняк-Кравчинский, — отдавая должное воле и характеру Перовской, не могли не отметить в ней скрытность и озлобленность, упрямство и грубость, бессердечие и жестокость.

На конспиративной квартире, где жили Фигнер с Исаевым, собрался исполнительный комитет: Перовская, Фроленко, Лебедева и другие. По воскресеньям царь ездил в Михайловский манеж на развод. Оттуда он возвращался по Екатерининскому каналу. На повороте к каналу, как заметила Перовская, кучер придерживает лошадей, и они идут почти шагом.

Три с половиной месяца ежедневно наблюдался царский маршрут.

Итак, исполнительный комитет собрался, на завтра было воскресенье. Подкоп на Малой Садовой был сделан, но мина еще не заложена. Исаев заверил, что за этим дело не станет. Решено было заложить мину и снабдить бомбами метальщиков. План Желябова действовал.

Всю ночь на квартире Фигнер техники Кибальчич, Исаев, Суханов и Грачевский готовили бомбы. В восемь утра Перовская унесла две, вполне готовые, на другую конспиративную квартиру, где жили Геся Гельфман и Н. Саблин. Чуть позже пришли метальщики — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов — все молодые люди. Появился Кибальчич с двумя остальными бомбами. Перовская начертила план и каждому метальщику указала место.

Будет, нет ли взрыв на Малой Садовой — все равно метальщики должны быть наготове. Рысаков будет стоять у Екатерининского сквера, Емельянов — на углу Невского и Малой Садовой. На противоположной стороне этой улицы у Манежной площади будут более опытные Гриневицкий и Тимофей Михайлов.

Все отправились по местам. Пошла и Перовская. В сырной лавке на Садовой тоже были готовы. Фигнер писал:

«В 10-м часу ко мне пришел тот, который был избран сомкнуть в магазине электрический ток (Ю. Богданович). Я с удивлением увидела, что из принесенного свертка он вынимает колбасу и бутылку красного вина и ставит на стол, приготавливаясь закусывать. В том возбуждении, в каком я находилась после нашего решения и бессонной ночи, проведенной в приготовлениях, мне казалось, что ни есть, ни пить невозможно. «Что это?» — почти с ужасом спросила я, видя материалистические намерения человека, обре-

ченного почти на верную смерть под развалинами от взрыва. «Я должен быть в полном обладании сил», — спокойно ответил товарищ и, невозмутимый, принялся за еду...»

Император, как обычно по воскресеньям, отправился в манеж, но не поехал по Невскому и Малой Садовой. Перовская это сразу уловила и дала сигнал метальщикам, которые переменили места. Как их не заподозрила охрана, контролировавшая проезд по каналу, — непонятно. Вероятно, совсем обlenились.

Император смотром остался доволен и в хорошем настроении проехал в Михайловский дворец к великой княгине Екатерине Михайловне, где позавтракал. Через полчаса его карета проехала Инженерную улицу и повернула на набережную Екатерининского канала. Два казака скакали впереди, остальные — с боков.

Набережная была пустынна: несколько агентов полиции, три сторожа Михайловского дворца, подметавших тротуар. Четырнадцатилетний мальчик-мясник отдал царю честь, как и два преображенских гвардейца. Им навстречу прошел военный фельдшер, а за ним молодой человек маленького роста в шапке из выдры. В руках он нес что-то завернутое в салфетку. Это был Рысаков. У Тимофея Михайлова не хватило духу поднять руку на царя, и он ушел. Таким образом, Рысаков оказался первым на пути Александра. Шагах в тридцати от него стоял, прислонившись к решетке, Гриневицкий, а подальше — Емельянов.

Карета и Рысаков поравнялись. Рысаков взмахнул рукой и бросил бомбу под ноги лошадям. Казак, сидевший на козлах, конвольный и мальчик упали, раненные. Император вышел из кареты: «Схвачен ли преступник?» Казаки уже держали Рысакова, вынув из его карманов револьвер и кинжал.

Полицмейстер Дворжицкий умолял государя скорее ехать, но Александр медлил. А к нему тем временем приближался Гриневицкий... Вот он уже в трех шагах... Гриневицкий размахнулся и швырнул бомбу.

Взрыв был оглушителен. Вверх взметнулись клочья одежды, снег. Когда дым рассеялся, на земле оказалось множество раненых. Император, без фуражки, полусидел, прислонившись к решетке канала, опершись руками о панель набережной. Лицо его было в крови, ноги раздроблены... От шинели остались одни окровавленные куски. Рядом лежал истекающий кровью Гриневицкий.

Емельянов ничем не мог помочь товарищу, ему пришлось вместе с другими укладывать императора в сани.

Скоро в Зимний дворец приехал цесаревич Александр Александрович, другие члены царской фамилии, министры, сенаторы и прочие. В кабинет умирающего императора вошел протоиерей придворного собора... В половине четвертого пополудни Александр II, не приходя в сознание, скончался.

А в четыре на конспиративной квартире собрался исполнительный комитет, и теоретик партии Тихомиров написал прокламацию о событии 1 марта.

А. Тырнов, тоже участвовавший в подготовке покушения — он отслеживал маршрут царя, — рассказывал:

«3 марта мы шли с Перовской по Невскому проспекту. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщение о событиях дня: «Новая телеграмма о злодейском покушении!» Толпа раскупала длинные листки. Мы тоже купили себе телеграмму. В ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябов заявил, что он организатор дела 1 марта. До сих пор можно еще было надеяться, что Желябов не будет привлечен к суду по этому делу. Хотя правительство и знало, что он играет крупную роль в делах партии, но для обвинения по делу 1 марта у него не могло еще быть улик против Желябова. Из телеграммы было ясно, что участь Желябова решена.

Даже в этот момент, полный страшной для нее неожиданности, Перовская не изменила себе. Она только задумчиво опустила голову, замедлила шаг и замолчала. Она шла, не выпуская из нерешительно опущенной руки телеграммы, с которой она как будто не хотела расстаться. Я тоже молчал, боялся заговорить, зная, что она любит Желябова.

На мое замечание: «Зачем он это сделал», она ответила: «Верно, так нужно было».

Действительно, судебный процесс, где обвиняемым был бы один юный Рысаков, выглядел для партии бледно. И вот Желябов пытается нарисовать перед взором властей некую сверхтаинственную организацию с массой разветвлений в провинции, с боевыми дружинами. Он сочиняет, что на царевубийство вызвалось 47 человек. Себя Желябов называет лишь агентом, близким к исполнительному комитету, который правительству никогда не настигнуть.

Меткую характеристику ему дал прокурор. «Когда я составлял себе, на основании дела, общее мнение, общее впечатление о Желябове, — говорил Н. Муравьев, — он представлялся мне человеком, весьма много заботящимся о внешней стороне, о внешности своего положения... Я вполне убедился, что мы имеем перед собой тип революционного честолюбца...»

Перовской, страстно любящей Желябова, не могла не прийти мысль о его освобождении. Она искала возможность проникнуть в окружной суд, где будет заседание, заставляла своих подчиненных искать свободную квартиру возле III Отделения, чтобы при вывозе Желябова из ворот отбить его. Ничего не получилось.

Начались аресты. Народовольцев арестовывали неожиданно, даже на улицах. Это уже давали показания Окладский и Рысаков.

Да, Николай Рысаков, бросивший на Екатерининском канале первую бомбу.

Ему было всего 19 лет. Наивный провинциал из Олонецкой губернии, впервые о революционных идеях он услышал от учителя уездной школы, сосланного нигилиста. Рысакову удалось поступить в горный институт, где, как нуждающийся, он постоянно получал денежную помощь. Случай свел его с Желябовым, наслушавшись которого, Рысаков бросил ученье, вступил в народовольцы и готовился стать агитатором среди рабочих. Желябов платил ему ежемесячно 30 рублей. В свой медвежий угол, к родителям, он отписывал, что прилежно учится и, дай бог, будет горным инженером.

«Утверждаю только, — писал в своих показаниях Рысаков, — что, не будь Желябова, я бы далек был от мысли принять участие не только в террористических актах, но и в последнем покушении, лишенном для меня той окраски, которою окрашены прочие действия партии. Отношения к другим лицам партии в данном вопросе вовсе безынтересны: ни Перовская, ни Котик, никто из них не мог овладеть настолько моими мыслями, чувствами и стремлениями, как Желябов...»

Рысакову трудно было свыкнуться с мыслью, что он — царевубийца. Все шло как-то непроизвольно, само собой, вроде игры в казаки-разбойники. И вдруг — кровь, трупы людей, тюремная камера. Рысаков просто не понимал, как все произошло.

А. Тырнов рассказывает об очной ставке в Департаменте полиции:

«У стола сидел Рысаков и при моем появлении повернулся ко мне лицом. Когда его еще вели по двору, мне удалось уловить его настроение. Он шел какими-то равнодушными, точно не своими шагами, переводя глаза с предмета на предмет, с мучительным безразличием человека, для которого все счета с жизнью кончены... Но когда мне пришлось остановиться в каких-нибудь двух шагах от него и когда глаза наши встретились, тут только я увидел весь ужас его состояния. Лицо его было покрыто сине-багровыми пятнами, в глазах отражалась страшная тоска по жизни, которая от него убежала. Мне показалось, что он уже чувствует веревку на шее».

Рысаков выдал конспиративную квартиру, откуда он уходил на покушение. Там стали отстреливаться. Дверь выломали: на полу лежал застрелившийся хозяин — это был Саблин. Кроме него, в квартире оказалась Гесья Гельфман.

Все сегодня слышали о Перовской, но почти никто не знает, что рядом с ней на эшафоте должна была стоять и молодая некрасивая еврейка, так смешно говорившая по-русски.

Революционное движение неустанно пополнялось за счет выходцев из еврейских местечек Украины и Белоруссии. Сонный

полесский городок Мозырь дал русскому терроризму Гесю Гельфман. В семье мелкого торговца было пятеро дочерей, Гесья — одна из них. Дни текли монотонно: работа по дому, одни и те же лица. Бердичев, куда Гесья попала в пятнадцать лет, произвел на нее грандиозное впечатление. Живя у родственников, она научилась говорить и читать по-русски, чего раньше не умела. У приехавшей киевской портнихи Гесья брала уроки шитья и так прожила четыре месяца. Отец в письмах настойчиво звал ее в Мозырь. Она приехала, и оказалось, что ей уже подыскивали мужа, скоро и свадьба.

За неделю до свадьбы Гесья решила бежать из дому. Но куда? В Бердичев? Отец найдет ее там. И она вспомнила о своей знакомой киевской портнихе. Значит, в Киев. Больше некуда. Четыре дня добиралась туда, еще день искала портниху. Та устроила ее в швейную мастерскую, помогла снять комнату.

Гесья быстро завязывает дружеские отношения с киевской молодежью: курсистками, студентами. Она готовится поступать на акушерские курсы.

Прочитав роман Чернышевского «Что делать?», Гесья загорается созданием швейной артели. Новая мастерская работает успешно.

В Киев приезжают курсистки, учившиеся в Швейцарии. Они быстро организуют пропагандистский кружок, вовлекая в него Гельфман. Ее комната становится местом хранения нелегальной литературы, перевалочным пунктом.

Окончив акушерские курсы, Гесья Гельфман, как это было модно в их среде, «пошла в народ», устроившись на полевые работы. Там ее и арестовали. Гесю с подругами выдал один новообращенный рабочий.

Судили всего 50 человек народников. Среди них Софья Бардина, Петр Алексеев... Процесс шел в Петербурге. Там и пришлось Гельфман отсиживать назначенные ей два года работного дома. Потом ее выслали под полицейский надзор в Старую Руссу.

Пробыла она там недолго, самовольно вернулась в Петербург. Народовольцы готовили покушение на генерал-губернатора Гурко. Исполнителем должен был стать Гриневицкий. Они с Гесей выясняли обстановку, прослеживали маршрут Гурко, изучали его распорядок дня.

Исполком «Народной воли» снял квартиру на Гороховой, Гесья поселилась за хозяйку. Там же, под видом мужа, пристроился Владимир Иохельсон. Он занимался химикатами для бомб, Гесья развозила нелегальную литературу, встречала приезжих.

Когда в Москве сорвалось покушение на царский поезд, петербургские народовольцы, отложив казнь Гурко, решили сосредоточиться на подготовке к убийству императора Александра II.

На Гороховой поселилась приехавшая из Москвы Перовская.

В личной жизни Геси произошли изменения. Она стала женой нелегала, разыскиваемого полицией, Николая Колоткевича. Вскоре его арестовали.

Покушение состоялось. Александр II был убит.

В квартиру, где Гесья находилась с нелегалом Саблиным, полиция пришла через день. Саблин застрелился.

Начали обыск.

— Вы знаете, в квартире бомбы, — сказала Гесья. Она сама брала их и подавала полицейским.

Суд на нее обращал мало внимания. Его и общество больше занимали Перовская с Желябовым.

На вопрос, чем Гесья занималась в Петербурге, она ответила:

— Революционной деятельностью!

Суд приговорил ее, как и Перовскую, Желябова, Михайлова, Кибальчича, к повешению.

Гельфман подает заявление о том, что она беременна. Приговор был отложен, потом его заменили бессрочной каторгой. У нее родилась девочка, которая была отдана в воспитательный дом. Какова ее судьба — неизвестно. Сама Гесья вскоре умерла от случившегося при родах заражения крови.

Мы еще не сказали о Кибальчиче. Он был грустным, меланхоличным человеком. Пропагандой не занимался, если и любил что — так это технику. Происходил он из семьи священника Черниговской губернии, учился немного в инженерном институте, потом в медико-хирургической академии, где и сблизился с социалистами. В «Народной воле» он занимался исключительно приготовлением динамита и бомб, практически не общаясь с товарищами.

Обратимся ко второму метальщику, скончавшемуся через восемь часов после покушения, — Игнату (Игнатию) Гриневицкому.

Его отец владел небольшим имением на Гродненщине. В семье говорили по-польски. Гриневицкий потом смеялся: «Русские считают меня поляком, а поляки — русским». Он окончил гимназию в Белостоке и поступил в Петербургский технологический институт. Революционные идеи, носившиеся в воздухе, привели его в «Народную волю». Сначала Игнату давали мелкие поручения, потом Михайлов нацелил его на пропаганду среди рабочих. Гриневицкий оставил институт, весь отдался подпольной работе.

Идя на убийство, он оставил товарищам что-то вроде политического завещания:

«...Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или другому, кому придется нанести последний удар, который гулко раздастся по всей России и эхом откликнется в отдаленнейших уголках ее, — это покажет недалекое будущее. Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги. Это необходимо для дела свободы...

Мне не придется участвовать в последней борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своею смертью сделаю все, что должен был сделать...»

Перовскую арестовали 10 марта. Околоточный, взяв хозяйку булочной лавки дома, где жила Перовская, ездил по петербургским улицам. Наконец они ее увидели у того же Екатерининского канала. Околоточный подбежал, схватил Перовскую за руки — у террористки мог быть револьвер. Перовская предлагала ему 30 рублей, чтобы он отпустил ее.

В марте 1881 года закончился первый этап русского социально-революционного движения. Казалось бы, терроризм победил. Что могло быть, по его понятиям, важнее убийства самодержца? Но победа оказалась призрачной. Народ осудил покушение на государя, а либеральная интеллигенция испуганно затаилась. Мечты о социальном перевороте развеялись как дым. «Народной воле» не оставалось ничего другого, как становиться исключительно на путь террора и путем угроз вымогать у правительства различные уступки. В этом плане показательно письмо исполнительного комитета императору Александру III. Требования, предъявляемые самодержавию, заметно снижаются. Уже просматривается тенденция добиться от правительства некоторого перемирия.

Главные группы «Народной воли» понесли большой урон. Аресты, казни, ссылки и эмиграция обескровили ряды народовольцев. Громких дел нет никаких, а провалы все чаще. Один из народовольцев потом вспоминал:

«В то время в революционных крутах совершались рядом два противоположных процесса. Центр быстро погибал. Прежние руководители исчезли. Другие не успевали развернуться и погибали на корню. На самое ответственное место попадали случайные люди, азартные игроки и даже провокаторы, как Дегаев. И все рушилось. В то же самое время по разным провинциальным захолустьям, в Новочеркасске и Екатеринодаре, в Таганроге и Оренбурге, и в Минске, и в Уфе расцветали местные кружки, как дикие полевые цветы. Они были такие наивные, бесстрашные, на все готовые, но не знали, что делать и куда идти, и все ожидали приказа сверху. Верха уже не было...»

В основном это были кружки учащейся молодежи, горячей на различные идеи и предположения.

«Типичными чертами такого студенческого образа, — вспоминал известный художник А. Бенуа, — была широкополая мятая шляпа, длинные неопрятные волосы, всклокоченная нечесаная борода, иногда красная рубаша под сюртуком и непременно плед, положенный поверх изношенного пальто, а то и прямо на сюртук. Нередко лицо студента было украшено очками, и часто эти очки

были темными. Именно такие фигуры с темными очками казались мамочке особенно жуткими, она в них видела несомненных крамольников и была уверена, что по карманам у них разложены бомбы.

Под пару студентам были курсистки — явление для того времени новое и носившее довольно вызывающий характер. Для типичной курсистки полагалась маленькая шапочка, кое-как напыленная, неряшливо под нее запрятаные, непременно остриженные волосы, папироска во рту, иногда тоже плед, сравнительно короткая юбка, а главное, специфически вызывающий вид, который должен был выражать торжество принципа женской эмансипации. В нашем семейном быту не было ни таких студентов, ни типичных курсисток, но мы их видали на улице в большом количестве. К тому же под студентов и курсисток «гримировалась» и вообще вся «передовая» молодежь, а быть не передовым считалось позорным... Это была мода дня.

Одни отрицали прежнюю централизацию и ратовали за федералистический подход, выборный исполнительный комитет. Другие видели выход в большем сближении с народом, вовлекая того в фабричный и аграрный террор. Возник даже кружок террористов-конституционалистов.

Кое-кто из энтузиастов ездил по России, пытался соединить эти разрозненные группки, но воскресить «Народную волю» было уже невозможно.

Завершающим штрихом ее угасания явился арест Натана Богораза и Захара Когана в 1887 году, аресты по их связям в Москве и Туле и ликвидация подпольной тульской типографии, выпустившей последний «Листок Народной воли».

Бомба Александра Ульянова

Кружки, о которых упоминалось выше, строились зачастую по одному принципу. Несколько человек, собравшись, придумывали программу, сочиняли устав. Они организовывали самозванный «центр» и подбирали членов организации, передавая им приказы некоего таинственного комитета. Веления далекого и загадочного «Василия Николаевича» не обсуждались и должны были выполняться беспрекословно. Об этом издевательски написано, кстати, в тургеневской «Нови».

Так в Харькове организовалась группа молодежи, которую сколотили студенты Самуил Ратин, Мендель Уфланд и Герша Шур. Они называли себя народовольцами; в программе группы были заложены убийства членов правительства, взрывы государственных учреждений. Группа разослала нескольким правитель-

ственным чиновникам конверты со взрывчатым веществом, после чего юных террористов арестовали.

В конце 1886 года в Петербурге образовался кружок. Создали его студенты университета: сын харьковского купца Петр Шевырев и виленский уроженец дворянин Иосиф Лукашевич. Они организовали студенческую кассу взаимопомощи и столовую, что расширило их связи и позволило набирать в организацию все новых членов.

Кружок сначала занимался рассылкой прокламаций, потом все чаще возникали разговоры о реальной борьбе. При этом Александр Ульянов настаивал на вооруженной борьбе. Решено было организовать террористическую группу. Планом покушения на царя занялся Шевырев и привлек к этому делу студентов университета Генералова и Андреюшкина. В квартире последнего под руководством Ульянова начали изготавливать азотную кислоту и металлические части снарядов. Но за неумением все продвигалось медленно. Тогда Канчер отправился в Вильно, и там польские революционеры поделились с ним азотной кислотой и прочим. Приехавший в Вильно из-за границы Исаак Дембо вручил новой террористической группе деньги.

Между тем Ульянов готовил в Парголово и динамит. Они с Лукашевичем наполнили им два метательных снаряда. Канчер отнес эти бомбы Андреюшкину. Он, Генералов и Осипанов были определены метателями.

Андреюшкин, Генералов, Канчер и Степан Волохов готовили пули, наполняя их ядом и смазывая смесью стрихнина со спиртом.

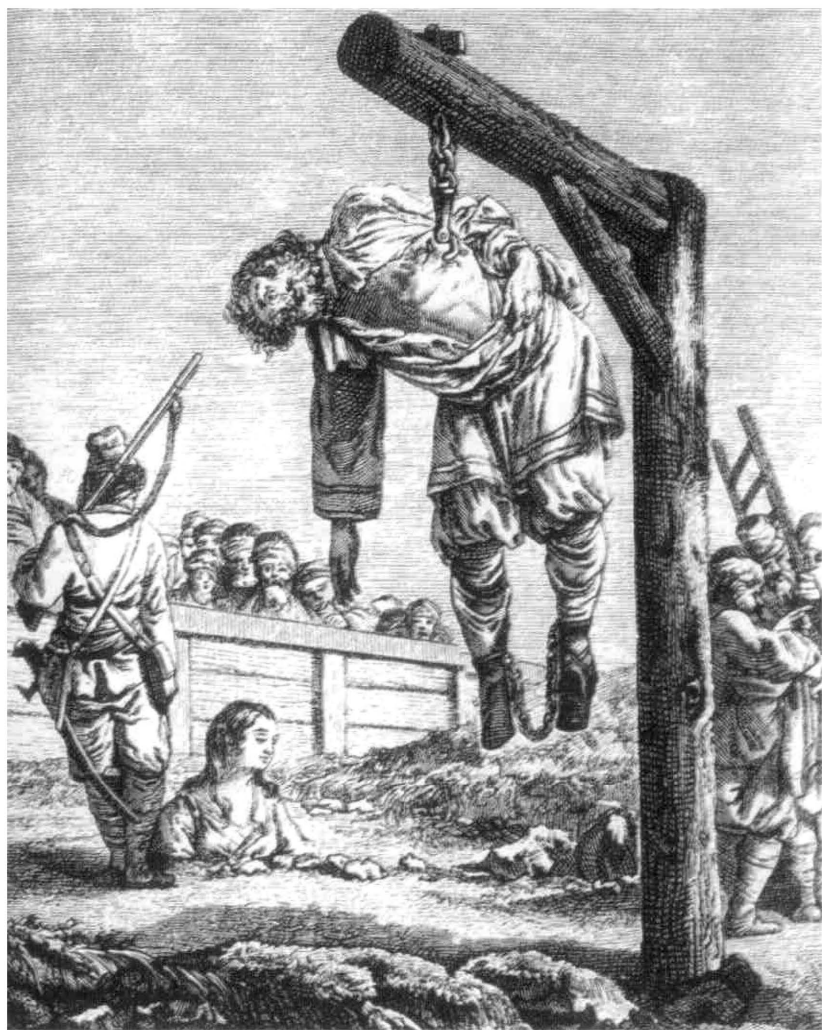
Наконец к покушению все было готово. Определили сигнальщиков: Волохова и товарища Канчера майорского сына Гаркуна. Тут заболел руководитель покушения Шевырев и уехал на юг. Вместо него подготовкой занялся Ульянов.

Заговорщики собирались за городом и тренировались в бросании бомб. Испытали динамит, задействовали три бомбы.

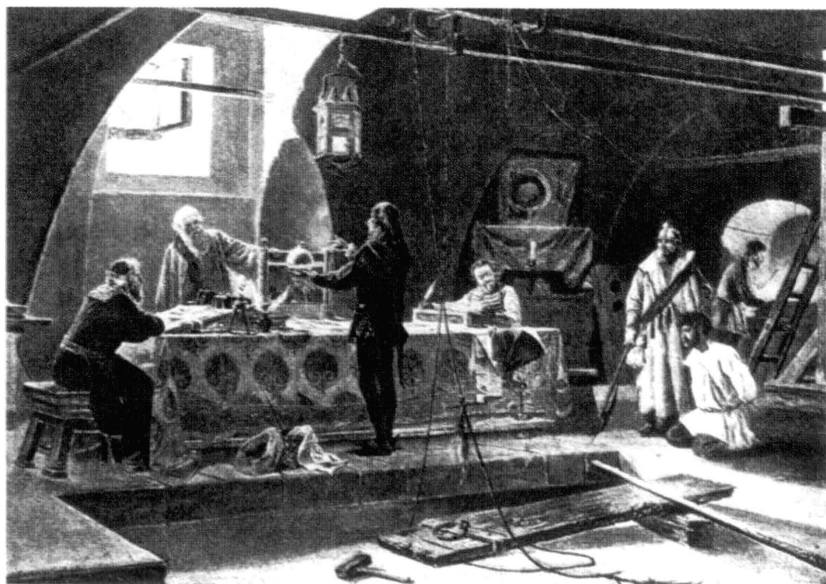
15 февраля 1887 года участники покушения в последний раз собрались вместе. Ульянов напомнил им принцип действия бомб и прочитал программу организации. По своему характеру она была чем-то средним между программами «Народной воли» и социал-демократов. Все вместе сочинили прокламацию, начинавшуюся словами: «Жив дух земли Русской, и не утасла правда в сердцах ее сынов. Казнен император Александр...» Никто не сомневался в успехе покушения.

Два дня боевая группа выходила на Невский проспект, но царский экипаж не появлялся.

Осипанов, учась в Казанском университете, привлекался за участие в беспорядках. Загоревшись идеей убить царя, приехал в Петербург. Генералов был сыном донского казака, студентом.

Телесные наказания в петровской Руси

В застенке.
Художник А. Янов

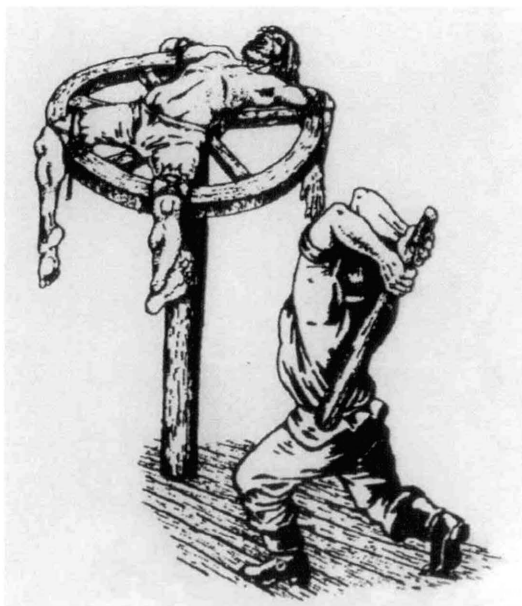

Наказание кнутом.
Гравюра XVIII века

Наказание на дыбе. Гравюра XVIII века

Колесование

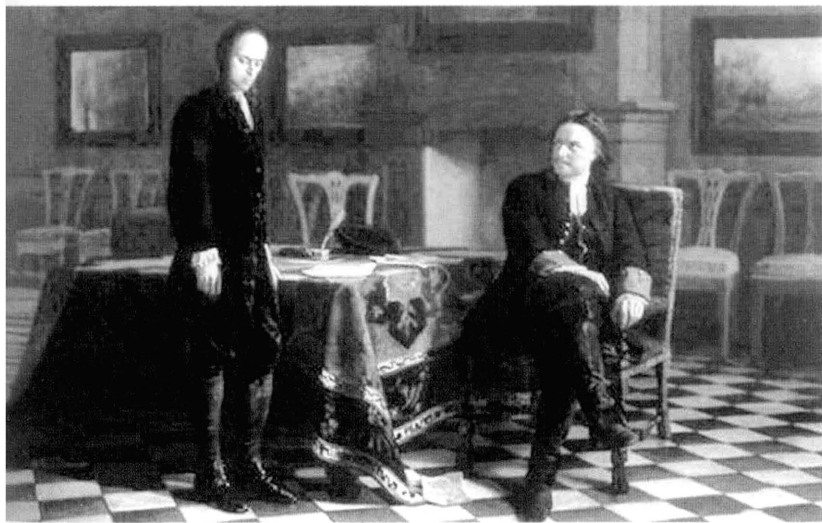

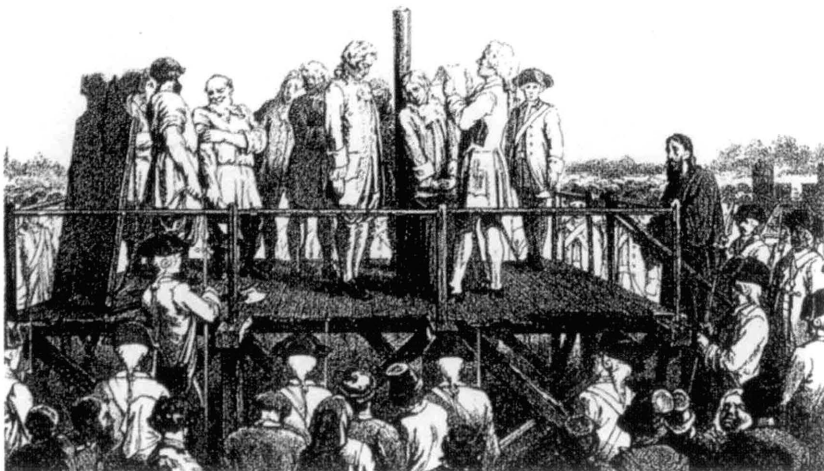
Четвертование

Наказание плетью в Тайной канцелярии в конце XVIII века.
С акварели И. Гейслера

Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе.
Художник Н. Ге

Казнь Артемия Волынского. Художник Г. Глушков

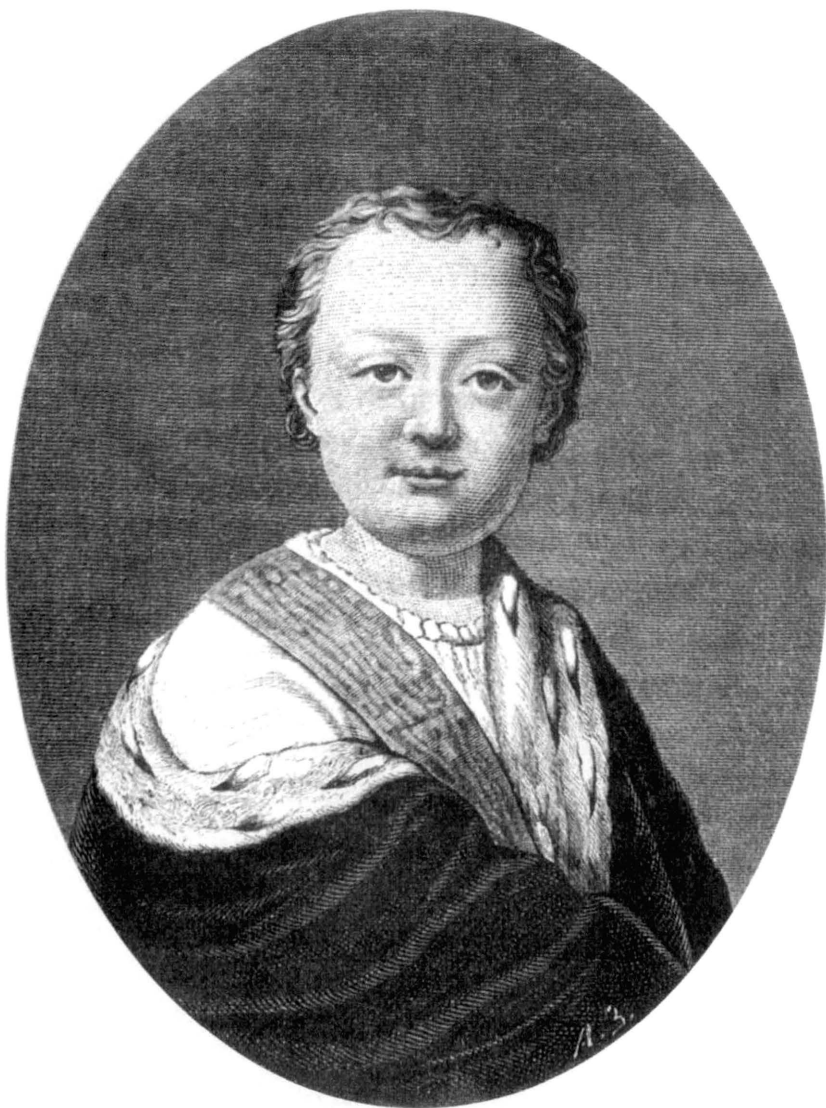
Меншиков в Березове. Художник В. Верещагин

Начальник
Тайной канцелярии
граф А. И. Ушаков

Тайный советник
С. И. Шешковский

Император Иоанн Антонович

Петр III навещает Иоанна Антоновича. Художник А. Буров

Княжна Тараканова. Художник К. Флавицкий

Александр Николаевич Радищев

Обложка альманаха
«Полярная звезда» с профилями
казненных декабристов

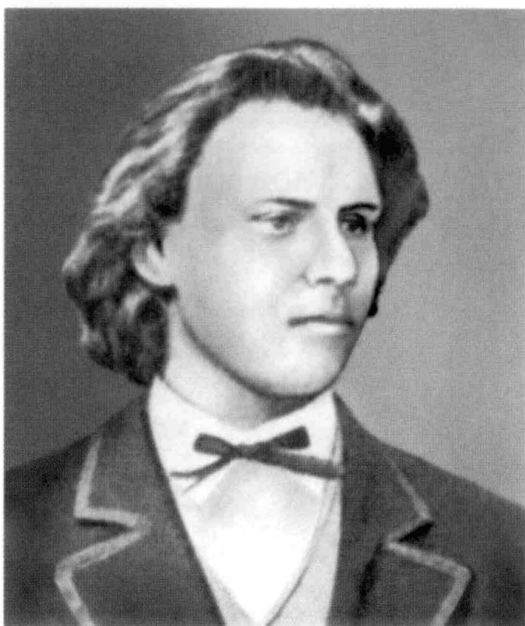
Михаил Васильевич Петрашевский

Печать общества «Земля и воля».
1862 г.

Софья Перовская

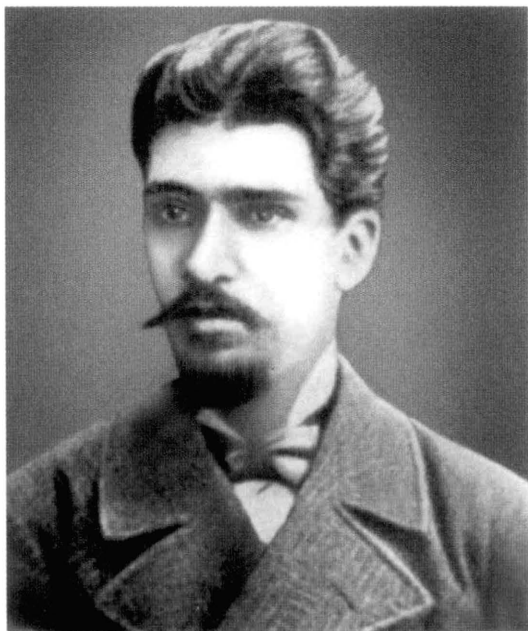

Андрей Желябов

Александр Михайлов

Дмитрий Каракозов

Александр Баранников

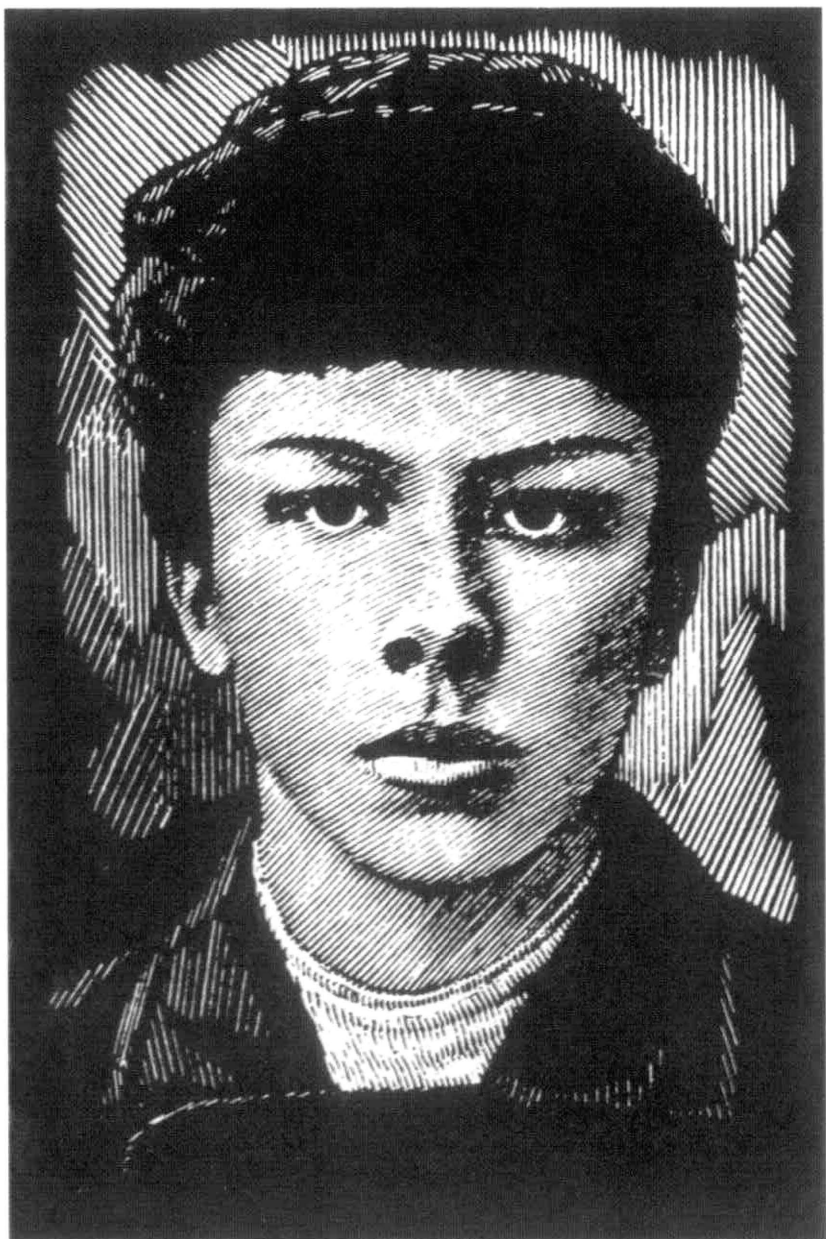
Гesia Гельфман

Игнатий Гриневицкий

Суд
над первома́ртовцами.
По рисунку Д. Бера

Александр Ульянов

Андреюшкин был родом с Кубани, учился на математическом факультете. Шевырев — сын купца, студент. Канчер — сын почтмейстера из полтавского местечка, студент.

1 марта метатели и «разведчики» (Гаркун, Волохов и Ульянов) утром отправились на Невский проспект и, разделившись, группами стали ходить по обеим сторонам от Адмиралтейской площади до Публичной библиотеки в ожидании царского проезда в собор Петропавловской крепости, где должна была происходить заупокойная служба по Александру II, убитому в тот же день шесть лет назад. И тут террористов арестовали.

У них при обыске нашли три бомбы, револьвер и программу исполкома «Народной воли». Две бомбы представляли собой цилиндры, третья же выглядела как книга с заглавием «Словарь медицинской терминологии».

Дело в том, что за Андреюшкиным уже давно следили, и полиция постепенно выявила его друзей.

Следствие проходило сложно, план покушения был известен немногим, некоторые не знали друг друга до последней минуты.

Сначала суд приговорил к смертной казни 15 человек. Но Александр III утвердил высшую меру только пятерым. 1 мая 1887 года в ограде Шлиссельбургской крепости были повешены Генералов, Андреюшкин, Осипанов, Шевырев и Ульянов.

И это покушение, и этих людей нельзя, конечно, сравнить с народовольцами 1881 года. Действия последних имели глубокие корни, были, если так можно выразиться, органичны в свое время. Их последователи 1887 года — это случайный кружок, небольшая группа злоумышленников, без идеи и направленности.

Тогда, в середине 80-х годов, возвращается из восьмилетней сибирской каторги каракозовец П. Николаев. Он живет во Владимире, Чернигове, Москве и всюду принимает самое активное участие в возрождении террора. Это Николаев выпестовал будущих членов «Боевой организации» Покатилова и Дору Бриллиант. Вместе с Белевским и Серебряковым он организовал группу, называющую себя «Социально-революционной партией». В нее входили воспитанники Московского технического училища и студенты Петровской академии. Программа новой организации, считая самым эффективным средством борьбы террор, базировалась на единстве и неуловимости. Все члены будущей партии должны были прийти к единому пониманию ее задач. Партия, по программе, состоит из отдельных обособленных групп, работающих согласно местным условиям. Боевые группы не готовятся специально, а мгновенно собираются для покушения, и после него участники, незнакомые друг с другом, разъезжаются. Началом деятельности партии считалась революционная агитация, итогом — террор, а партийной целью — политическая свобода и ре-

организация общества. Решено было также издавать журнал. Он и появился вскоре в Цюрихе с помощью польского кружка Дембо и Дембского — «Самоуправление, орган социалистов-революционеров». Его распространяли по кружкам в России. Журнал, конечно, сразу стал известен властям. Начались аресты.

В 1888 году у петербургской пропагандистки Веры Гурари стали собираться молодые артиллерийские офицеры. За чаем и папиросами заходил, естественно, и разговор о государственном управлении, конституции, свободах. Эти сборища быстро заметили за граница и попытались дать им политическое направление. Цюрихский террористический кружок, руководимый Исааком Дембо, счел возможным убить Александра III руками этих офицеров. В кружок входили сестры Гинзбург, Дембский и химик Прокофьев. Они заказали на швейцарском заводе 45 полых медных шаров. В Россию для выяснения обстановки выехала по подложному паспорту Софья Гинзбург. Это была взбалмошная 23-летняя девица, еще на Бестужевских курсах носившаяся с новомодными идеями. За границей она «паслась» возле известного революционера-народника Лаврова. Гинзбург видела себя в мечтах героиней, создательницей новой громкой партии, пришедшей на смену «Народной воле». Большие надежды она возлагала на компанию офицеров вокруг Гурари.

Но Софье Гинзбург не повезло. В лавке на Васильевском острове она забыла кошелек, в котором вместе с деньгами лежали прокламации. Текст исходил из факта, что царь уже убит и «мы будем систематически уничтожать всякого представителя царской власти до тех пор, пока не явится возможность работать для народа законными путями, свободным словом в печати и свободной речью во Всероссийском земском собрании. Мы положим оружие только тогда, когда правительство, искренно и навсегда отказавшись от угнетения народа, созовет свободно избранных всей русской землею людей земских и вверит им судьбы государства...».

Владелицу кошелька стали искать, и Гинзбург укрылась на юге.

Спустя неделю произошло еще одно событие. Пробуя под Цюрихом бомбы, были ранены Дембо и Дембский. У Дембо оторвало ноги.

Полиция быстро разобралась во всем этом деле. Арестовали двух поручиков, Елизавету Гинзбург. Софью Гинзбург нашли под чужим именем в монастырской гостинице Бахчисарая. Она была приговорена к смертной казни, помилована и через несколько месяцев покончила с собой в Шлиссельбургской крепости.

В начале 90-х годов революционное движение в России ожило. Причиной этому во многом стал голод 1891—1892 годов, охвативший около двадцати губерний. В деревнях началась холе-

ра. Правительство и общественные круги организовывали самую широкую помощь крестьянству. Отряды помощи, в основном из молодежи, пошли в деревню. Как оказалось, помогать нужно было не только едой. Молодая интеллигенция считала себя в силах поднять нравственный и политический уровень мужика. В деревнях стали открываться читальни, молодежь шла учительствовать. Заграничные русские революционеры пачками слали в страну прокламации о том, что в голоде виновато правительство.

12 января 1895 года Николай II сделал заявление, что главной основой государственного строя в России остается самодержавие.

В начале 90-х разрозненные кружки ограничивались лишь разговорами о терроре. Только два из них попытались перейти к практике: кружок Ивана Распутина в Москве и харьковский кружок братьев Мельниковых.

Московский кружок стал готовить покушение на Николая II. Вдохновителем его был студент Распутин, показавший впоследствии на дознании, что «пришел к убеждению о необходимости произвести эффект террористического характера, чтобы обратить внимание правительства и заставить хоть на время очнуться спящее общество». Но в кружке был провокатор — Зинаида Жученко-Гернгросс, и полиция вскоре террористов арестовала. При обыске у них нашли лабораторию с химическими веществами для бомб, народовольческую литературу. Всего по этому делу привлекалось до 35 человек.

В том же 1894 году полиции стал известен харьковский кружок, стремящийся к террористическим действиям по программе «Народной воли». Один из братьев Мельниковых, согласно жандармской справке, убеждал своих товарищей, что «при современном положении дел только путем террористических действий, проявляемых периодически и притом одновременно в нескольких местах, возможно достигнуть политической свободы». У кружка совершенно не было денег, поэтому предполагалось ограбить какую-нибудь почту.

Бабушка и ее внуки

Партия социалистов-революционеров началась, пожалуй, с саратовского кружка «Летучий листок», возникшего в 1894—1896 годах и состоящего в связи с группой народовольцев. Когда народовольческую группу разогнали, саратовский кружок обособился и стал действовать самостоятельно. В 1896 он выработал программу, она была отпечатана на гектографе под названием «Наши задачи. Основные положения программы союза социалистов-революционеров».

Эта брошюра выпущена заграничным «Союзом русских социалистов-революционеров» вместе со статьей Григоровича «Социалисты-революционеры и социал-демократы». В 1897 году кружок переместился в Москву, занимался выпуском прокламаций, распространением политической литературы.

Кружок обрел новое название — «Северный союз социалистов-революционеров». Верховодил в нем А. Аргунов. Он был из дворян, окончил университет. Арестованный по делу «Северного рабочего союза», Аргунов отбыл восемь лет ссылки в Сибири. Вернувшись, принимал самое активное участие в работе партии эсеров, был членом ЦК. После октябрьского переворота — член Самарского комитета учредительного собрания и сибирского всероссийского правительства, потом эмигрировал. Умер за границей в 1939 году.

Удалось даже выпустить свою газету в количестве 500 экземпляров под названием «Революционная Россия». Вышло два номера. Власти вскоре узнали о типографии, находящейся в томском переселенческом пункте. Всего по разным местам было арестовано 22 человека. Среди них — будущие террористы партии социалистов-революционеров: А. Севастьянова, казненная впоследствии за покушение на московского генерал-губернатора Гершельмана; Л. Куликовский, осужденный на каторгу за убийство графа Шувалова; С. Барыков и Н. Чернова, привлеченные по делу о покушении на Трепова, и другие.

Обратимся к Западной России — региону, давшему террору много верных солдат. Уже с начала 90-х годов там образуются различные кружки из мелких еврейских ремесленников и местечковой молодежи. В Минске главным агитатором явился старый народоволец Ефим Гальперин, попытавшийся собрать кружки в одну партию во главе с комитетом, с партийной кассой. В конце 1899 года около 60 человек объединились, наконец, в «Рабочую партию политического объединения России». Из-за границы в помощь новой партии явился Розенберг, и вот уже выходит в Минске брошюра под названием «Свобода» — о программе партии и принципах ее организации.

«Мы знаем, в чем спасение: наш идеал — не буржуазная Франция, не конституционная монархия Англии, а социалистический строй... Вступая в бой во имя достижения социалистического строя, мы начинаем широкую пропаганду идей социализма и обнажаем оружие, которое не выпустим до тех пор, пока не будет пробита брешь в толстой стене, закоснелой в насилии и произволе русской деспотии... Направляя свои удары на членов правительствующей группы, мы имеем в виду: ударить прежде всего сподвижников царизма — тех представителей власти, которые непосредственно заинтересованы в поддержании существующего деспотического строя...»

У партии появились группы в Житомире, Бердичеве, Двинске, Белостоке. Последняя решила заявить о себе террористической акцией — убить виленского губернатора фон Валя, наказавшего участников демонстрации в Вильно розгами. Но акцию опередил одиночка Гирш Лекух, стрелявший в губернатора. Фон Валь остался жив, а Лекуха повесили. Губернатор с террористами не церемонился. Они его, в свою очередь, ненавидели. Полякам к тому же он был знаком как усмиритель восстания 1863 года. После Вильны фон Валь стал товарищем министра внутренних дел, командиром отдельного корпуса жандармов, позже — петербургским градоначальником.

В 1900 году типографию арестовали, минская группа была разгромлена. Отдельные группы в других городах сохранились до лета 1902 года, когда они вошли в партию социалистов-революционеров.

Большое влияние на жизнь «Рабочей партии политического освобождения» оказывали жившие в то время в Минске Е. К. Брешко-Брешковская и Г. А. Гершуни.

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, прозванная в 20-х годах XX века «бабушкой русской революции», родилась в 1844 году на Витебщине в семье отставного поручика. Получила домашнее образование, работала в уездном земстве и народной школе, организованной отцом. В 1873 году она сблизилась с бакунинцами Киева. Оставив семью и своего четырехмесячного ребенка, Брешко-Брешковская участвовала в «киевской коммуне»; летом, называясь Феклой Косой, она «ушла в народ» подготавливать крестьянские бунты. За участие в народническом движении арестована. Под следствием Брешко-Брешковская написала «Воспоминания пропагандистки». Второй раз ее арестовали как члена «Народной воли» в 1891 году и выслали в Сибирь. Освободившись по амнистии в 1896 году, она объездила около 30 губерний, собирая террористические силы. В 1903 году Брешко-Брешковская уехала в Швейцарию, потом в США, где читала лекции о борьбе с русским правительством. В мае 1905 года она возвращается, состоит членом ЦК партии социал-революционеров, много занимается ее делами. В 1907 году Брешко-Брешковскую арестовывают. Два года в Петропавловской крепости, потом ссылка на поселение в Сибирь, неудачный побег, о котором писали все газеты. После февральского переворота Брешко-Брешковская поселилась в Петрограде, выступала в эсеровской печати, требуя продолжения войны с Германией и поддерживая Керенского. С лета 1918 года — она в Сибири с белочехами, с 1919-го — в Америке. В 1920 году Брешко-Брешковская поселилась под Прагой, где и умерла в возрасте 90 лет. В советской печати личность Брешко-Брешковской замалчивалась, а человек она была, конечно, незаурядный.

Иван Бунин вспоминал в своих дневниках, как мужики, сидящие на завалинке летом семнадцатого, рассуждают о политике. Разговор идет о «бабушке русской революции». Хозяин избы размеренно повествует: «Я про эту бабку давно слышу. Прозорливица, это правильно. За пятьдесят лет, говорят, все эти дела предсказала. Ну, только избавь Бог, до чего страшна: толстая, сердитая, глазки маленькие, пронзительные, — я ее портрет в фельетоне видел. Сорок два года в остроге на цепи держали, а уморить не могли, ни днем ни ночью не отходили, а не устерегли: в остроге и ухитрилась миллион нажить! Теперь народ под свою власть скупает, землю сулит, на войну обещает не брать. А мне какая корысть под нее идти?..»

Черную память о себе оставил Гершуни.

Герш Исаак Ицков, он же Григорий Гершуни, родился в семье еврея-арендатора в 1870 году. Поучившись немного в шавельской гимназии, он поступил учеником аптекаря к своему дяде в Старой Руссе, а потом со званием аптекарского ученика определился в Киевский университет для соискания степени провизора. На фармацевтических курсах он сразу выдвинулся среди других слушателей, и его выбрали в старосты. Гершуни вошел в совет старост и в союзный совет. Два киевских года были довольно насыщены: Гершуни познакомился с социалистическими идеями и даже подвергся первому своему краткому аресту. Получив степень провизора (а ведь провизором был, кстати, и Ягода), Гершуни поработал немного в Москве на курсах бактериологии и в Институте экспериментальной медицины. В 1898 году он приезжает в Минск и открывает там химико-бактериологический кабинет.

К этому времени Гершуни представлял собой типичного социалиста, решившего бороться с правительством для начала легальными методами. Он организовал начальную школу для еврейских мальчиков, при ней вечерние курсы для взрослых. Круг его знакомств среди местного населения разрастался, это позволило Гершуни начать революционную работу. Ему удалось устроить мастерскую станков для нелегальных типографий, создать паспортное бюро, переброску через границу и пр. Он помогал распространению нелегальной литературы, ввозимой из-за границы. Тогда же Гершуни знакомится с вернувшейся после двадцатипятилетней ссылки Брешко-Брешковской, поселившейся в Минске. Пользуясь авторитетом Гальперина, они, по существу, руководят новой партией. Программа «Свобода», собственно, написана Гершуни. Он первый стал вести работу среди еврейской молодежи, подбирать людей, в будущем готовых к терактам.

После минских арестов Гершуни с другими членами «Рабочей партии» привезли в Москву, где его допрашивал начальник Московского охранного отделения Зубатов. Тот знал, чем занимался

Гершуни в Минске, фактов было достаточно, чтобы замаячила Сибирь. И Зубатов повел с ним долгие беседы, вынуждая Гершуни раз за разом каяться в содеянном. Зубатов был истовым монархистом. Он полагал, что самодержавие, давшее России силу, величие, — единственная форма русского существования. «Без царя не бывать России, — говаривал он подчиненным, — счастье и величие России в ее государях и их работе... Так будет и дальше. Те, кто идут против монархии в России, — идут против России, с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть». Не взгляды ли Зубатова на еврейский вопрос, политику правительства и самодержавие побудили Гершуни бросить легальную просветительскую деятельность и уйти целиком в террор?

Зубатов тогда не разобрался в Гершуни, видя в нем лишь культика, и отпустил его. В начале 1901 года Гершуни покидает Минск и посвящает себя террору. Он побывал в Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Воронеже и других городах Средней России, которых практически не знал. Спустя полтора года в письме к знакомой он писал:

«Вы знаете, я далеко не аскет, совершенно не способен отречься от радостей жизни. Но никогда я эту радость не испытывал так поглощающе, никогда жизнь не ощущалась всем существом и никогда не была так дорога, как теперь. Я думаю, ученый, открывший закон, по которому управляется мир, должен испытывать нечто подобное: это дает ему возможность из раба природы стать ее господином. И мое счастье так полно именно потому, что я из раба своей жизни стал ее господином. Такое счастье не временно, не преходяще. И когда подумаешь, что тысячи людей добровольно несут на себе рабские цепи обывательской жизни, то только поражаешься, как люди способны отравить свою жизнь. И Вы понимаете, что раз сбросивши эти цепи, познав чувство не раба, а «господина» своей жизни, прошлая обывательская жизнь, полная компромиссов, бесцельной и пошлой тяги-лямки, отнимающей все время, больше не может привлекать...»

Дальнейшая жизнь Гершуни неотделима от деятельности партии социал-революционеров.

Итак, «Северный союз социалистов-революционеров» был разгромлен. Аргунов перед арестом поручил переговоры по объединению разных народнических групп Азефу. Для объединения очень бы не помешал печатный орган, который безопаснее было выпускать за границей. Туда и выехали избежавшие ареста Азеф с семьей и Мария Селюк. «Азефу мы вручили все, как умирающий на смертном одре, — говорил Аргунов. — Мы ему рассказали все наши пароли, все без исключения связи, все фамилии и адреса, и отрекомендовали его заочно своим близким. За границей он должен был явиться с полной доверенностью от нас...»

Приехал и Гершуни как представитель саратовских и южных организаций.

За границей начались переговоры об объединении. Это встретило поддержку и у зарубежных революционеров М. Гоца и В. Чернова. Позже член ЦК С. Слетов писал: «Для успеха дела было не менее важно, чтобы в ряды партии формально вступили и приняли на себя ответственность как организации, так и лица, имена которых пользовались заслуженной известностью в революционном мире... Знамя надо было поднять и нести высоко, так, чтобы сборное место было видно всем борцам революционного социализма». В январе 1902 года официально образовалась партия социалистов-революционеров с центральным комитетом, газетой «Революционная Россия» и девизом «В борьбе обрешь ты право свое». В программе говорилось:

«Признавая в принципе неизбежность и целесообразность террористической борьбы, партия оставляет за собой право приступить к ней тогда, когда, при наличности окружающих условий, она признает это возможным...»

Главной задачей партии являлось свержение самодержавия, конечной целью — переустройство России. Средства борьбы — агитация и террор. Считалось, что крестьянская община может использоваться как ступень к переходу в социализм.

Руководство партией сложилось из Гоца, Гершуни, Чернова, Рубановича, Азефа, Минора, Натансона...

Старшим по возрасту, да и по жизненному опыту, из них был Михаил Гоц.

Сын московского купца-миллионера, внук знаменитого одесского чаепрогонца Высоцкого, он родился в 1866 году, окончил гимназию, учился в университете. В 1886 году Гоца арестовали за принадлежность к народолюбцам и сослали в Сибирь. Во время якутских беспорядков он был ранен и потом отправлен с другими двадцатью поселенцами на каторгу. Только через девять лет он по амнистии вернулся в Россию и сразу уехал за границу. Его мучили сильные боли после удара винтовкой: возникшая опухоль давила на спинной мозг, медленно приводя к параличу конечностей. Гоц решился на операцию и умер под ножом в 1906 году. Но это будет потом, а пока Гоц полон сил и замыслов. Из-под его пера выходит множество статей, он становится идеологом партии. В 1903 году Гоца по требованию русского правительства арестовывают в Неаполе, но вскоре освобождают.

Виктор Чернов, родившийся в 1876 году, из потомственных дворян, станет в будущем министром земледелия в правительстве Керенского и, по некоторым данным, немецким шпионом. Но это тоже потом. Ему пока нет и тридцати. Чернов занялся литературно-террористической работой. В следующие годы выходят

его брошюры «Земля и право», «Крестьянин и рабочий как экономические категории» и другие.

По сравнению с социал-демократической программа партии социалистов-революционеров была понятна каждому. К тому же молодежь привлекала конспирация, тайная борьба, романтика плаща и кинжала. К 1903 году на фоне общего либерализма партии возникают чуть ли не по всей России. Ведется пропаганда среди учащейся молодежи, городских рабочих, крестьянства.

Студенческие волнения 1899—1901 годов, пожалуй, начали то общественное движение, которое затем «подогревали» заграничные центры. Однажды у московских студентов произошло столкновение с полицией, которая разогнала их нагайками. Студенты объявили забастовку, подхватили ее и другие города. Правительство приняло «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков». В обществе создалось враждебное отношение к правительству, либералы всячески поносили министра народного просвещения Боголепова, профессора римского права. В начале 1901 года бывший студент Карпович, приехавший из-за границы, стрелял в Боголепова и смертельно ранил его. На допросе Карпович объявил себя социалистом-революционером. Его приговорили к двадцати годам каторги. Пять лет из них он просидел в Шлиссельбургской крепости, потом его перевели в Бутырки, а оттуда в Акатуй. В 1907 году он бежал за границу, был членом «Боевой организации» эсеров, после разоблачения Азефа от партии отошел. После февральского переворота Карпович возвращался в Россию, но пароход, на котором он плыл, подорвался на немецкой мине.

Во втором номере «Революционной России» была помещена статья «Выстрел Карповича»:

«В личной отваге важнейший залог революционного успеха... Если есть отвага в груди, ты заставишь обывателя поверить в свою силу, а правительство затрепетать перед твоею решительностью. Если есть отвага в груди, ты не побоишься не только нагаек, но и виселицы. Если есть много отваги в груди, прямо и смело к врагу подходи и срази его острым кинжалом». Кончалась статья Некрасовской строфой:

За идеалы, за любовь
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром. Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Статистик Самарской земской управы Лаговский пытался убить обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева. Он выстрелил четыре раза в окно его квартиры. Победоносцев

призывал решительно относиться к зачинщикам беспорядков. Он не одобрял еврейские погромы 80-х и 90-х годов, но понимал их причины.

Особо активно работа эсеров проявилась в черте еврейской оседлости: в Белостоке, Бердичеве, Пинске... В Белостоке они застрелили городского, стреляли в полицмейстера. В Пинске ранили жандармского ротмистра, в Бердичеве — помощника пристава...

В 1903 году партия имела в России десять типографий. Революционная агитационная литература — важная часть работы, но громко заявить о партии мог террор.

Когда говорят револьверы

Осенью 1901 года образовалась отдельная боевая группа, вдохновителем которой стал Гершуни. Он обладал сильной волей, большой способностью убеждать людей. Хитрый и беспринципный, Гершуни вовлекал в свои сети романтическую молодежь, делая ее исполнителем своих замыслов. Он организовал убийство Сипягина и покушение на Оболенского, готовил убийство Победоносцева и Клейгельса.

До перевода в Петербург Дмитрий Сергеевич Сипягин был губернатором в Москве. Став министром внутренних дел российской империи, он нисколько не изменился. От Сипягина так и веяло русской патриархальностью. Окладистой бородой, умными карими глазами, неизменным радушием и внимательностью он походил на традиционного русского помещика. Работы у Сипягина образовалось много, но, выкроив какое-то время, он хотя бы на день выезжал на охоту. Другой его страстью была музыка, он хорошо играл на виолончели.

Было у Сипягина в Клинском уезде небольшое имение. «Жизнь в Клусове, — вспоминал один из гостей, — переносит в даль прожитых времен при стройном сочетании многих условий старого быта, бережно сохранившихся рядом с новыми, вызываемыми жизнью и потребностями времени. И в этом сочетании не было противоречия...»

Переехав в Петербург, Сипягин купил двухэтажный домик на Мойке. Главной комнатой стала столовая, где хозяин любил угощать гостей. Была она в древнерусском стиле, с резным орнаментом.

Став министром, Сипягин повел борьбу на два фронта. Как грибы росли революционные организации. Другая беда заключалась в том, что между самодержавной властью и народом стояла бессовестная и корыстная бюрократия. Россией правили сорок тысяч столоначальников, далеко не всегда следовавших закону.

Предшественник Сипягина, министр Боголепов, был убит. Не избежал этой участи и Сипягин.

В петербургской гостинице поселился некто Степан Балмашев, уроженец Саратова. Его отец дважды подвергался административной ссылке за пропаганду. Сына исключили за участие в беспорядках из университета, он ничем не занимался, жил то в Харькове, то в Саратове. Вскоре Степан Балмашев попал под влияние Гершуни. Тот снабжал его деньгами, распалял революционный пыл и подвел наконец к поступку — убийству Сипягина.

Балмашев под чужим именем заказал в магазине адъютантскую форму. Потом приобрел погоны, шашку и прочее к форме. Наняв карету, он приехал к зданию Государственного совета, где в этот день было заседание кабинета министров. Но террористы, видимо, не знали, что заседания высших учреждений начинаются не в 12 часов, а позже. Представившись адъютантом одного из великих князей, Балмашев потребовал доложить о нем министру внутренних дел. Швейцар ответил, что того нет, но скоро будет. Балмашев бросился в карету, но минут через пять вернулся, сказав, что по дороге встретил карету министра.

Когда Сипягин вошел в подъезд Мариинского дворца и стал снимать с помощью швейцара шубу, Балмашев подошел к нему и подал пакет, сказав: «От Его Императорского Высочества». Сипягин стал надирать конверт, и в это время террорист выстрелил в него в упор. Пуля попала в живот. У Сипягина подкосились ноги, и он стал опускаться на колени. Балмашев со словами «не будешь больше циркуляров писать» выстрелил еще раз. Пуля попала министру в шею. Двумя другими выстрелами Балмашев ранил выездного лакея Министерства внутренних дел.

Набежал народ. Сипягина перенесли на диван. По рубашке тонкой струйкой бежала кровь. Он пришел в себя, открыл глаза: «Послали ли за женой?» Потом посинел и потерял сознание. Так несколько раз. «Сообщите государю. Хочу видеть государя. Я верою и правдой служил государю и никому не желал зла». Глаза опять закрылись. Ему дали кислород. «Священника», — послышался слабый голос.

Министра отвезли в больницу. Через несколько минут он скончался. Балмашева приговорили к смертной казни. Так погибли эти две жертвы начинающегося русского кровавого зарева.

Исполнителями убийства Победоносцева и Клейгельса Гершунин наметил слабохарактерного артиллерийского поручика Григорьева и его невесту Юрковскую, дочь польского шляхтича, участника восстания 1863 года. В день похорон Сипягина они должны были стрелять в свои жертвы, которые там явно будут. Григорьев и Юрковская пришли на похороны, но стрелять не отважились.

Они потом попытались избавиться от Гершуни, который через своих агентов не давал им покоя даже из-за границы.

Убийство Сипягина придало Гершуни еще больший авторитет среди рвущейся в революцию молодежи. С. Слетов вспоминал о Гершуни тех дней: «Он бодр и жизнерадостен. Весь дышит первым и крупным успехом». Да, Гершуни на подъеме: «Гордиев узел разрублен. Террор доказан. Он начат. Все споры излишни. Пора выступать молодежи. Пусть грешит против конспирации. Время не ждет. Дана команда: все наверх!»

По университетам распространились стихи:

Ночью товарищ погиб, —
Жить ему стало невмочь.
Труп его свежий зарыт
В ту же зловещую ночь.
С другом надежным сойдись,
Острый клинок отточь,
Нужно не плакать, а мстить,
Мстить за погибших в ночи.

После убийства Сипягина «Боевая организация» стала партийным органом, а Гершуни — ее руководителем. «Боевая организация» строилась на началах строгой конспирации, ее работа — дезорганизация и террор в России. Она получала из центра общие директивы об устранении неудобных лиц, в остальном же была совершенно самостоятельной.

При Гершуни «Боевая организация» состояла из 12—15 человек, которые жили и действовали согласно его приказам. За все время существования «Боевой организации» в нее входило около 80 человек.

Под Киевом у Гершуни была конспиративная квартира, что-то вроде штаба. Туда переправлялись письма из-за границы, там под видом прислуги жила Брешко-Брешковская, там осенью поселился, привезя с собой кучу революционной литературы, Мельников, помогавший Гершуни в организации покушения на Сипягина.

Михаил Мельников был недоучившимся студентом горного института. По делу о «Петербургском кружке эсеров» отдан под гласный надзор полиции на три года, но скрылся.

Другим помощником Гершуни был Павел Крафт.

Летом 1902 года Гершуни приступил к организации покушения на харьковского губернатора князя И. Оболенского — за умирение крестьянских беспорядков весной в Харьковской и Полтавской губерниях. Студентов, готовых к «высокому подвигу», хватало, но лучше бы смотрелся исполнитель из других социальных слоев. Так вышли на недалекого, безграмотного столяра из крестьян Фому Качуру. Сначала его обрабатывал житомирский

эсер Вейценфельд, потом подключился сам Гершуни. Он изо дня в день вдалбливает Качуре, что его великое предназначение — убить Оболенского. Наконец тот соглашается. Гершуни учит его стрелять и не отходит от него до самого последнего момента.

В летнем театре сада Тиволи в антракте князь остановился у дверей, разговаривая со знакомыми. Качура дважды выстрелил, но промахнулся. При аресте он еще успел ранить харьковского полицмейстера. В кармане у Качуры нашли конверт с надписью «Приговор харьковскому губернатору князю Оболенскому». Там говорилось: «Лишенная в силу условий русского государственного режима возможности сместить и призвать к общественному суду князя Оболенского за все совершенные преступления, глубоко возмущенная наглым вызовом, брошенным всей мыслящей и трудящейся России Николаем II, выразившим князю Оболенскому за его расправу над крестьянами высочайшую благодарность, “Боевая организация” находит себя вынужденной выполнить лежащий на ней гражданский долг и сместить князя Оболенского, как поддерживаемого царем, единственным, оставшимся в ее распоряжении средством — смертью. Приведение в исполнение приговора поручается члену “Боевой организации”».

Это все было написано самим же Качурой под диктовку Гершуни. Тот понимал, что эта бумага будет цитироваться газетчиками, и оттого в обществе мнение о значимости партии эсеров будет возрастать.

Качура сперва запырлялся, но потом покался в содеянном и рассказал что знал.

Гершуни тем временем поехал в Москву, где на квартире инженера Зауера встретился с Азефом. Они прожили там три дня, и поговорить им, видимо, было о чем. Именно тогда Гершуни передал Азефу все явки и связи по «Боевой организации». Тогда же они наметили убийство уфимского губернатора Богдановича, которого либеральные круги осуждали за усмирение златоустовских беспорядков. Азеф поехал в Уфу и там нашел исполнителя — местного железнодорожного рабочего Дулебова, который и застрелил вышедшего на прогулку Богдановича. Дулебову удалось скрыться, он потом принимал участие в покушении на великого князя Сергея.

Гершуни уже был известен полиции, его искали. Министр внутренних дел Плеве даже однажды вызвал Зубатова и показал ему фотографию Гершуни, сказав, что она будет украшать его кабинет, пока террориста не найдут. Приметы Гершуни были разосланы всюду, по вокзалам то и дело задерживали похожих людей.

В Киеве полиция «засекла» конспиративную квартиру фельдшерицы Розы Рабинович, где Гершуни уже бывал. Установили наблюдение. И вот агент-provokator Розенберг, по кличке Конек,

сообщил, что местным комитетом получена какая-то телеграмма, после чего члены комитета пришли в необыкновенное волнение.

Полиция обратилась в почтовое ведомство. Телеграмма была послана в адрес Рабинович. Добыли и копию телеграммы: «Папа придет завтра. Хочет повидать Федора. Дарнищиенко». Полиция определила, что папа — это, возможно, Гершуни, Федор — один из эсеров, а Дарнищиенко — место встречи, станция Дарницы.

За эсерами усилили наблюдение. На станциях Киев-1, Киев-2, Дарница и Боярка дежурили филеры с револьверами. Все они были решительные люди, из запасных унтер-офицеров.

Гершуни в этот раз ехал из Саратова в Смоленск, а оттуда за границу.

Вечером на станции Киев-2 филеры увидели вышедшего из поезда хорошо одетого господина с портфелем, в фуражке инженера. Вроде бы он! — но уверенности не было. Поезд ушел, а господин нагнулся, будто бы поправляя шнурки на ботинках, а на самом деле оглядываясь по сторонам. «Наш, — сказал один из филеров, — глаза его, с косинкой». Гершуни подошел к ларьку с минеральными водами и стал пить. Рука дрожала.

Его скрутили и повезли в участок. Гершуни говорил, что это недоразумение, что полиция ошиблась.

Но дадим слово начальнику Киевского охранного отделения А. Спиридовичу:

«Большая комната полна народу: филеры, чиновники, полиция. Лица возбужденные. Спрашиваю, где он. Показывают. Никакого сходства с фотографией.

— Кто вы такой, как ваша фамилия? — обращаюсь я к задержанному

— Нет, кто вы такой! — закричал на меня Гершуни. — Какое право имели эти люди задержать меня? Я — Род, вот мой паспорт, выданный киевским губернатором. Я буду жаловаться!

«Ну и нахал же», — подумал я.

Назвав себя, я продолжал:

— Что же касается вас, то вы не господин Род, а Григорий Андреевич Гершуни. Я вас знаю по Москве, где вы были арестованы. Гершуни сразу как бы сел.

— Я не желаю давать никаких объяснений, — проговорил он резко.

— Это ваше дело, — ответил я и приказал произвести личный осмотр.

Из заднего кармана вынули браунинг, заряженный на все семь. В кармане был еще восьмой патрон. В стволе налет от выстрела. При нем оказалось 600 с лишним рублей и 500 франков, записная книжка с шифрованными пометками, пузырек с бесцветной жидкостью и два паспорта на имя Рода, из которых один, загранич-

ный, фальшивый. В портфеле же, который составлял весь его багаж, была чистая смена белья и несколько мелко исписанных листков. Оказалось, что то были: черновик прокламации об усмирении рабочих в Златоусте, черновик прокламации «Боевой организации» об убийстве Богдановича и две статьи о том же убийстве. По прочтении их не оставалось сомнения, что Гершуни ехал прямо с убийства Богдановича, что он являлся автором и приговоров об убийствах, и хвалебных гимнов об организации и ее работе, то есть о самом себе... Гершуни заковали в кандалы. Кандалы до суда, широко практикуемые в Европе, у нас почти не применялись. В данном случае они были более чем уместны. Гершуни театрально поцеловал железо...»

На следующий день террориста под сильным конвоем увезли в Петербург. Его ждали крепость, военный суд и смертный приговор, замененный бессрочной каторгой...

По-своему интересно пребывание Гершуни в Шлиссельбургской крепости. Он после вспоминал в своей книге:

«Настал первый день Рождества. Гусь, каша, пирог, — как будто ничего дела, — довольно жирные. Но вот судок со сладостями. Дрожащей рукой поднимаешь крышку — и весь холодеешь: один апельсин, одно яблоко, виноград жалкий, шоколаду совсем нет!»

После полуторагодичного заключения в крепости Гершуни был переведен в Сибирь. В 1907 году он бежал из тамошней тюрьмы в бочке с квашеной капустой. Умер за границей в 1908 году.

С осени 1902 года начались аресты эсеров. Только в Саратове было задержано 66 человек, причем найдены чистые паспорта, множество брошюр для крестьян, гектографы. В начале 1903 года прошли групповые аресты в Киеве, Екатеринославе, Курске, Одессе, Москве, Петербурге и других городах. Среди задержанных — много было еврейской молодежи. Киевский комитет, например, весь состоял из евреев.

Полиции стало известно, что в Киеве ждут некую террористку из Минска для устройства типографии. Это оказалась Фрума Фрумкина. Она еще в 1902 году хотела убить минского жандармского полковника. После Киева Фрумкина намеревалась ехать в Одессу для убийства тамошнего градоначальника графа П. Шувалова, боевого офицера, участника русско-турецкой войны. Ему к тому времени было уже 73 года. Эсеры обвиняли его в попустительстве одесским еврейским погромам. В конце концов его все же убили в 1905 году. Для этой акции был подобран русский учитель, тщеславный Куликовский, осужденный потом на вечную каторгу. Он явился на прием и убил графа четырьмя выстрелами.

Фрумкина сняла комнату. Наблюдение установило, что к ней стали носить типографские части. Провели обыск. Печатный станок был замаскирован в кухонном столе, нашли и шрифт.

Сама Фумкина была черная как галка, с неопрятными салеными волосами, да еще вдобавок хромая. Ее посадили в тюрьму. Там она раздобыла где-то ножик и потребовала разговора с начальником киевской полиции генералом Новицким — якобы для признания. Фрумкину привели на допрос, та начала рассказывать генералу какие-то выдуманные истории. Тот, довольный, стал записывать. Фрумкина, кинувшись к нему, схватила за волосы и хотела перерезать ему горло. Новицкий с силой отшвырнул к стене, по шее у него текла кровь. За эсеровскую деятельность и покушение на Новицкого Фрумкину осудили на 11 лет каторги, которую она отбывала в Горном Зерентуе. После царского манифеста 1905 года ее отправили на поселение, но Фрумкина по дороге бежала в Москву. В начале 1907 года ее арестовали в Большом театре с револьвером в сумочке — она намеревалась убить московского градоначальника Рейнбота. В Бутырках она ранила начальника тюрьмы. Казнена летом 1907 года.

В январе была арестована группа террористов дворянки Серафимы Клитчоглу. Они готовили убийство Плеве. При обыске найден распорядок дня министра и маршруты его передвижений в Петербурге.

В Одессе арестовали Израиля Марголина, ведшего среди тамошних евреев революционную работу, в Петербурге — Кракова, готовившего покушение на министра юстиции.

Еще в Швейцарии Гершуни предложил Гоцу для утверждения своего возможного преемника — Азефа. Гоц кандидатуру одобрил. Когда Азеф появился в июне 1903 года в Женеве, Гоц встретил его очень радушно. Нового руководителя «Боевой организации» не нужно было искать — он стоял перед Гоцем.

Как убивали Плеве

Директор Департамента полиции А. А. Лопухин был старшим сыном в старинной дворянской семье — одной из наиболее старых коренных фамилий. Жена Петра I Евдокия носила эту фамилию. Как и все такие семьи, Лопухины не могли похвастаться особенными богатствами. Но и к «оскудевшим» их причислить было трудно: Лопухин получил по наследству свыше 1000 десятин земли в Орловской и Смоленской губерниях. Не принадлежали к «оскудевшим» Лопухины и по способностям, по уму, по воле к житейской борьбе. Все они были наделены большой долей честолюбия, в особенности Алексей Александрович. В 22 года окончив Московский университет, он с 1886 года был зачислен на службу по ведомству Министерства юстиции и затем быстро зашагал вверх по служебной лестнице.

По своим университетским и личным связям Лопухин был близок к умеренно-либеральным кругам родовой дворянской молодежи. Но эти либеральные симпатии отнюдь не мешали ему делать свою карьеру главным образом на политических делах, наблюдать за производством которых ему приходилось в качестве представителя прокурорского надзора. Впервые на эту работу он был назначен в Москве в середине 1890-х, причем он контролировал и Московское охранное отделение. Обычно между начальством последней и прокуратурой шла межведомственная борьба: прокуратура в той или иной степени противодействовала попыткам охранных отделений расширить пределы своих прав. На этот раз начальник Московского охранного отделения Зубатов поступил иначе. Лопухин встретил с его стороны полную готовность посвятить во все тайны «охранки». В то время Зубатов увлекся планами создания легальных рабочих организаций под контролем полиции и ему удавалось привлекать на свою сторону профессоров и общественных деятелей. Привлек он и молодого прокурора. Лопухин ознакомился даже с делом постановки секретной агентуры — по некоторым сведениям, он побывал и на конспиративных квартирах, где происходили свидания Зубатова с агентами, — и стал горячим поклонником Зубатова.

Подобный полицейский уклон интересов молодого либерального прокурора определил его дальнейшую карьеру. Поворотным пунктом в ней был май 1902 года. В это время Лопухин был уже прокурором харьковской судебной палаты. Только что назначенный министр внутренних дел В. К. Плеве приехал в Харьков, чтобы на месте ознакомиться с характером и размерами крестьянских беспорядков, волна которых незадолго перед тем прокатилась по югу России: тогда они были еще новостью. С Лопухиным Плеве встречался и раньше — у общих знакомых в Петербурге. В Харькове Плеве просил Лопухина сделать ему доклад о причинах волнений, настаивал на том, чтобы тот откровенно высказал свое мнение. «Мое мнение, — рассказывал позднее об этой беседе Лопухин, — сводилось к тому, что пережитые Полтавской и Харьковской губерниями погромы помещичьих усадеб нельзя было рассматривать как явления случайные, что они представляются естественными результатами общих условий русской жизни: невежества крестьянского населения, страшного его обнищания, индифферентизма властей к духовным и материальным его интересам и, наконец, назойливой опеки администрации над народом, поставленной взамен охраны его интересов законом». Плеве, по рассказу Лопухина, согласился с этими мыслями и сообщил, что он и сам признает необходимость реформ, вплоть до введения в России суррогата конституции в форме привлечения представителей общественных организаций в состав Государственного со-

вета. Только эти реформы, по мнению Плеве, могли спасти Россию от революции, опасность которой ему казалась надвинувшейся вплотную. Лопухин же наметил целый план работ — в духе политики Зубатова — и нашел в Плеве сторонника. Именно поэтому результатом бесед было предложение Лопухину поста директора Департамента полиции: он должен был во всероссийском масштабе руководить теми опытами, которые до сих пор Зубатов прodelывал только в Москве.

Для Лопухина в этом предложении многое было весьма заманчивым: в 38 лет он становился руководителем одного из важнейших в империи учреждений и вплотную подходил к самым вершинам правительственной власти. И молодой прокурор принял предложение перейти из ведомства юстиции в ведомство полиции.

Но далее пошло не так гладко. О далеко идущих реформах вопрос по-серьезному вообще не вставал. Правда, по свидетельству Лопухина, Плеве вытребовал из архива все те проекты преобразования Государственного совета, целый ряд которых был составлен в царствование Александра II, но последствий это никаких не имело. Плеве рассказывал Лопухину, что ставил вопрос о соответствующих реформах перед царем, но наткнулся на решительное сопротивление. Неизвестно, делал ли он это в действительности: никаких сообщений в архивах не найдено, а по своей сути подобная реформа настолько противоречила курсу политики Плеве, всем его тогдашним заявлениям, что возможность обращения к царю кажется сомнительной.

Ничего не вышло и из реформы полиции: проект был разработан Лопухиным, но далее кабинета Плеве не пошел.

Чем труднее подвигалось дело реформ, тем большее значение приобретали чисто полицейские вопросы. Все руководство Департамента полиции сменилось. Непосредственным руководителем розыска был назначен Зубатов. Основная ставка делалась на развитие секретной агентуры внутри революционных организаций. Для этой цели не скупились на затраты. В течение каких-нибудь двух—двух с половиной лет был истощен весь капитал департамента, доходивший до пяти миллионов рублей и накопленный за десятилетие сравнительного затишья в стране.

Всего покушений на министра внутренних дел В. К. Плеве, занявшего этот пост после Сипягина, в 1904 году было подготовлено пять:

1. В покушении 18 марта участвовали: Максимилиан Швейцер — заряжал бомбу и передавал метальщикам; стояли метальщиками: Алексей Покатилов с двумя бомбами — на набережной Фонтанки; Боришанский — тоже с двумя бомбами — ближе к Неве и Егор Созонов, переодетый извозчиком, с бомбой под фартуком пролетки — у подъезда департамента. Сигнальщиками слу-

жили: Иван Каляев и другой извозчик Мацеевский. Руководил покушением Борис Савинков.

2. Покушение 25 марта: бомбы готовил Покатилов. Он и Боришанский, переодетые разносчиками, выходили со снарядами навстречу Плеве по набережной Невы и Фонтанки к зданию Департамента полиции. Созонов принимал в покушении лишь косвенное участие, остальных террористов в Петербурге не было.

3. Покушение 1 апреля не состоялось, ибо накануне ночью в гостинице Покатилов, готовя бомбу, погиб от взрыва.

4. Для покушения 8 июля готовил бомбы Швейцер, живший в гостинице по английскому паспорту. Метальщиками были: Созонов, одетый в тужурку железнодорожного служащего, Боришанский и Лейба Сикорский в плащах морского образца. Извозчики: Егор Дулебов и Мацеевский.

5. 15 июля участвовали те же и в том же порядке, что и 8 июля.

На убийство Плеве было ассигновано семь тысяч рублей. По тем временам большие деньги.

Вячеслав Константинович Плеве происходил из русской провинциальной дворянской семьи. Сначала они жили под Калугой, потом отец получил место учителя в варшавской гимназии.

Окончив Московский университет, Плеве служил в суде: сначала на малых должностях, потом прокурором Вологодского окружного суда. В тридцать три года он прокурор Петербургской судебной палаты, расследует дело о взрыве в Зимнем дворце. После покушения народовольцев на царя Плеве назначают директором Департамента полиции. Руководство политической полицией было делом нелегким. Плеве пытается понять суть революционного движения, его причины. В докладной записке он, например, пишет: «В данный исторический момент правительство ведет борьбу не только с кучкою извергов, которые могут быть переловлены, но с врагом великой крепости и силы, с врагом, не имеющим плоти и крови, то есть с миром известного рода идей и понятий, с которым борьба должна иметь особый характер. Устранить влияние известной литературной клики на журнальное дело и уничтожить подпольные революционные сообщества — значит расстроить только внешнюю форму, в которую этой враждебной силе удалось организоваться, то есть сделать лишь первый шаг к ослаблению ее разрушительного влияния. Сломить же ее окончательно возможно, только противопоставив ей другую, подобную же духовную силу — силу религиозно-нравственного перевоспитания нашей интеллигенции. Достигнуть этого можно исключительно годами усилий и притом под условием введения строгой общественной дисциплины во всех областях народной жизни, которые доступны контролю государства».

Начало правления Александра III было ознаменовано спокойствием. Шла кропотливая работа государственного аппарата. Террор отошел в прошлое. Редактор «Московских ведомостей» М. Катков восклицал: «Господа, встаньте: правительство идет, правительство возвращается!»

Плеве, уже товарищ министра внутренних дел, занимается подготовкой законодательных актов. Диапазон их широк: от сельского хозяйства до регулирования отношений между рабочими и фабрикантами.

Далее Плеве вступает в должность государственного секретаря, министра по финляндским делам.

В апреле 1902 года он назначается министром внутренних дел Российской империи. Время было не самое лучшее: наметился промышленный кризис, крестьянские и помещичьи усадьбы беднели, революционная пропаганда проникала в студенческую и рабочую среду.

В России начались еврейские погромы. Зарубежная печать утверждала, что они инспирированы Министерством внутренних дел. В эту пору Плеве писал одному из руководителей сионизма доктору Гершлю:

«До тех пор, пока сионизм стремился создать независимое государство в Палестине и организовать выселение из России известного числа евреев, русское правительство могло относиться к нему только благожелательно; но с той минуты, как сионизм изменил свою задачу и направил свою деятельность к национальному объединению всего еврейства в России, естественно, что правительство воспротивилось этому новому направлению сионизма. Допущение сего имело бы последствием образование в государстве целых групп лиц, совершенно чуждых общему патриотическому чувству, а между тем очевидно, что именно на этом чувстве зиждется сила всякого государства».

Итак, 15 июля 1904 года взрывом бомбы, брошенной Созоновым, Плеве был убит. Меры предосторожности не помогли. Охранка схватила Созонова и Сикорского. На первом допросе Созонов о себе ничего не сказал, лишь заявил, что признает себя виновным в убийстве Плеве и в принадлежности к «Боевой организации» партии социалистов-революционеров. Он отказался подписать протокол допроса, сказав, что у него болит рука, «а если бы она была здорова, то протокол я не подписал бы, не желая обнаружить свой почерк».

Повсюду разослали телеграммы с приметами неизвестного, в Петербург были вызваны филеры, знающие в лицо различных подозрительных людей. Время работало не на полицию, сообщники террориста могли скрыться за границей. А он сам, израненный, впал в полубессознательное состояние, стал бредить. Департамент полиции передавал в охранное отделение:

«У содержащегося ныне в лазарете одиночной тюрьмы убийцы ст.-секр. Плеве начались бредовые явления, во время которых он произносит отрывочные фразы, могущие иметь фактическое основание в его прошлом, причем часто упоминает имена Петра, Валентина и Николая Ильича, говорит о каком-то трактире, где они кого-то ждали, и упоминает о своем лечении от нервной болезни в Петербурге... В бреде же он рассказывает о свиданиях и собраниях за городом, а также упоминает, что ему «делали передачу» и что он был где-то «в учении».

У постели Созонова круглосуточно дежурил жандармский офицер и записывал бред. Полиция надеялась в словах найти хоть какую-то зацепку.

Из телеграмм директора Департамента полиции начальнику Московского охранного отделения:

«Убийца по виду сознательный ремесленник или сельский учитель, видимо, с юга, выше среднего роста, телосложения плотного, блондин, рыжеватый, слабые следы оспы на обеих щеках, нос горбинкой, усы темно-русые подстриженные, лицо русское, одет в железнодорожную форму, он заявляет о принадлежности к «Боевой организации», подготовлявшей несколько неудачных покушений; через час после события задержан на Неве некий еврей, выбросивший в воду какой-то сверток, подозревается в соучастии. Телеграфируйте, не отлучался ли кто-нибудь из наблюдаемых членов «Боевой организации», учините агентурные розыски».

«По некоторым данным можно заключить, что убийца лечился в Москве, может быть, от нервной болезни. Произведите по имеющимся у вас приметам тщательный розыск во всех лечебных заведениях Москвы».

И наконец, справка. Личность террориста установлена:

«Созонов Егор Сергеевич, сын купца, бывший студент Московского университета, родился в 1876 году в селе Петровском Вятской губернии, воспитывался в уфимской гимназии, по окончании коей поступил в университет, оттуда был уволен со второго курса в 1901 год за участие в студенческих беспорядках, на основании высочайшего повеления, последовавшего в 1903 году, за государственное преступление подлежит высылке в Сибирь, под гласный надзор полиции на 5 лет. Следуя в Якутскую область, назначенную ему местом водворения, Созонов скрылся неизвестно куда».

Бомбы, которые имели Созонов и Сикорский, были из жестяной оболочки, заполненной динамитом. При падении бомбы разбивались стеклянные трубки, и находящаяся в них серная кислота попадала на бертолетовую соль с сахаром. Этот состав воспламенялся, и взрывались — сначала гремучая ртуть, а потом и динамит.

Когда карета министра ехала по Измайловскому проспекту к вокзалу, к ней подбежал Созонов и швырнул бомбу. Министр был убит на месте, кучер смертельно ранен. Кроме этого были ранены 12 ни в чем не повинных человек, находившиеся поблизости.

Пострадал и сам террорист: был контужен и потерял сознание; на лице и руках раны. Очнувшись, Созонов закричал: «Да здравствует социализм!»

Сикорский, увидев, что покушение удалось, решил избавиться от своей бомбы и, поехав на Васильевский остров, нанял лодочника якобы для прогулки. Недалеко от броненосца, стоявшего у Балтийского завода, Сикорский выбросил бомбу в воду. «Эй, стой! — закричал лодочник. — Здесь место казенное, бросать ничего нельзя». Сикорский пробовал отговориться, но лодочник повез его к пристани, говоря, что сдаст в контору завода. Сикорский предлагал ему сначала три рубля, потом десять, но лодочник позвал полицию.

Спустя месяц бомбу случайно выловили неводом рыбаки.

Шимель-Лейба Сикорский, 20 лет, происходил из ремесленников Гродненской губернии.

Если Созонов упорствовал, то Сикорский скоро во всем сознался. На суде он признал себя виновным, но от каких-либо объяснений отказался.

Созонов же на суде говорил много. В основном это была речь патетическая, возвышенная, но малосодержательная. Конкретно же по поводу убийства он сказал:

«Я убил Плеве за то, что он прибегал к насилию. Партия приговорила его к смерти за то, что, став министром внутренних дел, заливал кровью русскую землю, приказывая расстреливать рабочих, и не наказывал губернаторов, так поступавших, за то, что он подвергал личность русского гражданина и членов партии величайшим унижениям».

Защитник Созонова воспевал мужество террориста и выставлял Плеве чудовищем.

Защитник Сикорского говорил:

«Борьба за идеи возвышает человека. Подсудимые разбили чашу жизни, когда она полная стояла перед ними.

Сикорский — натура мрачная, загадочная, но все же человек. Сикорский — еврей.

Что, казалось бы, ему до образа правления в России? Идея выхватывает человека из круга семьи, из круга понятий. Идеи как боги: им верят, перед ними преклоняются. Сикорский родился в бедной еврейской семье в 1883 году. Это год повсеместных погромов. Москва приписывала эти погромы тогдашнему директору Департамента полиции фон Плеве. (Здесь защитник

остановлен председателем.) Еврейское простонародье бедствовало и голодало. Отсюда бесконечные разговоры о неравенстве. Все было окрашено в оттенки недовольства и скорби. Молодежь протестовала и не покорялась, подобно старшим. Всякое недовольство стремится вылиться в определенные формы. Познакомившись с учением социал-революционной партии, он встретился с готовыми формами и даже с готовым приговором. Он вошел членом в «Боевую организацию». Как более самоотверженный, он взял на себя боевую роль, но другой его предупредил...»

Созонов и Сикорский были посланы на убийство, по сути, не кем иным, как Азефом, который ненавидел Плеве лютой ненавистью. Он считал его виновником кишиневского погрома. Но тогда в Кишиневе ненависть населения обратилась на еврейскую молодежь, в которой обыватель видел революционера с револьвером. Губернаторы и полицмейстеры обращались к раввинам: если еврейские революционеры будут убивать людей, погромов не остановить.

С ликованием встретили убийство министра в местечках Юго-Западной России. А в Борисове и Минске даже прошли демонстрации. Несли красные флаги с надписью «Смерть палачам».

Горячо одобрили убийство финские и польские националисты. Социалисты Варшавы вывели людей на улицы под лозунгами: «Да здравствует независимая Польша!», «Долой русское правительство!»

Буржуазная французская газета писала:

«Плеве заметил на огромной поверхности Российской империи несколько болезненных пятен: агитацию армянскую, финляндскую, аграрную, рабочую, антисемитскую.

Было два способа лечить эти болезни: уничтожить или причины, или следствия их — либерализм или репрессии. Он взялся за последнее, полагая, без сомнения, что Россия не способна переварить западные лекарства и что, начавши хоть что-нибудь изменять, рискуешь быть увлеченным гораздо дальше, чем следует... Он особенное внимание обратил на полицию, которую довел до совершенства. Он наблюдал за образованием... Свою реакционную политику он проводил всюду: в Финляндии, в Армении, он внес ее даже в школу... Наконец террористы покончили с ним».

Петербургская судебная палата приговорила Созонова к бессрочным каторжным работам. Но по манифесту, изданному в связи с рождением наследника, бессрочная каторга могла быть заменена ему четырнадцатилетней каторгой, а Сикорскому — десятилетней. Для отбытия наказания Созонова, а также Сикорского, приговоренного к двадцати годам, отправили в Шлиссельбургскую тюрьму.

В Акатуевской тюрьме, куда потом перевели Созонова, собралась довольно теплая компания. Там уже были Гершуни, Мельников, Карпович... Позже появились и женщины: Спиридонова, Измаилович, Школьник...

«Пока живется очень хорошо и вольготно, — пишет в письме к матери Созонов. — Нас здесь ждали и приняли с распростертыми объятиями. Товарищи готовились к торжественной встрече: делали подписку на грандиозный пир, собирались выехать на тройках навстречу... Мне доставляет гордую радость видеть то уважение, которое окружает нашего дорогого Григория Андреевича (Гершуни): все, если не видят, то чувствуют цену этого человека, и нужно его видеть именно среди людей, чтобы по всей справедливости оценить его. Как я ни был подготовлен к тому, чтобы предполагать за ним различные таланты, но все же приходится удивляться ему... Здесь он возвышается над всеми на целую голову. Нужна широкая арена, чтобы он развернул все свои силы...»

Гершуни вскоре бежал.

Несмотря на близкое по духу окружение, Созонова мучает хандра. Он начинает подозрительно относиться ко всему. Получив письмо старика отца, сетующего, что из сына вырос болтун и бездельник, Созонов оскорбляется: «Дурень я, дурень, я имел наивность думать, что нашел в вас друга, который если и не разделяет моих взглядов, то во всяком случае умеет понять их и относиться к ним с уважением...»

Между тем порядки на каторге ужесточились. За неподчинение стали наказывать розгами. Каторжане решили ответить на это массовыми самоубийствами. Услышав неверную весть, что уже двое лишили себя жизни, Созонов принял яд, оставив предсмертное письмо:

«Товарищи! Сегодня ночью я попробую покончить с собой. Если чья смерть и может приостановить дальнейшие жертвы, то прежде всего моя. А потому я должен умереть. Чувствую это всем сердцем: так больно, что я не успел предупредить смерть двух умерших сегодня. Прошу и умоляю товарищей не подражать мне, не искать слишком быстрой смерти! Если бы не маленькая надежда, что моя смерть может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно остался бы ждать и бороться с вами, товарищи! Но ожидать лишний день — это значит, может быть, увидеть новые жертвы. Сердечный привет, друзья, и спокойной ночи!»

Главный организатор убийства Азеф находился в Варшаве. Узнав из газет об удавшемся покушении, он явился в Женеву триумфатором. Даже «бабушка» Брешко-Брешковская, недолюбливавшая Азефа, поклонилась ему до земли. ЦК эсеров издал прокламацию:

«Плеве убит... С 15 июля вся Россия не устает повторять эти слова, два коротеньких слова... Кто разорил страну и залил ее по-

токама крови? Кто вернул нас к средним векам с еврейским гетто, с кишиневской бойней, с разложившимся трупом святого Серафима?.. Кто душил финнов за то, что они финны, евреев за то, что они евреи, армян за Армению, поляков за Польшу? Кто стрелял в нас, голодных и безоружных, насиловал наших жен, отнимал последнее достояние? Кто, наконец, в уплату по счетам дряхлеющего самодержавия послал умирать десятки тысяч сынов народа и опозорил страну ненужной войной с Японией? Кто? Все тот же неограниченный хозяин России, старик в расшитом золотом мундире, благословенный царем и проклятый народом... Судный день самодержавия близок... И если смерть одного из многих слуг ненавидимого народом царя не знаменует еще крушения самодержавия, то организованный террор, завещанный нам братьями и отцами, довершит дело народной революции...»

Как видим, Плеве обвинялся в сплочении империи, что азефам было не по нраву, в подавлении беспорядков, вызываемых еврейской молодежью, в почитании русских святынь.

Убийство Плеве совпало со съездом представителей заграничной организации партии в Швейцарии. Они так отмечали удачу, что явилась полиция.

Последовавшая после убийства Плеве политика русского правительства дала либеральным оппозиционным силам надежду для легального выступления. По предложению финляндской оппозиции в Париже собралась конференция оппозиционных и революционных организаций Российской империи. Из семнадцати организаций различных направлений в конференции приняло участие восемь: «Союз освобождения», «Партия социалистов-революционеров», «Финляндская партия активного сопротивления», «Польская национальная лига», «Польская социалистическая партия», «Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров», «Армянская революционная федерация» и «Латышская социал-демократическая рабочая партия». Эсеров представляли Чернов и Азеф.

В ЦК партии в то время входили Гоц, Чернов, Азеф, Брешко-Брешковская, Слетов, а также Потапов, Ракитников и Селюк.

Примечательна судьба Степана Слетова. Тамбовский уроженец, он учился в Московском университете, но за участие в последоходьковской демонстрации был арестован и выслан в Тамбовскую губернию. За агитацию среди крестьян снова арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения бежал за границу, где опубликовал несколько статей по аграрному вопросу. Не раз возвращался в Россию для налаживания пропаганды среди крестьян; однажды, выданный Азефом, был арестован и опять оказался в Петропавловской крепости, где просидел до 1905 года. Всю оставшуюся жизнь Слетов прожил за границей. Он

разочаровался в эсеровском движении, понял, наконец, что гоцы и азефы никакого отношения к русскому народу не имеют. С началом Первой мировой войны он вступил волонтером во французскую армию, воевавшую против немцев. Слетов хотел практически помогать России. Он был убит немецкой шрапнелью под Арденнами. «Я хочу жить с народом, — незадолго до гибели писал С. Слетов, — и умереть вместе с ним. Война дело тяжелое, но я не жалею, что пошел добровольцем. Трудно было бы сейчас взрослому человеку сидеть сложа руки в то время, как весь народ на ногах, грудью защищает свою родину...»

В начале 1905 года директор Департамента полиции Лопухин получил по городской почте письмо от Марии Селюк. Она писала, что ей уже невмоготу слежка филеров, наблюдающих за ней днем и ночью и даже когда она моется в бане. Поэтому Селюк просит ее поскорее арестовать и сообщает адрес.

В полиции не знали что и думать. Приняли все это за эсеровский розыгрыш, но на всякий случай послали проверить. Каково было удивление, когда в квартире действительно увидели Селюк! Оказалось, она заболела, у нее развилась мания преследования.

Система генерала Герасимова

Перемены, происходившие в составе правительства, не могли не отразиться и на личном составе руководителей политической полиции. Во главе Министерства внутренних дел, которому в конечном итоге была подчинена вся политическая полиция, стал совершенно новый для чиновного Петербурга человек — П. А. Столыпин, который вначале чувствовал себя еще очень непрочно среди верхов столичной бюрократии и старался окружить себя людьми, на которых мог положиться. Он сменил руководство Департамента полиции. Рачковский сначала был отстранен от дел фактически, а в июне 1906 года уволен и формально. На его место пришел Трусевич — мало знакомый с делом полицейского розыска и потому не игравший самостоятельной роли. Фактически же центральной фигурой политической полиции стал начальник охранного отделения в Петербурге полковник А. В. Герасимов. В истории русской политической полиции последнего перед октябрьским переворотом десятилетия он сыграл одну из самых значительных ролей.

Герасимов был сравнительно молод, смел и энергичен. Он происходил из семьи казака, окончил юнкерское училище, потом несколько лет служил в пехотном батальоне. Выскочить из надоевшей колеи оказалось возможным в одном направлении: перейти в корпус жандармов. Этот переход дался Герасимову нелегко.

Конец 1880-х годов был периодом общей борьбы с «кухаркиными детьми». Офицерский состав корпуса жандармов с особым старанием стремились заполнить одними только дворянами. С большим трудом Герасимову удавалось продвигаться по службе. Помогала мужицкая напористость и обнаружившиеся полицейские таланты. В феврале 1905 года, когда полицейский сыск разваливался по всей империи и когда с ним было особенно плохо в Петербурге, Герасимов получил назначение на пост начальника Петербургского охранного отделения. Это был один из наиболее ответственных постов в русской политической полиции. Герасимов быстро сумел сделать его еще более ответственным.

Особенно сильно он выдвинулся в октябре — декабре 1905 года. Растерянность среди руководителей политической полиции тогда достигла высших пределов. Департамент полиции боялся принять какие-либо меры для подавления беспорядков. Революционная агитация велась открыто. Герасимов был тем, кто настаивал на переходе к репрессиям. По его рассказам, он тогда считал, что перед властью стоит один выбор. «Или мы будем, — как писали в их газетах, — служить революционным украшением петербургских фонарей, или их пошлем в тюрьмы и на виселицу».

В первую очередь он требовал немедленного ареста Петербургского Совета рабочих депутатов. Руководители Департамента полиции во главе с Бугаевым и Рачковским были против: они опасались революционного взрыва, для подавления которого у правительства нет надежных сил. Герасимову пришлось выдержать жестокую борьбу. По его настоянию было созвано специальное межведомственное совещание для всестороннего обсуждения вопроса. Председателем его был И. Г. Щегловитов — будущий министр юстиции, расстрелянный в сентябре 1918 года по приговору ЧК. Это совещание почти полностью встало на точку зрения Департамента полиции. Только один представитель прокуратуры, известный позднее обвинитель по политическим процессам Камышанский поддержал Герасимова. Большинство высказалось против ареста совета и наметило программу мер, которые должны были смягчить опасность революционной агитации без применения репрессий.

Поражение на этом совещании не остановило Герасимова — он отправился к министру внутренних дел Л. Н. Дурново. Здесь его также ждала неудача: выслушав Герасимова и ознакомившись с протоколами совещания, Дурново присоединился к мнению большинства. В этот последний момент, по рассказам Герасимова, в дело вмешался министр юстиции Акимов, который присутствовал при докладе. Услышав решение Дурново, Акимов вышел из состояния пассивного наблюдателя и заявил, что присоединяется к мнению Герасимова: «Положение действительно таково, что

медлить нельзя: или мы их, или они нас». И так как Дурново все еще колебался, Акимов заявил, что берет ответственность на себя, и в качестве генерал-прокурора империи тут же написал полномочие Герасимову на производство всех обысков и арестов, которые ему кажутся необходимыми.

Как известно, аресты тогда прошли благополучно: в Петербурге совсем никакого взрыва не произошло, восстания в Москве и в провинции были подавлены сравнительно легко. Из докладов с мест вскоре стало ясно, что промедление с репрессиями значительно понизило бы шансы правительства в борьбе с революцией. После этого Дурново проникся большим уважением к полицейским талантам Герасимова и начал всячески его выдвигать, открыто называя гением политического розыска. В работе Герасимову приходилось считаться с инструктивными указаниями департамента, к руководителям которого Герасимов и тогда и после относился с презрением, не стесняясь называть их «высокопревосходительными господами с куриными мозгами». От этой зависимости Герасимова освободил Столыпин, быстро понявший, как важно иметь такого союзника, как начальник политической полиции в столице. Департамент был отгеснен на второй план. Ни о каком контроле с его стороны над Герасимовым не могло быть и речи. Герасимов делал все, что хотел, и диктовал свою волю департаменту. Вся центральная агентура, то есть все секретные сотрудники, имевшиеся в центральных организациях революционных партий, перешла в его руки. Обо всех своих действиях департамент должен был сносить с Герасимовым. Руководители охранных отделений на местах предпочитали советоваться не с департаментом, а именно с Герасимовым, совместно с которым они затем решали, нужно ли о данном деле информировать департамент. Охранное отделение в Петербурге на время стало фактическим центром всего политического розыска в империи, и Столыпин был единственным, кому, по существу, подчинялся начальник этого отделения: Герасимов регулярно делал ему устные доклады обо всем, что представляло интерес в области политического розыска, в наиболее острые периоды такие доклады им делались каждый день. Фактически в течение этого времени — с лета 1906 года и до ухода Герасимова с поста начальника Петербургского охранного отделения в 1909-м — именно Столыпин лично был верховным политическим попечителем розыска.

Основное, на чем сосредоточивал внимание Герасимов, была организация центральной внутренней агентуры в революционных партиях, без нее он считал работу безнадежной.

Но официальная точка зрения, господствовавшая в Департаменте полиции, о пределах допустимого применения внутренней агентуры, по мнению Герасимова, по рукам и ногам связывала руководителей политического розыска. Согласно этой точке зрения

идеалом считалось, когда агент не принимает непосредственного участия в деятельности революционных организаций и не входит в их состав, а в частном порядке получает нужные для полиции сведения от тех членов таких организаций, доверием которых он пользуется в силу своих личных с ними отношений. Маложелательным, но допустимым считалось участие агента в организациях второстепенного значения, где они должны были играть подчиненную роль, в случае нужды исполняя поручения руководителей, но ни в коем случае не руководя сами деятельностью других. И уже совершенно недопустимым считалось участие агентов в центральных организациях, которые руководят деятельностью больших партий и союзов, инструктируют и направляют их работу, дают другим ответственные поручения и т. д.

Таковы были официальные нормы. На практике они никогда не соблюдались. Полицейские руководители в ряде случаев давали прямые указания входить в состав руководящих революционных органов, именно так обстояло дело с Азефом, который в 1902 году вошел в состав «Боевой организации» по прямому указанию руководителей департамента и даже самого министра Плеве. Но, поступая так, руководители политического розыска на эти свои действия сами смотрели как на, быть может, неизбежное, но во всяком случае несомненное нарушение законных норм, как на своего рода болезнь, избежать которой порой бывает невозможно, но скрывать которую необходимо даже от самых близких. Поэтому очень часто между агентом и его полицейским руководителем устанавливалось молчаливое соглашение: агент входил в состав нужной организации, но своему руководителю об этом официально не сообщал, продолжая номинально числиться «сочувствующим»; руководитель же, превосходно все понимавший, делал вид, что верит этой благочестивой версии.

Герасимов считал подобный порядок и ошибочным, и опасным с точки зрения полиции: контролировать действия агента, положение которого внутри революционной организации официально неизвестно, было, естественно, более трудно, чем контролировать деятельность агента, роль которого была полиции точно известна; возможность всякого рода злоупотреблений в этом случае была несравненно большей, полнота же использования этого агента полицией — несравненно меньшей. Поэтому Герасимов поставил своей задачей легализовать «секретную болезнь» центральной агентуры. Он не только разрешал своим агентам вступать в центральные организации революционных партий, но и прямо толкал их на это, ставя их в то же время под возможно более тщательный взаимный контроль и делая каждого из них, так сказать, ответственным перед полицией за всю деятельность соответствующей организации.

Легализуя центральную агентуру, Герасимов наряду с тем вводил значительные изменения и в тактику полиции по отношению к тем центрам революционных партий, в составе которых он имел своих агентов. И в прежние времена полиция арестовывала далеко не всех революционеров, относительно деятельности которых она была осведомлена. Но задачей полиции во всех подобных случаях бывало через отдельных ей известных революционеров добраться до самого центра данной организации, выяснить весь ее руководящий состав для того, чтобы затем одним ударом вырвать ее всю, с корнем. Именно такова была система Зубатова. Герасимов, наоборот, ввел систему сознательного оберегания от арестов тех центров революционных организаций, в составе которых он имел вполне надежных агентов. Мотивировал он эту свою тактику следующими соображениями. В обстановке, когда революционное движение носит массовый характер, уничтожить полностью революционные организации нельзя. Арестовать всех революционеров нет никакой возможности. На место арестованных членов центральной группы всегда найдутся новые добровольцы, которые восстановят разбитую организацию. Но агента полиции, входящего в состав арестованного центра, всякий такой арест ставит под удар: если он арестован вместе с другими, то на время выходит из числа активных сотрудников полиции; если оставлен на свободе, то весьма вероятно, что на него падет тень подозрения. Поэтому в результате ареста организация существовать не перестает, но агент, осведомлявший полицию относительно ее деятельности, выходит из строя. Чтобы быть в курсе дел этой организации в ее новом составе, полиции придется искать нового агента, а такие поиски нелегки, и отнимают некоторое время, в течение которого организация останется без внутреннего осведомителя.

По мнению Герасимова, подобные аресты только вредны. Полиция должна идти другим путем. Организационные центры, поскольку в их составе имеется хорошая агентура, не следует разбивать арестами. Их нужно, наоборот, даже оберегать, для того чтобы держать под постоянным и самым тщательным контролем и иметь возможность во всякое время парализовать наиболее вредные проявления их деятельности. Если такая организация ставит, например, тайную типографию, заводит динамитную лабораторию, устраивает склад оружия, взрывчатых веществ и т. д., то полиция должна производить аресты лиц, непосредственно в этом участвующих, не затрагивая руководящего центра организации. Вполне возможно производить и аресты отдельных членов — особенно тех, чья деятельность становится чрезмерно вредной, но такие аресты нужно производить постепенно, как аресты индивидуальные, и притом, конечно, считаясь с последствиями этих арестов для внутриорганизационного положения агента.

Члены, особенно хорошо относящиеся к последнему, должны по возможности оберегаться; наоборот, его внутриорганизационные противники должны при первой же возможности изыматься из обращения. Производство ареста центральной организации как целого допустимо только в особо важных случаях, например в моменты острых политических кризисов, когда ожидаются особо важные выступления данной организации, предотвратить которые может арест руководящей ячейки, который внесет разброд в ряды организации.

Далеко не все в этой системе было ново. Отдельные элементы ее можно найти в практике многих видных деятелей полицейского сыска более ранних периодов. Герасимов только объединил эти элементы в одно целое, связал отдельные положения в сравнительно стройную систему. В своем законченном виде, логически продуманном до конца, это была настоящая полицейская утопия: все центры всех революционных организаций должны были бы существовать как бы посаженные под стеклянные колпаки; каждый шаг их известен полиции, которая решает, что одно проявление их деятельности, с ее точки зрения менее опасное, она допустит; другое, более вредное, пресечет в корне; одному из членов организации позволит писать прокламации и выступать с речами на митингах, так как он менее талантлив и его выступления производят меньше впечатления, а другого, более даровитого, посадит в тюрьму.

По рассказам Герасимова, осуществлять на практике эту свою систему организации полицейского розыска он начал еще до появления Столыпина на посту министра внутренних дел, но ему все время приходилось наткаться на сопротивление со стороны старых руководителей департамента, которые считали вводимые новшества недопустимыми. Отрицательное отношение к этим новшествам они пытались внушить и Столыпину, который вначале тоже с большой опаской смотрел на эксперименты Герасимова. Но затем вскоре — и это Герасимов ставит в большую заслугу Столыпину — понял все преимущества системы Герасимова и дал ему карт-бланш.

Конечно, несмотря на неограниченные полномочия и почти столь же неограниченные кредиты, провести в жизнь полностью свою систему Герасимову не удалось: утопии, даже полицейские, не так-то легко воплощаются в действительность. Но изложенными принципами он руководствовался неукоснительно и смог достичь, по его мнению, весьма значительных результатов: целый ряд революционных центров им был поставлен под самый тщательный контроль.

По утверждению Герасимова, из числа секретных агентов центрального значения, которые работали под его руководством, да-

леко не все были позднее раскрыты. Роль целого ряда из них до настоящего времени остается совершенно неизвестной. Объясняется это тем, что никаких сведений о них Герасимов в свое время в департамент не представлял (а именно на основании сведений департамента в 1917 году были раскрыты имена большинства обнаруженных агентов по Петербургу, так как архив самого Петербургского охранного отделения почти целиком погиб в дни революции), сношения с ними поддерживал только сам лично, никто другой их не знал, а после ухода Герасимова с поста начальника охранного отделения они также оставили свою полицейскую работу. Герасимов рассказывает, что, уходя из охранного отделения, он предложил наиболее ответственным из своих агентов решить, хотят ли они быть переданными его преемнику или предпочитают оставить службу совсем, и целый ряд из них выбрал последнее.

В память декабристов — ведро пива

Уже в 1894 году у московских социал-демократов возникла мысль об объединении работавших во всей России социал-демократических кружков в партию и об устройстве в этих целях съезда, а в 1896 году эта мысль явилась и у петербуржцев, где «Группа 4-го листка» завязала по этому поводу сношения с Вильно, Киевом и Москвой и даже предлагала будущей партии свою типографию, однако аресты помешали осуществлению этих планов.

В конце того же 1896 года виленская группа начала переговоры о съезде с Петербургской и Киевской организациями, после чего были отправлены два делегата в Швейцарию для переговоров по этому вопросу с заграничным «Союзом русских социал-демократов», и летом 1897 года в Цюрихе представителями названных организаций был выработан проект объединения их в одну партию.

Независимо киевская группа «Рабочее дело», войдя в сношение с Петербургской, Виленской, Московской и Иваново-Вознесенской организациями, пыталась собрать съезд в Киеве в 1897 году, но так как на съезд в назначенное время прибыли лишь представители от Петербурга и Москвы, то было решено считать съезд несостоявшимся и собраться лишь на частное совещание.

Совещание обсудило вопрос о созыве съезда и поручило заняться его организацией Киевской группе. «Рабочая газета» (бывшее «Рабочее дело») горячо принялась за дело и предложила участвовать в съезде Петербургскому союзу фракции «стариков», Киевскому и Московскому союзам, Екатеринославской группе, Литовской социал-демократической партии, Бунду, за-

граничному «Союзу русских социал-демократов» и Харьковской организации. Все организации, кроме двух последних, изъявили согласие на съезд.

Работавшим в то время организациям в Иваново-Вознесенске, Одессе, Николаеве и Белостоке («Рабочее знамя»), а также Польской социалистической партии приглашения не были посланы. Первым трем по причине их нерешительности, «Рабочему знамени» — потому что ее считали тяготеющей к социалистам-революционерам, а Польской партии — ввиду поставленных ею неприемлемых условий.

Съезд собрался в Минске 1 марта 1898 года, этот день был избран сознательно, дабы подчеркнуть связь с деятельностью «Народной воли», и продолжался три дня. В нем участвовали девять делегатов: по одному от Петербурга, Киева, Москвы и Екатеринослава, два от Бунда и два от «Киевской газеты». Съезд выработал организационный устав.

Съезд, на котором было заложено основание Российской социал-демократической рабочей партии, прошел, как это ни странно, малозамеченным и в розыскной летописи оставил след мимолетного эпизода.

Единственными свидетелями социал-демократического «рождения» были несколько «летучих» филеров. Они следили за Б. Эйфельманом, которого окрестили Лохматый. 27 февраля Эйфельман привел их из Харькова в Минск. На другой день он посетил дом на Захарьевской улице и виделся там с интеллигентом евреем, которому филеры дали кличку Черный. То был А. Я. Мытникович.

Так Департамент полиции подошел близко к самому центру Еврейского рабочего союза. Мог ли думать Эйфельман, твердящий все время о конспирации, что свидание на Захарьевской улице приведет к провалу? И что на след минских совещаний навел сыщиков он сам, главный организатор учредительного съезда?

Но следует отдать ему должное: с внутренней стороны конспирация при созыве минского съезда была проведена образцово. Правда, когда филеры заметили появление в Минске других наблюдаемых, известных им по Киеву, Департамент полиции почувствовал недоброе и телеграфировал Зубатову: «Тучапский, Эйфельман и Вигдорчик находятся в Минске при трех филерах. Командируйте немедленно помощь».

Но съезд уже прошел. Относительно его характера «охранка» долго еще оставалась в неведении, даже Зубатов не имел вполне точных сведений, хотя в совещаниях участвовал представитель Москвы. Вот что, например, сообщал он Ратаеву:

«По имеющимся конфиденциальным сведениям, съезд представителей нескольких местных революционных организаций,

провозгласивших объединение последних под общим названием «Российской социал-демократической рабочей партии», состоялся в Минске 1—2 марта минувшего года. Участниками названного съезда были: привлеченные уже к дознаниям Борух Эйдельман (представитель от группы, издававшей «Рабочую газету»), Абрам Мытникович и Арон Кремер (от Еврейского рабочего союза в России и Польше), Казимир Петрусевиц (от Екатеринославского кружка), Павел Тучапский (от киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»), Александр Вановский (от такого же союза в Москве), один делегат минских социал-демократов и одно лицо, оставшееся неарестованным». В сноске к этому месту было сказано: «Негласно поднадзорный дворянин Рудольф Иванов Данилович, живший до сентября в Петербурге, откуда отметился в Варшаву».

И далее:

«Общие собрания участников съезда (7—8 человек) проходили в одном из домов на Захарьевской улице (вероятно, в квартире арестованного в июльскую ликвидацию Петра Румянцева). Вопросы по заранее составленной программе на съезде были: размеры компетенции Центрального Комитета партии, степень автономности местных групп, их наименование, характер отношения к партиям: Польской социалистической, «Народного права», социалистов-революционеров и пр. Главнейшие постановления минского съезда опубликованы в известном «Манифесте» Российской социал-демократической партии. Инициатива съезда и руководство его занятиями принадлежали, по-видимому, представителю южнорусских рабочих организаций Б. Эйдельману, а главными сотрудниками в этом деле были, вероятно, Мытникович, Кремер и Румянцев».

Из приведенного документа видно, что сам Зубатов даже почти год спустя не имел точных сведений о съезде; ему не был известен представитель минской социал-демократической группы Кац; о присутствии на съезде петербургского делегата Радченко он, очевидно, и не подозревал; наоборот, был указан Данилович, который, насколько нам известно, к съезду отношения не имел; наконец, Вигдорчик, которого филеры видели в Минске, почему-то совсем не упомянут.

Несомненно, в работе с минским (историческим) съездом «охранка» дала маху.

Еврейское рабочее движение, зародившееся в начале 90-х годов, оформилось на съезде в Вильно 25—27 сентября 1897 года, когда возник Всеобщий еврейский рабочий союз, который принято именовать ради краткости Бундом.

Когда после разгрома южных организаций Зубатов встал фактически во главе всего политического розыска империи, первой

его заботой было желание обзавестись хорошим осведомителем в бундовской среде. Для этого ему надо было сделать пробный улов, и с такой целью он закинул сети в тихие воды жандармских воеводств, где при невольном попустительстве полицейских генералов еврейский пролетариат плодился и множился с угрожающей быстротой.

Зубатову вообще очень везло, не изменило ему счастье и в этом случае: за четыре месяца он успел выявить центральных деятелей Бунда, нанес затем последнему сокрушительный удар и в то же время обзавелся ценной агентурой.

Надо признать, в розысках по делу Бунда медниковские молодцы проявили чудеса: в незнакомых городах и местечках, не зная местных обычаев, не понимая ни слова по-еврейски, московские филеры целыми месяцами толклись возле еврейского гетто, жившего обособленно и относившегося крайне подозрительно ко всякому пришлому; они удачно, «на глаз», намечали себе лидеров и затем цепко держались за них, тащились за ними из города в город.

Но было бы ошибкой приписывать розыскные успехи московской «охранки» чрезвычайному искусству «летучих» филеров. Не подлежит сомнению, что всякое наружное наблюдение, как бы оно ни было виртуозно, можно заметить. Слишком беспечны, слишком самонадеянны были бундовские «подопечные».

А к каким результатам вела эта беспечность, сейчас увидим.

Мы уже знаем, что Б. Эйдельман, как это сообщалось наблюдением, находясь в Минске, виделся с Черным, которым оказался Мытникович, он же Мутник. После отъезда Эйдельмана филеры занялись Мутником и установили, что он встречался с другим персонажем — Школьником (А. Кремер), который обратил на себя внимание чрезвычайной деловитостью. Таким образом, на первых же порах в розыскной оборот московских сыщиков попали два члена ЦК Бунда.

Наблюдение за Кремером и Мутником выяснило в течение марта их встречи с супругами Фин, Цепринской, Кацнельсоном и Поляком. В апреле наблюдение из Минска перекинулось в Лодзь, куда выехал Мутник: там выявили еще шестерых членов Бунда.

Лодзинская слежка вывела на Бобруйск, где была подпольная бундовская типография. Это стало определенно ясно, когда туда явился некто Г. Сороко, привезший с собой четыре пуда бумаги.

В числе захваченной добычи особо ценными оказались цифровые записи, обнаруженные у некоторых арестованных и затем дешифрованные в Департаменте полиции специалистом этого дела И. А. Зыбиным.

Это были записи по выдаче нелегальной литературы. Они указывали, что одна из арестованных, Гурвич, заведовала нелегальной библиотекой. Перечень читателей попал в руки полиции.

Далее — сорок адресов, касавшихся разных городов и местечек, имевших то или иное значение в подпольной работе.

Все арестованные по делу Бунда были доставлены из провинции в Москву, где их подвергли полной изоляции и строгому режиму. Ротмистр Ратко вел с каждым беседы. Первым сдался бобровский типографщик (орфография подлинника):

«Г-ну ротмистру Ратко.

Имею честь Вам заявить, что после освобождения моей с подстражею, намерен и так решил, что я буду энергично действовать для того, чтобы найти тот лицо, который меня втянул в деле, за которого я привлечен, и как только я узнаю кое что об этом лице, а так же с кем он имеет сношения, я немедленно дам знать Вашему высокородию.

С почтением

С. Каплинский».

Как человек опасливый и малограмотный, Каплинский старался возможно реже писать начальству, но донесения сотрудника Павлова (агентурный псевдоним, данный ему в честь Павлыча — Медникова) расценивались высоко. Обыкновенно Каплинский сообщал такие сведения, которые не могли его провалить. Охранное отделение тоже, дорожа им как единственным солидным источником по Бунду, прикрывало его. Избегая по системе Зубатова слишком близкого, непосредственного участия в практической революционной деятельности, Каплинский старался занимать позицию человека бывалого, оказывал изредка технические услуги и благодаря прежним связям имел возможность узнавать многое.

Провокаторство Каплинского впоследствии выявил Бурцев. Каплинского после революции нашли в Саратове и по решению трибунала в 1918 году расстреляли.

В 1900 году Каплинский указал на ковенский кружок. Эта группа из тринадцати человек была арестована и привезена в Москву. Двоих из них «охранке» удалось завербовать: шляпочника Вилькийского и резчика Валта.

В апреле 1912 года стало известно, что в Вильно организован «террористический отряд» с целью убить губернатора края фон Валя, прокурора Виленской палаты и других важных чиновников. В отряде — четыре местных еврея и два поляка, а также два неустановленных лица. Заготовлено шесть новых револьверов, два кинжала...

К предупреждению об опасности губернатор отнесся скептически и продолжал разъезжать по городу. Однажды, когда фон

Валь вышел из цирка и садился в карету, в него выстрелил стоявший рядом в толпе рабочий Г. Лекух. Раненный в левую руку, губернатор правой схватил стрелявшего, но тот успел еще раз выстрелить, и опять неудачно.

Лекуха повесили, а фон Валь стал товарищем министра внутренних дел и командиром корпуса жандармов.

После покушения были учреждены охранные отделения в Одессе, Вильно, Житомире и Кишиневе — черте еврейской оседлости. В Минске дело розыска вел жандармский офицер Хрыпов, в Киеве начальником вновь учрежденной там «охранки» стал А. И. Спиридович, который на первых же порах отличился. «Ночью на 11 апреля 1903 года, — телеграфировал он в Москву, — в Бердичеве обыскано 32 квартиры; 30 человек арестовано; у 8 поличное, в том числе около 4000 бундовских майских прокламаций, библиотечка более ста нелегальных книг, около ста разной нелегалыщины, заграничная переписка; у А. Грузмана 10 двухаршинных картонок-трафареток для печатания «Долой самодержавие» и других русских и еврейских революционных надписей на флагах...»

В 1903 году Еврейский рабочий союз чувствовал себя уже настолько уверенно, что не боялся действовать почти открыто. В Житомире, например, захвачена сходка, посвященная памяти декабристов, на которой присутствовало 113 человек. Собрание это происходило в нанятом помещении под видом еврейской свадьбы.

Интересна была обстановка этого празднования. В помещении, где происходило собрание, никакой мебели не было, кроме стола. На стене — огромный красный флаг с надписями: «1825—1903. Слава памяти декабристов! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм!» Рядом развешаны портреты Маркса, Чернышевского, Лассалья. Все это освещено несколькими свечами. На столе — пиво, колбаса и яблоки.

В помещении сыщики изъяли около сотни революционных изданий и программу вечера:

«Декабрьское восстание и современное рабочее движение.

Ушер: Тост памяти декабристов. Присяга.

Люба: Памяти Чернышевского.

Хайкель: Памяти Балмашева.

Муня: Памяти Лекуха.

Финал: Друзья, не теряйте бодрость в неравном бою!»

На оборотной стороне программы приводился счет расходов вечеринки, а именно: «ведро пива — 1 р. 20 коп., полпуда хлеба — 50 коп., 5 селедок — 25 коп., 5 фунтов колбасы — 1 р. 25 коп., 2 фунта конфет — 50 коп., 5 фунтов яблок — 35 коп., 2 фунта сахару — 28 коп., чай — 10 коп.».

Итого — четыре рубля сорок три копейки. На 113 человек! Вот как справляла свои празднества демократия начала века!..

Куплено на японские деньги

Леворадикальные силы попытались использовать некоторый спад в экономике, проигранную войну с Японией, январскую трагедию.

Ленин советовал «боевому комитету» большевиков:

«Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду, и у студентов, и у рабочих особенно... Пусть тотчас же вооружаются они, как могут, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с кerosином для поджога... Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации... Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городских...»

Теперь уже ясно, что восстание 1905 года в большой степени финансировали Америка и Япония.

Военный агент японской миссии полковник Акаши после разрыва дипломатических отношений перебрался в Европу и там установил тесные связи с русскими эмигрантами-революционерами. В этом ему помогали международные шпионы: финский социалист Циллиакус и эсер грузин Деканози.

Русская политическая полиция сумела сфотографировать список, составленный Циллиакусом. Выглядел он так:

Для С. Р. — 4000 здесь
Яхта — 3500.500 Лондон
Экипаж и т. д. — 500
5000 ружей для Г. — 2000
1000 ружей для С. Р. — 800.15 дней
8000 ружей для Ф. — 6400
5000 ружей для С. П. — 4000
500 ружей маузера для раздачи Ф. и С. Р. — 2100

Под буквами подразумеваются: С. Р. — социалисты-революционеры; Г. — грузинская революционная партия; Ф. — финляндская революционная партия; С. П. — польская социалистическая партия.

На японские деньги Циллиакус и Деканози помогают революционерам в лице Азефа и Гапона купить в Англии пароход. Его загружают динамитом, тремя тысячами револьверов, пятнадцатью тысячами ружей и отправляют в Россию.

Циллиакус, расцеловав Гапона, воскликнул:

— Смотрите, зажигайте там, в Питере, скорее — нужна хорошая искра! Жертв не бойтесь! Вставай, подымайся, рабочий на-

род! Не убыток, если повалится сотен пять пролетариев, — свободу добудут. Всем свободу!

Гапон был уверен, что стоит вручить столичным рабочим оружие, и начнется революция. Но тем, кто дергал исполнителей за ниточки, было известно, что это не так. Однако генеральную репетицию хотелось провести.

Планировалось оружие доставить по северному побережью Финского залива, затем на баржах в Петербург, и там уже верившие Гапону рабочие организации его разгрузят и тотчас затеют в городе беспорядки.

Но пароход, по всей видимости, наскочил в финских шхерах на мель. Своими силами освободиться не смогли. Команда взорвала корабль и разбрелась кто куда.

М. Литвинов огорченно пишет Ленину:

«...Будь у нас те деньги (100 000 р.), которые финляндцы и с.-ры затратили на свой несчастный пароход, — мы бы вернее обеспечили себе получение оружия. Вот уже авантюра была предпринята ими! Вы знаете, конечно, что финляндцы, не найдя эсеров в России, предложили нам принять пароход, но сроку для этого дали одну неделю. Ездил я на один островок и устроил там приемы для одной хоть шхуны, но пароход в условленное время туда не явился, а выплыл лишь месяц спустя где-то в финляндских водах. Финал вам, конечно, известен из газет. Черт знает, как это больно!»

История с пароходом путаная и темная. Может быть, Азеф или Гапон, или они вместе, решили погреть руки на закупке оружия? Недаром Азеф так настаивал на убийстве Гапона.

1905 год ознаменовался разгулом терроризма. Вот лишь несколько примеров: в Кишиневе убит пристав; в Одессе ранены полицмейстер и пристав; в Уфе убит губернатор; в Красноярске убит полицмейстер; в Ростове убит жандармский полковник.

Гомельские эсеры убили исправника и в местечке Ветка бросили бомбу в дом зубного врача за отказ дать деньги на нужды партии. В доме в это время проходило заседание местного комитета Бунда. Разозленные бундовцы выпустили потом листовку, называя эсеров грабителями и вымогателями.

В Саратове была устроена партийная мастерская по изготовлению бомб. Их перевозила Зинаида Коноплянникова в Москву. Когда ее задержали, в чемодане оказались различные кислоты, гремучая ртуть, нитроглицерин, оболочки для бомб, динамит, паяльник и прочее. Этого хватило бы на 20 бомб.

Бывшая учительница Коноплянникова была потом повешена за убийство командира Семеновского полка генерала Мина, который подавил Декабрьское восстание 1905 года в Москве. Она взошла на эшафот, читая стихи Пушкина: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья...»

В апреле 1905 года в петербургском ресторане «Контан» состоялась любопытная встреча. В отдельном кабинете сошлись, приведя для конспирации женщин, представители социал-демократов, эсеров, «освободителей» и гвардейского офицерства. По воспоминаниям большевика С. Гусева-Драбкина, был накрыт стол: множество закусок, ликеры, шампанское, ужин. Обошлось это удовольствие в 200 рублей: по 25 на четыре организации, ужин — 85 и 15 рублей на чай лакеям.

Эсер драматург Гейер сразу опьянел и бубнил, что на все согласен. «Освобожденец» в основном молчал. Разговор шел между Гусевым и Мстиславским-Масловским. Последний рассказал, что он представляет гвардейскую организацию «Лига красного орла», цель которой — свержение царя и установление конституции. Поэтому они решили договориться с революционерами. План офицеров был таков: под Пасху, во время заутрени, когда войска поведут в церковь без оружия, напасть на казармы и это оружие захватить. Другим вариантом было объявить в столичном гарнизоне, что Николай II желает даровать конституцию, но его захватили в Гатчине в плен. Офицер спросил, сколько революционеры могут выставить рабочих. Гейер отвечал, что десять тысяч, Гусев — несколько сотен.

Заспорили о будущем итоге. Гвардейцы предлагали договориться о Земском соборе, эсеры и социал-демократы стояли за Учредительное собрание. Так и разошлись ни с чем.

В январе 1905 года социал-демократами была организована боевая техническая группа для ввоза в Россию оружия и распространения его. Для изучения производства бомб в Македонию был даже послан Скосаревский. Он привез чертежи чугунной бомбы-македонки, которую и наметили производить. Во Франции покупали запалы и бикфордов шнур. Технической группой сначала руководил Н. Буреник, потом Софья Познер. От ЦК большевиков ее курировал Л. Красин, инженер по образованию.

В Финляндии были созданы базы производства и хранения оружия. Доставали револьверы и ружья как могли, провозя через границу контрабандой. С оружейных заводов — Ижевского, Тульского и Сестрорецкого — поступали трехлинейные винтовки, из Киева, при содействии офицера Ванновского, — наганы. Патроны шли с Охтенского завода.

Через транспортное общество Сулимову удалось переправить в Россию большую партию револьверов. Когда «Джон Графтон» потерпел крушение, финские рыбаки подобрали много оружия и продавали его революционерам. Позже Финляндию называли красным тылом 1905 года.

Русские революционные организации объединились в деле закупки оружия в Бельгии, где оно было дешевле, поручив это некоему А. Гаспару. Но оказалось, что Гаспар какой-то процент от

делок берет себе. Русские возмутились. «А что же, он бесплатно должен этим заниматься? — удивился секретарь Международного социалистического бюро Гюнсмана. — Революция само собой, а гешефт есть гешефт».

Приезжали за границу закупать оружие и известные впоследствии Е. Стасова, М. Литвинов, Камо... Количество покупаемого оружия поражает. Только по одной сделке, согласно подлинному свидетельству посредника — болгарина В. Стомонянова, шло шестьдесят тысяч винтовок.

Закупленное в Бельгии оружие отправлялось небольшими партиями в Германию и Австрию. Там его обычно получали местные социал-демократы и отправляли далее к русской границе.

М. Литвинов пытался освоить еще и другой путь. Через международного авантюриста Наума Тюфекчиева он собрал в Варне большую партию оружия и на корабле отправил в Россию. Экспедиция кончилась неудачей: пароход выбросило на один из островов Черного моря вблизи румынского берега.

Социал-демократы тоже посчитали, что без террора им не обойтись. А стало быть, нужно готовить профессиональных убийц. Вот безыскусные воспоминания одного из них, простого рабочего паренька.

«Летом 1905 года попал я на конференцию северокавказских организаций. Мы обсуждали вопросы подготовки к вооруженному восстанию, и, по соглашению с представителями Юга, наше собрание выделило меня для посылки в киевскую школу. В июле месяце, по явке где-то на Крещатике, я попал в Киев, имел несколько ночевков на Подоле, около Днепра, а затем на третий или четвертый вечер меня и двух товарищей отвели за город на огороды, в маленький, стоящий среди гряд домик. Нас было сначала трое, потом привезли еще пять человек — все с разных концов России, из областных социал-демократических организаций. Все крайне конспирировали и не называли своих имен и фамилий, даже клички переменили.

Нас замуровали в этом домишке из двух комнат; мы не могли показывать носа из дверей и окон, пока не стемнеет. Ночью разрешалось выйти подышать свежим воздухом, но выйти с огорода считалось против конспирации. Еще через день появились киевские товарищи: одного я видел на явках, двое других были мне незнакомы. Один начал знакомить нас с нитратами, кислотами и их реакциями. Я сразу понял, что имею дело с опытным человеком и знатоком взрывчатых веществ. Другой товарищ читал нам лекции, обучал военной технике, баррикадной борьбе, построике баррикад... Некоторые товарищи плохо охватывали значение доз, значение температуры... Им трудно было привыкнуть к крайней осторожности и четкости в работе. Поэтому здесь,

в школе, и потом в лабораториях — армавирской, екатеринодарской, новороссийской, ростовской — приходилось часто висеть на волосок от смерти. Наш лаборант часто говорил, что так, как мы работаем, при 90 процентах за то, что все через полгода уйдем в потусторонний мир, то и не успеем раскинуть сети большевистских лабораторий. Его пророчества были довольно верны: тифлисская лаборатория взорвалась очень скоро, затем я слышал о взрыве одесской лаборатории. У меня в екатеринодарской лаборатории тоже только случай и беззаветное самопожертвование моего помощника спасли положение, хотя этот товарищ все-таки сжег свою левую руку раствором металлической ртути в сильно дымящейся кислоте.

Благополучно закончив занятия, обучившись еще метанию бомб, мы поодиночке разъехались по разным организациям ставить партийные лаборатории».

И бомбам скоро находили применение. Боевая дружина большевиков, например, закидала бомбами петербургскую чайную, где по вечерам собирались рабочие — члены «Союза русского народа».

Заспиртованная голова

Эсеровской базой для террора в 1906 году были избраны Териоки в Финляндии, где Б. Зильберберг ведал взрывчатой лабораторией.

Весной «Боевая организация» эсеров насчитывала уже около 30 человек. Планировались покушения на министра внутренних дел Дурново, генерала Мина и полковника Римана.

Но группе по убийству Дурново даже не удалось увидеть министра. Случайно обнаружили один из маршрутов министра юстиции Акимова. Решили убить его. Но усиленное внимание «охранки» ко всем подозрительным на улицах заставило отказаться от этого намерения.

Террорист Самойлов пришел к генералу Мину в форме лейтенанта флота, назвавшись князем Вадбольским. Но принят не был, к тому же квартиру охраняли. Под видом офицера к Риману приходил другой террорист, Яковлев, называя себя князем Друцким-Соколинским. Но полковник его тоже не принял. Когда же Яковлев пришел в другой раз, его арестовали, отобрав револьвер и кинжал.

Террористы, досадуя на неудачи, уже подумывали взорвать весь дом, в котором жил Дурново, или поезд, возивший его в Царское Село.

Уже другой Гоц, Абрам, предлагал, чтобы боевики, одетые в «жилеты» из динамита, силой прорвались в дом и взорвали его вместе с собой и всеми там находящимися.

Абрам Гоц станет в 1917 году председателем ВЦИК первого созыва.

Позже все внимание сосредоточили на московском генерал-губернаторе адмирале Ф. Дубасове. До губернаторства он командовал Тихоокеанской эскадрой. Эсеры хотели отомстить ему за решительность в смутные декабрьские дни 1905 года. Метальщики несколько раз караулили адмирала на Николаевском вокзале, но тщетно. Думали перехватить его у Кремля во время поездки на пасхальное богослужение — тоже не вышло. «Охранка» стала наблюдать за террористами, и они скрылись.

Азеф назначил день покушения в именины императрицы: в Кремле должно было состояться торжественное богослужение. Террористы перекрыли три дороги из Кремля к губернаторскому дворцу. Вноровский стоял с бомбой на Тверской улице, его брат Владимир — на углу Воздвиженки и Неглинной, Шиллеров — на Знаменке у Боровицких ворот.

Губернатор в открытой коляске с адъютантом Коновницыным выехал из Кремля и направился к воротам Чернышевского переулка. И здесь, на углу переулочка и Тверской площади, к ним кинулся Вноровский с бомбой. Он швырнул ее под коляску. Взрывом убило Коновницына и самого террориста. Дубасова выбросило из коляски, он получил несколько ранений, но остался жив.

Некоторый успех ободрил «Боевую организацию». И вот уже в Севастополь посылается группа для покушения на командира Черноморского флота адмирала Г. Чухнина.

Видимо, преданная Азефом группа была под наблюдением. И когда террористы пришли на военный парад, там за ними внимательно следили. Но ни агенты, ни приехавший организовывать покушение Савинков не подозревали, что местная боевая дружина решила убить севастопольского коменданта. Это должны были сделать один матрос и шестнадцатилетний юноша. Когда парад начался, юноша выбежал из толпы и бросил в коменданта бомбу. Она не взорвалась. Матрос стал вынимать свою бомбу и уронил ее. Раздался оглушительный взрыв. На месте были убиты и матрос, и еще семь человек, 36 ранено. Все бросились бежать. Савинков через час арестовали в местной гостинице.

После роспуска Государственной думы руководство эсеро-ской партии объявило о возобновлении террора. Азеф и Савинков, ссылаясь на усталость и сложность работы, требовали денег на увеличение организации, на оружие и динамит. Возникли разногласия. ЦК денег не давал. Азеф с Савинковым решили на время устроиться.

Тогда Зильберберг организовал свою боевую дружину, куда входила его жена, Сулятицкий, Кудрявцев и еще несколько человек. Они базировались в Финляндии и каждое покушение

должны были согласовывать с ЦК. Так наметились убийства председателя Совета министров Столыпина, уже бывшего министра внутренних дел Дурново и петроградского градоначальника фон Лауница. В дальнейшем планировались покушения на царя и великого князя Николая Николаевича.

В декабре 1906 года состоялось торжественное освящение нового Петербургского медицинского института. Его опекал член царствующего дома принц Ольденбургский, поэтому ожидалось многие известные лица.

Столыпина в этот раз не было.

Когда после богослужения все спускались по лестнице, какой-то молодой человек во фраке ринулся к градоначальнику и выстрелил ему в затылок из маленького браунинга. Фон Лауниц упал замертво. Молодой человек выстрелил себе в висок. В это же мгновение он получил удар шашкой по голове, и в него дважды выстрелил полицейский.

Молодым человеком был Кудрявцев, в прошлом семинарист. Он уже однажды пытался убить фон Лауница в его бытность тамбовским губернатором. Тамбовский комитет эсеров приговорил фон Лауница к смерти за усмирение крестьянских беспорядков на Тамбовщине в 1905 году.

Второй террорист, Сулятицкий, должен был стрелять в Столыпина. Но поскольку того не было, он ушел.

Кудрявцева же опознать не смогли. Его голову, заспиртованную в банке, выставили на всеобщее обозрение.

Убийство столичного градоначальника, конечно, наделало много шума. Царь вызвал к себе на беседу начальника охранного отделения, чего никогда не бывало. Тот вспоминал:

«Во все время нашей полуторачасовой беседы мы оба стояли у окна, выходявшего в окутанный снегом царскосельский парк.

— Я давно уже хотел вас узнать, — сказал государь после первых приветствий и сразу перешел к сути дела. — Как оцениваете вы положение? Велика ли опасность?

Я доложил ему, с мельчайшими подробностями, о революционных организациях, об их боевых группах и о террористических покушениях последнего периода. Государь хорошо знал фон Лауница; трагическая судьба его явно весьма волновала. Он хотел знать, почему нельзя было помешать осуществлению этого покушения и вообще какие существуют помехи на пути действенной борьбы с террором.

— Главным препятствием для такой борьбы, — заявил я, — является предоставленная Финляндии год тому назад свободная конституция. Благодаря ей члены революционной организации могут скрываться в Финляндии и безопасно там передвигаться. Финская граница находится всего лишь на расстоянии двух часов

езды от Петербурга, и революционерам весьма удобно приезжать из своих убежищ в Петербург и по окончании своих дел в столице вновь возвращаться в Финляндию. К тому же финская полиция по-прежнему враждебно относится к русской полиции и в большой мере настроена революционно. Неоднократно случалось, что приезжающий по официальному служебному делу в Финляндию русский полицейский чиновник арестовывался финскими полицейскими по указанию проживающих в Финляндии русских революционеров и высылался...

Второй пункт, которым весьма интересовался царь, был вопрос о масонской ложе. Он слышал, что существует тесная связь между революционерами и масонами, и хотел услышать от меня подтверждение этому. Я возразил, что не знаю, каково положение за границей, но в России, мне кажется, масонской ложи нет, или масоны вообще не играют никакой роли. Моя информация, однако, явно не убедила государя, ибо он дал мне поручение передать Столыпину о необходимости представить исчерпывающий доклад о русских и зарубежных масонах. Не знаю, был ли такой доклад представлен государю, но при Департаменте полиции функционировала комиссия по масонам, которая своей деятельности так и не закончила к февральской революции 1917 года...

На прощание государь спросил меня:

— Итак, что же вы думаете? Мы ли победим или революция?

Я заявил, что глубоко убежден в победе государства. Впоследствии я должен был часто задумываться над печальным вопросом царя и над своим ответом, к сожалению, опровергнутым всей дальнейшей историей...

От Азефа русской полиции стало известно место в Финляндии, где базировался отряд Зильберберга. Это был небольшой отель для туристов, стоявший в стороне от обычных дорог для путешествующих. Двухэтажное здание с дюжиной комнат целиком заполняли террористы, на стороне которых были и владельцы отеля, и обслуга. Посторонних туда просто не пускали, говоря, что нет мест. Однако одним январским вечером это правило было нарушено. В двери отеля постучалась юная пара лыжников: студент-жених и курсистка-невеста. Они сбились с пути, замерзли и просились на ночь. Не впустить их было невозможно. Неожиданные гости оказались обаятельными людьми, остроумными и жизнерадостными. Они весело рассказывали о своей студенческой жизни, танцевали и пели, прожив в отеле целых три дня.

Молодые люди были агентами русской «охранки». Они дали полное описание постояльцев отеля, к тому же им удалось завербовать швейцара и горничную. Оставалось только контролиро-

вать поезда с финской стороны. И вот на петербургском вокзале были арестованы сначала Сулятицкий, а потом и Зильберберг. Они не назвались, но их опознали привезенные швейцар и горничная. В заспиртованной голове ими был также признан Кудрявцев. Военный суд приговорил террористов к повешению.

Покушение на Столыпина

В августе 1906 года к даче Столыпина на Аптекарском острове подъехало ландо, из которого вышли два жандармских ротмистра и господин в штатском. Они с портфелями в руках быстро направились в переднюю. Находившийся там агент «охранки» заметил, что у одного из ротмистров фальшивая борода, и крикнул генералу Замятину: «Ваше превосходительство!.. Неладное!..» В это время все трое, воскликнув «Да здравствует свобода! Да здравствует анархия!», подняли портфели вверх и одновременно бросили их перед собой. Прогремел оглушительный взрыв. Многие, находившиеся в приемной, были убиты или ранены. Ранены были трехлетний сын и четырнадцатилетняя дочь Столыпина. Погибли и сами террористы.

Следствие установило, что ландо было нанято и подано к дому на Морской улице, где проживали спаский мещанин с женой и другая пара — супруги из Коломны. Но их там уже не было.

По остаткам мундиров полиция установила, что жандармское платье было заказано в магазине «Невский базар» молодой дамой.

В ноябре в руки полиции попали листовки, в которых говорилось, что дача Столыпина была взорвана по приговору «Боевой организации» эсеров и выразилось сожаление о неудавшемся покушении.

В Стокгольме предполагался съезд эсеров-максималистов. Агент «охранки» по приметам определил возможную обитательницу квартиры на Морской по кличке Модная. За ней установили слежку. Когда она отправилась в Россию, в Одессе ее задержали. Молодая дама назвалась Фроловой. Ее доставили в Петербург, и там кухарка из дома на Морской опознала бывшую квартирантку. Признали ее и продавцы магазина.

После опознания дама сказала, что на самом деле ее зовут Надеждой Терентьевой.

В ноябре же в столице задержали вторую женщину, подходящую под описание. Среди революционеров она проходила под кличкой Северная. Это была Наталья Климова.

По словам милых дам, на покушение были отпущены за границей большие деньги. Бомбы обладали огромной разрушительной силой. Террористы понимали, что им, возможно, проникнуть в кабинет Столыпина не удастся, поэтому предполагалось разру-

шить всю дачу. И действительно, большая часть ее оказалась после взрыва разрушенной.

Главными инициаторами покушения были в России некий Соколов (он же Чумбуридзе), Шапошников, Медведь и Кочетов (он же Виноградов, он же Розенберг).

Ко времени ареста женщин Соколов уже был повешен за руководство вооруженным ограблением казначея петербургской почтовой таможни.

Отец Климовой, сраженный горем, скончался, успев отправить письмо властям:

«Дочь моя обвиняется в преступлении, грозящем смертную казнь. Тяжко и позорно преступление, в котором она обвиняется. Вашему превосходительству, как человеку, на глазах которого прошло много преступников закоренелой и злостной воли, должна представиться верной моя мысль, что в данном случае вы имеете дело с легкомысленной девушкой, увлеченной современной революционной эпохой. В своей жизни она была хорошая, добрая девушка, но всегда увлекающаяся. Не далее как года полтора назад она увлекалась учением Толстого, проповедывавшего «не убий» как самую важную заповедь, и теперь вдруг сделалась участницею в страшном убийстве... Дочь моя в политике ровно ничего не понимает, она, очевидно, была марионеткой в руках более сильных людей... Увлеченная угаром, молодежь не замечает, что делается орудием гнусных революционеров, преследующих иные цели, чем молодежь...»

Старик был прав.

Но суд к преступлению отнесся серьезно. Тем более что обвиняемые никаких показаний о своих связях с террористами не дали. На суде они вели себя вызывающе, обзывали присутствующих.

Их приговорили к повешению. От подачи кассационных жалоб Терентьева и Климова отказались.

Смертная казнь была заменена бессрочными каторжными работами. Что касается исполнителей покушения — трех погибших террористов, то о них известно лишь, что это были некие Морозов, Мионов и Илья Забелышанский из Гомеля.

Новый сыск для новой власти

Уже на третий день после октябрьского переворота был принят декрет об организации рабоче-крестьянской милиции, а некоторое время спустя — декреты о народных судах и революционных трибуналах.

«Перед нами во весь рост стоят два наших смертельных врага, — говорил Ленин, — перед нами во всеоружии готовые растерзать революцию внешние и внутренние враги...»

Особое значение имело создание специального органа, способного вести борьбу с контрреволюцией и «отвечать на ее происки репрессией, беспощадной, немедленной...».

Необходимость образования такого органа и его задачи были определены в письме Ленина к Дзержинскому от 7 декабря 1917 года. Выступая в тот же день с докладом на заседании Совнаркома, Ф. Дзержинский говорил:

«Наша революция в опасности. Контрреволюция действует по всей стране, в разных местах, вербуя отряды... Мы должны послать на этот фронт, самый опасный и самый жестокий, решительных, твердых, преданных, на все готовых для защиты завоеваний революции товарищей».

Так 20 декабря 1917 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Во главе ее встал Ф. Дзержинский. Членами коллегии ВЧК Совнарком назначил Д. Евсеева, Н. Жиделева, И. Ксенофонтова, Я. Петерса. Позже в коллегию ВЧК в разные годы входили В. Аванесов, Г. Бокий, И. Жуков, М. Кедров, М. Лацис, В. Манцев, В. Менжинский, И. Уншлихт, С. Уралов, В. Фомин и другие.

ВЧК явилась первой исторической формой советских органов государственной безопасности.

В первые два месяца она обладала правом лишь на осуществление розыска и на производство предварительного следствия. Все возбужденные ею дела передавались на рассмотрение в ревтрибуналы. Потом полномочия ВЧК были существенно расширены.

Ленин придавал большое значение отбору руководителей ВЧК. «Сюда надо найти хорошего революционного якобинца», — говорил он, имея в виду решительность и безжалостность к врагам.

Четырнадцать месяцев спустя ЦК РКП(б) в специальном обращении к чекистам так оценивал ситуацию, возникшую в конце 1917 года:

«Борьбу с контрреволюционными элементами надо было вести самую решительную, энергичную, беспощадную, ни перед чем не останавливаясь. Судебные учреждения Советской республики решить эту задачу не могли. Необходимость особого органа беспощадной расправы признавалась всей нашей партией сверху до низу. Наша партия возложила эту задачу на ВЧК, снабдив ее чрезвычайными полномочиями и поставив в непосредственную связь с партийным центром».

ВЧК создавалась как руководящий орган борьбы с контрреволюцией и саботажем на территории всей страны.

Публикуется обращение «Ко всем Советам на местах» с призывом немедленно приступить к организации чрезвычайных комиссий.

В июле 1918 года при ВЧК и губчека были созданы железнодорожные отделы, а на крупных железнодорожных станциях, узловых пунктах, конечных пограничных станциях — железнодорожные отделения губчека.

Развертывание военных действий на фронтах Гражданской войны вело к созданию фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий. Для руководства ими при отделе по борьбе с контрреволюцией ВЧК был создан военный отдел. В соответствии с указанием Совнаркома 1—3 декабря 1918 года вместо фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий были образованы особые отделы, задача которых состояла в ведении борьбы со шпионажем и контрреволюцией в частях и учреждениях Красной Армии по всей стране.

Одним из первых шагов работы ВЧК было задержание 18 декабря нескольких членов «Союза защиты Учредительного собрания» (И. Церетели, В. Чернова, Ф. Дана, А. Гоца и других — всего 12 человек). Это задержание было произведено членом коллегии ВЧК Шукиным по ордеру, подписанному Дзержинским и Ксенофоновым.

Левые эсеры, которые входили тогда в состав Совнаркома, протестовали против этого ареста, а их представители в правительстве нарком юстиции Штейнберг и член коллегии Наркомюста Карелин, используя свое служебное положение, освободили задержанных.

В аппарате ВЧК число сотрудников тогда доходило только до 40 человек, включая шоферов и курьеров.

Арест в Левшинском переулке

В середине мая 1918 года одной из сестер милосердия Покровской общины было сделано заявление командиру латышского стрелкового полка в Кремле, что в ближайшие дни в Москве ожидается восстание и особенно жестоко будут расправляться с латышскими стрелками. Об этом ей рассказывал влюбленный в нее юнкер Иванов, находящийся на излечении в Покровской общине. Он умолял ее покинуть на это время Москву, дабы избежать неприятностей и опасности.

Этому заявлению нельзя было отказать в серьезности. Заявления передали в ВЧК. Та немедленно установила наблюдение за Ивановым и скоро обнаружила, что тот часто заходит в Малый Левшинский переулок, дом 3. Там постоянно собиралось много народу, поэтому решили произвести обыск во время одного из сборищ. В квартире было обнаружено 13 человек: Иванов, Парфенов, Сидоров, Висчинский, Голиков и другие. На столе среди прочих бумаг был найден набросок схемы построения пехотного

полка и небольшая сумма денег, от которой все отказывались. При личном обыске обнаружена программа «Союза защиты родины и свободы», перепечатанная на машинке, картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами ОК, пароль и адреса в Казани.

При допросе Иванов сознался, что он был введен в «Союз защиты родины и свободы» Сидоровым. Он же показал, что в этой организации состоят офицеры Парфенов, Сидоров, Пинка, Висчинский, Никитин, Литвиненко, Виленкин и другие.

Создателем московской организации был Пинка, он же Альфред. Адрес его был установлен при допросе, а сам он после приезда из деревни, куда ездил к родным, арестован. Пинка, в свою очередь, сознался и изъявил согласие выдать всю организацию при условии дарования ему жизни. Это ему было обещано. Тогда он показал следующее:

«Ввел меня в организацию Гоппер Карл Иванович. Наша организация придерживается союзнической ориентации, но существует еще и немецкая ориентация, с которой мы хотели установить контакт, но пока это не удалось. Эта немецкая ориентация самая опасная для Советской власти. Она имеет много чиновников в рядах советских организаций.

Во главе этой организации стоит от боевой группы генерал Довгерт. В курсе дела инженер Жилинский. По данным, исходящим из этой организации, Германия должна была оккупировать Москву в течение двух недель (к 15 июня).

В этой же организации работает князь Кропоткин, ротмистр, и полковник Генерального штаба Шкот.

Эта организация имеет связь с Мирбахом, германским послом в Москве. Она устраивает регулярно смотр своим силам, выделяя своих членов условными знаками, как-то: в шинелях нараспашку, красными значками в условленных местах и т. п. Смотр происходит на улицах и бульварах. Цель этой организации — установить неограниченную монархию. Наша организация называлась «Союзом защиты родины и свободы». Цель — установить порядок и продолжать войну с Германией.

Во главе нашей организации стоит Савинков. Он побрился, ходит в красных гетрах и в костюме защитного цвета. Начальник нашего штаба — Перхуров.

Сильное пособие мы получали от союзников. Получали в деньгах, но была обещана и реальная сила. Наши планы были таковы: при оккупации Москвы немцами уехать в Казань и ожидать там помощи союзников. Но союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально. Правительство было уже намечено во главе с Савинковым.

Цель — установить военную диктатуру.

Казанская организация насчитывает 500 человек и имеет много оружия. 29 мая отправились в Казань квартирьеры. Явиться они должны по адресу: северные номера, спросить Якобсона, от-рекомендоваться от Виктора Ивановича для связи с местной организацией.

Из политических партий к нашей организации принадлежат: народные социалисты, социал-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали даже меньшевики, но оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе.

По Милютинской, 10 живет фон дер Лауниц, он служит в Красной Армии начальником эскадрона. Он тоже состоит в организации.

Торгово-промышленные круги принадлежат к немецкой ориентации. Наш Главный штаб имеет связь с Дутовым и Деникиным, ставшим на место Корнилова. Новое донское правительство — работа Деникина.

Из адресов я знаю Виленкина, присяжного поверенного, Скартерный пер., 5а, кв. 1. С ним связь поддерживал Парфенов. Он — заведующий кавалерийскими частями.

На Левшинском, 3 был штаб полка. Право заходить туда имели только начальники и командиры батальонов. Один человек должен был знать только четырех. Все устроено строго конспиративно. Адрес Главного штаба — Остоженка, Молочный пер., дом 2, кв. 7, лечебница.

Начальник продовольственной милиции Веденников тоже состоял в организации. Через него получались оружие и документы. Цель вступления в продовольственную милицию — получить легальное существование, вооружение и документы.

Дружинники получали следующее жалованье: командиры полков и батальонов по 400, роты — 375 рублей, взвода — 350. Солдатам предлагалось выдавать 300 рублей.

Пока в составе дружины были только офицеры. В пехоте нашей числилось в Москве 400 офицеров. Сколько было кавалерии, не знаю.

Из наших людей часть работает в Кремле. По фамилиям не знаю. Один из них по виду высокого роста, брюнет, георгиевская петлица на шинели, лет 23—24, стриженные усы, без бороды.

В гостинице «Малый Париж», Остоженка, 43, можно встретить начальника штаба и тех, кто с докладом приходил. Там живет Штрейдер, офицер, принимает между 4 и 5, спросить Петра Михайловича.

В 19-й версте от Москвы по Нижегородской железной дороге имеется дача, в которую недавно переселилась одна парочка. Недалеко от дачи на железной дороге два моста, под которыми подложен динамит в целях взрыва советского поезда при эвакуации из Москвы.

Наши организации имеются в Ярославле, Рязани, Челябинске и приволжских городах. Было условлено, что японцы и союзники дойдут до линии Волги и тут укрепятся, потом продолжат войну с немцами, которые, по данным нашей разведки, в ближайшем будущем займут Москву. Отряды союзников составлялись смешанные, чтобы ни одна сторона не имела перевеса, участие должны были принимать американцы. Семеновские отряды пока действовали самостоятельно, но связь все же хотели установить».

При содействии того же Пинки были установлены казанские адреса и немедленно посланы туда уполномоченные ЧК. Воспользовавшись паролем, чекисты смогли связаться с казанским штабом и всех арестовать.

После таких реальных услуг Пинка был освобожден. Но своего обещания продолжать работать на ЧК он не сдержал и скрылся. Уже в августе напали на его след под Казанью, где он командовал белогвардейским батальоном.

На этот раз окончательно разгромить организацию не удалось. Она еще долго живет и устраивает восстания в Муроме, Рыбинске и Ярославле. Только со взятием Ярославля она перестает существовать. Большинство ее членов перекочевывает к чехословакам, а часть переходит во вновь образованную организацию «Национальный центр».

А начиналось все так. Немедленно после октябрьского переворота (которому офицерские и юнкерские силы, руководимые Александровским училищем, сопротивлялись в Москве долго и не бесславно) в Москве и в других городах России возникли во множестве тайные военные, почти исключительно офицерские организации сопротивления. В Москве их насчитывалось до десяти. Среди них были совершенно независимые организации, руководимые ранее сложившимися офицерскими союзами и обществами. Другие образовывались при политических партиях под руководством кадетов, социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков, монархистов и других.

Наконец, так как в это же время возникли политические новообразования, состоявшие из обособленных до того времени общественных групп, новообразования, ставившие себе целью борьбу с большевиками и возрождение России, некоторые офицерские элементы сгруппировались около них. Наблюдалось, таким образом, чрезвычайное дробление и распыление сил. Казалось бы, общая цель должна была объединить все усилия, направленные к ее достижению, и всех людей, любящих свою родину. Но еще были сильны и не изжиты политические секты, и потому вместо единой и мощной организации существовали разрозненные кружки. Было много попыток объединить их, но попытки кончались ничем, главным образом потому, что за дело объединения и организации

брались или люди, не обладавшие организаторским талантом, или недостаточно известные.

В это время развала и полного разброда сил прибыл в Москву с Дона Б. В. Савинков, член Гражданского совета при генерале Алексееве, с определенным поручением последнего организовать и, по возможности, объединить офицерские силы Москвы без различия партий и направлений на единой патриотической основе, а также связаться с московскими общественными элементами.

Для исполнения этого общего поручения Савинковым и основан тайный «Союз защиты родины и свободы», имевший ближайшей целью свержение большевистской власти. Момент для образования такой тайной организации был исключительно трудный. С полудюжиной людей в качестве помощников, с пятью тысячами рублей основного и организационного капитала вести серьезную работу в Москве было так же трудно, как и в песчаной пустыне. Единственным элементом, искренне и безоглядно пошедшим на зов борьбы за родину, за позабытую Россию, было все то же истерзанное, измученное и оскорбляемое русское офицерство. Организация сразу же приняла военный характер, ибо пополнялась почти одними офицерами.

Неожиданная крупная денежная помощь от Масарика позволила сразу же повести дело на широкую ногу. К середине марта удалось создать большой и сложный аппарат, работавший с точностью часового механизма.

В учреждениях штаба, начальником которого был полковник А. П. Перхуров, было занято от 150 до 200 человек. Имелись отделы формирования и вербовки новых членов, оперативный отряд и т. д. — целое сложное боевое хозяйство, подчиненное единой, приводившей его в движение и направлявшей воле.

Летом 1918 года «Союз» достиг наибольшей силы и развития, каких только можно достигнуть в условиях тайного сообщества, при наличии полицейского сыска разных «комиссий по борьбе с контрреволюцией», постоянных обысков, арестов и расстрелов.

Наступил тот психологический момент, когда организация должна была или немедленно выйти из подполья, или же начать неизбежно внутренне разлагаться. С технической стороны все обстояло прекрасно: были деньги, были люди, были возможности вложить в общее русское дело и свою долю боевого участия.

«Русские себе добра не захотят, доколе к оному силой принуждены не будут», — писал сербский ученый Юрий Крижанич о наших прадедах еще в смутные дни Московского государства.

«Союз» к этому времени обладал достаточными силами, чтобы неожиданным выступлением захватить Москву. Но после зрелых размышлений этот план был отвергнут. Выступать в Москве — значило заранее обречь все предприятие на неудачу, захватить наи-

более важные стратегические пункты страны, арестовать Совет Народных Комиссаров и т. д. не представляло особых трудностей. Но, захватив город, нужно еще было в нем суметь продержаться; сделавшись хозяевами положения в центре с миллионным населением, нужно было взять на себя обязательство прокормить все эти сотни тысяч голодных ртов. Первое было чрезвычайно трудно ввиду присутствия в Москве значительного числа организованных и вооруженных германских военнопленных, негласно находящихся под командой германских офицеров, и особенно ввиду возможности немедленного движения на Москву регулярных германских войск с германо-большевистского фронта.

Второе представлялось почти невозможным из-за полного развала транспорта и разгрома большевиками всех продовольственных и общественных организаций. Новая власть не смогла бы удовлетворить связанные с нею надежды населения на улучшение жизни и тем самым опорочила бы то дело, во имя которого был бы произведен переворот.

Штабом организации был разработан и принят план захвата Казани. К выполнению этого плана и свелась работа организации: были намечены воинские части для эвакуации, определены пункты предварительной незаметной их концентрации, посланы квартирьеры и т. д.

Но в самый разгар подготовительной работы произошло то, что очень часто разрушает во всякого рода тайных сообществах самые строго и тщательно обдуманные планы: на квартире у командира одного из полков, вследствие его собственной неосторожности, внезапно провели обыск. Были найдены документы, указывающие на существование «Союза» и его цели, и, что всего важнее, был найден план эвакуации штаба в Казань, открывший советским властям не только готовившийся против них заговор, но и место его выполнения.

Но центр организации уцелел и продолжил работу по созданию нового плана восстания. Время для этого было самое выгодное. Чехословаки подняли мятеж, под руководством правых эсеров обосновались в Самаре и стали распространяться на восток и вверх по Волге. Под Архангельском началось наступление союзников. Поднявшие восстание не очутились бы в одиночестве: и с Приволжья, и с Севера им протянулась бы рука помощи союзников. Рассчитывая на это, они рискнули и подняли целый ряд восстаний в Муроме, Рыбинске, Елатье и Ярославле.

В ночь на 6 июля Ярославль был захвачен отрядом полковника Перхурова, начальника штаба «Союза защиты родины и свободы», и удерживался им в течение 17 дней. Напомним, почему Ярославль не получил помощи и был предоставлен самому себе. Весь план восстания был основан на захвате Рыбинска и находящихся в нем ог-

ромных артиллерийских запасов. Ярославское и рыбинское выступление организационно были связаны одно с другим и одно без другого теряли самостоятельное значение. Но выступление в Рыбинске потерпело неудачу. Один из членов местной организации выдал план восстания большевикам, пришедшие ночью к артиллерийским складам отряды попали в засаду. Часть складов была все-таки захвачена, но после нескольких часов ожесточенного боя восставшим пришлось отступить. Рыбинск остался в руках большевиков, и тем предрешена была судьба не получившего снарядов Ярославля.

Восстание в городе Елатье Тамбовской губернии произошло в начале 1918 года. Оно относится еще к числу тех многочисленных, организационно не связанных всплесков, которые были так часты в то время. Дружина, организованная в Елатье в конце сентября 1917 года исключительно для охраны порядка в городе, становится вооруженной организацией благодаря разгрому арсенала и начинает действовать против только что образовавшейся уездной советской власти.

К этому времени в город переехали на постоянное жительство уездные помещики. Они, действуя именем и авторитетом дружины, совершают экспедиции в уезд, вывозят из имений инвентарь и т. п. Город в лице городской думы не принимает никаких мер к пресечению этих действий. На ультимативное требование Советской власти выдать бывших помещиков и начальника районной милиции городская дума отвечает отказом. В выборах уездного совета город все-таки отказывается принимать участие. Городская дума не выступала бы так открыто, если бы не чувствовала, что за ней стоит определенная реальная сила в лице городской дружины.

В результате ЧК арестовала чуть ли не треть населения Елатьи.

Графини или бандитки?

О сыске, производимом ВЧК в то время, можно узнать, просмотрев газеты и документы того времени.

Сообщение газеты «Известия» о разоблачении «контрреволюционной организации, снабжавшей деньгами и людьми банды Корнилова и Каледина»

28 апреля 1918 г.

Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией закончено следствие по делу о контрреволюционной деятельности организации, в которой принимал участие ряд лиц, поставивших себе, по-видимому, целью содействие всеми способами усилению контрреволюционных сил в стране и, главным об-

разом, снабжение материальными средствами и людским составом банды Корнилова и Каледина на Дону. В числе обвиняемых по делу лиц привлекаются американский подданный Бари, бывшие офицеры Громов, Кривошеин, графиня Н., приват-доцент Московского университета Ильин, Халафов и др.

Согласно данным, добытым следствием, исключительную роль в контрреволюционной организации играл В. А. Бари, который был арестован по ордеру чрезвычайной комиссии 14 апреля в Москве. От него протягивались различные нити, связывающие его деятельность с рядом других лиц.

Найденная при обыске у Бари переписка и счета на уплату денег ударникам и офицерам обнаруживают, что организация работала интенсивно, приобретала известность и авторитетность среди элементов, настроенных контрреволюционно. Данные следствия указывают, что главное направление, в котором развивалась деятельность Бари, было снабжение офицеров, желающих ехать на Дон к Каледину, деньгами. В этом же направлении действует и другое лицо — графиня Н., снабжающая путешественников довольствием на дорогу и помогающая в то же время материально пострадавшим после октябрьского переворота контрреволюционерам.

Из Москвы организация протягивала нити для сношения с провинцией. Там на местах везде готовилась почва для создания оплота контрреволюции. Капитан Кривошеин едет от Бари с поручением в Тамбов для передачи денег офицерам ударного батальона. Средства тратятся большие; в найденных счетах у Бари отмечено существование большого прихода: по-видимому, пожертвования от лиц, скрытых инициалами. Специальное лицо занято формированием значительного отряда в 1500 человек для отправки его под видом красногвардейцев в распоряжение генерала Алексеева. Это лицо, как устанавливает следствие, имеет связь с Савинковым. Графиня Н. приобретает обмундирование в тысячу пар сапог, получая у Бари деньги. Крупные суммы выдаются прапорщику Халафову и другим лицам. Есть указания на существование конспиративного «кабинета воссоздания России». Найденны планы с изображением расположения улиц некоторых районов Москвы с условными обозначениями на плане.

Наименование организации скрыто в следующих инициалах: ЦК БОО.

Из объявления ВЧК о борьбе с бандитизмом

18 мая 1918 г.

Поставив себе задачей очищение Москвы и ее окрестностей от преступного элемента, Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией решила в планомерных облавах захва-

тить всех рыцарей уголовного мира. Для этой цели был использован боевой отряд ВЧК, и в ночь на 15 мая был оцеплен район Верхней и Нижней Масловки.

Между прочим, был захвачен ряд бандитов, терроризировавших Москву дерзкими нападениями. По производству дознаний выяснилось, что задержанные являются участниками ограбления военно-промышленного комитета по М. Дмитровке, где налетчиками захвачено было 250 тысяч рублей. Та же шайка ограбила кооператив Земского союза в Лебязьем переулке на 196 тысяч рублей. Ею же совершен дерзкий набег на контору братьев Бландовых на Варварской площади, где взято свыше 40 тысяч рублей.

Членами этой шайки совершен ряд других грабежей на сравнительно меньшие суммы. Банда, захваченная в ночь с 14 на 15 мая, обладала обильным боевым снаряжением (винтовки, револьверы, бомбы) и отличалась широкой предприимчивостью...

При обыске у некоторых бандитов, между прочим, найдены трубки с хлороформом. Дознанием установлен длинный перечень притонов, укрывающих бандитов, для поимки которых приняты соответствующие меры. На месте преступления пойманы и после допроса расстреляны следующие бандиты (следует список).

Объявление организационного бюро о созыве Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией

30 мая 1918 г.

Происшедшие события на Украине усилили и укрепили российскую контрреволюцию и спекуляцию.

Контрреволюционеры, спекулянты, жулики разного рода, пробравшиеся в советские учреждения, за последнее время действуют самым беспощадным и наглым образом, что при обостренном продовольственном кризисе, хозяйственной и железнодорожной разрухе, с одной стороны, и желании и необходимости справиться с этим голодом и разрухой со стороны Советской власти — с другой, диктует необходимость создания при Советской власти на всем пространстве Советской России сильных, специально приспособленных органов борьбы, которые повсеместно, в тесном контакте могли бы вести самую беспощадную борьбу со всеми врагами Советской власти.

Принимая все это во внимание, Всероссийская чрезвычайная комиссия наметила план организации таких боевых органов при Советах, каковыми должны явиться повсеместно чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Для этого ею созывается на 10 июня с. г. Всероссийская конференция всех существующих при областных и губернских Совдепах чрез-

вычайных комиссий. Там, где еще таковых нет, Совдепы должны немедленно приступить к их организации, там же, где к этому времени таковые комиссии не успеют сформироваться, должны представителей прислать Совдепы. Норма представительства — по 2 человека от каждой комиссии или Совдепа. Порядок дня:

1. Отчет ВЧК. (Общее заседание).

2. Выработка конструкции чрезвычайных комиссий — сюда входит: общее строение комиссии, органов борьбы от всероссийского до волостного, порядок подчинения и контроля. (Секция).

3. Меры борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, очищение советских организаций от примазавшихся элементов и борьба с бандитизмом и контрреволюционной печатью. (Общее заседание).

4. Постановка разведки. (Секция. Общее заседание).

5. Постановка делопроизводства и ведение дел. (Секция).

6. Финансовый вопрос.

7. Организация вооруженной силы.

8. Организация информации и связи.

9. Создание печатного органа чрезвычайных комиссий.

На конференции должны быть следующие секции: а) организационная, б) по организации разведки, в) общая.

Делегатами могут быть только коммунисты (большевики) и левые социалисты-революционеры.

Все делегаты должны привезти с собой письменные доклады по контрреволюции, спекуляции и преступлениям по должности Советских властей.

Высшая мера — расстрел

Сообщение ВЧК об аресте священников

2 июня 1918 г.

Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем накрыта компания попов, занимающихся темными делами.

Комиссар Всероссийской чрезвычайной комиссии, явившись для обыска на квартиру известного миссионера-священника Восторгова, застал компанию за бутылкой коньяка. На столе лежала кучка золотых крестов, ожерелья, брошки, ордена и другие золотые вещи. В квартире Восторгова оказался епископ Ефрем, который за свою черносотенную агитацию был арестован Забайкальским Советом и выслан в Петербург в распоряжение чрезвычайной комиссии. Чрезвычайная комиссия освободила тогда епископа, взяв с него слово, что он не будет заниматься политикой. За бутылкой

коньяка оказался священник Карнеев, редактор черносотенного журнала «Церковность», бывший присяжный поверенный Крутицкий и петербургский купец 1-й гильдии Погарев.

Выпивка происходила по случаю незаконной продажи миссионерского дома на Неглинном проспекте. Отец Восторгов, запродав ранее дом некоему Когану, пытался продать его вторично Погареву. Продажа состоялась с благословения патриарха Тихона.

У священника Восторгова найдено 2 револьвера, а священник Карнеев бросил во время обыска свой револьвер в помойное ведро. Выяснилось, что Восторгов торговал золотыми наперсными крестами. Кроме того, установлена связь этой компании с Тобольском. Сердобольные попы хотели переслать значительные суммы Николаю Романову.

Сообщение ВЧК о расстреле за государственную измену А. А. и В. А. Череп-Спиридовичей

2 июня 1918 г.

По постановлению Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией от 31 мая 1918 года расстреляны за государственную измену и незаконную сделку по продаже акций на 5 миллионов Александр Артурович и Владимир Артурович Череп-Спиридовичи, бывшие офицеры лейб-гвардии Семеновского полка и директора правления Веселянских рудников и «Чистяково-антрацит», а также их комиссионер и биржевой маклер Борис Сергеевич Берлисон.

Из приговора военной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК по делу одного из организаторов Ярославского мятежа в июле 1918 г. А. П. Перхурова

19 июля 1922 г.

Перхуров Александр Петрович, бывший генерал-майор, вступив в марте месяце 1918 года в контрреволюционную организацию, именовавшуюся «Союзом защиты родины и свободы», во главе которой стоял Б.Савинков, и состоя начальником центрального штаба Союза, являлся активным руководителем и организатором в контрреволюционных целях в ряде городов Советской республики вооруженных восстаний, направленных к свержению рабоче-крестьянских Советов и рабоче-крестьянского правительства, в осуществлении чего он, Перхуров:

1) через члена центрального штаба Дихгоф-Деренталя вошел в сношение с представителями иностранных государств, в частности, с представителем Франции Нулансом и представителем чехословаков Масариком, склоняя их на вооруженное нападение

на территорию РСФСР, и получал от них денежные средства на организацию восстаний внутри республики, т. е. совершил деяние, предусмотренное ст. 59 Уголовного кодекса;

2) находясь в должности начальника штаба центральной организации «Союза защиты родины и свободы», объединял и руководил деятельностью местных организаций Союза в городах Ярославле, Рыбинске, Муроме, Калуге и других, поддерживая с ними связь и снабжая их оружием, деньгами и людьми.

В целях идейного объединения местных организаций выработал и распространил программу организации, в которой ближайшей задачей поставил свержение существующего правительства и организацию твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России, воссоздание старой армии с восстановлением прав старого командного состава с целью продолжения войны с Германией, опираясь на помощь союзников, т. е. совершил преступное деяние, предусмотренное ст. 58 Уголовного кодекса;

3) разработав план вооруженного восстания в г. Ярославле и удерживая его в течение двух недель, встав во главе его, лично руководил захватом артиллерийского склада и разоружением воинских частей в ночь на 6 июля 1918 года, и, опираясь на вооруженную силу из бывших офицеров, учащейся молодежи и городской интеллигенции, захватил в свои руки г. Ярославль, обрекая город всем ужасам осажденной крепости, следствием чего была гибель многих сотен граждан и полное разрушение одной части города, и, войдя в тесную связь с местными лидерами РСДРП (меньшевиков) в лице Дюшен, Богданова и Савинкова и с местным эсером Мамыриным, выпустил к населению г. Ярославля и губернии постановление об упразднении всех органов и постановлений Советской власти, как центральной, так и местной, а также и постановления Временного правительства об организации земельных комитетов, губернских и уездных комиссаров и о восстановлении губернских и уездных земств, городских управ, волостных старшин, уездных начальников, стражников, окружных судов и пр.; в частности, в осуществление этого назначил городскую управу г. Ярославля во главе с городским головой домовладельцем Лопатиным, бывшим в этой должности до февральской революции, членом партии кадетов, в составе членов управы Горелова (кадета), купцов Каюкова и Кузнецова, присяжного поверенного Мешковского (меньшевика), Соболева, бывшего члена управы до февральской революции, и, включив в нее рабочего-меньшевика Абрамова, совершил деяние, предусмотренное ст. 58, ч. 1 Уголовного кодекса;

4) в первый же день восстания допустил убийство окружного военного комиссара т. Нахимсона и председателя городского Сове-

та т. Закгейма и, произведя массовые аресты граждан г. Ярославля по подозрению в сочувствии Советской власти, посадив их в количестве нескольких сот человек на баржу и поставив эту баржу посреди реки Волга, тем самым обрек на мучения и голодную смерть сотни арестованных, находившихся там в течение 13 дней, т. е. совершил деяния, предусмотренное ст. 58, ч. 1 Уголовного кодекса;

5) видя бесцельность затеянной авантюры, опасаясь возмездия и не получив обещанной поддержки из Рыбинска от находившегося там Савинкова и не дождавшись помощи от ожидавшегося десанта союзников в Архангельске, Перхуров вместе со своим начальником штаба генералом Афанасьевым и рядом своих ближайших помощников бежал 17 июля под видом вылазки из Ярославля и, добравшись до Казани, в то время уже захваченной чехословаками, принял активное участие в обороне города от Красной Армии, получив назначение начальника боевого участка, в каковой должности оставался до отхода из Казани белочехов, т. е. совершил деяние, предусмотренное ст. 60 Уголовного кодекса;

6) с сентября 1918 по март 1920 года продолжал вооруженную борьбу с Советской властью, занимая ответственные командные должности в рядах так называемой народной армии, а в дальнейшем в армии адмирала Колчака, состоя командиром отдельной Казанской бригады и начальником отдельных партизанских отрядов, действующих в тылу Красной Армии и Сибири, т. е. совершил деяние, предусмотренное ст. 60 Уголовного кодекса;

7) скрыв свое участие в организации мятежа от органов Советской власти и будучи принят на службу в штаб ПРИУРВО, принял в мае 1921 года через подполковника Голованенко, бывшего офицера армии Колчака, предложение вступить в контрреволюционную организацию, имевшую своей задачей, опираясь на находившиеся в районе Екатеринбургской губернии банды, поднять вооруженное восстание в целях свержения Советской власти, т. е. совершил деяние, предусмотренное ст. 60 Уголовного кодекса...

На основании вышеизложенного... Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК приговорила: Перхурова Александра Петровича, 46 лет, бывшего генерал-майора, окончившего академию Генерального штаба, потомственного дворянина Тверской губернии, на основании ч. 1-й 58, 59 и 60 ст. Уголовного кодекса, подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять...

Сообщение газеты «Известия» о деятельности Курской чрезвычайной комиссии

2 августа 1918 г.

В Курске всякие контрреволюционные явления подавляются в корне. В связи с агитацией социал-предателей были произведе-

ны обыски и аресты. Бывшие офицеры и военные чиновники взяты на учет. Запрещено ношение и хранение всякого оружия и взрывчатых веществ без разрешения комиссии.

Комиссия объявила беспощадную войну спекулянтам и мародерам. Ей удалось раскрыть и уничтожить крупные спекулятивные махинации; была раскрыта «панама» сахарозаводчиков, которые производили постный сахар и продавали по спекулятивным ценам. Недалеко от Курска существуют сахарные заводы, на них спекулянты добывали сахар и гужом доставляли в города, где и продавали по 180—240 рублей за пуд. На заводах комиссия конфисковала до тысячи пудов сахара. Спекулянты арестованы и предаются суду. «Панама» раскрыта и с кожаненными товарами.

По своему теперешнему положению Курская губерния находится «на границе», это осложняет работу комиссии. На станциях Желабовка и Беленихино учреждены пограничные чрезвычайные комиссии.

Из сообщения газеты «Известия» о контрреволюционной деятельности священников во главе с митрополитом

8 августа 1918 г.

Как ни стараются контрреволюционеры, им все никак не создать лозунгов, способных объединить массы против советской позиции.

Затасканные патриотические лозунги «Союза русского народа» разбиты окончательно ходом мировой бойни, доказавшей, что для буржуазии нет отечества, если дело касается интересов кармана, и у контрреволюционеров ныне остается только один путь — это использование религиозного чувства несознательных масс.

На этот путь контрреволюция теперь и становится. Эту последнюю лазейку первыми открыли кадеты, решившие ввести в ряды православной церкви «государственную организацию» для обработки широких масс. Об этом есть документы в деле Самарина и в особенности в деле «Союза спасения родины и свободы».

Московская уездная чрезвычайная комиссия раскрыла новое дело, на этот раз монашеского духовенства, дело, чрезвычайно ярко подтверждающее наше априорное положение.

Вот с чего началось это дело.

Представители Люберецкого районного Совдепа явились в Николо-Угрешский монастырь и потребовали предоставления в порядке конской мобилизации имеющихся в монастыре лошадей для нужд военного комиссариата. Принявший представителей Советской власти настоятель монастыря вызывающе заявил, что «вашей Советской власти не признаю, а поэтому делайте все, что хотите, грабьте без моего согласия». При этом игумен заявил, что

он даже не желает входить в обсуждение этого вопроса. Представители Советской власти направились к митрополиту Макарию, проживавшему в этом монастыре. Митрополит выслушал требование о подчинении декрету и попросил подождать ответа полчаса. А в это время, как пишет в докладе представитель Совета, монахи послали гонцов к окрестным крестьянам, чтобы натравить их на представителей Советской власти. Эти гонцы уверили крестьян, что большевики грабят монастырь, убивают духовенство и т. п.

Собралась толпа крестьян, преимущественно кулаков, пригородных огородников, и, возбуждаемая подозрительными личностями, проживавшими в монастырской гостинице, избила представителя Совета, а личности из монастырской гостиницы все время подзадоривали толпу, крича: «Смерть большевикам!»

Убийство было предупреждено самоотверженным выступлением крестьянина Гусева, разъяснившего толпе, что сначала необходимо подробно разобрать все дело. Представитель Советской власти был заключен в пожарный сарай, где и просидел несколько часов, пока не пришла окрестная деревенская беднота и не освободила заключенного.

Тем временем монахи, как будто ничего не случилось, явились в Люберецкий Совдеп и возбудили ходатайство об оставлении всех лошадей при монастыре, уверяя, что «лошади никуда не годятся». Когда им было отказано, они вызывающе заявили, что будут жаловаться.

Уездная чрезвычайная комиссия, получив донесение о всем происшедшем в монастыре, обратила на это особое внимание. Она установила, что в монастырской гостинице приютилось много белогвардейских элементов из г. Москвы, которые развивают, прикрываясь религией, энергичную противосоветскую пропаганду среди местных крестьян.

Кроме того, установлено, что покои митрополита Макария — скрытый штаб черносотенцев, откуда исходят черносотенные листовки, проекты, воззвания и пр.

Уездная ЧК постановила произвести в монастыре обыск. Обыск начался с покоев самого митрополита Макария, во время которого обнаружено много документов, свидетельствующих о его контрреволюционной деятельности.

На письменном столе найдено только что составленное воззвание к православному русскому народу по поводу смерти Николая II...

Другие документы, так сказать, организационного характера.

В этом штабе разрабатывались проекты различных православных организаций для объединения на религиозной платформе с целью противосоветского переворота. Найден проект организации государственной власти и государственного строя путем со-

здания специально для этой цели союза приходских общин, подписанный ИК Всероссийского совета приходских общин.

Пункт 1 этого проекта гласит, что все выборы и всякое представительство в России должны осуществляться через приходские общины, чтобы таким образом создать действительную, могущественную и единую власть в стране, каковой может быть только власть, опирающаяся на религиозное чувство масс.

Этот ИК подготавливал Всероссийский съезд приходских общин для разрешения вопросов о спасении родины, о борьбе с врагом как в тылу, так и на фронте, об организации новой государственной власти, об окончательном устройении Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Всероссийского совета приходских общин.

При этом архипастьрям предлагалось создавать такие приходские общины и приступить к немедленной активной работе по подготовке масс. Это циркулярное обращение было подписано председателем В. Полянским, непременным членом Н. Веригиным и членом предсоборного совета А. Попковым.

В дальнейшем из найденных документов выяснилось, что митрополит Макарий состоит почетным членом Московского общества военной агитации по укреплению православной веры в России.

Найден также ряд воззваний этого определенно контрреволюционного общества, подписанный председателем М. Соломянским.

В воззвании самого митрополита Макария к православному русскому народу по поводу прославления памяти патриарха Гермогена народ призывается «восстать на защиту святой церкви от насилия большевиков...».

Из документов, найденных в покоях настоятеля, обращает на себя внимание устав этого общества военной агитации, а также программа и устав «Крестьянской социалистической партии».

Эта партия стремится на религиозной платформе поднять массы против Советской власти, выдвигая меньшевистско-эсеровские лозунги защиты пресловутой «учредилки» и христианского смирения перед буржуазией.

Из бумаг видно, что председателем этой партии является «рабочий» Ф. И. Жилкин и вторым председателем — И. И. Глазунов.

Имеется затем устав серафимовского религиозного общества, организованного для религиозно-политической агитации в массах.

Весьма характерно, что по уставу членами этого общества могли быть лица, внесшие не менее 5 тысяч рублей.

Основатель этого общества — Ф. В. Порохов. Общество хотело создать собственную типографию для печатания листовок и воззваний.

Анархисты переходят в наступление

Отчет МЧК о раскрытии заговора анархистского подполья

28 декабря 1919 г.

25 сентября была брошена бомба на собрании ответственных работников Московской организации РКП, которое происходило в помещении Московского комитета РКП. На этом собрании должен был быть сделан доклад о раскрытом тогда белогвардейском заговоре, с тем чтобы товарищи, приглашенные на это собрание, ознакомились с материалами по заговору и смогли использовать их в своих выступлениях на ближайших митингах в пятницу, где они должны были указать рабочим массам на всю серьезность белогвардейской опасности и призвать рабочих к организованному отпору белогвардейским заговорщикам.

И вот в этот момент в наших товарищей, среди которых было большинство представителей рабочих районов, была кем-то брошена бомба. Ясно, что в первый момент большинство товарищей, в том числе и мы в ЧК, были убеждены в том, что бомба брошена кем-либо из уцелевшей от арестов белогвардейской сволочи. Появившееся вскоре после этого где-то нелегально напечатанное «Извещение» за подписью «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан» не разрушило этого убеждения. Ибо по своему содержанию оно как раз играло на руку белой реакции, которая в это время предприняла так позорно для нее окончившееся наступление на фронтах против красной рабоче-крестьянской России.

В этом «Извещении» была написана явная ложь о целях собрания, так как там было написано буквально следующее:

«Вечером 25 сентября на собрании большевиков в Московском комитете обсуждался вопрос о мерах борьбы с бунтующим народом. (Это в то время, как мы громили реакцию в тылу и все силы бросали на фронт.) Властители-большевики все в один голос высказывались на заседании о принятии самых крайних мер для борьбы с восстающими рабочими, крестьянами, красноармейцами, анархистами и левыми эсерами, вплоть до введения в Москве чрезвычайного положения с массовыми расстрелами. (Это в то время, как нами расстреливались белогвардейские заговорщики, а все крестьяне и рабочие единодушно кровью решили защищать Советскую Россию в тылу и на фронте.)» Далее в этом «Извещении» рабочие и крестьяне призывались к немедленному восстанию против Советской власти. Заканчивалось «Извещение» угрозами («динамиту и бомб хватит») по отношению к рабоче-крестьянской власти.

Все это, написанное в тот момент, когда Советская Россия напирала все силы на отпор врагу на фронтах и на разгром реакции в тылу, еще больше укрепило в нас убеждение, что террористические акты совершаются и подметные листки печатаются белыми.

Но 2 октября была задержана в поезде около Брянска неизвестная женщина, которая оказалась членом конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» Софией Каплун и была командирована организацией из Москвы для работы в тылу Деникина. При ней было найдено письмо вождя украинского «Набата» Барона, в котором он, между прочим, писал: «Теперь Москва начеку: пару дней тому назад местный комитет большевиков взорван бомбой, погибло больше десятка, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человечек, мнящий себя новым Наполеоном». И дальше: «Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они».

И вот только после этого стало очевидным, что наше прежнее предположение о виновниках взрыва ошибочно, что белые получили неожиданную поддержку со стороны тех, которые мнят себя архиревolucionерами, — со стороны анархистов.

Московская чрезвычайная комиссия имела теперь нить, по которой она должна была, употребив все усилия, дойти до раскрытия истинных виновников взрыва. Произведенные аресты Барона, некоторых московских анархистов и приехавших с Украины не дали практических результатов. Стало ясно лишь одно, что так называемые «легальные» анархисты знают участников взрыва и организации анархистов подполья и своим молчанием покрывают их.

«Легальными» анархистами, арестованными МЧК, была проделана комедия с выбором из своей среды следственной комиссии якобы для раскрытия, а на самом деле для заметания следов и затруднения работы ЧК. В это время анархисты подполья выпускают первый номер своей газеты «Анархия», и затем в течение двух недель ими выпускаются «Декларация анархистов подполья», второй номер «Анархии», которые напечатаны в нелегальной типографии (как нами установлено позже), листок «Медлить нельзя», который напечатан в советской типографии.

Во всей этой «литературе» анархисты беззастенчиво клеветают на Советскую власть и ведут чисто белогвардейскую агитацию, призывая к восстаниям, в то время как Красная Армия героически сражалась на юге против наседавших на нее деникинских банд. Тогда МЧК обратила внимание на то, что за последнее время с политического горизонта исчезли некоторые анархисты, с которыми ЧК имела дело раньше, в 1918 году, во время разоружения анархистов в Москве, во время расследования ограбления

«Центротекстиля», а также члены «Союза анархистской молодежи», которые были в июне арестованы ЧК на их съезде, а затем отпущены.

Соответствующие «дела» были взяты из архива и отданы в разработку нашей секретной разведке. К концу октября ей удалось установить, что в квартире, занимаемой в прошлом году «известной» по Украине Марией Никифоровой, проживают теперь также анархисты, которые, по установленному за ними наблюдению, безусловно, вели в Москве нелегальную работу. Был произведен внезапный обыск и оставлена в квартире засада, между которой и пришедшим на эту квартиру неизвестным произошла перестрелка, во время которой неизвестный был убит, а один из наших комиссаров был им ранен. При неизвестном были найдены револьвер «браунинг», из которого он отстреливался, фальшивые документы и черновики обращения за подписью московской организации левых эсеров, по содержанию почти совершенно сходного с вышецитированным «Извещением». Неизвестным также была брошена бомба, к счастью, не разорвавшаяся. Двое других неизвестных — мужчина и женщина (жившие в этой квартире) — воспользовались суматохой и скрылись.

По имевшимся в МЧК фотографиям раньше арестованных анархистов по делу об ограблении «Центротекстиля» было установлено, что убитый неизвестный — некто Казимир Ковалевич, бывший служащий Московско-Курской железной дороги. Он являлся идейным вождем организации анархистов подполья.

В ближайшие дни было установлено, что проживающий недавно на упомянутой квартире некто Александр Восходов проживает в данное время в Москве в другой квартире. 3 ноября МЧК там был произведен обыск и оставлена засада, которой удалось арестовать целый ряд членов организации анархистов подполья. Как в квартире, так и у задержанных засадой был обнаружен богатейший материал, который дал возможность МЧК в 2—3 дня установить вполне организацию подпольщиков и ликвидировать ее. Найдены были списки адресов некоторых членов организации, приодно-расходная запись и пр.

Между прочим, были найдены инструменты для взлома нестругаемых шкафов, бомбы, револьверы и пр. По этим данным были произведены аресты боевиков, причём почти ни один из них не сдавался без сопротивления, имея при себе и бомбы, и по нескольку револьверов. В это время был убит один из виднейших организаторов анархистов подполья — Петр Соболев, непосредственный участник взрыва Московского комитета РКП, тот, который бросал бомбу. Убит он был в перестрелке с двумя комиссарами МЧК, во время которой один комиссар

был им ранен тремя пулями в грудь. При нем найдены три револьвера и записная книжка, записи в которой устанавливают получение награбленных денег виднейшими членами партии левых эсеров и тесную связь вообще всей партии с анархистами подполья. Петром Соболевым во время перестрелки была брошена бомба, которая не взорвалась (бомба случайно попала в портфель товарища комиссара, который зажал ее там). Имевшимся у него в другой руке револьвером он застрелил Петра Соболева.

Во время этих арестов были также задержаны и другие участники взрыва Московского комитета РКП, в том числе один «левый» эсер Федор Николаев (Федька-боевик).

Тогда же была обнаружена связь эсеров-максималистов с организацией анархистов подполья (об этом уже сообщалось нами в «Известиях ВЦИК») и арестован ряд боевиков эсеров-максималистов, участвовавших совместно с анархистами-боевиками и левыми эсерами (которые также арестованы) в целом ряде ограблений советских учреждений в Москве и вне ее.

В эти же дни были установлены легальные типографии, где подпольщики печатали некоторые из своих листков, и арестованы лица, печатавшие их, среди них член московской организации меньшевиков, наборщик типографии Наркомпути, член партии меньшевиков с 1912 года, а с 1906 по 1912 год член партии эсеров Молчанов. Он во всем сознался. В своих показаниях он, между прочим, говорит, что «совершил этот гнусный поступок по недомыслию» (его подлинное выражение). Но Московской чрезвычайной комиссией еще не были открыты ни нелегальная типография, в которой подпольщики печатали свои произведения, ни место, где ими заготавливались бомбы и адские машины и был склад оружия и огнестрельных припасов.

В то же время в МЧК имелись определенные указания, что к октябрьской годовщине, которая наступала через день-два, анархисты подполья готовили ряд покушений и для этого свозили в Москву динамит и пр. Необходимо было найти это и устранить для московского пролетариата всякую опасность.

И вот за день до годовщины МЧК установила, что анархистами подполья была месяца полтора-два тому назад снята дача в дачном поселке Красково, верстах в 25 от Москвы. Немедленно туда был послан отряд в 30 человек, который рано утром оцепил дачу Горина. Бывшие в ней анархисты (шесть человек) встретили прибывших залпами из револьверов и ручными гранатами. Ими было брошено больше десятка бомб. Перестрелка продолжалась около 2,5 часов. Затем анархисты зажгли адскую машину и взорвали дачу. Сила взрыва была громадна, дача целиком была поднята на воздух, затем она загорелась, и почти во

все время пожара (часа 4) происходили взрывы взрывчатых материалов, находившихся на даче, поэтому мер к тушению пожара принять было невозможно. На месте пожарища были обнаружены трупы, остатки типографского станка (вал, рама и пр.), две невзорвавшиеся адские машины (жестяные бидоны, наполненные пироксилином), оболочки бомб, револьверы и пр. Типография и лаборатория бомб анархистов были здесь уничтожены.

Московский пролетариат мог спокойно праздновать октябрьскую годовщину.

Отряд МЧК, несмотря на то, что перестрелка происходила почти вплотную (на расстоянии 10—30 шагов) и люди отряда были вооружены только револьверами и карабинами, не потерял ни одного человека по причине того, что дача была окружена густым сосновым лесом. Затем случайно в дачной местности Одинцово был обнаружен склад динамита, который был брошен подпольщиками в силу разгрома их организации МЧК.

Но, кроме организации в Москве, анархисты имели ряд агентств и организаций и в других городах России. МЧК предпринял ряд мер для ликвидации этих организаций. На днях получено известие от наших товарищей, посланных в Самару, что там ими ликвидирована также организация подпольщиков, причем взяты 4 пулемета, 18 пулеметных лент, 10 ящиков ручных гранат, ящик капсюлей и пр., и арестованы известные боевики-экспроприаторы.

Сообщение газеты «Известия» об аресте правых эсеров

30 декабря 1919 г.

В ночь на 28 декабря ВЧК был произведен ряд арестов среди правых эсеров. Арестован ряд членов ЦК, в том числе Алексеев, Агатов, Ратнер и много других видных деятелей партии. У них обнаружен склад фальшивых документов, штампов и печатей советских учреждений. Имеются даже грифы подписей секретарей ВЦИК. Там же обнаружена печать бюро ЦК правых эсеров, бюро Московского комитета партии эсеров и московского областного комитета партии эсеров.

ВЧК удалось нанести решительный удар партии правых эсеров, работающей нелегально и направляющей свою деятельность к свержению Советской власти. Найден новый ряд материалов, который еще не разобран и о котором сведения будут даны дополнительно. Установлена связь правых эсеров с действующими в Тамбовской губернии отрядами дезертиров и бандитов, портящих железнодорожные пути в тылу Красной Армии.

ВЧК против эсеров

Из доклада ВЧК о раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против Советской власти в мае—июне 1921 года

24 июля 1921 г.

Петроградский заговор. В начале июня месяца с. г. Петроградской губернской чрезвычайной комиссией раскрыт и ликвидирован крупный заговор, готовивший вооруженное восстание против Советской власти в Петрограде, Северной и Северо-Западной областях республики.

Арестованы сотни членов объединенных боевых и террористических организаций, обнаружены штабные квартиры, найдены динамит, оружие, тайная типография, отобрана уличающая переписка.

Из обнаруженных документов и показаний арестованных установлено следующее: раскрытая организация называлась «Областным комитетом союза освобождения России», последний объединял ряд организаций: «Боевой комитет», «Народный комитет восстания», «Петроградскую народную боевую организацию», «Объединенную организацию» и пр. Установлены члены «Областного комитета».

Главарь заговора:

1) глава организации — Таганцев Владимир Николаевич, профессор-географ, бывший помещик, принявший участие в раскрытом в Петрограде в ноябре 1919 года заговоре, организованном английским шпионом Полем Дюксом; 2) Орловский В. И., руководивший террористической секцией организации.

Раскрытая организация через своих ответственных курьеров находилась в постоянных сношениях с финской контрразведкой, с американской, английской и французской разведывательными организациями в Финляндии. Многие члены организации состояли также на службе контрразведок финской (Орловский, Пасков), английской (Вилькен, Соколов), французской (Пермин), американской (Никольский, Рабен, Старк). Видный член организации Ю. П. Герман (кличка Голубь) состоял одновременно на службе финской и французской разведок.

Все эти разведывательные организации вербовали через бывшего председателя кронштадтского мятежного ревкома Петриченко содержащихся на форте Ино в Финляндии военных моряков, бежавших из Кронштадта, и направляли их в Петроград. В Петрограде завербованные моряки вступали в так называемую «Объединенную организацию крон-моряков», возглавлявшуюся участником кронштадтского восстания Комаровым, квартира которого считалась штабной. Организация Комарова входила в «Со-

юз освобождения России». При обыске у Комарова найдены динамит, типография и бланки названной организации.

Организация «Союз освобождения» была разбита на районы; начальники районов поддерживали связь со своими ячейками на фабрично-заводских предприятиях и в советских учреждениях; организаторами районов были бывшие моряки. Курьеры разведывательных организаций при выезде из Финляндии в Россию снабжались оружием и документами 3-го минно-подрывного дивизиона в Петрограде (адъютант дивизиона Роопп, выдававший документы, арестован) и воздушной обороны Петрограда.

Цели заговорщиков и средства борьбы. Ближайшей целью организации, по показанию Таганцева, была «подготовка людей для переворота, постепенно подготавливая почву для сближения между культурными слоями и массами». По показанию того же Таганцева, в организации в одном Петрограде было свыше 200 членов, главным образом бывших офицеров, моряков, адвокатов, бывших директоров и пр., пробравшихся на видные посты в советские учреждения. Важнейшим средством борьбы «Союз освобождения» считал применение террористических актов.

По признанию арестованного Орловского и других, ими был взорван памятник Володарскому пироксилиновой шашкой и организован ряд покушений на советских вождей. В показаниях от 1 июля с. г. тот же Орловский говорит: «Действительно, я вместе с Никитиным, Перминым, Модестовичем (Черным), Федоровым хотели устроить налет на поезд Красина и забрать все золото и ценности. О том, что Красин везет золото, нам сказал Таганцев, который и просил устроить этот налет».

По показанию Комарова, организацией готовились взрывы нобелевских складов, взрыв одного памятника на Васильевском острове, поджог 1-го Государственного лесозаготовительного завода, бывший Громова, и убийство бывшего комиссара Балтфлота т. Кузьмина. Но благодаря своевременному раскрытию организации врагам революции не удалось осуществить их варварские планы.

По показанию профессора Таганцева, им совместно с бывшим князем Д. Н. Шаховским (членом организации) был организован в Петрограде и Москве в целях борьбы с советским правительством экономическим путем ряд банковых подпольных контор для реализации ценностей за границей и внутри страны.

В своих показаниях по поводу форм борьбы Таганцев, критикуя стремления Колчака, Деникина и других белых генералов завоевать Советскую Россию созданием бесчисленных фронтов, говорит, что «нельзя было завоевать Советскую Россию, ее надо было бунтовать». «Союз освобождения», являющийся кадетской организацией, возглавлявшейся в 1919 году членами

ликвидированного «Национального центра» видными кадетами Штейнингером и Герасимовым, имел чрезвычайно расплывчатую программу.

Монархист Таганцев с целью привлечения в организацию заговора социалистических групп выдвигает кронштадтский лозунг свободных перевыборов в Советы. Принимая этот лозунг, питерские белогвардейцы прекрасно знали, каков его истинный смысл. Они открыто признают, что под «свободными» Советами они подразумевают не Советы III Интернационала, а Советы земли русской, что этот лозунг им был необходим прежде всего для отстранения от власти коммунистической партии, так как коммунисты без аппарата власти в первое время после переворота не будут страшны. Эти черные силы признаются в том, что проведение нужных им выборов они понимали как государственный переворот.

По показанию Таганцева, в организации были группы разных политических воззрений, до левых социалистов включительно.

Петроградский областной комитет союза издавал и распространял большое количество прокламаций и воззваний. Значительное количество контрреволюционной литературы привозилось из Финляндии. При произведенных обысках обнаружены воззвания бывшего руководителя кронштадтского мятежа Петриченко к рабочим Москвы и Петрограда, где этот наймит английской, французской и других контрразведок призывает к вооруженному восстанию против коммунистического режима.

Раскрытая белогвардейская организация руководилась из-за границы бывшим царским министром Коковцовым и идеологом российского империализма кадетом Струве, от них организация получала денежные средства. По показанию Таганцева, организацией получено из-за границы около 10 миллионов рублей в думской и царской валюте. Струве в Париже организована группа финансистов, которая должна была взять на себя снабжение Петрограда после переворота. Из перехваченной переписки на имя Таганцева видно, что зарубежные организаторы заговора возлагали большие надежды на происходивший в Париже «русский торгово-промышленный съезд», от которого рассчитывали получить средства на подготовку восстания.

Из обнаруженных материалов видно, что кронштадтское восстание окрылило новыми надеждами белогвардейцев Петрограда. Таганцев показывает, что интенсивность работы в кронштадтские дни выражалась в усиленном обсуждении организационных вопросов, в попытках наладить связь с кронштадтцами и распространении прокламаций, отпечатанных в Финляндии, что организация рассчитывала во время кронштадтского восстания на 8 тысяч тонн продовольствия из так называемого петроградского фонда Юденича.

По имевшимся в ВЧК данным, петроградская организация «Союз освобождения» в апреле—мае 1921 года объединилась с боевой террористической организацией Савинкова в Варшаве. И ВЧК приступила к действию.

«В последних числах мая 1921 года Всероссийской чрезвычайной комиссией была раскрыта и ликвидирована крупная боевая террористическая организация Бориса Савинкова, раскинутая на территории Западной и Северо-Западной областей и имевшая ячейки и связи почти на всей территории РСФСР.

Центр раскрытой организации — Западный областной комитет «Народного союза защиты родины и свободы» во главе с председателем «Всероссийского комитета» по Западной области — находился в Гомеле.

Арестованы все члены областного комитета и подведомственных ему губернских, уездных комитетов и волостных ячеек на территории Гомельской, Смоленской и Минской губерний. Арестованы сотни членов организации и ряд савинковских курьеров и шпионов, захвачено много уличающих документов и десятки пудов контрреволюционной литературы.

На основании попавших в руки ВЧК документов и показаний членов организации удалось установить не только полную картину возникновения и развития ликвидированной организации, но и всего «Народного союза защиты родины и свободы» в целом, равно как и характер взаимоотношений между ним, с одной стороны, и французской военной миссией в Польше и польским генеральным штабом — с другой. Раскрытая организация находилась в полном подчинении «Всероссийскому комитету НСЗРиС» (Народный союз защиты родины и свободы), имеющему свое постоянное местопребывание в Варшаве, в гостинице «Брюль». Председателем Всероссийского комитета являлся эсер Борис Викторович Савинков, организатор ярославского белогвардейского восстания в 1918 году, при участии английской и французской миссий; члены комитета: есаул Виктор Викторович Савинков, Дихгоф-Деренталь, литератор Философов, генерал Эльвегрэн, казачий полковник Гнилорыбов и Селянинов.

Союз возник в середине января этого года из осколков Прусского политического комитета в Польше, потом переименованного в Русский эвакуационный комитет, и «Союза возрождения России». Савинков назвал новую организацию именем возглавлявшейся им в 1918 году и ликвидированной тогда ВЧК белогвардейской организации («Народный союз защиты родины и свободы»).

Задачи организации и методы работы. Основной задачей союза была подготовка вооруженного восстания с целью свержения Советской власти.

Структура раскрытой организации следующая: Всероссийско-му комитету подчиняется ряд областных комитетов на территории России, которым, в свою очередь, подчиняются губернские комитеты и т. д. На городские и волостные комитеты возлагается организация повсеместно во всех советских учреждениях, заведениях и предприятиях, на всех фабриках и заводах, во всех селах, деревнях, войсковых частях и штабах Красной Армии ячеек НСЗРиС. На эти ячейки возлагалось: сплочение беспартийных масс под лозунгами союза, руководство беспартийными на беспартийных конференциях, на выборах в Советы, имея целью проведение туда членов союза, внесение расстройств в хозяйственный аппарат страны, где и в какой форме это только представляется возможным, и т. д. Все члены ячеек обязательно должны состоять в одном из повстанческих отрядов союза.

Эти отряды и должны были сыграть решающую роль в момент общего восстания против Советской власти, хотя значительная роль отводилась и интернированным на территории Польши армиям Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры.

Последние, согласно плану восстания, намеченному Всероссийским комитетом, должны были быть переброшены под видом перевода на работы вплотную к русско-польской государственной границе. Из этих частей должны были создаваться партизанские ударные отряды, которые еще до начала общего восстания продвигаются в глубь территории РСФСР, где устанавливают связь с комитетами «Всероссийского союза защиты родины и свободы». Эти отряды должны были очистить плацдарм, на котором предполагались развернуться интернированные армии, причем казачьи части должны были сосредоточиться на реке Стырь и прорваться затем на Дон.

По показаниям арестованных членов организации, согласие польского генштаба и шефа французской военной миссии в Польше генерала Нисселя на переброску интернированных армий уже было получено.

Контингент организаторов НСЗРиС вербовался главным образом из офицеров интернированных армий, которые направлялись в Советскую Россию как поодиночке, так и целыми группами; например, в апреле 1921 года имел место случай отправки в Поволжье двух групп организаторов, набранных исключительно из интернированных, общей численностью в 192 человека.

Особенностью новой организации является существование на одной территории целого ряда организаций, совершенно независимых друг от друга и, как общее явление, даже не знающих одна про существование другой. Такое положение вызывалось содержанием самой организации и ее политической физиономией. Савинков при наборе организаторов мало обращал внима-

ния на их политические убеждения. Монархист, кадет, эсер, меньшевик — для него безразлично, лишь бы они соглашались подчиняться его директивам и принять участие в подготовке переворота. Для маскировки политической физиономии различных политических групп Савинковым и были выдвинуты параллельные организации.

В период зарождения НСЗРиС политики из «Брюля» ждали стихийных крестьянских восстаний весной, во время посевной кампании, и к тому же времени и приурочивали выступление организованных сил союза. Но когда ставка Савинкова на крестьян лопнула и они на все его чаяния и надежды ответили дружным засевам полей, момент общего восстания был ими отложен до начала сбора урожая, разработка плана восстания и слияние параллельных организаций должны были произойти на всероссийском съезде союза, который предполагалось созвать на 5 июня в Варшаве.

Из попавших в ВЧК документов видно, что этот съезд состоялся. Если последний, однако, после учета сил нашел бы основания для вооруженного захвата власти недостаточными, восстание откладывалось до начала сбора продналога. Из документов явствовало, что савинковский НСЗРиС вообще стал центром всех контрреволюционных вождедений и что с ним заключило тактические договоры на предмет координации действий, направленных против рабоче-крестьянской России, «правительство» Петлюры, тоже существующее на территории Польши.

Во главу угла своей тактики савинковская организация ставила широкое применение террора. Для иллюстрации того значения, которое придавалось террору, приводим дословно выдержку из показаний арестованного представителя Всероссийского комитета:

«Террор должен был ослабить репрессии со стороны Советской власти, для чего предлагалась организация налетов и разрушения центров управления, Советов, исполкомов, парткомов, организация взрывов в советских учреждениях, на съездах, совещаниях и т. д.

Террор выдвигался как средство для деморализации коммунистов и как средство, долженствующее прекратить приток свежих сил в РКП(б), что должны были достичь расстрелами и отравлениями коммунистов и репрессиями против их семейств».

Террор должен был дезорганизовать Красную Армию, для чего предлагались налеты на штабы, расстрелы комиссаров, взрывы в казарменных помещениях перед выступлением, отравление надежных войсковых частей. Такое значение придавалось террору в период зарождения союза, в конце прошлого года.

Позднее, когда, вследствие перерыва правильного железнодорожного сообщения с Западной Сибирью и югом и сокращения

поступления продмаршрутов в центр, возник острый продовольственный кризис, НСЗРиС принимает решение о применении террора и по отношению к хозяйственному аппарату Советской России. И действительно, с этого момента удары его главным образом направлялись на то, чтобы окончательно разрушить хозяйственный аппарат страны. Порча железнодорожного полотна, паровозов, уничтожение подвижного состава, железнодорожных строений, складов — вот меры, которые должны были доконать транспорт. Поджоги складов топлива, террор по отношению к лесозаготовщикам должны были довести до высшего напряжения топливный кризис.

Провокационная организация забастовок на заводах, порча машин и даже поджоги фабрично-заводских зданий должны были в значительной мере расстроить промышленность. Уничтожение и расхищение продовольственных складов, ссыпных пунктов, уничтожение и порча продуктов в пути, расстрел продовольственников, агитация среди крестьян против сдачи хлеба — вот меры, рекомендованные Всероссийским комитетом Савинкова для удушения «костлявой рукой голода» рабоче-крестьянской власти.

Все эти мероприятия должны были вызвать недовольство широких масс народа и повсеместное восстание. «Мы должны выжечь свободное место, чтобы на нем начать строить сначала» — вот тезис Всероссийского комитета.

По показаниям арестованных членов организации, в дело террора и углубления хозяйственной разрухи вовлекались партизанские отряды с целью испытания их подготовки к выступлению. Террор был обращен в «средство для испытания и закаления молодых организаций». Программа союза редактировалась неясно и туманно. Оставляется возможность различного толкования одного и того же параграфа. Если в первоначальных листовках союза выдвигалась идея передачи власти после переворота НСЗРиС, то с момента кронштадтского восстания им выставляется лозунг беспартийных Советов, которые должны повести страну к Учредительному собранию. Эта преднамеренная туманность и неясность программы и принятие лозунгов, выдвигаемых эсерами и меньшевиками, имели своей целью привлечение в заговорщический союз наряду с крайними правыми элементами (кадетами, черносотенными монархистами) также социалистических организаций.

Во Всероссийский комитет в качестве полномочного члена его вводится генерал Эльвегрен, еще в 1917 году, в период керенщины, арестованный за контрреволюционную деятельность.

Финансовые средства организация получала от второго отдела польского генерального штаба и французской военной миссии

в Польше. Причем последняя через капитана Дераш выдавала члену Всероссийского комитета Савинкову на нужды организации ежемесячно десятки миллионов польских марок.

Кроме того, за особо важные сведения о Красной Армии шефом информационного отделения французской военной миссии майором Марино выплачивалось дополнительное вознаграждение.

Интересно отметить, что в перехваченном ВЧК подлинном письме полковника Павловского (командующего всеми партизанскими отрядами Савинкова на советской территории) на имя Б. Савинкова Павловский просит о том, чтобы с французов сорвать за доставляемые им сведения о Красной Армии возможно дороже.

При поездке весной 1921 года в Париж для переговоров с французским правительством В. Савинкову удалось при помощи русского промышленника Путилова организовать группу крупных капиталистов на предмет субсидирования савинковских организаций.

Информационный отдел Всероссийского комитета союза играл роль международного бюро шпионажа как о вооруженных силах Советской России, так и о положении Советской республики вообще. Он добывал, систематизировал сведения о Красной Армии и снабжал ими в виде регулярно выпускаемых военных бюллетеней все иностранные военные миссии в Варшаве.

Агенты Савинкова, приезжавшие из России, являлись для дачи информации во французскую военную миссию и польский генштаб (11 отдел).

Поскольку роль французской военной миссии в Польше ограничивается субсидированием савинковских организаций и постоянным давлением на военное министерство Польши на предмет более внимательного отношения к делу Савинкова, постольку гораздо более активно, рука об руку с Савинковым работает польский генеральный штаб.

Польский генштаб снабжал савинковских агентов и курьеров бесплатными проездными документами и выдавал разрешения на провоз по железной дороге антисоветской литературы. Почти все агенты Савинкова состоят одновременно на службе польской разведки и контрразведки (оффензивы и дефензивы).

Все военные и политические сводки, доставлявшиеся из России курьерами Савинкова, попадали в польский генштаб.

Проводниками через наши пограничные посты направлявшимся в Советскую Россию агентам Савинкова являлись чины польской офензивы и жандармерии. Склады антисоветской литературы были на квартирах чинов польской дефензивы, например, у поручика Костина-Прудникова, занимающего одновременно

должность начальника организационного пункта Савинкова и помощника начальника постерунка дефензивы в Столбцах Рэмона — Луинце и т. д. и т. п.

Члену Западного областного комитета и члену Гомельского губернского комитета савинковской организации, ездившим к Савинкову по делам организации в Варшаву, II отделом польского генштаба за подписью майора генштаба Века был выдан документ на провоз в Советскую Россию «для целей разведывательных» по 2 килограмма яду. В действительности этот яд предназначался Савинковым для одновременного отравления надежных частей Красной Армии накануне выступления.

Несколько охладившиеся было после ратификации русско-польского мирного договора отношения между польским правительством и Савинковым (руководители польской политики готовы были, конечно, и дальше столь же энергично поддерживать Савинкова, но их несколько сдерживала боязнь давления со стороны рабочего класса Польши) быстро были вновь налажены после возвращения Б. Савинкова в Париж, где последний получил заверения в неуклонной действенной поддержке савинковской боевой организации.

Но Савинков ухитрялся шантажировать своих высоких покровителей. Он фальсифицировал все сведения о Советской России, передававшиеся им французам, создавал слухи о военном союзе между Советским правительством и Германией, направленном против Франции и Польши, собирал списки комсостава Красной Армии с немецкими фамилиями и изображал их французской военной миссии как лиц, состоящих на службе Германии, и т. д. Этими сведениями ему удавалось запугивать французов, что открывало Савинкову широкую дорогу к их кошельку. Важно отметить, что после указанной поездки Савинкова польским военным министром был назначен для наблюдения за содержанием интернированных русских военнопленных близкий друг Савинкова граф Сологуб де Войно.

Изобилие в средствах и деятельная поддержка со стороны Франции и Польши дали возможность организации в короткий срок распространить свою деятельность почти на всей территории Европейской России и вовлечь в организацию ряд лиц, занимающих весьма ответственные должности на советской службе. В Витебске арестован меньшевик Марк Зарх, имевший тайную меняльную лавку и обменивавший иностранные деньги на русские всем организациям Савинкова в Западной и Северо-Западных областях.

Помимо ликвидации всех савинковских организаций, на территории Западной области почти одновременно удалось настигнуть и разгромить ряд савинковских партизанских отрядов, имевших непосредственную связь с НСЗРиС.

При разгроме отряда полковника Павловского, командовавшего всеми партизанскими отрядами Савинкова в Минской губернии, Прудникова и Лимонова в Гомельской губернии, в ВЧК попали документы, указывающие на тесную связь этих отрядов с польским генштабом и Белорусским комитетом в Варшаве.

В своем письме к Савинкову полковник Павловский просит прислать ему вместе с оружием также и яд.

В последние месяцы 1921 годы в руки ЧК попал обширный материал об участии партии эсеров в контрреволюционном движении.

Из задержанного ВЧК при перевозке из Бутырской тюрьмы архива ЦК партии эсеров и переписки арестованных и содержавшихся в Бутырской тюрьме членов ЦК ПСР с единомышленниками, оставшимися на свободе, а также переписки между ЦК ПСР с его заграничной делегацией устанавливается, что партия эсеров явилась организатором и вдохновителем кулацких бунтов и вела энергичную работу по подготовке всеобщего восстания против власти Советов.

Установлено, что Бутырская тюрьма, где из гуманных соображений заключенным эсерам, равно как и членам других политических антисоветских партий, были предоставлены льготные условия содержания под стражей, в смысле полного смягчения режима и свободного передвижения в пределах тюрьмы, была использована членами ЦК ПСР для руководства контрреволюционным движением в стране. Еще на сентябрьской конференции 1920 года партией эсеров была принята резолюция, в которой, между прочим, говорится, что «конференция ПСР предвидит неизбежность в будущем возобновления вооруженной борьбы с большевистской властью».

В резолюции о тактике партии ЦК ПСР выставляет следующее положение:

«Выдвигая лозунг решительного преодоления большевистской диктатуры, партийные организации должны всеми силами предостерегать крестьянство (читай: кулаков) от разрозненных стихийных выступлений, разъясняя всю их практическую нецелесообразность. Чем дальше будет протекать период оформления классового самосознания крестьянства, тем больше шансов у партии овладеть движением».

И дальше секретный пункт резолюции: «В тех же районах, где движение уже расширилось территориально и носит характер массовой вооруженной борьбы, там партийные организации должны указывать этому движению здоровые пути и лозунги, содействуя организации на освобожденной территории местных органов демократической государственности».

В этом же духе высказалась и Московская общегородская конференция партии эсеров, в некоторых местах республики созданы

так называемые «союзы трудового крестьянства». Задачей этих союзов является объединение всех антисоветских элементов в деревне, принадлежащих к разным партийным группировкам: правых эсеров, левых эсеров, борьбистов или отошедших от политики, впадших в анархизм и пр. Эти союзы должны были внешне сохранять форму беспартийности и объединяться в уездные, губернские, областные комитеты и т. д.

Из материалов, отобранных при аресте уполномоченного ЦК ПСР по Тамбовскому району Юрия Подбельского, установлено, что ЦК в лице этого уполномоченного руководил восстанием в Тамбовской и Воронежской губерниях, возглавляемым эсером Антоновым.

На конференции партии эсеров представителем Тамбовской организации партии эсеров был сделан доклад о восстании Антонова в Тамбовской губернии, об участии в нем местных эсеров и о работе «союзов трудового крестьянства».

При обыске в Бутырской тюрьме у членов ЦК партии эсеров обнаружен доклад лидера тамбовских эсеров Фетискина, который подтверждает руководство эсерами тамбовским движением и участие эсеров в ряде террористических актов в районе действий Антонова.

Из показаний арестованных членов Тамбовского губернского комитета эсера Боголюбского А. С. (близкого родственника Антонова), Фетискина (старого эсера), бывшего эмигранта Данковского, Муравьева и др. установлено, что в Тамбовской и смежных уездах Воронежской и Саратовской губерний существовал «союз трудового крестьянства», в который вошли на паритетных началах представители правых и левых эсеров, заключивших тактический блок.

Организация имела тесную и постоянную связь с Антоновым. Антоновцы снабжались подложными паспортами через паспортное бюро тамбовской организации эсеров (через Данковского, который лично отвозил эти документы в штаб Антонова). Все действия Антонова строго корректировались губернским центром эсеров.

Сам Антонов неоднократно присутствовал на совещаниях эсеров в Тамбове. Ими произведены чудовищные опустошения, зверски замучены и растерзаны сотни коммунистов и советских работников; не давалось пощады даже женщинам и детям; весь район приведен в состояние крайнего развала.

По признанию некоторых арестованных вождей банд Антонова, по отношению к захваченным коммунистам применялись нечеловеческие жестокости, например, у одного красноармейца, имевшего орден Красного Знамени, бандитами это знамя было вырезано на его груди; жертвы не убивались, а замучивались.

И все это освящалось именем «союзов трудового крестьянства» и партии эсеров.

Тамбовские эсеры на деле показали, к чему направлена их работа в деревне и какие результаты получаются от создаваемых ими «трудовых крестьянских братств» (на самом деле кулацких банд).

Аналогичную роль сыграл Сибирский областной союз трудовых крестьян, организовавший кулацкое восстание по железнодорожным линиям Омск—Челябинск и Омск—Тюмень.

Это восстание, прервавшее сообщение Сибири с Европейской Россией почти на три недели, вызвало в центре острый продовольственный кризис ввиду задержки продвижения продмаршрутов. Из показаний арестованных членов Сибирского областного комитета партии эсеров Юдина, Тагунова, Данилова и других установлено, что при «союзе трудового крестьянства» существовал военный отдел, во главе которого стоял колчаковский офицер Густомесов.

Областной союз организовал ряд губернских и уездных комитетов. Во главе штаба повстанцев (Главсибштаба) стоял эсер Родионов; начальник штаба — полковник Кудрявцев.

В районе действий повстанческих банд были перебиты почти все коммунисты, были сорваны лесные заготовки, разграблены все склады, железнодорожное и телеграфное имущество. Партия эсеров, на словах отказавшаяся от применения террора как оружия борьбы против пролетарской диктатуры, на деле является действительным вдохновителем террора и разрушения, производившегося бандами под ближайшим руководством местных организаций этой партии.

Все заверения ЦК ПСР о неприменении им террора являются излишним лицемерием. В. Чернов за границей входит в сношения с рядом белогвардейских организаций и групп. Так, Чернов принимает деятельное участие в издающейся в Ревеле белоэсерской газете «Народное дело», оказавшей энергичную поддержку Врангелю. О ревельской организации эсеров, издающей газету, Чернов в своем письме в ЦК ПСР пишет, что эта группа эсеров, среди которой есть активные сподвижники Юденича и Балаховича, готова принимать участие во всех противосоветских повстанческих движениях, что они возлагают большие надежды на Савинкова. Последнее сообщение заставляет Чернова, по его собственным словам, подозревать: «Нет ли здесь за кулисами и савинковских, то есть, по первоисточнику, польских денег».

Партия меньшевиков, на словах высказывающаяся против насильственного свержения Советской власти, в последние месяцы поддерживала всякое движение недовольства, проявлявшегося в некоторых местах на почве продовольственных затруднений, стараясь внести в это движение организованность и плановность.

Во время контрреволюционного кронштадтского восстания Петроградский комитет меньшевиков выпускает ряд прокламаций, в которых выражает солидарность с требованиями кронштадтских мятежников и призывает к прекращению борьбы с мятежным городом, полными хозяевами которого явились бывшие царские офицеры, шпионы Антанты. С резолюциями Петроградского комитета оказались совершенно солидарными и члены ЦК партии меньшевиков — Ф. Дан и другие.

Призывая против подавления всплеск кулацких восстаний, реакционный характер которых признается и самими меньшевиками, эта партия тем самым оказывает поддержку всякому движению, направленному против пролетарской диктатуры.

Знаменательным для этой партии является тот факт, что во всех заговорах против Советской власти, раскрытых ВЧК, всегда обнаруживается та или иная группа меньшевиков, принимавшая участие в черной работе контрреволюционного подполья.

Партия меньшевиков широко прокламирует кронштадтский лозунг «Свободно избранных Советов без диктатуры какой-либо партии», являющийся достоянием всех белогвардейских или заговорщических организаций.

Антисоветское движение последних месяцев показало, что перед нами старый дружный хор контрреволюции — от крайних монархистов до меньшевиков включительно. Его конечная цель — реставрация буржуазно-помещичьей власти, его средства борьбы — бандитские восстания, террор, разрушение.

Уроки последнего движения белогвардейцев и агентов империалистических хищников не должны пропасть даром для русских рабочих. Пока Советская Россия остается изолированным очагом коммунистической революции и находится в капиталистическом окружении, ей еще не раз придется железной рукой подавлять белогвардейские авантюры. Боевой орган пролетарской диктатуры должен быть на страже».

До сентября 1918 года ВЧК не расстреляла ни одного политического врага Советской власти. А потом СНК принял решение о введении красного террора как чрезвычайной меры, без которой якобы невозможно было обойтись. «Совет Народных Комиссаров, — указывалось в этом решении, — находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью».

Дзержинский заявлял потом: «Красный террор был не чем иным, как выражением воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания и победить. И эта воля была проявлена».

Для осуществления контроля над повседневной деятельностью местных ЧК создавались контрольные коллегии из трех человек: по одному представителю от исполкома, комитета партии и чрезвычайной комиссии.

В конце 1918 года при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны была создана специальная комиссия под председательством Ленина, в которую вошли Дзержинский, Сталин, Невский, Красин и другие. После всестороннего обсуждения работы ВЧК Ленин составил проект предложений, основные требования которых сводились к следующему: во главе ЧК должны стоять члены партии, имеющие не менее чем двухгодичный партийный стаж; более строго, вплоть до расстрела, преследовать и карать за ложные доносы; немедленно расширить в ВЧК отдел жалоб и просьб об ускорении дела; подтвердить право профессиональных и партийных организаций брать на поруки.

В мае 1919 года Оргбюро ЦК партии одобрило предложение Дзержинского, чтобы представитель особого отдела ВЧК ежедневно отчитывался перед ЦК.

Ленин говорил, что на долю чрезвычайных комиссий выпала исключительно тяжелая задача: «Когда мы взяли управление страной, нам, естественно, пришлось сделать много ошибок, и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза».

От себя добавим, что за каждой «ошибкой» стояли человеческие жизни, и их были десятки тысяч. В то же время Ленин подчеркивал, что ошибки ВЧК совершенно незначительны по сравнению с ее заслугами перед Советским государством: «Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие».

Выступая на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 года, он говорил: «Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом».

Но среди простого народа эти две буквы вызывали ужас: ведь зачастую хватали, не разбираясь особо, невинных людей, и они навсегда пропадали в чекистских застенках.

ГПУ — государство в государстве

После окончания Гражданской войны новые условия требовали изменения форм и методов работы ВЧК. 6 февраля 1922 года ВЦИК принял постановление об упразднении ВЧК и создании Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР.

Эта перемена названия имела своим последствием только внешнюю замену одного наименования другим и совершенно не коснулась внутреннего построения этого учреждения и нисколько не изменила преследуемых им задач, системы и характера его деятельности и т. п.

Не произошло никаких изменений и в личном руководящем составе, за исключением некоторых служебных перемещений, вроде, например, перевода председателя Всеукраинского ГПУ Н. Манцева, за его скандальное поведение в Харькове, в Москву на должность народного комиссара Рабоче-крестьянской инспекции с сохранением за ним звания члена коллегии ГПУ.

По степени своей власти, по тому особому положению, которое занимало ГПУ среди других правительственных учреждений Советской России, это учреждение буквально являло собой государство в государстве, не имея равного себе ни в одном из государств всего мира.

Специфический характер учреждения отразился и на подборе его сотрудников, которые представляли собой как бы какую-то особую касту, особо сплоченную группу — по выражению одного из приказов по ВЧК — «обреченных людей».

Во главе ГПУ стоял его начальник. Таковым являлся Феликс Дзержинский, одновременно занимающий посты народного комиссара путей сообщения и народного комиссара внутренних дел. Ввиду одновременного совмещения Дзержинским нескольких должностей, его замещал по руководству ГПУ Иосиф Уншлихт.

Начальнику ГПУ подчинены все отделы и управления, входившие в состав ГПУ. В подчинении у него состояла, в частности, и коллегия ГПУ, так как фактически ему принадлежало право безапелляционного, бесконтрольного и срочного расстрела всех без исключения граждан Советской России или помилование их, хотя формально такого рода вопросы подлежали разрешению «тройки» или коллегии ГПУ.

Коллегия ГПУ состояла из ответственных сотрудников этого учреждения — начальников отделов и управлений.

Звание члена коллегии ГПУ являлось вместе с тем как бы и почетным званием, что видно из вышеприведенного примера с Манцевым.

Ведению коллегии подлежали вопросы административного, оперативно-следственного и судебного характера. Дела о сотрудниках ГПУ почти всегда разрешались коллегией. Делалось это во избежание опорочения их при гласном судебном рассмотрении.

Как коллегия, так и «тройка» равно пользовались правом срочного расстрела.

Судебные заседания происходили без участия подсудимого или его защитника. В заседании присутствовал следователь секретно-оперативной части (контрразведывательного отдела) ГПУ. Этот следователь выступал в качестве докладчика по существу дела. Обсуждение его доклада являлось простой формальностью, так как приговор предreshен уже с первого дня появления арестованного в стенах ГПУ.

«Тройка» состояла из начальника ГПУ, его помощника и докладчика — следователя.

Государственное политическое управление делилось на несколько управлений, отделов и отделений. В его состав входила также хозяйственная часть, ведавшая распределением продуктов, снабжением обмундированием и выдачей жалования сотрудникам ГПУ. В состав хозяйственной части входили многочисленные отделы, подотделы, отделения и т. п. Она представляла собой громадное учреждение, которое имело свои собственные склады, лавки, кооперативы, портняжные и сапожные мастерские и т. п.; занималась не только изготовлением обуви и платья в своих мастерских, но также продажей продуктов, отпускаемых ей управлением снабжения Московского военного округа. Эти операции производились в целях самокупаемости учреждений ГПУ.

Административно-организационное управление ведало техническим проведением в жизнь назначений, командирований и увольнений сотрудников ГПУ, изданием приказов, выработкой штатов и смет. По существу, это управление являлось мертвым и до последней степени бюрократическим. С его сметами и штатами на местах никто из начальников ГПУ не считался и по своему личному усмотрению вырабатывал собственные штаты и сметы.

Новым отделом ГПУ являлось управление предприятий. Оно было подчинено высшему административно-оперативному органу: начальнику и коллегии ГПУ. Образованию этого учреждения предшествовали следующие обстоятельства. Касса органов ГПУ, пополнявшаяся главным образом реквизированными ценностями и капиталами, фактически не давала возможности содержать такой огромный штат гласных и негласных секретных сотрудников, какой находился в распоряжении ГПУ. Так, например, в одном Харькове ГПУ имело 4500 официальных сотрудников, не считая секретных. В состав Одесского ГПУ, имевшего уездные штаты, входило 2000 официальных сотрудников, не считая войскового отряда, и т. п.

В то же время отпускаемые центром на основании смет и штатов кредиты были таковы, что давали возможность пользоваться услугами лишь одной трети действительного числа как гласных, так и негласных сотрудников. Провинциальные отделы ГПУ ока-

зались еще в худшем положении, так как обычно отпущенные на их содержание кредиты не достигали своего назначения: их расхищали и обращали на свои нужды центральные органы ГПУ. ГПУ было вынуждено самолично изыскивать денежные средства для своего существования. Эти средства оно добывало путем реквизиций, производя их под видом обысков, а также поисков запрещенного к хранению имущества, взяточничества и контрабанды.

В период так называемой новой экономической политики, когда исчезла возможность совершать самочинные реквизиции, учреждениям ГПУ пришлось изыскивать другие способы для своего существования. Тогда именно ГПУ принялось за фабрикацию фальшивых царских монет, которые и выбрасывало в обращение через своих секретных сотрудников.

Тогда же под видом борьбы с контрабандой была создана особая Комиссия по борьбе с контрабандой. В действительности же эта комиссия вырабатывала не меры борьбы с контрабандой, а обсуждала возможность использовать ее в своих собственных интересах. Так, комиссией было установлено, что каждый из секретных сотрудников имеет право ввезти контрабандных товаров на сумму до 200 рублей золотом.

Дело доходило до того, что существовали особенно «выгодные» по контрабанде участки. Эти участки выкупались, продавались, арендовались сотрудниками пограничных ГПУ и особых отделов. Чтобы изменить это положение, и было организовано управление предприятий.

Управление имело свои лавки, магазины и тресты как в Москве, так и в провинциях; состояло пайщиком во многих заграничных предприятиях; в Москве и Петрограде владело кинотеатрами, ресторанами, увеселительными заведениями. В Берлине оно организовало киноотдел, во главе которого стояла М. Ф. Андреева. Получаемые доходы поступали на содержание официального и секретного штата ГПУ в Москве, частью становились собственностью тех из работников ГПУ, которые являлись участниками этих предприятий.

Контрразведывательный отдел (ранее секретно-оперативная часть) имел своей задачей вести наблюдение решительно за всеми слоями населения как в городе, так и в селениях (на каждое село имелось по два осведомителя, плата им производилась «натурой», то есть зерном и сельскохозяйственными орудиями).

Политическое отделение наблюдало за политическими и общественными организациями антисоветского характера или просто некоммунистическими, а также за церковными и религиозными общинами.

В обязанности Активного отделения входило производство обысков и арестов, а также наружное наблюдение.

Отделение искусства и зрелищ ведало цензурой театральных постановок, кинофильмов и концертных программ. На нем же лежало наблюдение за ресторанами и увеселительными заведениями.

Отделение хранилищ заведовало складами реквизированного имущества и продовольствия, в его ведении находились также склады вина.

В обязанности следственного отделения входило производство расследований.

Информационное отделение имело своей задачей наблюдение и освещение при содействии секретных агентов-осведомителей всех строевых и нестроевых частей, а также учреждений Красной Армии (по два осведомителя на каждый взвод) и гражданских учреждений, включая Центральный Комитет Коммунистической партии.

Экономическое отделение наблюдало за деятельностью торговых предприятий и трестов, а также следило за характером сделок.

Техническое отделение ведало изготовлением подложных документов (например, паспортов), дешифровкой документов, писем и телеграмм, установкой телефонных аппаратов для подслушивания (главным образом в домах, отведенных для иностранных миссий и посольств).

Фотографическое отделение обслуживало, по мере надобности, все учреждения из указанных отделов ГПУ.

Отделение пограничной стражи заведовало и руководило пограничными частями войск, подчиненных ГПУ, а также ведало охраной границ.

Отделение по борьбе с контрабандой вело борьбу с беспощадным ввозом товаров из-за границы.

На отделении цензуры лежал просмотр корреспонденции (как внутренней, так и заграничной) частных лиц и красноармейцев.

Иностранное отделение, одно из самых деятельных и активных отделений после контрразведывательного, с помощью обширного штата сотрудников внутренней и наружной агентуры вело наблюдение за находящимися в Советской России иностранными миссиями и иностранными торговыми предприятиями и являлось главным центром советской разведки. Эту свою деятельность иностранное отделение осуществляло при содействии резидентуры, сформированной при советских представительствах, а там, где таковых не имелось, при помощи тайных отделов.

Центральным руководящим отделом ГПУ в Европе (в частности на Балканах) являлся отдел иностранного отделения ГПУ при советском представительстве в Берлине. Этот отдел руководил и ведал всей разведывательной работой в странах Большой и Малой Антанты. В этот отдел входило отделение по борьбе с контр-

революцией и шпионажем, которое, в свою очередь, делилось на ряд подразделов: а) по наблюдению и освещению монархистов и их организаций; б) по наблюдению за партиями социалистов-революционеров и социал-демократов как в отношении их международной деятельности, так и в отношении их связей в России; в) по наблюдению за иностранными контрразведками; г) по проверке и освещению разного рода торговых фирм, контор и бюро, которые состоят в сношениях с Внешторгом и другими советскими учреждениями, а также по освещению заключенных ими сделок; д) по освещению личной жизни и характеристики сотрудников советских заграничных учреждений, а также тех из советских служащих, которые приезжают за границу; е) по наружному наблюдению (в круг деятельности этого подразделения входила также вербовка секретных сотрудников).

При советском представительстве в Берлине состоял еще Разведывательный отдел (он же центральная резидентура), который вел исключительно военную разведку. Между прочим, этот отдел занимался приобретением иностранной литературы по военным вопросам и по всем открытиям и усовершенствованиям в области военной техники, которая под видом дипломатической почты еженедельно пересылалась в Москву. Разведывательный отдел руководил также покупкой оружия для повстанцев в Югославии и Болгарии. Отдел состоял из заведующего отделом, заведующего оперативной частью и заведующего агентурной частью. В распоряжении отдела находилась обширная сеть зарубежной резидентуры. Пользовался отдел и услугами подкупленных служащих иностранных военных министерств. Так, например, в 1919 году отделу удалось добыть хранившийся в Париже архив ЦК партии социалистов-революционеров, в мае 1924 года — дислокацию французской армии.

Сметы, составляемые ГПУ, делились на две части: секретные и гласные расходы, внутренние и заграничные расходы. Первая часть расходов исчислялась в золотых рублях, вторая — преимущественно в долларах.

Принципы, положенные в основу при составлении сметы, заключались в установлении прежде всего прожиточного минимума применительно к категории данного сотрудника и исполняемой им работы. Оклад у постоянных секретных сотрудников отдела ГПУ, например в Берлине, был не более тысячи долларов в месяц, но не менее 50 долларов. Установление того или иного оклада секретному сотруднику было предоставлено начальнику отдела ГПУ, который и принимал во внимание продолжительность службы данного сотрудника и степень важности доставляемых им сведений.

Сметы составлялись на шесть месяцев вперед. В 1923 году смета выражалась в сумме трех миллионов золотых рублей (в дейст-

вительности же было израсходовано свыше четырех миллионов рублей, перерасход был покрыт доходами с предприятий и от реализации ценностей). Смета на заграничную работу составляла 950 тысяч долларов.

В 1924 году сметные предположения выразились в сумме четырех миллионов рублей золотом, а смета заграничной работы — в два миллиона долларов. При составлении сметы заграничной работы принимались во внимание расходы по оплате труда официальных и секретных сотрудников, по расширению агентурной сети, установлению новых резидентур и т. д. При составлении сметы по СССР принималось во внимание содержание войск ГПУ и пограничной охраны. Кредиты и авансы по утвержденным сметам отпускались центральному отделу ГПУ (в Берлине) начальником иностранного отдела ГПУ по резолюции начальника контрразведывательного отдела.

Пакеты, опечатанные печатью ГПУ с адресом полпредства в Берлине, шли к чекисту А. Бустрому. Опечатанный пакет вкладывался в конверт с надписью «Полпреду СССР в Германии т. Крестинскому» и сдавался управляющему делами НКВД. Последний лично опечатывал пакет и с надписью «Особо секретный, лично Крестинскому» сдавал в отдел дипломатических курьеров. Там его вносили в так называемый сопроводительный курьерский лист, но без указания ценности пакета, и затем дипломатический курьер доставлял пакет по назначению. Тем же путем пересылались и ценности. Иногда отправка шла воздушной почтой.

Денежные пакеты, принятые Бустромом от Крестинского, сдавались в кассу отдела и там записывались на приход.

Денежная сумма, вырученная с доходов предприятий, сдавалась на текущий счет в один из банков.

Секретно-оперативная отчетность велась по особым формам, равно как и бухгалтерия. Последняя не входила в официальный отдел бухгалтерии, а представляла собой финансовое отделение контрразведывательного отдела ГПУ. В каждом отдельном случае денежная отчетность сначала сдавалась в бухгалтерию контрразведывательного отдела подотчетным начальником соответствующего отделения, проверялась там и с отметкой «арифметически счет правилен» представлялась на утверждение начальника контрразведывательного отдела, который и проверял отчетность в оперативном отношении, то есть в смысле целесообразности произведенных расходов. В случае согласия с произведенными расходами, начальник контрразведывательного отдела делал пометку «утверждаю» и представлял отчетность начальнику ГПУ. Последний, наложив резолюцию «согласен», возвращал отчетность начальнику контрразведывательно-

го отдела, после чего последний отсылал ее в финансовое отделение контрразведывательного отдела ГПУ.

Денежный журнал и приходо-расходная книга казначея включали в себя следующие статьи: 1) жалованье секретным сотрудникам, 2) оперативные расходы, премиальное вознаграждение секретным сотрудникам, 3) установление нелегальных переправ на границе, 4) установление и содержание конспиративных квартир, 5) вербовка секретных сотрудников, 6) технические расходы: закупка канцелярских принадлежностей, фотографических аппаратов, химических средств для секретной переписки, грима, гардероба и проч., 7) посуточные и разъездные.

Разведывательному отделу все денежные кредиты на покупку оружия и разведку отпускались Москвой через посредство отделения Госбанка в Берлине.

Агент, добывший в 1924 году информацию о дислокации французской армии, получал семь тысяч франков ежемесячно и сверх того премиальное вознаграждение.

Агентам, похитившим архив социалистов-революционеров, было уплачено две тысячи фунтов стерлингов.

Из беседы Сталина с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1922 года:

«ГПУ или ЧК есть карательный орган Советской власти. Этот орган более или менее аналогичен Комитету общественной безопасности, созданному во время Великой французской революции.

Он карает, главным образом, шпионов, заговорщиков, террористов, бандитов, спекулянтов, фальшивомонетчиков.

Он представляет нечто вроде военно-политического трибунала, созданного для ограждения интересов революции от покушений со стороны контрреволюционных буржуа и их агентов.

Этот орган был создан на другой день после Октябрьской революции, после того, как обнаружили всякие заговорщицкие, террористические и шпионские организации, финансируемые русскими и заграничными капиталистами. Этот орган развился и окреп после ряда террористических актов против т. Урицкого, члена Революционного комитета в Ленинграде (он был убит членом партии эсеров), после убийства т. Володарского, члена Революционного комитета в Ленинграде (он был убит тоже эсером), после покушения на жизнь Ленина (он был ранен членом партии эсеров).

Надо признать, что ГПУ наносило тогда удары врагам революции метко и без промаха. Впрочем, это качество сохранилось за ним и по сие время. С тех пор ГПУ является грозой буржуазии, неусыпным стражем революции, обнаженным мечом пролетариата.

Неудивительно поэтому, что буржуа всех стран питают к ГПУ животную ненависть. Нет таких легенд, которых бы не сочиняли про ГПУ. Нет такой клеветы, которую бы не распространяли про ГПУ. А что это значит? Это значит, что ГПУ правильно ограждает интересы революции. Заклятые враги революции ругают ГПУ — стало быть, ГПУ действует правильно.

Но как относятся к ГПУ рабочие? Походите по рабочим районам и спросите рабочих о ГПУ. Вы увидите, что они относятся к нему с уважением. Почему? Потому, что они видят в нем верно-го защитника революции.

Я понимаю ненависть и недоверие буржуа к ГПУ. Я понимаю разных буржуазных путешественников, которые, приезжая в СССР, первым делом спрашивают о том, живо ли еще ГПУ и не наступило ли время для ликвидации ГПУ.

Все это понятно и неудивительно. Но я отказываюсь понять некоторых рабочих делегатов, которые, приезжая в СССР, с тревогой спрашивают: много ли контрреволюционеров наказано ГПУ, будут ли еще наказывать разных террористов и заговорщиков против пролетарской власти, не пора ли прекратить существование ГПУ?

Откуда только берется у некоторых рабочих делегатов эта заботливость о врагах пролетарской революции? Чем ее объяснить? Как ее обосновать? Проповедуя максимальную мягкость, советуют уничтожить ГПУ...

Ну а можно ли ручаться, что после уничтожения ГПУ капиталисты всех стран откажутся от организации и финансирования контрреволюционных групп заговорщиков, террористов, поджигателей, взрывателей? Разоружить революцию, не имея никаких гарантий на то, что враги революции будут разоружены, — ну разве это не глупость, разве это не преступление против рабочего класса?

Нет, товарищи, мы не хотим повторять ошибки парижских коммунаров. Парижские коммунары были слишком мягки в отношении версальцев, за что их с полным основанием ругал в свое время Маркс. А за свою мягкость они поплатились тем, что, когда Тьер вошел в Париж, десятки тысяч рабочих были расстреляны версальцами.

Не думают ли товарищи, что русские буржуа и помещики менее кровожадны, чем версальцы во Франции? Мы знаем, во всяком случае, как они расправлялись с рабочими, когда занимали Сибирь, Украину, Северный Кавказ в союзе с французскими и английскими, японскими и американскими интервенционалистами.

Я этим вовсе не хочу сказать, что внутреннее положение страны обязывает нас иметь карательные органы революции. С точки

зрения внутреннего состояния, положение революции до того прочно и непоколебимо, что можно было бы обойтись без ГПУ.

Но дело в том, что внутренние враги не являются у нас изолированными одиночками. Дело в том, что они связаны тысячами нитей с капиталистами всех стран, поддерживающими их всеми силами, всеми средствами. Мы — страна, окруженная капиталистическими государствами, внутренние враги нашей революции являются агентурой капиталистов всех стран. Капиталистические государства представляют базу и тыл для внутренних врагов нашей революции. Воюя с внутренними врагами, мы ведем, стало быть, борьбу с контрреволюционными элементами всех стран.

Судите теперь сами, можно ли обойтись при этих условиях без карательных органов вроде ГПУ. Нет, товарищи, мы не хотим повторять ошибок парижских коммунаров. ГПУ нужен революции, и ГПУ будет жить у нас на страх врагам пролетариата».

НКВД не дремлет

С созданием в 1934 году общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), с включением в его состав ОГПУ во главе с Ягодой механизм репрессий был запущен в полную силу.

Сталиным был придуман тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму. Этот тезис и лег в основу репрессивной политики 30-х годов. Народный комиссариат внутренних дел как общесоюзный наркомат был образован постановлением ВЦИК от 10 июля 1934 года, основными его подразделениями были Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО), Главное управление пожарной охраны (ГУПО) и Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ). ГУГБ начальника не имело, его опекал сам нарком — бывший председатель упраздненного ГПУ Г. Г. Ягода.

Бывшие полномочные представители ОГПУ на местах — в союзных республиках — стали наркомами внутренних сил. Подчинялись они не республиканскому начальству, а наркому внутренних дел СССР.

В 1935 году установлены звания для сотрудников НКВД: генеральный комиссар госбезопасности соответствовал армейскому маршалу; далее следовали комиссар госбезопасности 1-го, 2-го и 3-го рангов, старший майор госбезопасности, майор госбезопасности — они соответствовали армейским командармам 1-го и 2-го рангов, комкору, комдиву и комбригу. Генеральным комиссаром

госбезопасности стал Ягода, комиссарами 1-го ранга — Я. С. Агранов, первый заместитель наркома; Г. Е. Прокофьев, второй заместитель наркома; В. А. Балицкий, нарком внутренних дел СССР; Т. Д. Дерибас, начальник УНКВД по Дальнему Востоку; С. Ф. Реденс, начальник УНКВД по Московской области; Л. М. Заковский, начальник УНКВД по Ленинградской области.

Все руководство НКВД было расстреляно в 1937—1939 годах, один лишь начальник иностранного отдела ГУГБ А. А. Слуцкий умер своей смертью в феврале 1938 года. Уцелел тогда и С. А. Гоглидзе, друг Берии, но его расстреляли позже — в 1953 году.

Из доклада А. И. Микояна на торжественном заседании, посвященном двадцатилетию советской разведки, 20 декабря 1937 года в Большом театре:

«...Товарищ Ежов создал в НКВД замечательный костяк чекистов, советских разведчиков, изгнав чуждых людей, проникших в НКВД и тормозивших его работу. Товарищ Ежов сумел проявить заботу об основном костяке работников НКВД, по-большевистски воспитать их в духе Дзержинского, в духе нашей партии, чтобы еще крепче мобилизовать всю армию чекистов. *(Аплодисменты.)*

Он воспитывает в них пламенную любовь к социализму, к нашему народу и глубокую ненависть ко всем врагам. Вот почему весь НКВД и, в первую очередь, товарищ Ежов являются любимцами советского народа. *(Аплодисменты.)*

Товарищ Ежов добился больших успехов в НКВД не только благодаря своим способностям. Он добился такой величайшей победы в истории нашей партии, победы, которую мы не забудем никогда, благодаря тому, что работает под руководством товарища Сталина, усвоив сталинский стиль работы. Товарищи работники НКВД, я могу пожелать вам, чтобы учились, как учились и учится у товарища Сталина сталинскому стилю работы товарищ Ежов, чтобы вы учились у товарища Ежова сталинскому стилю работы. *(Аплодисменты.)*

Он сумел применить сталинский стиль в области НКВД. Работники НКВД работают много. Работа тяжелая и трудная, очень трудная, но я думаю, что наркомвнудельцы могут быть довольны, встречая двадцатую годовщину своей борьбы такими победами и тем, что народ, которому они служат, сторицей вознаградил их своей любовью. *(Аплодисменты.)*

В отличие от буржуазных разведок, которые являются наиболее ненавистой частью государственного аппарата для широких трудящихся масс, советская разведка любима своим народом. Она отстаивает его интересы. Она защищает кровью завоеванные права и свободы и зорко стоит на страже его завоеваний. В мире нет больше такого государства, где бы органы государственной безопасности были так крепко спаяны с народом и где бы народ так помогал своей разведке. *(Аплодисменты.)*

Товарищ Ежов передал мне ряд материалов, в которых мы видим, как народ — рабочие, советская интеллигенция, колхозники, школьники помогают ловить фашистских шпионов и иностранных разведчиков.

Вот несколько примеров.

В августе 1932 года в Саратове слесарь Воронов задержал и доставил в управление НКВД некоего Комлева. Комлев обещал ему десять тысяч рублей за совершение диверсионного акта — вбить железный болт в кабель на заводе, где работал Воронов. Недолго думая товарищ Воронов привел врага в НКВД. Как после выяснилось, Комлев оказался агентом одной фашистской разведки.

В Каменец-Подольское отделение НКВД поступило заявление о том, что из Румынии перешел границу некто П. Этот П. оказался агентом румынской разведки.

Один рабочий сообщил в НКВД об участниках троцкистской организации. В том числе он назвал и своего брата. Следствие выявило, что это злейшие враги народа. Видите, товарищи, этот рабочий не постеснялся сказать правду о своем родном брате, потому что выше всего, выше личных и семейных интересов он ставит Советскую власть. (*Аплодисменты.*)

В сентябре 1937 года инженер Саратовской электростанции т. Шишкин, член партии, подал заявление, что подозревает в шпионаже директора Саратовской электростанции Тампера, тоже «коммуниста», конечно, в кавычках. Шишкин видел, как Тампер списывал секретные сведения. Это послужило для него сигналом. Тампер был арестован и сознался, что является агентом германской разведки с 1917 года.

Гражданка Дашкова-Орловская помогла разоблачить шпионскую работу своего бывшего мужа Дашкова-Орловского.

В Пугачевском районе в селе Порябушки пионер Щеглов Коля (1923 года рождения) сообщил начальнику районного отделения НКВД о том, что его отец Щеглов И. И. занимается расхищением из совхоза строительных материалов. Щеглова-отца арестовали, так как действительно у него дома обнаружили большое количество дефицитных строительных материалов.

Пионер Коля Щеглов знает, что такое Советская власть для него, для всего народа. Увидев, что родной отец ворует социалистическую собственность, он сообщил об этом в НКВД.

Вот где сила, вот в чем мощь народа! (*Аплодисменты.*)

Колхозница-комсомолка Глуховская сообщила, что член колхоза Н. вызывает подозрения. Он был арестован и сознался, что является членом польской организации разведчиков, созданной Пилсудским. Он сказал также и о том, что имеется целая организация, которая ведет свою деятельность на нашей территории.

Фактов, когда наш народ сам охраняет и помогает своей разведке охранять советский строй, таких примеров, когда НКВД не только сам раскрывает дела, но является и организатором народных масс, таких примеров у нас много...

Мы можем прямо сказать, что НКВД своей работой в раскрытии шпионских организаций спас много жизней, которым угрожала опасность от врагов, готовивших крушения поездов, массовые отравления рабочих и крестьян в столовых, заражение людей в больницах, заражение скота всякими болезнями.

НКВД не только спас много жизней, которым угрожала опасность, — он спас много заводов от взрывов...

Я желаю нашим советским разведчикам быть работниками такого типа, о которых говорил товарищ Сталин на собрании избирателей.

Товарищ Сталин нарисовал нам образ советского работника ленинского типа.

Мы все знаем, что товарищ Сталин — верный ученик и продолжатель дела Ленина. Товарищ Сталин так же, как Ленин, ведет нашу Родину вперед к коммунизму. Образ ленинского типа работника есть и сталинский тип работника. (*Аплодисменты.*)»

Дело «марксистов-ленинцев»

Постановлениями коллегии ОГПУ в 1932—1933 годах в несудебном порядке были привлечены к уголовной ответственности с назначением различных мер наказания М. Н. Рютин, М. С. Иванов, В. Н. Каюров, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, П. А. Галкин, В. И. Демидов, П. П. Федоров и еще 22 человека. Все они обвинялись в том, что в целях борьбы с Советской властью и восстановления капитализма в СССР создали контрреволюционную организацию «Союз марксистов-ленинцев», подготовили программный документ этой организации и активно занимались антисоветской деятельностью. Суть «дела» заключалась в следующем.

В начале 1932 года М. Н. Рютин, бывший секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) города Москвы, которого в 1930 году ЦКК исключила из партии, как говорилось в решении, «за пропаганду правооппортунистических взглядов», а затем работавший экономистом «Союзэлектро», и старые большевики — В. Н. Каюров, член партии с 1900 года, руководитель плановой группы Центрархива, и М. С. Иванов, член партии с 1906 года, руководитель группы Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, обеспокоенные широко распространившимися грубыми нарушениями внутрипартийной демократии, насаждением в руководстве

партийными и государственными делами административно-командных методов, решили в письменной форме изложить свои взгляды на создающуюся обстановку.

Непосредственным исполнителем стал М. Н. Рютин. В марте 1932 года им были подготовлены проекты двух документов: «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКП(б)». В редактировании этих материалов приняли участие М. С. Иванов, В. Н. Каюров и его сын, член партии с 1914 года, старший инспектор Наркомснаба СССР А. В. Каюров.

21 августа 1932 года в деревне Головино под Москвой, на частной квартире члена партии электротехника стройтреста П. А. Сильченко (в его отсутствие) была проведена встреча с участием Мартемьяна Рютина, Михаила Иванова, Василия и Александра Каюровых, Николая Колоколова, Натальи Каюровой — секретаря правления «Союзмолоко», Павла Галкина — директора 26-й Московской типографии, Петра Замятина — инструктора треста «Нарпит» Краснопресненского района, Павла Федорова — профессора Московского торфяного института, Василия Демидова — начальника административно-хозяйственного отдела московского автозавода, Григория Рожкина — научного сотрудника ОГИЗа, Виктора Горелова — директора треста «Киномехпром» Союзкино, Бориса Пташного — начальника управления Наркомснаба УССР, харьковчан Николая Васильева — управляющего объединением «Гипрококс» и Семена Токарева — заместителя управляющего объединением «Гипрококс».

Участники встречи обсудили вопросы:

1. Доклад М. Рютина «Кризис партии и пролетарской диктатуры»;
2. Утверждение платформы организации и воззвания;
3. Организационные вопросы (выборы).

Участники совещания приняли за основу платформу и обращение ко всем членам партии, доложенные М. Рютиным.

Утвержденные документы было решено передать на окончательное редактирование комитету, избранному на этом совещании.

М. Рютин, по его же просьбе, в состав комитета не вошел как беспартийный и по причинам конспиративного характера.

Было условлено дать создаваемой организации название «Союз марксистов-ленинцев».

На втором заседании комитета, проходившем на квартире М. Иванова, было принято решение распространить программные документы союза среди членов партии, выяснить их отношение к этим материалам.

Так, вскоре с ними были ознакомлены Г. Зиновьев, Л. Каменев, Я. Стэн — бывший секретарь Московского комитета ВКП(б), Н. Угланов и ряд других лиц в Москве и Харькове.

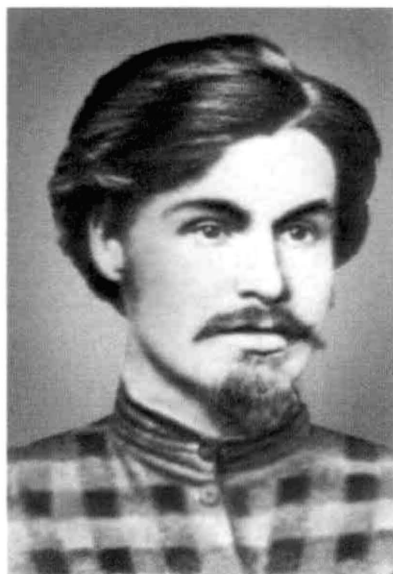

Александр Долгушин

Ипполит Мышкин

Софья Бардина

Степан Халтурин

Вера Фигнер

Вера Засулич

Лист политического дела начала XX века

9769
№ дела 1919.

Имя: Вера Фигнер Фамилия: Васильева

Полное имя: Вера Васильевна Фигнер

Место рождения: г. Москва

Отец: Виктор Мать: (и ее девичья фамилия?) Живы ли они?

Известны ли родственники? Холост (дядя) вдов (разведен?)

Имя и отч. жены (мужа) и ее (его) фамилия? Любови, связь?

Имя, сестры и проч. известные родственники? Николай, сестра?

Получила ли образование? Да, получила образование

Известна ли профессия (профессия) и последнее место службы? В. В. Васильева

Последнее место жительства? Москва

Когда, где и по какому делу задержана или привлечена? По делу о терроризме

По какому делу ранее привлекалась? По делу о терроризме

Были ли ранее сняты фотографии, когда и где? Да, в 1917 г.

Не подвергалась ли уже регистрации при помощи антропометрических измерений или дактилоскопии, когда и где? Да, в 1917 г.

22) Иностр. языки? Иностр. языки? Иностр. языки? Иностр. языки?

23) Особенности одежды? Шелковость, карманы и т. п.?

24) Привычки:

большой.	указательный.	средний.	безымянный.	маленький.
большой.	указательный.	средний.	безымянный.	маленький.

Дактилоскопия.

ОТДЕЛЕНИЕ РАЙОННОГО.

Правый рука.

Левый рука.

Арест пропагандиста. Художник И. Репин

Обложка дела Департамента полиции Абрам Гоц

После взрыва бомбы на Аптекарском острове. 1906 г.

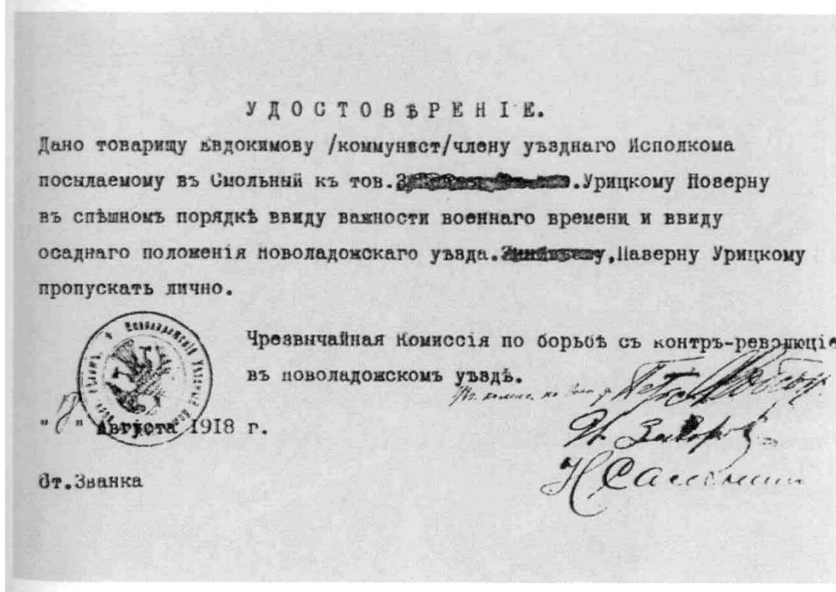

Евно Азеф. Снимок после 1910 г.

Борис Савинков. 1917 г.

Мандат ЧК

Плакат партии эсеров, посвященный выборам в Учредительное собрание.
1917 г.

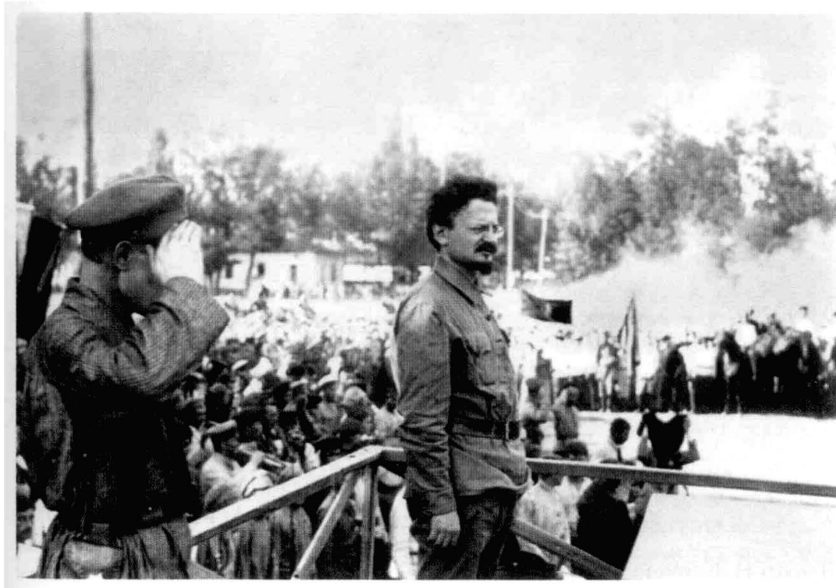

Яков Блюмкин

Моисей Урицкий

Выступление Л. Троцкого на митинге в Екатеринодаре. 1920 г.

БУДЬ НА ЧЕКУ,
В ТАКИЕ ДНИ
ПОДСЛУШИВАЮТ СТЕНЫ.
НЕДАЛЕКО ОТ БОЛТОВНИ
И СПЛЕТНИ
ДО ИЗМЕНЫ.

НЕ БОЛТАЙ!

Плакат Н. Ватлина и Н. Денисова. 1941 г.

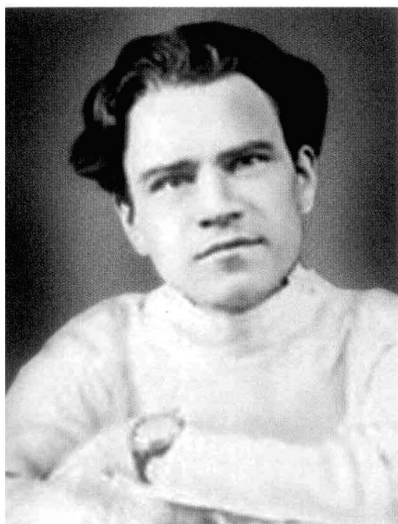
И. Сталин и Л. Берия на отдыхе

Посмертная фотография Л. Троцкого. 21 августа 1940 г.

Ф. Э. Дзержинский,
председатель ВЧК (20.12.1917—06.07.1918),
председатель ГПУ — ОГПУ (1922—1926)

Я. Х. Петерс,
председатель ВЧК
(07.07.1918—1922)

В. Р. Менжинский,
председатель ОГПУ
(07.1926—05.1934)

Г. Г. Ягода,
нарком внутренних дел СССР
(1934—1936)

Н. И. Ежов,
нарком внутренних дел СССР
(1936—1938)

Л. П. Берия,
нарком (министр) внутренних дел СССР
(1938—1946, март — июнь 1953)

В. Н. Меркулов,
нарком госбезопасности СССР
(03. 02.—20. 07. 1941, 1943—1946)

В. С. Абакумов,
министр госбезопасности СССР
(1946—1951)

С. Д. Игнатьев,
министр госбезопасности СССР
(1951—1953)

С. Н. Круглов,
министр внутренних дел СССР
(1953—1954)

А. Н. Шелепин,
председатель КГБ СССР
(1958—1961)

И. А. Серов,
председатель КГБ СССР
(1954—1958)

В. Е. Семичастный,
председатель КГБ СССР
(1961—1967)

Ю. В. Андропов,
председатель КГБ СССР
(1967—1982)

В. В. Федорчук,
председатель КГБ СССР
(май — декабрь 1982)

В. М. Чебриков,
председатель КГБ СССР
(1982—1988)

В. А. Крючков,
председатель КГБ СССР
(1988—1991)

В. В. Бакатин,
председатель КГБ СССР
(08.1991—01.1992)

В. П. Баранников,
министр безопасности РФ
(1992—1993)

Н. М. Голушко,
министр безопасности РФ
(сентябрь — декабрь 1993)

С. В. Степашин,
директор ФСБ РФ
(1994—1995)

М. И. Барсуков,
директор ФСБ РФ
(июль 1995 — июнь 1996)

Н. Д. Ковалев,
директор ФСБ РФ
(1996—1998)

В. В. Путин,
директор ФСБ РФ
(июль 1998 — август 1999)

Н. П. Патрушев,
директор ФСБ РФ
(с августа 1999)

Комитет провел несколько заседаний, на которых подводились итоги распространения материалов союза. Анализ содержания «платформы» и так называемого манифеста «Союза марксистов-ленинцев» — обращение «Ко всем членам ВКП(б)» показывает, что в них давалась оценка тяжелого экономического положения, в котором оказалась страна из-за допущенных сталинским руководством перегибов в вопросах форсирования темпов индустриализации и сплошной коллективизации, сопровождавшихся насилием над крестьянами, говорилось о необходимости демократизации внутрипартийной и государственной жизни, восстановления ленинских норм и принципов, об отказе от насильственной коллективизации, о стихийных проявлениях недовольства и восстаниях крестьян (Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь, Украина) и рабочих некоторых промышленных центров (Иваново, Вичуга), делался вывод, что трудно ждать кардинальных изменений, пока во главе Центрального Комитета ВКП(б) находится И. Сталин.

Шла речь о таких явлениях, как усиление бюрократизма, извращение сущности пролетарской диктатуры, принижение роли Советов, профсоюзов, комсомола.

Для восстановления пролетарской диктатуры, ленинских принципов жизни и деятельности партии, повышения активности ее членов, выхода страны из тяжелого экономического положения предлагалось осуществить организационные изменения в руководстве партии, сместить Сталина с поста Генерального секретаря. И. Сталин характеризовался при этом как «великий агент, провокатор, разрушитель партии, могильщик революции в России».

14 сентября 1932 года в ЦК ВКП(б) поступило заявление от членов ВКП(б) Н. Кузьмина и Н. Стороженко, в котором сообщалось, что от Каюрова ими получено для ознакомления обращение «Ко всем членам ВКП(б)». Текст его прилагался.

15 сентября Иванов, Каюров, Горелов, а потом Рютин и другие лица, имевшие какое-либо отношение к деятельности или материалам союза, были арестованы органами ОГПУ.

27 сентября Президиум ЦКК принял решение исключить из партии 14 человек, известных к этому моменту как участники организации «Союз марксистов-ленинцев». В постановлении Президиума ЦКК (оно было подписано секретарем коллегии ЦКК Е. Ярославским) ставилась задача «...выявить невыявленных еще членов контрреволюционной группы Рютина, выявить закулисных вдохновителей этой группы и отнестись ко всем этим белогвардейским преступникам, не желающим раскаться до конца и сообщить всю правду о группе и ее вдохновителях, со всей строгостью революционного закона».

С учетом этой директивы органы ОГПУ еще больше активизировали свою работу.

Через несколько дней после решения Президиума ЦКК вопрос о группе М. Рютина был вынесен на объединенный Пленум ЦК, и Президиум ЦКК ВКП(б) принял постановление, подписанное Сталиным:

1. Одобрить постановление ЦКК об исключении из партии членов контрреволюционной группы Рютина—Слепкова, именовавшей себя «Союз марксистов-ленинцев».

2. Пленуму ЦК ВКП(б) и Президиуму ЦКК принять самые решительные меры для полной ликвидации деятельности бело-гвардейской контрреволюционной группы Рютина—Слепкова, их вдохновителей, их укрывателей.

3. Пленум ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК считают необходимым немедленное исключение из партии всех, знавших о существовании этой контрреволюционной группы, в особенности читавших ее контрреволюционные документы и не сообщивших об этом в ЦКК и ЦК ВКП(б), как укрывателей врагов партии и рабочего класса».

В результате этой директивы были репрессированы многие коммунисты.

Уже через несколько дней, 9 октября 1932 года, на вновь созванном под председательством Я. Рудзутака Президиуме ЦКК ВКП(б) было принято постановление об исключении из рядов партии 24 человек как «членов и пособников контрреволюционной группы Рютина—Иванова—Галкина, как разложившихся, ставших врагами коммунизма и Советской власти, как предателей партии и рабочего класса, пытавшихся создать подпольным путем под обманным флагом марксизма-ленинизма буржуазную кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества».

Постановление было опубликовано в «Правде» 11 октября 1932 года.

На заседании Президиума ЦКК предоставили слово Г. Зиновьеву и Л. Каменеву, которым было предъявлено обвинение в том, что они знали о существовании этой организации, знакомились с ее документами, но не сообщили о ней в ЦК ВКП(б) или ЦКК ВКП(б). Несмотря на высказанное Зиновьевым и Каменевым «сожаление о содеянном», их также исключили из ВКП(б).

Позднее по тем же мотивам были исключены из партии П. Сильченко и А. Козловский. Исключив участников «Союза марксистов-ленинцев» из партии, ЦКК ВКП(б) предоставляла решать их дальнейшую судьбу ОГПУ.

11 октября 1932 года коллегией ОГПУ все члены группы были приговорены к различным срокам заключения и ссылки. Наи-

большой срок получил Рютин — 10 лет тюрьмы. Всего по делу о так называемом «Союзе марксистов-ленинцев» в 1932—1933 годах было привлечено к партийной и судебной ответственности 30 человек.

В дальнейшем часть уже осужденных вновь была привлечена к уголовной ответственности по тем же самым обвинениям с ужесточением ранее вынесенных приговоров.

Расследование по этому делу проводилось с грубыми нарушениями закона. Следственные действия были проведены без возбуждения уголовного дела, а Зиновьеву и Каменеву обвинения вообще не предъявлялись.

Проходившие по делу были лишены возможности защищать себя от предъявленного обвинения, репрессированы они были внесудебным органом, без проверки материалов предварительного следствия.

«Союз марксистов-ленинцев» ко времени пресечения его деятельности находился в стадии организационного оформления и выработки программных документов, никаких практических действий по осуществлению содержащихся в них установок, за исключением распространения «манифеста» и политической платформы, его участники не совершили. В состав каких-либо антисоветских организаций или объединений члены союза также не входили.

Органы предварительного следствия и коллегия ОГПУ располагали не подлинными экземплярами «манифеста» и «платформы», а только их копиями, изъятыми при арестах и обыске на квартире П. Сильченко 15 октября 1932 года.

Дошедшие до нас экземпляры документов являются копиями с копий, сделанных в ОГПУ в те годы, и подлинная их идентичность с необнаруженными оригиналами спорна: документы ходили по рукам в Московской и Харьковской партийных организациях, их размножали, дописывали, редактировали. Были тут и явные заимствования из контрреволюционных воззваний и антисоветских листовок, белоэмигрантских документов, что вряд ли могло соответствовать убеждениям Рютина.

Еще в сентябре 1930 года, защищаясь от ложного доноса, он писал в ЦКК ВКП(б): «О термидоре и забастовках я ни слова не говорил. Тут все вымышлено от начала и до конца. Я не троцкист и не устряловец, чтобы городить такую чепуху». А такой «чепухи» в этом документе оказалось много — группе хотели придать характер гигантского заговора против партии и государства, который будто бы охватил миллионы советских людей.

Эту платформу вменяли в вину многим даже в 1937—1938 годах, в том числе и Н. Бухарину.

Что же касается политических воззрений и теоретических взглядов, изложенных в программных документах «Союза марк-

систов-ленинцев» то, надо сказать, они носили дискуссионный характер и не содержали призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти. Эти взгляды, безусловно, расходились с идеями официальной пропаганды, но отнюдь не противоречили марксистско-ленинской концепции социализма.

Представление о содержании документов дает приобщенная к делу схема платформы, написанная Рютиным в процессе следствия и состоящая из следующих разделов:

1. Маркс о роли личности в истории;
2. Сталин как беспринципный политикан;
3. Сталин как софист;
4. Сталин как вождь;
5. Сталин как теоретик;
6. Классовая борьба и марксизм;
7. Простое, расширенное воспроизводство и марксизм-ленинизм;
8. О построении социалистического общества;
9. Ленинизм и борьба с оппортунизмом;
10. Уроки внутрипартийной борьбы в свете истекших лет;
11. Оценка взглядов пролетарской диктатуры на современное положение вещей в СССР;
12. Кризис Коминтерна;
13. Кризис пролетарской диктатуры (экономический кризис, кризис партии, кризис Советов и приводных ремней пролетарской диктатуры).

К этому необходимо добавить, что сложившаяся к тому времени в партии и стране обстановка жестокого преследования инакомыслящих не позволяла открыто высказывать свое мнение, если оно расходилось с мнением партийного руководства и особенно Сталина.

У Каюрова и Иванова было намерение отправить письмо с изложением своих взглядов на обстановку в партии и стране в ЦКК ВКП(б). Но позднее они от своего намерения отказались, понимая, к каким последствиям оно может привести. Среди организаторов «Союза марксистов-ленинцев» выделяются фигуры Каюрова и Рютина. Каюров относился к старой большевистской гвардии, участвовал в партийной работе, до революции возглавлял большевистскую организацию петербургского завода «Эриксон», после Февральской революции был председателем Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов. В июльские дни 1917 года он в числе тех, кто укрывал Ленина. После Октябрьской революции пользовался особым доверием Ленина, получал от него важные задания. Именно он привез в июле 1919 года из Москвы письмо Ленина «Питерским рабочим». В 1921—1924 годах Каюров работал в Сибири и на Урале,

затем в «Грознефти», в 1925—1930 годах являлся консультантом Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, в 1930—1932 годах руководил группой Центрархива. Пользовался авторитетом в партии.

Троцкисты-оппортунисты

По этому делу в декабре 1934 года были арестованы и 16 января 1935 года осуждены к тюремному заключению на сроки от пяти до десяти лет 19 человек:

Зиновьев (настоящая фамилия Радомысльский) Григорий Евсеевич, 1883 года рождения, член ВКП(б) с 1901 года, до ареста член редколлегии журнала «Большевик»;

Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) Лев Борисович, 1883 года рождения, член ВКП(б) с 1901 года, до ареста директор Института мировой литературы имени М. Горького;

Гертик Артем Моисеевич, 1879 года рождения, член ВКП(б) с 1902 года, до ареста помощник управляющего Объединенным научно-техническим издательством;

Куклин Александр Сергеевич, 1876 года рождения, член ВКП(б) с 1903 года, до ареста пенсионер;

Сахов Борис Наумович, 1900 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года, до ареста прокурор Северного края в г. Архангельске;

Евдокимов Григорий Еремеевич, 1884 года рождения, член ВКП(б) с 1903 года, до ареста начальник Главного управления молочной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР;

Бакаев Иван Петрович, 1887 года рождения, член ВКП(б) с 1906 года, до ареста управляющий Главэнергосети;

Шаров Яков Васильевич, 1884 года рождения, член ВКП(б) с 1904 года, до ареста начальник Управления трикотажной промышленности Наркомата местной промышленности РСФСР;

Горшенин Иван Степанович, 1894 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года, до ареста начальник сводно-планового отдела Госплана СССР;

Царьков Николай Алексеевич, 1903 года рождения, член ВКП(б) с 1921 года, до ареста начальник 1-го участка Тихвинского алюминиевого комбината в Ленинградской области;

Федоров Григорий Федорович, 1891 года рождения, член ВКП(б) с 1907 года, до ареста управляющий Всесоюзным картографическим трестом;

Гессен Сергей Михайлович, 1898 года рождения, член ВКП(б) с 1916 года, до ареста уполномоченный по Западной области Наркомата тяжелой промышленности СССР в г. Смоленске;

Тарасов Иван Иванович, 1902 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года, до ареста студент 4-го курса Московского юридического института;

Файвилович Леонид Яковлевич, 1900 года рождения, член ВКП(б) с 1918 года, до ареста заместитель начальника Главного хлопкового управления Наркомзема СССР;

Герцберг Александр Владимирович, 1892 года рождения, член ВКП(б) с 1916 года, до ареста председатель союзного объединения «Техноэкспорт»;

Анишев Анатолий Исаевич, 1899 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года, до ареста научный сотрудник отделения ВАСХНИЛ в г. Ленинграде;

Перимов Алексей Викторович, 1897 года рождения, член ВКП(б) с 1915 года, до ареста уполномоченный Наркомпищепрома СССР по пуску стеклотарного завода в г. Орджоникидзе;

Браво Борис Львович, 1900 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года, до ареста ответственный редактор журнала Комитета заготовок при СНК СССР;

Башкиров Александр Фабианович, 1903 года рождения, член ВКП(б) с 1920 года, до ареста помощник начальника цеха завода «Красная заря» в Ленинграде.

Все они были признаны виновными в том, что, являясь в прошлом активными участниками троцкистско-зиновьевской оппозиции, после подачи заявлений об отказе от оппозиционных взглядов продолжали заниматься подпольной антисоветской деятельностью и ставили своей задачей замену существующего руководства партии и Советского правительства. Наряду с этим Зиновьев, Каменев, Гертик, Ку克林, Евдокимов, Бакаев, Шаров, Горшенин и Федоров объявлялись руководителями «московского центра», который якобы был связан с «ленинградским центром», подготовившим и организовавшим, как утверждалось, убийство Кирова.

Проведенной проверкой установлено, что дело о так называемом «московском центре» сфальсифицировано органами НКВД, а обвиняемые по нему лица были осуждены необоснованно. Необоснованность возбуждения дела и арестов вытекает, в частности, из того, что аресты осужденных по делу лиц производились прежде всего по признаку принадлежности их в прошлом к «зиновьевской» оппозиции, с тем чтобы возложить на них обвинение в подпольной контрреволюционной деятельности и в организации убийства Кирова.

Между тем политическое поведение этих лиц не давало никаких оснований для подобных обвинений. Действительно, все осужденные являлись в прошлом активными участниками «зиновьевской» оппозиции, в 1926 году блокировались с «троцкистами» и за фракционную деятельность в 1927 году привлекались к пар-

тийной ответственности. Зиновьев был исключен из партии на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 14 ноября 1927 года; Каменев, Бакаев, Гертик, Гессен, Евдокимов, Куклин, Федоров и Тарасов постановлением XV съезда ВКП(б); Шаров, Перимов, Файвилович, Анишев, Браво, Башкиров и Царьков — местными парторганизациями. На Горшенина и Сахова за участие в оппозиции были наложены партийные взыскания. Герцберг к партийной ответственности вообще не привлекался.

В ходе XV съезда ВКП(б) в так называемом «Заявлении 23-х», а также после съезда исключенные из партии обвиняемые по этому делу объявили о прекращении оппозиционной деятельности и о полном подчинении решениям ЦК партии и Коминтерна. ЦКК, рассмотрев заявления, признала их отвечающими требованиям XV съезда и в июне—августе 1928 года восстановила в партии Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Гертика, Гессена, Куклина, Федорова, Башкирова, Перимова, Файвиловича и Шарова. В 1928—1929 годах были восстановлены в партии Тарасов, Царьков и Анишев. Одному лишь Браво при рассмотрении его апелляции в июле 1929 года было отказано в восстановлении в партии на том основании, что он и после съезда якобы продолжал оппозиционную деятельность. Но в декабре того же года и он был восстановлен в партии.

Во время партийной чистки в сентябре 1929 года Зиновьеву обвинений в антипартийной деятельности не предъявлялось. В отношении Каменева было установлено, что в 1928 году его пытались привлечь на свою сторону Бухарин.

Рассмотрев этот вопрос, объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 9 февраля 1929 года и объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 апреля 1929 года осудили поведение Бухарина, однако о Каменеве никаких решений принято не было. Лишь 31 декабря 1929 года ЦКК объявила Каменеву выговор за то, что он встретился с некоторыми троцкистами и в беседе с ними заявил о своей готовности блокироваться с Троцким. Каменев, не отрицая в ЦКК факта посещения его квартиры сторонниками Троцкого, утверждал, что в беседе с ними высказывал свое отрицательное отношение к троцкистам.

На Зиновьева и Каменева, как на бывших лидеров оппозиции, ориентировались многие из тех, кто был не согласен с линией Сталина и его сторонников. В особой степени это относится к началу 30-х годов, когда сталинская политика привела к обострению политической обстановки в стране, крупным провалам в народном хозяйстве, тяжело сказалась на социальном положении людей. На этом фоне активизировались силы, выступавшие с осуждением ряда направлений такой политики. Примером этому служит и история с распространением так называемой «рютинской платформы».

В конце сентября 1932 года Я. Стэн доставил на дачу Зиновьеву и Каменеву экземпляры обращения и «платформы» группы Рютина. Зиновьев и Каменев в партийные или советские органы о существовании этих документов не сообщили. 9 октября 1932 года Президиум ЦКК ВКП(б) исключил из партии Каменева и Зиновьева за то, что они, как указано в постановлении, «зная о существовании этой контрреволюционной группы, получая от этой группы ее документы, не довели об этом до сведения партии, чем содействовали ее деятельности». За указанные действия Зиновьев, Каменев и Стэн, а также ряд других лиц, причастных к составлению и распространению этих документов, по постановлению коллегии ОГПУ от 11 октября 1932 были отправлены в ссылку сроком на три года: Каменев в Минусинск, а Зиновьев в Кустанай. При этом Зиновьев и Каменев были признаны виновными в том, что они являлись участниками и идейными вдохновителями контрреволюционной организации «Союз марксистов-ленинцев».

8 мая 1933 года Зиновьев обратился с письмами в ЦК ВКП(б) и лично к Сталину. В письме Сталину он признавал, что наказан правильно, но желает загладить вину перед партией и заслужить доверие ЦК, для чего просит дать ему любую работу. Письмо в ЦК ВКП(б), содержащее критику его личной деятельности и оппозиции в целом, было опубликовано 20 мая 1933 года в «Правде», а накануне Кирову, Куйбышеву, Микояну, Орджоникидзе, Петровскому, Чубарю, Андрееву и членам Президиума ЦКК было разослано письмо следующего содержания: «По поручению т. Сталина рассылаются два письма т. Зиновьева. Т. Сталин, Ворошилов, Молотов, Калинин и Каганович предлагают отменить в отношении Зиновьева ссылку и разрешить ему приезд в Москву для определения вопроса о его работе».

14 декабря 1933 года решением ЦКК Зиновьев и Каменев были восстановлены в партии. Каких-либо данных об антипартийной деятельности Зиновьева и Каменева после этого в архивах не обнаружено. Однако в декабре 1934 года они вновь были арестованы, а 20 декабря 1934 года исключены из партии.

В отношении остальных обвиняемых установлено следующее. Евдокимов, Бакаев, Шаров, Ку克林, Гессен, Башкиров, Царьков, Перимов, Файвилович, Тарасов и Браво после восстановления их в партии в 1928—1929 годах и до ареста в декабре 1934 года к партийной ответственности за антипартийную деятельность не привлекались. Бакаев, Евдокимов и Файвилович в ходе партийной чистки в 1933 году характеризовались положительно. Горшенин и Федоров ячейковыми комиссиями по чистке партии исключались как бывшие оппозиционеры, но вышестоящими партийными органами были восстановлены, так как никакой антипартий-

ной деятельности не вели. В материалах по чистке партии в 1929 — 1930 годах имеются данные о том, что Герцберг чистку прошел. Гертик в 1930 году во внесудебном порядке был сослан на три года и исключен из партии по обвинению в оппозиционной деятельности, но в том же году дело было пересмотрено, а 15 мая 1931 года решением ЦКК ВКП(б) он был восстановлен в партии. Из числа всех осужденных по настоящему делу только один Анишев был исключен из партии до ареста, в 1933 году, за переписку со своей женой, находившейся в ссылке. Вместе с тем Анишев характеризовался как «образцовый директор института и крепкий партиец, твердо проводящий генеральную линию партии».

Остальные обвиняемые были исключены из партии после ареста по этому делу с формулировкой «как контрреволюционеры». Все это свидетельствует о том, что к моменту ареста обвиняемых по настоящему делу партийные органы не располагали материалами об их подпольной или какой-либо иной организованной антипартийной деятельности.

В процессе проверки этого дела были изучены справка «О важнейших агентурных и следственных делах», составленная начальником секретно-политического отдела ОГПУ Г. Молчановым 4 января 1934 года для руководящих работников ОГПУ; справка, представленная 15 января 1934 года заместителем председателя ОГПУ Аграновым секретарю ЦК ВКП(б) Л. Кагановичу, в которой перечислялись различные контрреволюционные группы и организации; а также пять томов ежедневных оперативных рапортов секретно-политического отдела НКВД СССР на имя руководства НКВД об агентурно-оперативной работе за период с 1 января по 9 декабря 1934 года. Установлено, что сведений об антисоветской деятельности Каменева, Зиновьева и других обвиняемых по этому делу, а также о существовании подпольной «зиновьевской организации» в этих материалах не имеется.

Оперативные работники УНКВД по Ленинградской области, до декабря 1934 года имевшие непосредственное отношение к сбору сведений о поведении бывших участников «зиновьевской» оппозиции, в своих объяснениях в 1961 году заявили, что об антисоветской деятельности «зиновьевцев» им также ничего известно не было. Напротив, многие факты свидетельствовали о том, что ряд бывших участников «зиновьевской» оппозиции, осужденных впоследствии по делу так называемого «московского центра», считали неприемлемой для себя тактику фракционной борьбы против партийного большинства.

Таким образом, имеющиеся материалы не позволяют сделать вывод о том, что в 1928—1929 годах был создан подпольный центр зиновьевской организации и что такая организация вообще существовала. «Все данные говорят за то, — отмечалось в информации

онном письме ОГПУ, — что Зиновьев, Каменев и все бывшие сторонники ленинградской оппозиции, примкнувшие к «Заявлению 23-х», безусловно порвали с оппозицией и прекратили фракционную работу».

В других материалах также не имеется данных о подпольной антисоветской деятельности «зиновьевцев» после XV съезда партии или о существовании «зиновьевской организации» с руководящим центром во главе.

Зиновьев и Каменев — враги народа?

С момента направления Зиновьева и Каменева в ссылку по делу так называемого «Союза марксистов-ленинцев», то есть с октября 1932 года, за ними велось активное агентурное наблюдение, сопровождавшееся перлюстрацией переписки и подслушиванием телефонных разговоров, однако в результате и этой работы не было получено никаких данных о ведении ими антисоветской деятельности.

При аресте Зиновьева в декабре 1934 года у него был изъят и тщательно изучен обширный личный архив, но и в нем компрометирующих материалов не оказалось. Не имеется данных о существовании и деятельности «зиновьевского центра» и в изъятых при аресте личных архивах Каменева и остальных обвиняемых по делу так называемого «московского центра».

Таким образом, в декабре 1934 года основания для ареста Зиновьева, Каменева и других осужденных по настоящему делу лиц полностью отсутствовали. Арест их явился началом осуществления замысла использовать убийство Кирова для политической дискредитации и физического уничтожения бывших оппозиционеров, обвинив их в организации, подготовке и осуществлении этого преступления.

Обвинение бывших участников «зиновьевской оппозиции» в подготовке и организации убийства Кирова основывалось на том, что убийца Л. В. Николаев в прошлом якобы являлся сторонником Зиновьева. Между тем никаких документальных и иных материалов, подтверждающих это, не имелось. Версию о принадлежности Николаева к «зиновьевской оппозиции» выдвинул Сталин. Она была воспринята и проведена в жизнь следствием и судом в результате прямого давления с его стороны.

Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году с заключительным словом, Ежов сообщал о том, в каких условиях проводилось следствие по делу об убийстве Кирова и как по инициативе Сталина следствие было направлено по линии обвинения в этом преступлении бывших участни-

ков «зиновьевской оппозиции». Вот выдержка из этого выступления (цитируется по направленной стенограмме):

«Теперь, товарищи, разрешите мне по существу сделать несколько замечаний. Можно ли было предупредить убийство т. Кирова, судя по тем материалам и по данным, которые мы имеем? Я утверждаю, что можно было, утверждаю. Вина в этом целиком лежит на нас. Можно ли было после убийства т. Кирова во время следствия вскрыть уже тогда троцкистско-зиновьевский центр? Можно было. Не вскрыли, проморгали. Вина в этом и моя персонально, обошли меня немножечко, обманули меня, опыта у меня не было, нюху у меня не было еще.

Первое — начал т. Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев».

Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной, возможно, там что-нибудь выскочит.

Второе — я не исключаю, что по этой именно линии все материалы, которыми располагал секретно-политический отдел, все агентурные материалы, когда поехали на следствие, надо было забрать, потому что они давали направление, в них много было фактов, благодаря которым вскрыть можно было тогда же и доказать непосредственное участие в убийстве т. Кирова Зиновьева и Каменева. Эти материалы не были взяты, а шли напролом.

Не случайно, мне кажется, что первое время довольно туго налаживались наши взаимоотношения с чекистами, взаимоотношения чекистов с нашим контролем. Следствие не очень хотели нам показывать, не хотели показывать, как это делается и вообще.

Пришлось вмешаться в это дело т. Сталину.

Товарищ Сталин позвонил Ягоде и сказал: «Смотрите, морду набьем».

Результат какой? Результат по кировскому делу мы тогда, благодаря ведомственным соображениям, а кое-где и кое у кого благодаря политическим соображениям, например, у Молчанова были такие настроения, чтобы подальше запрятать агентурные сведения. Ведомственные соображения говорили: впервые в органы ЧК вдруг ЦК назначает контроль. Люди не могли никак переварить этого.

И немалая доля вины за то, что тогда не смогли вскрыть центра, немалая доля вины и за убийство т. Кирова лежит на тех узколобых ведомственных антипартийных работниках, хотя и убежденных чекистах...»

Кроме того, на очной ставке между Н. Бухариным и К. Радеком в ЦК ВКП(б) 13 января 1937 года в присутствии Сталина Бухарин сообщил, что на второй день после убийства Кирова Сталин вызвал его и Л. Мехлиса и заявил им, что убийца Николаев

является «зиновьевцем». Сталин не отрицал этого обстоятельства и лишь уточнил, что такой разговор имел место по возвращении его из Ленинграда, куда он выезжал во главе комиссии по расследованию обстоятельств убийства Кирова.

Однако никаких объективных данных о принадлежности Николаева к «зиновьевской оппозиции» не имелось, и такое заявление Сталина являлось голословным.

Тем не менее 8 декабря 1934 года начались аресты бывших «зиновьевцев», и 16 декабря были арестованы Каменев и Зиновьев.

Свидетельством того, что новый арест явился для них полной неожиданностью, так как никакой вины они за собой не чувствовали, является письмо Зиновьева Сталину, написанное во время производства у него на квартире обыска. Вот его текст:

«Сейчас (16 декабря в 7 веч.) тов. Молчанов с группой чекистов явились ко мне на квартиру и производят у меня обыск.

Я говорю Вам, товарищ Сталин, честно, с того времени, как распоряжением ЦК я вернулся из Кустаная, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, не написал ни одной строчки, не имел ни одной мысли, которые я должен был бы скрывать от партии, от ЦК, от Вас лично.

Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу. Ничего, кроме старых архивов (все, что скопилось за 30 с лишним лет, в том числе и годов оппозиции), у меня нет и быть не может. Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично.

Клянусь Вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина. Я не могу себе и представить, что могло бы вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души».

Это письмо Ягода передал Сталину, который оставил его без ответа.

В то время уже осуществлялась версия об убийстве Кирова «зиновьевцами». В Ленинграде, Москве и других городах производились массовые аресты бывших участников «зиновьевской оппозиции». Сталин внимательно следил за следствием по делу «московского центра», ежедневно получал копии протоколов допроса арестованных и отчеты о показаниях подсудимых в судебном заседании, заслушивал доклады Ежова, Агранова, Вышинского и других работников, проводивших следствие по делу; с ним согласовывались тексты наиболее важных и ответственных документов.

Исходя из версии о принадлежности Николаева к «зиновьевской оппозиции», сотрудники НКВД, заместитель прокурора СССР А. Я. Вышинский и следователь по важнейшим делам Про-

куратуры СССР Л. Р. Шейнин, принимавшие участие в расследовании этих дел, а затем и работники Верховного суда СССР, рассматривавшие их, стали на путь фальсификации и извращения действительных фактов и обстоятельств, искусственно увязали это трагическое событие с мнимой антисоветской деятельностью бывшей «зиновьевской оппозиции», которая якобы действовала под руководством центра, находящегося в Москве.

В результате проверки, произведенной по материалам партийных архивов и архивов органов госбезопасности, данных о том, что Николаев примыкал к каким-либо оппозиционным группировкам, в том числе и к «зиновьевской», не обнаружено.

Как известно, по первоначальному замыслу намечалось Зиновьева и Каменева осудить по одному делу с Николаевым и другими. Однако доказать взаимосвязь дел не удалось.

3 февраля 1935 года на оперативном совещании заместитель наркома внутренних дел СССР Я. Агранов, касаясь хода расследования дел, возникших в связи с убийством Кирова, заявил: «Нам не удалось доказать, что «московский центр» знал о подготовке террористического акта против товарища Кирова».

Решение об организации судебного процесса по делу Зиновьева, Каменева, Федорова, Евдокимова и других было принято только в январе 1935 года, то есть после уже закончившегося судебного процесса «ленинградского центра» (Николаев и другие).

Принимавший участие в расследовании дела о так называемом «московском центре» Д. Дмитриев в письме от 7 августа 1937 года, адресованном Ежову, ссылаясь на свои заслуги, указывал:

«Я разоблачил в 35-м году Бакаева, который дал мне показания о своей контрреволюционной деятельности. Это обстоятельство тогда решило вопрос о процессе, по которому были тогда привлечены Зиновьев и Каменев. Сознание Бакаева явилось крупнейшим фактором. Так было написано в одном из сообщений правительства, выпущенном в 1935 году. Сознанием Бакаева мотивировалась возможность организации суда над Зиновьевым и Каменевым, которых тогда наметили послать только в ссылку. Вы этот момент помните».

Был ли «московский центр»?

Это утверждение Дмитриева подтверждается опубликованным в печати 16 января 1935 года следующим сообщением Прокуратуры СССР:

«При производстве расследования по делу Бакаева И. П., Гертика А. М., Куклина А. С. и других, привлеченных к ответственности в связи с раскрытием в городе Ленинграде подпольной контррево-

люционной группы, подготовившей и осуществившей убийство т. С. М. Кирова, были получены данные в отношении подпольной контрреволюционной деятельности Зиновьева Г. Е., Евдокимова Г. Е., Каменева Л. Б. и Федорова Г. Ф., дела о которых первоначально были направлены на рассмотрение Особого совещания НКВД.

Ввиду этих данных и, в частности, показаний Бакаева И. П., разоблачающих участие Зиновьева, Евдокимова, Каменева и Федорова в подпольном организационном «московском центре», и Сафарова, сообщившего следствию ряд фактов о подпольной контрреволюционной деятельности указанных выше лиц вплоть до последнего времени, дело по обвинению Зиновьева, Евдокимова, Каменева и Федорова передано на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Из материалов судебного дела видно, что Дмитриевым в начале 1935 года действительно были получены от Бакаева развернутые «показания», в которых указывалось, что бывшие «зиновьевцы» ведут антисоветскую деятельность, представляют собой контрреволюционную организацию, имеют руководящий центр и т. д. Вместе с тем в этих показаниях никаких конкретных фактов антисоветской деятельности «зиновьевцев» не приводилось, а выводы о наличии контрреволюционных организаций и центра являлись голословными. Между тем именно эти показания дали возможность работникам органов следствия получить от других обвиняемых по настоящему делу формальные признания своей виновности, что в последующем было использовано для принятия необоснованного решения об организации судебного процесса по делу так называемого «московского центра».

Расследование по делу было проведено с грубейшими нарушениями законности, необъективно и тенденциозно, с обвинительным уклоном, в отрыве от фактических обстоятельств дела. Работники следствия придерживались лишь одной версии об убийстве Кирова «зиновьевцами» и для обоснования ее применяли обман и другие методы и средства фальсификации. Полученные таким образом ложные показания затем использовались с применением нажима и вымогательства для признания несуществующей вины и другими обвиняемыми. Показания лиц, проходящих по делу, о их якобы преступной деятельности записывались в протоколах допроса произвольно, в общей форме, как правило без ссылки на конкретные факты и обстоятельства, без указания определенного времени происходивших событий.

Касаясь методов расследования, замнаркома внутренних дел Агранов на оперативном совещании сотрудников НКВД СССР 3 февраля 1935 года заявил:

«Наша тактика сокрушения врага заключалась в том, чтобы столкнуть лбами всех этих негодяев и их перессорить. А эта за-

дача была трудная. Перессорить их необходимо было потому, что все эти предатели были тесно спаяны между собою десятилетней борьбой с нашей партией. Мы имели дело с матерыми двурушниками, многоопытными очковтирателями. В ходе следствия нам удалось добиться того, что Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Сафаров, Горшенин и другие действительно столкнулись лбами».

Как происходили эти «столкновения», видно на примере допроса 10 января 1935 года Каменева, когда работники НКВД требовали от него признания существования подпольной контрреволюционной организации, утверждая, что Зиновьев это обстоятельство уже подтвердил. Между тем последний в то время таких показаний не давал.

Несмотря на широко применявшиеся сотрудниками НКВД и работниками прокуратуры Вышинским и Шейниным незаконные методы расследования, доказательств преступной антисоветской деятельности обвиняемых получено не было.

В ходе следствия преследовалась цель доказать существование подпольной контрреволюционной зиновьевской организации во главе с руководящим «московским центром». Для получения таких признаний, по существу формальных, как это видно из материалов расследования и проверки, применялся метод навязывания арестованным голословных и расплывчатых формулировок, без указания в них определенных фактов, места и времени происходивших событий. В ходе последующих и неоднократных допросов подобные формулировки в различных их комбинациях и вариантах усиливались, и таким образом следователи создавали видимость признания обвиняемыми своей виновности.

Так, например, в показаниях Башкирова, Тарасова, Файвилевича, Федорова и ряда других записано, что бывшие оппозиционеры после XV съезда якобы возвращались в партию «по прямой директиве» Зиновьева в двурушнических целях. Однако никто из них не показал, когда и кому была передана эта директива и каково было ее подлинное содержание.

Допрашивая Зиновьева, следователи пытались изобразить подобной директивой его письмо Румянцеву от 30 июня 1928 года, которое, однако, никаких антипартийных установок не содержит. В этом письме Зиновьев предлагает Румянцеву обратиться в ЦКК с заявлением о восстановлении в партии и, в частности, указывает: «Торговаться теперь с партией из-за формулировки заявления недопустимо. То, что решил съезд, надо принять».

Сам же Зиновьев на всех допросах утверждал, что после XV съезда действительно убеждал отказаться от оппозиционных взглядов и прекратить фракционную деятельность, руководствуясь

при этом искренними побуждениями восстановить единство партии, и никаких двурушнических целей не преследовал.

При помощи неконкретных формулировок в протоколах допросов обосновывалась версия о существовании контрреволюционного «московского центра». Более того, фальсифицированные показания Бакаева о существовании «московского центра» использовались в качестве средства давления и на остальных арестованных.

Об этом, в частности, свидетельствует протокол очной ставки между Бакаевым и Евдокимовым 9 января 1935 года. В протоколе очной ставки вопросы каждому из допрашиваемых были заготовлены заранее, отпечатаны на пишущей машинке и изложены следующим образом:

«Вопрос Бакаеву. Признаете ли вы, что состояли до последнего времени совместно с Евдокимовым членами московского контрреволюционного центра московской организации?»

Вопрос Евдокимову. Подтверждаете ли вы настоящее показание Бакаева?

Вопрос Бакаеву. Что вам известно о составе московского центра контрреволюционной организации?

Вопрос Евдокимову. Подтверждаете ли вы показания Бакаева о составе московского центра контрреволюционной зиновьевской организации?

Вопрос Бакаеву. Назовите известных вам в Москве участников зиновьевской организации.

Вопрос Евдокимову. Подтверждаете ли вы показания Бакаева?»

Так же сформулированы все остальные вопросы. Ответы на них вписывались в протокол допроса от руки. Таким образом, показания, в данном случае И. П. Бакаева, работниками следствия были заранее предопределены, от Г. Е. Евдокимова же требовалось лишь подтвердить их. Аналогично были заготовлены протоколы допросов на очных ставках и других обвиняемых.

Согласно обвинительному заключению, «центр» был определен в составе: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов, Куклин, Шаров, Гертик, Горшенин и Федоров. Имеющиеся документы свидетельствуют, что в показаниях Браво, Перимова, Тарасова и Файвиловича о существовании руководящего «центра» вообще ничего не говорится, а показания других обвиняемых по этому вопросу настолько неконкретны и противоречивы, что становится очевидной несостоятельность утверждений органов следствия о существовании этого подпольного органа бывших «зиновьевцев» и о вхождении в него перечисленных выше лиц. Что касается Зиновьева и Каменева, то они до окончания предварительного следствия вообще не признавали существования контрреволюционной организации и «центра».

«Кремлевское дело»

Так называемое «кремлевское дело» возникло в начале 1935 года как прямое продолжение сталинской политики репрессий после убийства Кирова. Поводом для его возникновения послужило «разоблачение» якобы существовавшего в Кремле заговора ряда служащих, работников комендатуры, военных и других лиц, которые, по данным НКВД, готовили покушение на Сталина.

В этой связи на июньском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был заслушан вопрос «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе». Доклад делал секретарь ЦК ВКП(б) Ежов. Он заявил, что из-за преступного попустительства Енукидзе на территории Кремля была создана целая сеть террористических групп. Было объявлено, что главным организатором террористической сети, поставившей своей целью убийство Сталина, является Каменев.

Чтобы придать «кремлевскому делу» ярко выраженную политическую окраску и крупномасштабный характер, оно непосредственно «увязывалось» с Л. Троцким, Г. Зиновьевым, меньшевиками, монархистами, белогвардейцами и т. д.

Каких-либо фактов о наличии такой «преступной сети» и о причастности к ее существованию Енукидзе, Каменева и других, кроме нескольких противоречивых и бездоказательных выдержек из показаний арестованных по этому делу лиц, на пленуме приведено не было. Однако, несмотря на явную абсурдность обвинений, пленум постановил вывести Енукидзе из состава ЦК ВКП(б) и исключить его из рядов партии. Каменев, который к этому времени уже был осужден по делам «Союза марксистов-ленинцев» и «московского центра», вновь оказался на скамье подсудимых.

27 июля 1935 года военной коллегией Верховного суда СССР под председательством В. Ульриха в закрытом судебном заседании, без участия государственного обвинителя и защиты, по обвинению в подстрекательстве к совершению террористического акта были осуждены:

Каменев Лев Борисович, 1883 года рождения, еврей, член ВКП(б) с 1901 года, исключенный из партии в декабре 1934 года, отбывавший наказание в связи с осуждением в январе 1935 года к пяти годам тюремного заключения по делу «московского центра», — к 10 годам тюремного заключения с поглощением пятилетнего срока заключения по приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 16 января 1935 года;

Синелобов Алексей Иванович, 1899 года рождения, русский, член ВКП(б), секретарь для поручений коменданта Московского Кремля,

Чернявский Михаил Кондратьевич, 1901 года рождения, белорус, член ВКП(б), начальник отделения разведывательного управления РККА,

оба — к высшей мере наказания: расстрелу.

Розенфельд Николай Борисович, 1886 года рождения, еврей, художник-иллюстратор книг издательства «Академия», брат Каменева Л. Б.

Розенфельд Нина Александровна, 1886 года рождения, армянка, старший библиотекарь библиотеки в Кремле, бывшая жена Н. Б. Розенфельда,

Муханова Екатерина Константиновна, 1898 года рождения, русская, библиотекарь правительственной библиотеки в Кремле,

Дорошин Василий Григорьевич, 1894 года рождения, русский, член ВКП(б), помощник коменданта Московского Кремля,

Козырев Василий Иванович, 1899 года рождения, русский, член ВКП(б), слушатель Военно-химической академии РККА,

Иванов Федор Григорьевич, 1901 года рождения, русский, член ВКП(б), слушатель Военно-химической академии РККА,

Новожилов Максим Иванович, 1897 года рождения, русский, член ВКП(б), старший инженер-конструктор ЦАГИ,

Синани-Скалов Георгий Борисович, 1896 года рождения, русский, член ВКП(б), заведующий секретариатом исполкома Коминтерна,

все — к 10 годам тюремного заключения.

Гардин-Гейер Александр Александрович, 1895 года рождения, русский, редактор-консультант газеты «За индустриализацию», — к 8 годам заключения;

Давыдова Зинаида Ивановна, 1889 года рождения, русская, старший библиотекарь правительственной библиотеки,

Барут Владимир Адольфович, 1889 года рождения, русский, старший научный сотрудник Музея изобразительных искусств,

Корольков Михаил Васильевич, 1887 года рождения, русский, педагог по массовой работе в парке культуры и отдыха в Москве,

Скалова Надежда Борисовна, 1898 года рождения, русская, корректор журнала «Литературное наследство»,

Павлов Иван Ефимович, 1899 года рождения, русский, член ВКП(б), помощник коменданта Московского Кремля,

все — к 7 годам тюремного заключения.

Поляков Павел Федорович, 1900 года рождения, русский, член ВКП(б), начальник административно-хозяйственного отдела управления коменданта Московского Кремля,

Лукьянов Иван Петрович, 1898 года рождения, русский, член ВКП(б), комендант Большого Кремлевского дворца,

Бураго Наталия Ивановна, 1894 года рождения, русская, библиотекарь библиотеки ЦИК СССР,

Раевская Елена Юрьевна, 1913 года рождения, русская, библиотекарь библиотеки в Кремле,

Воронов Леонид Александрович, 1899 года рождения, русский, художник «Рекламфильма»,
все — к 6 годам тюремного заключения.

Сидоров Александр Иванович, 1897 года рождения, русский, старший инженер товарищества «Маштехпроект», — к 5 годам тюремного заключения,

Синелобова Клавдия Ивановна, 1906 года рождения, русская, сотрудница библиотеки ЦИК СССР, — к 4 годам тюремного заключения,

Кочетова Мария Дмитриевна, 1915 года рождения, русская, телефонистка управления коменданта Московского Кремля,

Руднев Сергей Александрович, 1895 года рождения, русский, бухгалтер диспансерного объединения лечебного учреждения им. Семашко,

Минервина Любовь Николаевна, 1895 года рождения, русская, сотрудница канцелярии библиотеки ЦИК СССР,
все — к 3 годам тюремного заключения.

Авдеева Анна Ефимовна, 1913 года рождения, русская, уборщица школы ВЦИК при Московском Кремле,

Гордеева Полина Ивановна, 1907 года рождения, русская, член ВЛКСМ, старший библиотекарь библиотеки ЦИК СССР,

Коновая Анна Ивановна, 1909 года рождения, русская, член ВЛКСМ, библиотекарь библиотеки ЦИК СССР,
все — к 2 годам тюремного заключения.

Кроме того, по «кремлевскому делу» были привлечены и 14 июля 1935 года Особым совещанием при НКВД СССР приговорены за контрреволюционную деятельность еще 80 человек.

Таким образом, по «кремлевскому делу» было осуждено 110 человек, в том числе военной коллегией Верховного суда СССР — 30 человек (к расстрелу — 2, к 10 годам тюремного заключения — 9, к 8 годам — 1, к 7 годам — 5, к 6 годам — 5, к 5 годам — 1, к 4 годам — 1, к 3 годам — 3, к 2 годам — 3) и Особым совещанием при НКВД СССР — 80 человек (к 5 годам тюремного заключения — 29, к 3 годам — 13, к 2 годам ссылки — 30, к 2 годам ссылки — 7, к 5 годам запрета проживать в Москве и Ленинграде — 1).

Кроме того, в ходе следствия в связи со смертью было прекращено дело на Презента Михаила Яковлевича, 1896 года рождения, главного редактора Госиздата художественной литературы.

Как видно из материалов уголовного дела, в январе—апреле 1935 года органы НКВД в Москве арестовали большую группу служащих кремлевских учреждений, членов их семей и знакомых. Среди арестованных: уборщицы правительственных зданий, швейцар и телефонистка — 11 человек, сотрудники правительств-

венной библиотеки — 18 человек, секретариата Президиума ЦИК — 6 человек, управления коменданта Кремля и военнослужащие — 16 человек, работники различных учреждений и предприятий — 48 человек, родственники Каменева — 5 человек и домохозяйки — 6 человек.

В течение первых полутора месяцев арестованным предъявлялось, как правило, обвинение в распространении злостных провокационных слухов, и они допрашивались по фактам имевших место разговоров об обстоятельствах убийства Кирова и смерти Н. С. Аллилуевой — жены Сталина.

В феврале 1935 года следствие получило показания с признаниями о якобы существовавшей среди сотрудников управления коменданта Московского Кремля троцкистской группы и о том, что «распространение ими клеветнической информации могло создавать террористические намерения» обвиняемых.

Помимо этого, 19 марта 1935 года был допрошен Зиновьев, осужденный в январе 1935 года по делу «московского центра». Он, в частности, показал: «Каменеву же принадлежит крылатая формулировка о том, что марксизм есть теперь то, что угодно Сталину... У меня с Каменевым разговоры об устранении Сталина имели место, но мы при этом исходили только из намерений замены его на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б)...

Заявлений от Каменева о необходимости применения теракта как средства борьбы с руководством ВКП(б) я не слышал. Не исключено, что допускавшиеся им... злобные высказывания и проявление ненависти по адресу Сталина могли быть использованы в прямых контрреволюционных целях...»

Таким образом, привлеченные по «кремлевскому делу» лица как на предварительном, так и на судебном следствии военной коллегией Верховного суда СССР были признаны виновными в следующем:

«В 1933—1934 годах среди части служащих правительственной библиотеки и комендатуры Кремля образовались контрреволюционные группы, поставившие своей целью подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства и в первую очередь против Сталина.

В состав контрреволюционной террористической группы служащих правительственной библиотеки входили: Розенфельд, Муханова, Давыдова, Бураго, Синелобова и Раевская, причем руководящая роль в этой группе принадлежала Розенфельд и Мухановой, которые сами готовились совершить террористический акт против Сталина.

Барут и Корольков, не входя в эту группу, тем не менее принимали активное участие в контрреволюционной деятельности этой группы, зная о террористических планах Розенфельд и Мухановой.

В состав контрреволюционной террористической троцкистской группы комендатуры Кремля входили бывший дежурный помощник коменданта Кремля Дорошин В. Г., бывший секретарь для поручений при коменданте Кремля Синелобов А. И., бывший дежурный помощник коменданта Кремля Павлов И. Е., бывший комендант Большого Кремлевского дворца Лукьянов И. П. и бывший начальник административно-хозяйственного отдела комендатуры Кремля Поляков П. Ф.

Руководящая роль в этой группе принадлежала Дорошину и Синелобову.

Связь между обеими группами поддерживалась через Синелобова и его сестру Синелобову К. И., сотрудницу правительственной библиотеки, причем оружие для совершения террористического акта Розенфельд Н. А. должен достать Синелобов А. И. Он же, Синелобов, намечался одним из исполнителей террористического акта.

В тот же период времени в Москве существовала контрреволюционная троцкистская террористическая группа из числа некоторых военных работников и контрреволюционная группа из бывших белогвардейцев, причем обе группы основной своей целью ставили подготовку и осуществление террористического акта против Сталина.

В состав контрреволюционной троцкистской террористической группы военных работников входили: ответственный работник НКО Чернявский М. К., слушатели Военно-химической академии Козырев В. И., Иванов Ф. Г. и инженер ЦАГИ Новожилов М. И.

Руководящая роль в этой группе принадлежала Чернявскому, который установил во время заграничной служебной командировки связь с зарубежной троцкистской организацией, получил от нее задание подготовить и совершить террористический акт против Сталина. Непосредственными исполнителями террористического акта намечались Иванов и Новожилов. Связь этой группы с контрреволюционной группой комендатуры Кремля поддерживалась через Козырева, который неоднократно встречался с Дорошиным.

В состав контрреволюционной террористической белогвардейской группы входили бывшие белогвардейцы: Синани-Скалов Г. Б., Гардин-Гейер А. А., Воронов Л. А., Сидоров А. И. и жена Воронова, она же сестра Синани-Скалова — Надежда Скалова.

Руководящая роль в этой группе принадлежала Синани-Скалову, который был связан с активными деятелями зиновьевско-каменевской подпольной контрреволюционной организации Мадьяром и другими.

Непосредственная связь белогвардейской группы с контрреволюционной террористической группой служащих правительственной библиотеки поддерживалась через Муханову.

Деятельность контрреволюционных террористических групп стимулировалась одним из организаторов и руководителей бывшей зиновьевской подпольной контрреволюционной группы Л. Б. Каменевым, который в 1933—1934 годах систематически допускал злобные клеветнические выпады против руководства ВКП(б) и особенно против Сталина.

Непосредственная связь Каменева с контрреволюционной террористической группой служащих правительственной библиотеки поддерживалась через его брата Н. Розенфельда. Он, встречаясь с Мухановой и Корольковым, распространял исходящую от Каменева контрреволюционную клевету против руководства ВКП(б) и Советского правительства, в особенности против Сталина, вел контрреволюционную агитацию и принимал непосредственное участие в подготовке террористического акта против Сталина.

Служащие кремлевских учреждений Кочетова М. Д., Конова А. И., Минервина Л. Н., Гордеева П. И., Авдеева А. Е. и бывший белогвардеец Руднев С. А. в 1933—1934 годах вели антисоветскую агитацию и распространяли контрреволюционную клевету о руководителях ВКП(б) и Советского правительства».

Обвинительное заключение в отношении осужденных Особым совещанием при НКВД СССР не составлялось, а в постановлениях указана общая формула обвинения — «контрреволюционная деятельность».

Большинство осужденных как военной коллегией, так и Особым совещанием виновными в контрреволюционной и в том числе в террористической деятельности себя не признало. Так, из 30 осужденных военной коллегией Верховного суда СССР 14 человек виновными себя не признали.

В ходе судебного заседания по этому делу Каменев в предъявленном ему обвинении виновным себя, как и на предварительном следствии, не признал и показал, что «...после того как в 1932 году он пересмотрел идейные основания своей борьбы с руководством партии, в частности со Сталиным, у него никакой озлобленности против него не было и быть не могло», что о «террористической группе» в правительственной библиотеке в Кремле, якобы готовившей убийство Сталина, ничего не знал.

Следствие по делу Каменева и других производилось необъективно, с грубыми нарушениями законности. Обвинение Каменеву не предъявлялось в течение четырех месяцев, с материалами дела он ознакомлен не был, никого из подсудимых по данному делу, кроме своего брата Розенфельда, его бывшей жены Розенфельд и племянника, не знал.

В свою очередь, абсолютное большинство подсудимых (за исключением Н. Г. Розенфельда, Н. А. Розенфельд и Е. К. Мухановой) показаний о «преступных связях» с Каменевым не давало.

В 1937 году библиотекарь Муханова, находясь в тюрьме, сказала, что никакого следствия и суда по делу «террористических групп» в правительственной библиотеке, возглавляемых Каменевым, не было, так как весь процесс был вымышленным. Перед судом начальник секретно-политического отдела НКВД СССР, в производстве которого находилось дело, угрожал ей, что если она откажется от данных на следствии показаний, то ее расстреляют. С этой же целью ее вызывал и Вышинский.

Синани-Скалов, также осужденный вместе с Каменевым, находясь в заключении, рассказывал другим осужденным, что в 1935 году в результате принуждения и угроз расстрелом со стороны следователей он вынужден был признать себя виновным.

Весь процесс по так называемому «кремлевскому делу» был инсценирован секретно-политическим отделом НКВД СССР.

Позднее осужденный вторично к расстрелу Розенфельд (племянник Каменева) в судебном заседании в 1937 году заявил, что его показания, которые он давал в 1935 году на предварительном следствии по «кремлевскому делу», не соответствуют действительности.

В 1956—1958 годах Главной военной прокуратурой производилось дополнительное расследование данного дела по вновь открывшимся обстоятельствам, в ходе которого установлено, что это дело было искусственно создано в 1935 году НКВД СССР. Никаких объективных доказательств, которые бы свидетельствовали о виновности арестованных, органами следствия в 1935 году добыты не были, признательные показания отдельных лиц противоречивы, неубедительны и объективно ничем не подтверждены.

Бывшие сотрудники НКВД СССР, принимавшие непосредственное участие в расследовании этого дела, в 1937—1938 годах были осуждены.

Нарушители партийной дисциплины

В марте — апреле 1935 года в Москве Особым совещанием при НКВД СССР было рассмотрено дело так называемой «московской контрреволюционной организации» — группы «рабочей оппозиции».

По этому делу были привлечены 16 человек: А. Шляпников, С. Медведев, Г. Бруно, С. Масленников, М. Вичинский, В. Демидов, М. Иванов, М. Прокопенко, И. Николаенко, О. Прокопенко, А. Серебренников, В. Тарасов, А. Тихомиров, Н. Ружицкая, З. Ахмедова, М. Догадина.

Шляпникову и Медведеву предъявлялось обвинение в том, что, являясь руководителями так называемой «рабочей оппозиции», они проводили подпольную антисоветскую подрывную деятельность.

А. Шляпников будто бы создал и возглавил в городах Москве, Омске и Ростове контрреволюционные группы «рабочей оппозиции», а также совместно с Медведевым возглавлял так называемую «московскую контрреволюционную организацию» — группу «рабочей оппозиции».

Члены этой группы якобы периодически собирались на квартире у Медведева или у Шляпникова, где критиковали политику партии и Советского правительства, вырабатывали контрреволюционные установки.

Все члены «группы» подверглись уголовному и партийному наказанию. При этом в качестве одного из важнейших звучало обвинение в приверженности членов группы к идеологии платформы «рабочей оппозиции», сформировавшейся в начале 20-х годов и подвергнутой критике на X съезде РКП(б) в 1921 году.

И по всему существу этого дела и даже по официальной формуле обвинительного заключения, подготовленного в 1935 году НКВД, эта группа не имела ничего общего с «рабочей оппозицией», кроме того что некоторые из ее участников в свое время действительно поддерживали известную группе платформу «рабочей оппозиции», прекратившей существование еще в 1922 году.

В полностью фальсифицированных обвинениях в 1935 и 1937 годах была сделана попытка искусственно увязать участников так называемой «московской контрреволюционной организации» — группы «рабочей оппозиции» с якобы продолжавшейся и в 30-е годы деятельностью бывлой оппозиционной группы внутри РКП(б).

История «рабочей оппозиции», название которой было использовано весной 1935 года при возникновении и расследовании настоящего дела, уходит своими корнями к тому переломному этапу, когда страна осуществляла переход от Гражданской войны к мирному строительству.

«Рабочая оппозиция», лидерами которой стали Шляпников, Коллонтай, Медведев и другие, сформировалась в ходе внутрипартийной дискуссии о «верхах» и «низах», заметной исходной вехой в которой стала Всероссийская конференция РКП(б) (сентябрь 1920 г.).

К концу года разгорелась дискуссия о сущности и роли профсоюзов. Дискуссия проходила на фоне резкого обострения ситуации в стране — политического и экономического кризиса начала 1921 года. Установки «рабочей оппозиции» излагались в ее тезисах X съезду РКП(б) под названием «Задачи профессиональных союзов (к X съезду партии)» и в брошюре Коллонтай «Рабочая оппозиция».

Основная идея установок состояла в немедленной и полной передаче управления народным хозяйством в руки профсоюзов, как это в перспективе намечалось и Программой РКП(б), принятой в марте 1919 года.

Верховное хозяйственное управление предлагалось закрепить за Всероссийским съездом производителей. В политической области предполагалось осуществить меры по освобождению партийных органов от функций непосредственного хозяйственного управления. Одновременно ими вносился ряд предложений, направленных против бюрократизации партийного и государственного управления.

«Рабочая оппозиция» выступала также за ослабление материальных тягот рабочего класса.

Защищая на X съезде партии тезисы «рабочей оппозиции», Шляпников говорил: «У нас нет расхождений в основных вопросах нашей внутренней и международной политики. Эту сторону доклада, товарищ Ленин, мы принимаем. Но у нас много расхождений в тактических вопросах, в способах осуществления нашей общеполитической линии».

Делегаты X съезда партии внимательно рассмотрели платформу «рабочей оппозиции».

В документах съезда, в выступлениях Ленина отмечено, что в платформе «рабочей оппозиции» наметился явный уклон в сторону синдикализма и анархизма, выразившийся в стремлении передать массе беспартийных рабочих, разбросанных по отдельным производственным ячейкам, управление как отдельными производствами, так и всем народнохозяйственным комплексом в целом. В условиях переходного периода это вело к игнорированию роли партии в руководстве строительством нового общества.

«Вместо продолжения и исправления начатой уже Советской властью практической работы строительства новых форм хозяйства получается мелкобуржуазно-анархистское разрушение этой работы, способное повести лишь к торжеству буржуазной контрреволюции», — говорил Ленин. Именно в этом видел он политическую опасность выступления «рабочей оппозиции».

«Рабочая оппозиция» выдвигала ряд требований и в области изменения внутривнутрипартийных отношений, совершенствования партийного строительства, развития рабочей демократии. И эти ее положения были поддержаны Лениным.

X съезд РКП(б) принял специальное решение «О членах распущенной группы «рабочей оппозиции», в котором говорилось: «Съезд призывает всех членов распущенной группы «рабочей оппозиции» подчиниться партийной дисциплине, обязывает их оставаться на порученных им местах, не принимая никаких отставок».

Шляпников возглавил комиссию ЦК по улучшению быта рабочих, работал в составе Центральной комиссии по чистке партии.

После X съезда РКП(б) «рабочая оппозиция» некоторое время продолжала в организованной форме отстаивать свои позиции. В феврале 1922 года в Исполком Коминтерна поступило заявление, подписанное 22 участниками бывшей «рабочей оппозиции», среди которых были Шляпников, Медведев, Бруно и другие. К ним присоединились также Коллонтай и Шадурская.

В этом документе, написанном в связи с обсуждением в ИККИ вопроса о едином рабочем фронте, утверждалось, что в Советской стране с этим вопросом дело «обстоит неблагоприятно»: в партию проникает буржуазная стихия, руководящие центры зажимают рабочую демократию, ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры; в профсоюзах та же картина подавления рабочей самостоятельности, инициативы, борьба с инакомыслием, навязываются руководители. В заявлении содержалась просьба вмешаться и предотвратить раскол партии, покончить со всеми ненормальностями, стоящими на пути единства рабочего фронта. «Заявление 22-х», переданное в ИККИ Коллонтай, 26 февраля 1922 года было рассмотрено расширенным пленумом Исполкома Коминтерна, который, однако, не согласился с оценками его авторов состояния дел в РКП(б).

При этом резолюция ИККИ и опубликованный протокол заседания комиссии Коминтерна носили по своему содержанию самый общий характер, хотя известно, что по всем пунктам «Заявления 22-х» в специально созданной комиссии Коминтерна давали объяснения от РКП(б) Троцкий, Зиновьев и Рудзутак.

Вопрос о группе «рабочей оппозиции» поднимался на XI съезде РКП(б), который констатировал, что ее бывшие члены, вопреки решению X съезда партии, на практике не отошли от методов фракционной борьбы и нередко допускали антипартийные действия.

Отмечалось, в частности, что своими поступками Шляпников вынудил ЦК поставить 9 августа 1921 года вопрос о его исключении из партии за нарушение им партдисциплины, и применение этой крайней меры не состоялось только потому, что при голосовании не хватило одного голоса. Что касается обращения 22-х в ИККИ, то съезд, не осуждая этот факт сам по себе, признал недопустимым сообщение Коминтерну сведений, извращающих действительную картину взаимоотношений между Российской Коммунистической партией и рабочим классом страны.

XI съезд РКП(б) предупредил Шляпникова, Медведева и Коллонтай, что, в случае проявления с их стороны и в дальнейшем «подобного антипартийного отношения», они будут исключены из партии.

Два члена группы (Н. Кузнецов и Ф. Митин) были исключены из партии решением съезда как чуждые пролетариату элементы.

После XI съезда РКП(б) «рабочая оппозиция» как организованная группа окончательно распалась.

В ходе последующих политических дискуссий 20-х годов Шляпников и некоторые другие лидеры бывшей «рабочей оппозиции» неоднократно и открыто выступали на страницах печати с критикой политики ЦК по отдельным вопросам. Ничего антипартийного в этих выступлениях участников распавшейся «рабочей оппозиции» не содержалось.

Так, в ходе дискуссии 1923 года Шляпников, как и некоторые другие коммунисты, обвинял ЦК партии в недооценке значения промышленности, в отсутствии должного внимания к рабочему классу и рабочей демократии. Говоря об опасности раскола партии, он требовал обеспечения условий для того, чтобы оппозиция «не загонялась во фракцию» подобно тому, как, по его мнению, поступили в свое время с группой «рабочей оппозиции».

Как Шляпников покушался на вождей

В разгар внутрипартийной борьбы, развернувшейся после XIV съезда ВКП(б), вопрос о Шляпникове и Медведеве неоднократно поднимался на заседаниях Политбюро ЦК и в партийной печати в связи с так называемым делом «бакинской оппозиции». 10 июля 1926 года в «Правде» они даже были названы «идейными руководителями» этой оппозиции.

Суть дела состояла в том, что еще в начале 1924 года Медведев направил одному из бывших участников «рабочей оппозиции» в Баку письмо, в котором содержались критические высказывания относительно экономической политики партии и положения дел в международном коммунистическом и рабочем движении. Письмо было зачитано нескольким коммунистам — бакинским рабочим, но никакого практического отклика оно не получило. Более того, ЦКК РКП(б) отменила решение Контрольной комиссии компартии Азербайджана, необоснованно обвинившей этих коммунистов в создании фракции.

Тем не менее, спустя два года, в разгар борьбы против троцкистско-зиновьевского блока этот факт вдруг послужил поводом для привлечения к политической ответственности и бывших ли-

дерев «рабочей оппозиции». О нем вспомнили сначала в партийной печати, а затем этот вопрос стал предметом специального расследования ЦКК ВКП(б).

Центральная контрольная комиссия ВКП(б) образовала тогда комиссию в составе М. И. Ульяновой, Сольца и Ярославского, которая для расследования дела выезжала в Баку. Комиссия установила, что со стороны некоторых бакинских товарищей была попытка создать группу «рабочей оппозиции», идеологической основой которой являлись: письмо тов. Медведева к «дорогому тов. Б.», речь тов. Шляпникова на Хамовнической партконференции, его же статья в «Правде» и другие документы. Все эти документы были получены приехавшим в Москву бакинским товарищем Колосовым от тт. Медведева и Шляпникова.

В письменном докладе об обстоятельствах этого дела в Секретариат ЦКК ВКП(б) комиссия акцентировала внимание на том, что в своей работе она постоянно встречала противодействие со стороны Шляпникова и Медведева, категорически отказывавшихся иметь дело с комиссией.

В письме от 19 мая 1928 года всем членам Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК ВКП(б), озаглавленном «Вместо ответа на полицейские вопросы ЦКК и телефонные запросы», Шляпников указывал на фабрикацию обвинения. Но маховик политических преследований и партийных репрессий за инакомыслие уже был пущен на полный ход.

17 октября 1926 года в «Правде» было опубликовано «Извещение ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении», в котором лидерам бывшей «рабочей оппозиции» предъявлялись тяжелые политические обвинения.

В связи с этим Медведев и Шляпников обратились с письмом в Политбюро ЦК ВКП(б) и в ЦКК ВКП(б). В этом письме, датированном 19 октября 1926 года, говорилось:

«В интересах нашей партии и ее подлинного единства мы считаем своим долгом сделать следующее заявление.

1. Извещение ЦК указывает, что июльский пленум ЦК и ЦКК констатировал объединение троцкистов, «новой оппозиции» и шляпниковско-медведевского течения в общий блок против партии и отметил раскольническую политику этого блока. Мы утверждаем, что ни в каком фракционном блоке не состояли и никакой раскольнической политики не вели.

2. Извещение ЦК заявляет, что объединенная оппозиция, разумея под этим и нас, допустила ряд шагов, нарушающих единство партии и срывающих решения высших партийных органов. Мы утверждаем, что не сделали ни одного шага, нарушающего единство партии и срывающего постановления каких бы то ни было партийных органов.

3. Извещение ЦК обвиняет нас в устройстве нелегальных фракционных ячеек и комитетов и т. п. Мы утверждаем, что никаких фракционных ячеек и комитетов не создавали и являемся решительными противниками организационного закрепления наших идейных расхождений.

4. Извещение ЦК объявляет нас сторонниками меньшевистской платформы и ликвидаторами Коминтерна, Профинтерна и сторонниками объединения с социал-демократией. Мы заявляем, что за 25-летний период нашего пребывания в партии мы являлись врагами оппортунизма во всех его видах, в том числе и меньшевизма.

Мы утверждаем, что являемся решительными и безоговорочными сторонниками Коминтерна и столь же решительными противниками II Интернационала, на путь борьбы с которым мы стали еще в 1914 году. Мы не являлись и не являемся сторонниками простой ликвидации Профинтерна и в вопросе об единстве международного продвижения стоим на почве партийных решений и маневров.

5. Извещение ЦК требует открытого заявления о подчинении всем решениям партии, XIV съезда, сс ЦК и ЦКК и о безоговорочном проведении этих решений в жизнь. Мы всегда подчинялись и ныне считаем обязательными для себя все решения съездов партии, ЦК и ЦКК и готовы проводить их в жизнь безоговорочно.

С коммунистическим приветом

С. Медведев,
А. Шляпников».

Заявление Медведева и Шляпникова рассматривалось в Политбюро ЦКК ВКП(б) 23 октября 1926 года. Президиум ЦКК вынес решение об объявлении Шляпникову строгого выговора с предупреждением, а Медведев был исключен из партии.

В ответ на новое обращение Медведева и Шляпникова в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК ВКП(б) с просьбой отменить принятое решение им было поставлено условие публично признать ошибочными положения письма Медведева «члену Бакинской организации т. Барчуку», открыто заявить о том, что они считают ошибкой своей то, что допустили в борьбе с ЦК и с партией фракционные методы; что никакой фракционной работы вести не будут и призывают к тому же своих единомышленников.

31 октября в «Правде» были опубликованы заявление Медведева и Шляпникова, отредактированное Кагановичем, и «Извещение от ЦК и ЦКК» по этому поводу. Тексты этих документов были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) 30 октября.

В заявлении, написанном под угрозой партийных санкций, Медведев и Шляпников признавали свои его ошибки, а в «Извещении от ЦК и ЦКК» говорилось:

«ЦК и ЦКК с удовлетворением извещают всех членов партии, что тов. Медведев и тов. Шляпников обратились в ЦКК и ЦК с заявлением, в котором они не только признают вред своей фракционной работы, но и отказываются от пропагандировавшихся ими глубоко неправильных взглядов. ЦК и ЦКК констатируют, таким образом, дальнейший развал оппозиционного блока, что означает полную и категорическую победу идеи ленинского единства ВКП(б)».

Президиум ЦКК ВКП(б) отменил решения о партвызыскании, наложенном на Шляпникова, и об исключении Медведева из партии. Политбюро с этим решением согласилось.

Преследования бывших участников «рабочей оппозиции» оправдывались якобы не прекращающейся деятельностью ее и в середине 20-х годов, и в более позднее время. В условиях усиливающегося в партии командно-административного режима положение бывших лидеров группы «рабочей оппозиции» становилось все более тяжелым.

Весной 1930 года возникло дело омской группы «рабочей оппозиции». К партийной ответственности вновь были привлечены Шляпников и Медведев.

28 мая 1930 года партколлегия ЦКК ВКП(б) приняла решение: «Признать, что тов. Шляпников А. Г., будучи извещенным участниками омской подпольной организации, что в Омске в 1928—1929 годах организована и работает подпольная группа «рабочей оппозиции», не принял всех необходимых мер к ликвидации этой антипартийной группы и не информировал руководящие партийные органы о наличии такой группы, чем способствовал укреплению у членов этой подпольной организации мысли, что он, Шляпников, является по-прежнему сторонником взглядов «рабочей оппозиции», а не защитником партийной линии». Такое же решение на этом заседании было принято и в отношении Медведева. А 3 августа 1930 года Шляпникову был вынесен строгий выговор.

В решении об этом, подписанном заместителем секретаря партколлегии ЦКК ВКП(б) И. Акуловым, говорилось:

«Президиум ЦКК констатирует, что т. Шляпников, вопреки всем заявлениям, сделанным им в речах о своем согласии с партией, не прекратил до сих пор поддержки антипартийных элементов, ведущих фракционную борьбу против партии, а в деле омской группы «рабочей оппозиции» до последнего момента не только не помогал партии вести борьбу с остатками «рабочей оппозиции», но прикрывает ее, выдвигая клеветническое антисоветское обвинение по отношению к ОГПУ, по-большевистски борющегося против попыток вести подпольную антипартийную работу.

Президиум ЦКК, объявляя строгий выговор т. Шляпникову за его клеветническое обвинение, направленное против ОГПУ, напоминает т. Шляпникову о постановлении XI съезда РКП (б) в отношении его».

Проверка дела Шляпникова, проведенная позже, не установила фактов его фракционной деятельности ни в связи с так называемой «бакинской оппозицией», ни в связи с так называемой омской группой «рабочей оппозиции». Обвинения участников этих групп в антисоветской контрреволюционной деятельности не подтвердились.

В 20—30-е годы Шляпников издал свои воспоминания о революционной деятельности. Первая книга вышла в 1920 году, четвертая, последняя, — в 1931 году. В январе 1932 года в «Правде» была опубликована рецензия (О. Чаадаевой, П. Поспелова и других) с резкой критикой мемуаров Шляпникова «1917 год».

Рассмотрев его публикации, Политбюро приняло решение: «Предложить т. Шляпникову признать свои ошибки и отказаться от них в печати. В случае же отказа со стороны т. Шляпникова выполнить этот пункт в 5-дневный срок — исключить его из рядов ВКП(б)».

Шляпников обратился в Политбюро с разъяснением некоторых положений своих воспоминаний. Он писал: «Все свои воспоминания о революционной работе я не рассматриваю как научно-систематизированные исторические труды и не могу отрицать возможность наличия в них таких формулировок, которые могут подать повод для неправильного толкования».

Шляпников просил дать ему возможность опубликовать подготовленный к печати том воспоминаний, исправить имеющиеся в его работах неточности и разрешить дальнейшую литературную деятельность. В этих просьбах ему было отказано.

Ультиматум, предъявленный Политбюро Шляпникову, ставил его перед альтернативой: или он признает несуществующие ошибки и тем самым поставит под сомнение свои труды, или он будет исключен из партии. Организаторы этого дела рассчитали верно. Они знали, что для Шляпникова партия превыше всего.

9 марта 1932 года в «Правде» было опубликовано заявление Шляпникова в ЦК ВКП(б), в котором он признавал свои ошибки и заверял, что примет все меры к их исправлению и к защите генеральной линии партии.

Но это не помогло. 17 июня 1933 года комиссия по чистке партийной организации Госплана РСФСР, где работал Шляпников, исключила его из партии за непризнание прошлых ошибок и как окончательно порвавшего с большевизмом. Это решение подтвердила областная комиссия по чистке партии.

Шляпникова так много раз заставляли каяться и в действительных, и в мнимых ошибках, что подобно обвинение звучало, по меньшей мере, фарисейски.

15 июля 1933 года Шляпников написал письмо Сталину.

«Обстоятельства чрезвычайного порядка, — говорилось в нем, — обязывают меня обратиться лично к Вам и через Вас в Политбюро с протестом против той кампании шельмования меня, в связи с чисткой ячейки Госплана РСФСР, как в самой ячейке, так и особенно в партийной печати: «Московский рабочий», «Правда». В первый день чистки ячейки я был избран мишенью для всех и хотел очистить себя от всякой политической скверны. Около меня создали атмосферу сенсации, мелкого клеветничества и из меня делают уже в печати законченного двурушника. Если к этому прибавить еще и то, что комиссия по чистке, о чем я просил ввиду обострения глухоты на оба уха, навязала мне 17 июня как окончательный срок, к которому обязала подпиской явиться, — я явился, хотя и больной, выступил, рассказал о себе, всех своих ошибках, но слушать не мог, так как был глухой, а поэтому и не мог дать должного отпора тем шкурникам типа Чупракова, которые клеветали на меня, а с их голоса шельмует меня и печать, — то картина издевательства будет полная.

Прошло уже свыше двух недель по окончании чистки, а я до сего времени не могу получить даже справку о том, какие мотивы послужили комиссии для исключения меня из партии...

В Госплан РСФСР я послан Вами... Вам я могу сказать, что работой в Госплане я сам удовлетворен не был, но не ставил ни перед Вами, ни перед ЦК вопрос о переходе на другую, потому что с конца осени 1932 года ухудшилась моя болезнь — глухота. Уже в течение четырех последних месяцев больше половины времени я был глухой на оба уха. Врачи помогали мне лечением и ограничили продолжительность работы, а в июне запретили мне всякое занятие, сопряженное с напряжением слуха, предупреждая, что несоблюдение... повлечет полную потерю слуха.

И это обстоятельство мне поставили также в вину. Нашелся даже член ЦКК, который пришел на чистку и порочил меня за то, что я не явился к нему, а послал письмо с выдержкой из постановления врачей.

Вся создававшаяся вокруг меня обстановка убеждает меня в том, что ни районная комиссия, ни областная моего дела не разрешат, а потому я и обращаюсь к Вам с просьбой положить конец издевательствам надо мною и обязать комиссию по чистке предъявить мне факты о моем двурушничестве».

Получив это письмо, Сталин наложил резолюцию: «В Центральную комиссию по чистке. И. Сталин».

Апелляция Шляпникова рассматривалась на секретариате

Центральной комиссии по чистке партии 29 сентября 1933 года. В его работе принял участие Ежов, выступивший с большой речью. В ней, в частности, говорилось:

«Сейчас Шляпников недоуменно всех спрашивает — в чем заключаются его преступления? Ошибки его всем известны, осуждены, он их признает, чего еще надо? Мы все знаем, что, когда перед Шляпниковым стоял вопрос — быть или не быть в партии, он всегда в конечном итоге начинал «признавать» свои ошибки. Однако на этом только и ограничивался. Через некоторое время Шляпников делал опять ошибку, вначале ее отстаивал, но, когда партия подводила Шляпникову грань — быть или не быть ему в партии, опять начиналось признание ошибок, и опять этим делом ограничивалось.

Как же так получилось, тов. Шляпников, когда ты в борьбе против партии проявлял достаточно активности и никакой активности не проявлял в борьбе за генеральную линию партии, в борьбе с осуждением своих собственных ошибок?! Перед тобой здесь Шкирятов и Ярославский поставили вопрос — дрался ли ты политически на протяжении всего этого времени за генеральную линию партии, где ты выступал с осуждением своих собственных ошибок?

Ты не смог на этот вопрос ответить и не показал ни одного документа и факта, говорящего за то, что ты в какой-либо степени дрался за генеральную линию партии. Об этом здесь идет речь.

Беда в том, что бешеной энергии, которую ты развивал в критике против партии, этой энергии у тебя не было за партию.

Вот основное, что мы тебе ставим в вину, отмечая все другие частные и мелкие вопросы (давали или не давали тебе машину и т. п.).

Второе. Шляпников задает недоуменный вопрос: «Как так случилось, что неожиданно в 1933 году, зная о его ошибках, зная, что он эти ошибки признал, зная об осуждении его ошибок партией, люди вдруг собрались и начинают поднимать и ворошить все старое сызнова и ставят под вопрос возможность его пребывания в партии?»

Это пустяки и никому не нужная наивность. Мы не случайно обсуждаем вопрос о Шляпникове — быть или не быть ему в партии. Тов. Шляпникову неизвестно решение ЦК по чистке партии.

Во время чистки партии каждый член партии подводит итоги своей работы в партии, и партия подводит итоги его работы в партии. Совершенно естественно поэтому, когда мы начинаем подводить итоги и прошлого, и настоящего тов. Шляпникова, подводя эти итоги, мы должны со всей прямотой сказать, что они говорят не в пользу Шляпникова.

К тебе, Шляпников, со стороны партии было проявлено исключительно терпимое отношение. Член партии ты старый, рабочий, культурный рабочий. На твое воспитание партия затратила очень много. Своим горбом ты тоже поработал. Пишешь книги, что не под силу еще многим из рабочих. И партия все время терпеливо к тебе относилась, думая, что Шляпников исправится.

Этим терпеливым отношением партии ты все время злоупотребляешь. Все твои знания и способности, на которые потрачено немало сил партии и твоих собственных сил, ты на протяжении полутора десятков лет употребил только на борьбу против партии. Терпение партии исключительно и целиком опровергает твои же собственные утверждения о режиме в партии и т. п., о которых ты неоднократно говорил и писал.

Третье. Сейчас мы решаем судьбу Шляпникова — быть ему в партии или не быть. Если мы сейчас оставим Шляпникова в партии, ни один член партии этого не поймет. Вряд ли мы этим оставлением будем в правильном духе воспитывать молодых членов партии, которые о политических ошибках Шляпникова знают в достаточной степени. Совершенно естественно, нам будут задавать вопрос о тех строгостях, которые мы предъявляем ко всем членам партии, и о том исключении, которое мы делаем для Шляпникова.

Я думаю, что Шляпникова надо будет из партии исключить».

Выступая на этом заседании, Шляпников заявил: «Если Центральная комиссия по чистке считает, что мои выступления здесь были неясны, я говорил и еще раз повторяю, что я и не мыслю себя вне партии, и какое бы ни было ваше решение, я останусь членом партии».

Однако Центральная комиссия 31 сентября 1933 года утвердила решение ячейковой комиссии Госплана РСФСР об исключении Шляпникова из партии.

Вопрос об исключении Шляпникова был заранее предreshен.

Из стенограммы заседаний Центральной комиссии по чистке видно, что дискуссия ее членов была лишь о том, за что его исключить: за «старое» — участие в оппозиции 1920—1922 годов или за «новое» — будто бы не выступал против троцкистов и морально разложился. В конце концов было решено: исключить из рядов ВКП(б) и за «старое», и за «новое».

В первой части своей аргументации комиссия исходила из того, что, по ее мнению, Шляпников не признал ошибок прошлого и не участвовал активно в борьбе с троцкизмом. Вторая часть обвинений — «перерожденец» — обосновывалась тем, что, будучи председателем жилищного кооператива, Шляпников выступил в суде в защиту беспартийного члена кооператива, в квартиру которого по ордеру, подписанному секретарем ЦК, первым секрета-

рем МГК и МК ВКП(б) Кагановичем, в нарушение существовавшего законодательства был вселен работник аппарата МК партии.

В своей объяснительной записке, написанной для комиссии по чистке, Шляпников искренне признавал, что он вел оппозиционную работу накануне X съезда РКП(б), но категорически отрицал свою причастность к троцкистской оппозиции 1923 года, а также к троцкистско-зиновьевскому блоку 1926—1927 годов. Никаких оппозиционных документов в эти годы он не подписывал, и это полностью соответствовало действительности.

Но комиссия не приняла во внимание объяснения Шляпникова. Вскоре он был сослан в административном порядке на Кольский полуостров.

В декабре 1933 года решением Московской областной комиссии по чистке партии из ее рядов был исключен и соратник Шляпникова по «рабочей оппозиции» 1920—1922 годов Медведев с формулировкой: «...как буржуазный перерожденец, не разделяющий программы и линии партии, политически и организационно порвавший с партией». Его отправили в ссылку в Карельскую АССР, где он работал в мастерских Беломорско-Балтийского канала.

Сразу после убийства Кирова 1 декабря 1934 года Шляпников, Медведев и ряд других бывших участников «рабочей оппозиции» были арестованы органами НКВД. Уже сам состав привлеченных к ответственности лиц, среди которых вместе с бывшими известными лидерами «рабочей оппозиции» были люди, не игравшие сколько-нибудь существенной роли в жизни партии, говорил о надуманности затеваемого дела.

При аресте Шляпникова и Медведева в январе 1935 года у них были изъяты материалы так называемой «московской контрреволюционной организации» — группы «рабочей оппозиции» и других оппозиционных групп 20-х годов, партийные и служебные документы различных ведомств и организаций, где они работали в разное время.

Большинство арестованных по данному делу отрицало свое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности и сам факт существования в 30-х годах организованной московской группы «рабочей оппозиции».

Но это не принималось во внимание.

Шляпников обвинялся в том, что до 1935 года проводил подпольную антисоветскую работу, создал в городах Москве, Омске и Ростове контрреволюционные группы «рабочей оппозиции» и руководил ими, а также в том, что устраивал на своей квартире собрания московской группы «рабочей оппозиции», на которых критиковались мероприятия партии и Советского правительства и вырабатывались контрреволюционные установки, распространявшиеся затем среди единомышленников в других городах.

На первом после ареста 3 января 1935 года и последующих допросах Шляпников отвергал обвинения в проведении какой-либо контрреволюционной работы на протяжении трех предшествующих аресту лет, отрицал правдивость предъявленных ему «обличительных» показаний Каменева, Сафарова, Вардина-Мгеладзе, Сергиевского и Михайлова, а также свое участие в создании и руководстве «контрреволюционными» организациями «рабочей оппозиции» в Москве, Омске и Ростове.

«Впервые слышу, — говорил Шляпников следователю, — о существовании подобного рода нелегальных групп».

16 января 1935 года А. Шляпников обратился с письменным заявлением на имя прокурора СССР Акулова и наркома внутренних дел СССР Ягоды. В этом документе, в частности, говорилось:

«Следствие предъявило мне ряд весьма серьезных обвинений, но до сих пор я не имею возможности подробно дать свои объяснения по существу каждого из них. Мои ответы в протоколы допроса заносятся лишь в краткой форме отрицания или подтверждения. Мои просьбы позволить мне самому писать ответы по существу задававшихся следователем вопросов отклоняются...

Несмотря на мое исключение, я все же продолжал состоять на учете в ЦК ВКП(б) и там решать все вопросы своих занятий. Будучи возвращен из ссылки в апреле 1934 года, я явился в ЦК, где вел беседы с т. Ежовым, от него получал указания о дальнейшем...

По возвращении из ссылки у меня произошло ухудшение в состоянии здоровья: я страдаю от последней контузии, и в настоящее время было воспаление слухового нерва...

В июле я подал в СНК прошение о пенсии. В октябре Н. И. Ежов сообщил мне, что вопрос о предоставлении мне пенсии решен положительно, и поручил своему секретарю помочь мне в продвижении оформления этого дела...

Самое существенное обвинение, предъявленное мне, заключается в ведении нелегальной контрреволюционной работы.

Все это обвинение покоится на предположениях и чудовишно ложных данных агентуры. Никакой подпольной работы против партии и правительства я не вел, никаких платформ не писал, никаких директив никому не давал.

Обвинение считает, что я «вел работу» на «старой платформе» 1920—1921 годов, не видя всей смехоты в подобной постановке...

Данного партии слова в 1926, 1929, 1932 годах я не изменял. Организационной же работы никогда не вел и публично высказывался против нее...

Далее Шляпников описал свои встречи с Каменевым, Зиновьевым, Федоровым, Евдокимовым, Куклиным и при этом отметил:

«Все эти товарищи были мне более близкими знакомыми, чем Сафаров, но и они никогда не ставили передо мною вопро-

сов нелегальной работы. И я сам был уверен, что они ее не ведут, как не вел ее и я сам... В июне 1933 года меня чистили и исключили из партии как «двурушника». Никаких оснований для этого, по моим понятиям и поведению, не было, и я терялся в догадках, в поисках подлинных мотивов моего исключения. За время с 1929 года я шел все время по пути примирения.

Политика партии в области развития народного хозяйства, построение социалистической базы не только в городах, но и на селе (коллективизация, укрепление совхозов) покрывали полностью все наши прошлые чаяния, все мои в этом деле ожидания.

Наконец, в марте 1934 года новый удар — ссылка. При этом, объявляя мне распоряжение о ссылке, заявляет (Рутконский), что никаких обвинений предъявить мне не имеет, что в ОГПУ дел против меня нет... Но из ссылки меня вскоре вернули. Я принял это как признание ошибочности совершенной надо мной расправы. Все это время я был занят или работой над рукописью, или поисками средств для жизни, ликвидируя часть своего имущества, своих инструментов и вещей, в ожидании обещанной в ЦК пенсии... На этом месте — арест...

Я прошу Вас проверить все возводимые на меня обвинения. Сам я готов помочь следствию разъяснением всего, что может быть ему непонятным в моих действиях.

За время моего партийного бытия я совершил много ошибок, но я давно вскрыл их публично и отошел от них. Находясь в заключении, я ни на один момент не терял надежды на полную и всестороннюю свою реабилитацию, так как никакой работы антипартийного и контрреволюционного характера я не вел.

Медведев на предварительном следствии также отрицал свое участие в создании и руководстве нелегальной деятельностью так называемых групп «рабочей оппозиции» и в связях на антисоветской платформе с Зиновьевым и Каменевым. В определенной мере политические настроения Медведева этого периода показывают его ответы на допросе 5 февраля 1935 года о взаимоотношениях со Шляпниковым:

«В письме, poslanном мною Шляпникову А. Г. с оказией 4 июня 1934 года по вопросу о нашем (моем и Шляпникова) исключении из партии, я изложил свою точку зрения, заключающуюся в том, что это запоздалый эпизод политической борьбы господствующих политических сил в ВКП(б) со всеми неприемлимыми идеологию и интересы этих сил.

Я считал, что наше «преступление» состояло в том, что я и Шляпников не уложились в прокрустово ложе «сталинской эпохи». Переписку с Шляпниковым в данном изложении я контрреволюционной не считаю...

Вопрос о моем восстановлении в ВКП(б) я не поднимал и поднимать не собирался по следующим соображениям:

а) можно было бы поднимать вопрос о восстановлении, если бы это могло послужить для кого-либо организующим моментом, средством воздействия на какие-либо партийные круги, расположенные к нам;

б) в случае попытки вернуться, это повлекло бы нас к необходимости подвергнуть себя всему тому гнусному самооплевыванию, которое совершили над собой все «бывшие»;

в) вся история внутрипартийной борьбы за последние годы неставляла никаких сомнений в том, что и нам не отведено ничего другого, кроме того, что имело место со всеми «бывшими», пытавшимися вернуться к своему прошлому.

Все свои надежды на избавление от положения военнопленного существующего режима я строил на ходе внутренних и внешних событий. В противном случае я знал, что буду обречен как жертва царящего у нас режима. Об этом я писал Шляпникову. Больше ни с кем из своих близких товарищей я вопрос о своем восстановлении в ВКП(б) не обсуждал».

Арестованный В. Демидов на допросах в январе—марте 1935 года дал показания по интересующим следствие фактам его биографии, о личных знакомых (в их числе он назвал С. И. Масленникова), объяснил наличие у него некоторых печатных документов оппозиционного характера желанием написать работу, посвященную истории оппозиции. В то же время он полностью отрицал наличие связей с Шляпниковым после 1930 года, категорически отвергал обвинения в провокаторстве до 1917 года.

Этих же позиции Демидов придерживался и на очной ставке с Ивановым, во время которой Иванов говорил о якобы имевших место контрреволюционных разговорах на даче-квартире Демидова в 1933—1934 годах. Демидов назвал эти утверждения ложными.

16 февраля и 30 марта 1935 года Демидов написал два письма в Центральную комиссию партийного контроля на имя Шкирятова и Ежова, в которых заявлял, что после X съезда партии он полностью отошел от взглядов «рабочей оппозиции» и никакой фракционной деятельностью не занимался. Демидов просил срочно вмешаться и разобраться в его деле.

Второе письмо он завершал следующими словами: «...я считаю, что лучше самому расчитаться с жизнью, чем подвергаться медленному, но верному уничтожению, уготованному мне в результате клеветы. В случае неполучения... ответа до 4 апреля я с 5 апреля начинаю смертельную голодовку».

Николаенко на первом допросе 21 января 1935 года показал: «В подпольной организации «рабочая оппозиция» я не состо-

ял и не состою. На нелегальных собраниях в квартире у Шляпникова я не участвовал... Никакой информации о контрреволюционной деятельности на Северном Кавказе я ни от кого не получал. Никаких установок о контрреволюционной деятельности никогда никому не давал».

На допросе 28 января 1935 года, отвечая на вопрос следователя, известно ли ему, что Шляпников является лидером контрреволюционной организации «рабочая оппозиция», Николаенко заявил: «Я знаю о том, что в период X и XI съездов РКП(б) Шляпников возглавлял группу «рабочей оппозиции». Ни X, ни XI съезды группу «рабочей оппозиции» контрреволюционной не рассматривали. Я до сих пор не знаю ни одного решения партии и ее ЦК, где «рабочая оппозиция» квалифицировалась бы контрреволюционной».

Аналогичные показания на следствии давали также Бруно, Масленников, Тихомиров и М. Прокопенко. При этом Прокопенко не скрывал, что передал своим сестрам Ружицкой и Ахмедовой принадлежавшие ему книги Троцкого и Зиновьева и револьверы, так как после ареста Медведева ожидал обыска и боялся навлечь на себя подозрения.

Жена М. Прокопенко и его сестры — Ахмедова, Догадина и Ружицкая допрашивались (Ружицкая — дважды) только по эпизоду передачи литературы и оружия. Указанный факт они подтвердили, причем Ружицкая заявила, что полученные от брата книги Троцкого и Зиновьева не сожгла.

Арестованные по данному делу Вичинский, Серебренников, Михайлов и супруги Тарасовы сначала отрицали предъявленные им обвинения в контрреволюционной деятельности, а затем дали признательные показания.

Такого же рода показания дали в ходе следствия и другие арестованные по этому делу лица. К следственным материалам по московской группе «рабочей оппозиции» были приобщены также показания Калдыгробова, Кунгурцева и Федотова, привлеченных по делу омской организации «рабочей оппозиции».

На основании всех этих показаний Шляпников, Медведев, Бруно, Николаенко и другие привлеченные по делу лица были признаны виновными в том, что являлись членами подпольной контрреволюционной группы «рабочей оппозиции» в Москве, «...периодически собирались на квартире у Шляпникова или Медведева, подвергали резкой контрреволюционной критике политику партии и Советской власти, вырабатывали свои контрреволюционные установки, которые распространяли среди остальных своих единомышленников в Москве и на периферии».

Как указывалось в обвинительном заключении по делу, под руководством московской группы в Омске, Одессе, Ростове

и других городах СССР были созданы и вели контрреволюционную работу подпольные группы так называемой «рабочей оппозиции».

Обвиняемой по этому делу Тарасовой было инкриминировано, что она «разделяла политические установки «рабочей оппозиции», знала о контрреволюционных настроениях своего мужа и его единомышленников, знала его связи, но не доводила до сведения об этом органов власти»; обвиняемым О. Прокопенко, Ружицкой, Ахмедовой и Догадиной вменялось в вину участие в сокрытии нелегальных документов «рабочей оппозиции» и огнестрельного оружия.

26 марта и 14 апреля 1935 года Особым совещанием при НКВД СССР Шляпников, Медведев, Масленников, Бруно, Вичинский, Михайлов, Иванов, М. Прокопенко, Тарасов и Тихомиров были лишены свободы на 5 лет каждый, а Серебренников, О. Прокопенко и Тарасова отправлены на 5 лет в ссылку.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 10 декабря 1935 года Шляпникову тюремное заключение было заменено ссылкой в Астрахань на оставшийся срок.

Данных о решении Особого совещания при НКВД СССР в отношении Ахмедовой, Догадиной и Ружицкой в уголовном деле о «рабочей оппозиции» нет.

Через два года, в 1937 году, приговоры многим участникам так называемой «рабочей оппозиции» были пересмотрены и ужесточены. По делу 1936—1937 годов Шляпников признан виновным в том, что, являясь руководителем контрреволюционной организации «рабочая оппозиция», осенью 1927 года дал директиву харьковскому центру этой организации о необходимости перехода к индивидуальному террору как методу борьбы против ВКП(б) и Советского правительства; в 1935 — 1936 годах давал директивы о подготовке террористического акта против Сталина и вел переговоры с Зиновьевым о совместной террористической деятельности.

Виновным себя Шляпников не признал. Обвинение его основывалось на противоречивых показаниях ряда арестованных по другим делам и свидетеля Сергиевского, который был тайным осведомителем НКВД.

По вновь сфабрикованным обвинениям в подготовке террористических актов против руководителей партии и Советского правительства многие из арестованных были осуждены военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу.

Шляпников и Медведев были расстреляны в сентябре, Бруно, Вичинский и Масленников — в октябре, Демидов и Николаенко — в ноябре 1937 года.

В период с 1956 по 1978 год проводилась дополнительная проверка по делу «рабочей оппозиции» в отношении Шляпникова, Медведева, Масленникова, Бруно, Михайлова, Тихомирова, О. Х. Прокопенко, М. И. Прокопенко, Вичинского и Николаенко. Проверкой установлено, что указанные лица были осуждены необоснованно и каких-либо доказательств их контрреволюционной деятельности в деле не имеется.

Уголовные дела на участников подпольных организаций «рабочей оппозиции» в городах Омске и Ростове прекращены, а осужденные по ним лица реабилитированы. Реабилитированы также другие лица, осужденные в прошлом по обвинению в принадлежности к «московской контрреволюционной организации» — группе «рабочей оппозиции».

О том, как фабриковались обвинения в отношении этих лиц, показал опрошенный в декабре 1956 года и январе 1957 года Сергиевский, проходивший по делу «рабочей оппозиции» в качестве свидетеля:

«Содержание моего заявления от 31 декабря 1934 года не соответствует действительности.

Еще раз должен указать, что какие-либо факты контрреволюционной деятельности Шляпникова, а также упоминаемых в заявлении: Бруно, Правдина, Челышева, Прокопенко и других лиц — мне известны в тот период времени не были. Встречи этих лиц на квартире Шляпникова носили семейный характер. Разговоры, которые велись при этих встречах, иногда, правда, касались и политических вопросов, но я не помню таких фактов, чтобы эти политические вопросы обсуждались с антисоветских позиций».

Осужденные по делу омской группы «рабочей оппозиции» Федотов, Кадыгров и Кунгурцев, показания которых были использованы как доказательства обвинения Шляпникова и других, в 1958 году были реабилитированы.

В 1956—1978 годах, по вновь открывшимся обстоятельствам, Бруно, Масленников, Михайлов, Тихомиров, О. Х. Прокопенко, М. И. Прокопенко, Вичинский, Николаенко, Шляпников и Медведев, осужденные по делу «московской контрреволюционной организации» — группы «рабочей оппозиции», были реабилитированы в судебном порядке. Уголовные дела прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

По протесту Генерального прокурора СССР военная коллегия Верховного суда СССР 1 сентября 1988 года отменила постановления Особого совещания при НКВД СССР в отношении Демидова, Иванова, Серебренникова, Тарасова и Тарасовой и прекратила уголовные дела за отсутствием состава преступления.

Нарком Ежов становится писателем

Дело о так называемом антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР 19—24 августа 1936 года в открытом судебном заседании.

Были преданы суду 16 человек. Большинство из них в прошлом были организаторами и активными участниками троцкистской и зиновьевской оппозиции, за что исключались из партии, арестовывались, находились в тюрьмах и в ссылке. Пять человек в прошлом являлись членами компартии Германии.

По этому делу к высшей мере наказания были приговорены Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Ваганян, Смирнов, Дрейцер, Рейнгольд, Пикель, Гольцман, Илья-Давид (Круглянский), Ольберг, Берман-Юрин, Лурье М. И., Лурье Н. Л.

Эти лица, как сказано в приговоре, осуждены за проведение антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству Кирова и подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

Коротко об участниках этого дела.

Зиновьев Григорий Евсеевич в партию вступил в 1901 году. В 1917—1925 годах председатель Петроградского Совета. В 1919—1926 годах входил в состав Политбюро ЦК партии, с 1919 по 1926 год председатель Исполкома Коминтерна. В октябре 1926 года выведен из Политбюро ЦК ВКП(б), в октябре 1927 года выведен из состава ЦК, а в ноябре того же года за фракционную борьбу исключен из рядов партии. 22 июня 1928 года в партии восстановлен по заявлению, поданному им в соответствии с решением XV съезда ВКП(б). В октябре 1932 года вновь исключен из партии и направлен в ссылку по делу «Союза марксистов-ленинцев». В декабре 1933 года восстановлен членом ВКП(б), а через год, в связи с убийством Кирова, вновь исключен из партии и в январе 1935 года по делу «московского центра» осужден к 10 годам лишения свободы.

Каменев Лев Борисович в партию вступил в 1901 году, в 1919—1926 годах входил в состав Политбюро ЦК партии. В 1918—1924 годах председатель Моссовета, в 1922—1926 годах заместитель и первый заместитель Председателя Совнаркома РСФСР, а затем — СССР, заместитель председателя и председатель Совета Труда и Оборона. В ноябре 1927 года постановлением ЦК и ЦКК выведен из состава ЦК ВКП(б), а решением XV съезда партии за фракционную борьбу исключен из партии. 22 июня 1928 года в партии восстановлен по заявлению, поданному им в соответствии с решением XV съезда ВКП(б). В октябре 1932 года по делу «Союза марксистов-ленинцев» вновь исключен из партии и направлен в ссылку. В декабре 1933 года восстановлен в рядах

ВКП(б), а через год, в связи с убийством Кирова, снова исключен из партии и осужден по делу «московского центра» к 5 годам лишения свободы. Вторично осужден 27 июля 1935 года по «кремлевскому делу» и приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет.

Евдокимов Григорий Еремеевич в партию вступил в 1903 году. В годы Гражданской войны начальник политотдела 7-й армии, затем председатель Петроградского совета профсоюзов, секретарь Ленинградского губкома партии. В 1925—1927 годах секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК. В ноябре 1927 года выведен из состава ЦК ВКП(б), а решением XV съезда ВКП(б) исключен из партии за оппозиционную деятельность. В июне 1928 года в рядах ВКП(б) восстановлен. В декабре 1934 года, в связи с убийством Кирова, из рядов ВКП(б) вновь исключен, а в январе 1935 года осужден по процессу «московского центра» к 8 годам тюремного заключения.

Бакаев Иван Петрович в партию вступил в 1906 году. После Октябрьской революции на партийной работе в Петрограде. В 1925—1927 годах член ЦК ВКП(б). В ноябре 1927 года выведен из состава ЦК ВКП(б), а решением XV съезда ВКП(б) исключен из партии. В июне 1928 года в соответствии с поданным заявлением, отвечающим требованиям XV съезда партии, в членах ВКП(б) восстановлен. Находился на хозяйственной работе. В декабре 1934 года, в связи с убийством Кирова, вновь исключен из партии. В январе 1935 года осужден по делу «московского центра» к 8 годам тюремного заключения.

Мрачковский Сергей Витальевич в партию вступил в 1905 году, участник Гражданской войны, награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1920—1925 годах командующий Приуральским, а затем Западно-Сибирским военными округами. В сентябре 1927 года за фракционную деятельность исключен из партии, в 1928 году восстановлен в рядах ВКП(б) и назначен начальником строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В 1933 году вновь исключен из ВКП(б) в связи с делом «Союза марксистов-ленинцев» и осужден к 5 годам лишения свободы.

Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович в партию вступил в 1912 году. В 1917 году секретарь Московского комитета партии, в 1918—1920 годах член ВЦИК и Моссовета, затем ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма», научный сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Исключен из партии решением XV съезда ВКП(б) за фракционную деятельность, через год восстановлен. В 1933 году вновь исключен из партии в связи с делом «московского центра». В 1934 году в партии восстановлен, а в мае 1935 года вновь исключен и выслан в Казахстан.

Смирнов Иван Никитич в партию вступил в 1899 году. В 1918—1920 годах член реввоенсовета Восточного фронта и 4-й армии, председатель Сибревкома. В 1923—1927 годах народный комиссар почт и телеграфа СССР. За фракционную деятельность XV съездом ВКП(б) из партии исключен. В мае 1930 года в партии восстановлен в связи с заявлением о прекращении оппозиционной деятельности. В 1933 году вновь исключен из партии и по обвинению в антисоветской деятельности осужден к 5 годам тюремного заключения.

Дрейцер Ефим Александрович в партию вступил в 1919 году. В годы Гражданской войны был комиссаром полка, бригады, дивизии, награжден двумя орденами Красного Знамени. До ареста работал заместителем директора завода «Магnezит» в Челябинской области. В 1928 году исключен из партии за участие в оппозиции, восстановлен в 1929 году. Вновь исключен из партии в июле 1936 года в связи с арестом по настоящему делу.

Рейнгольд Исаак Исаевич в партию вступил в 1917 году. После Октябрьской революции был наркомом финансов Литвы и Белоруссии, начальником управления Наркомфина СССР. До декабря 1934 года работал заместителем наркома земледелия СССР. В 1927 году исключен из ВКП(б) за фракционную деятельность, восстановлен в 1928 году. В январе 1935 года Сокольническим РК ВКП(б) г. Москвы из партии исключен как «троцкист-двурушник» (так записано в постановлении).

Пикель Ричард Витольдович в партию вступил в 1917 году. Участник Гражданской войны. Был на советской и партийной работе в Белоруссии. Работал в Исполкоме Коминтерна, заведовал секретариатом председателя Исполкома, являлся членом Союза писателей. В 1927 году исключен из партии за принадлежность к оппозиции. В 1929 году в партии восстановлен. Работал в учреждениях культуры. Вновь был исключен из партии в июне 1936 года в связи с арестом по настоящему делу.

Гольцман Эдуард Соломонович в партию вступил в 1905 году. После революции находился на хозяйственной работе в Наркомате внешней торговли. Исключен из партии в мае 1936 года в связи с арестом по настоящему делу.

Круглянский Илья-Давид Израилевич, член компартии Германии. В 1926 году Исполкомом Коминтерна направлен в Германию для нелегальной партийной работы. В 1933 году прибыл в СССР и до ареста в июне 1936 года работал в Исполкоме Коминтерна и консультантом в газете «Правда».

Ольберг Валентин Павлович являлся членом компартии Германии. В 1932 году за фракционную деятельность из партии исключен. Прибыл в СССР в июне 1936 года, работал преподавателем педагогического института в Горьком.

Берман-Юрин Конон Борисович с 1921 по 1923 год являлся членом компартии Латвии. В 1923 — 1933 годах член компартии Германии, работник партийных органов. В СССР прибыл в марте 1933 года с согласия ЦК КПГ. С 1933 года и до ареста в июне 1936 года являлся редактором-консультантом иностранного отдела газеты «За индустриализацию».

Лурье Моисей Ильич, член компартии Германии с 1922 года. За участие в троцкистской оппозиции из партии был исключен, затем восстановлен и работал в Агитпропе ЦК КПГ. В марте 1932 года с ведома ЦК КПГ приехал в СССР и работал редактором в издательстве иностранных рабочих, с 1933 года профессор Московского университета.

Лурье Натан Лазаревич, член компартии Германии, примыкал к троцкистской оппозиции. Прибыл в СССР в 1932 году с согласия ЦК КПГ. До ареста в июне 1936 года работал главным врачом на Центральном здравпункте Челябинского тракторного завода.

Следствие по делу велось с 5 января по 10 августа 1936 года. С 10 по 14 августа всем обвиняемым было объявлено об окончании следствия, однако со следственными материалами обвиняемые ознакомлены не были. Дело рассматривалось в открытом судебном заседании военной коллегии Верховного суда СССР с участием государственного обвинителя Прокурора СССР Вышинского.

По приговору военной коллегии Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Ваганян, Смирнов были признаны виновными в том, что:

а) в соответствии с директивой Троцкого организовали объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр для совершения убийства руководителей ВКП(б) и Советского правительства;

б) подготовили и осуществили 1 декабря 1934 года через ленинградскую подпольную террористическую группу злодейское убийство Кирова;

в) создали ряд террористических групп, готовивших убийство Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Дрейцер, Рейнгольд, Круглянский, Ольберг, Берман-Юрин, М. И. Лурье и Н. Л. Лурье были признаны виновными в том, что, будучи членами подпольной троцкистско-зиновьевской террористической организации, являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства.

Все 16 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 25 августа 1936 года.

Факты свидетельствуют, что после убийства Кирова и прошедших в декабре 1934 года и январе 1935 года судебных процессов над зиновьевцами по так называемому ленинградскому и московскому «центрам» при личном участии Сталина было подготовлено закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова», обращенное ко всем организациям партии. В письме все бывшие зиновьевцы без всяких оснований обвиняются в том, что они «стали на путь двурушничества, как главного метода своих отношений с партией, стали на тот же путь, на который обычно становятся белогвардейские вредители, разведчики и провокаторы». В связи с этим в письме давалась прямая директива об арестах зиновьевцев: «...в отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии — его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры».

17 января 1935 года Сталин разослал это письмо членам Политбюро с просьбой в тот же день обсудить его и принять решение. 18 января письмо было разослано всем организациям партии.

Вскоре по отношению к бывшим зиновьевцам начались массовые репрессии, по инициативе Сталина опросным порядком было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 января 1935 года следующего содержания:

«О зиновьевцах.

а) Выслать из Ленинграда 663 зиновьевца на 3 — 4 года.

б) Группу бывших оппозиционеров, членов партии в количестве 325 человек откомандировать из Ленинграда на работу в другие районы».

В январе—феврале 1935 года органами НКВД в Ленинграде было арестовано 843 бывших зиновьевца. В период проведения следствия над арестованными Сталин и Ежов искусственно создали версию о тесной связи зиновьевцев с троцкистами, об их совместном переходе к террору против руководителей партии и Советского правительства и об объединении на этой основе всей их контрреволюционной деятельности.

Указанная версия изложена в рукописи книги Ежова «От фракционности к открытой контрреволюции». 17 мая 1935 года автор направил Сталину письмо, в котором писал: «Очень прошу просмотреть посылаемую работу. Это первая глава из книги о «зиновьевщине», о которой я с Вами говорил. Прошу указаний».

Ответственность за убийство Кирова в книге возлагалась на зиновьевцев, и одновременно утверждалась их организационная связь с троцкистами. Ежов писал: «За все это время между зиновьевцами и троцкистами существовала теснейшая связь. Троцкисты и зиновьевцы регулярно информируют друг друга о своей деятельности. Нет никакого сомнения, что троцкисты были ос-

ведомлены и о террористической стороне деятельности зиновьевской организации. Больше того, показаниями отдельных зиновьевцев на следствии об убийстве т. Кирова и при последующих арестах зиновьевцев и троцкистов устанавливается, что последние тоже стали на путь террористических групп».

Личный архив Троцкого

После выработки версии перехода троцкистов и зиновьевцев к террору Ежов в середине 1935 года дал задание активизировать преследование троцкистов, разыскать и ликвидировать якобы существующий, но пока нераскрытый центр троцкистов.

Органы НКВД стали усиленно проводить разработку бывших троцкистов, как находящихся на свободе, так и отбывающих заключение или ссылку.

5 января 1936 года в Горьком при полном отсутствии данных, свидетельствовавших о преступной деятельности, был арестован прибывший из Германии на постоянное жительство в СССР В. П. Ольберг. Через месяц после ареста были получены его показания о том, что он прибыл в СССР из-за границы со специальным заданием Троцкого для проведения террористического акта против Сталина. В качестве завербованных им террористов Ольберг назвал многих преподавателей и студентов Горьковского педагогического института. Все они были арестованы.

Одновременно в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах также были произведены аресты троцкистов по обвинению в контрреволюционной и террористической деятельности. Всего было арестовано более ста человек.

9 февраля 1936 года заместитель наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьев направил местным органам НКВД следующую директиву:

«Имеющиеся в нашем распоряжении... данные показывают возросшую активность троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья и наличие подпольных террористических формирований среди них. Ряд троцкистских и зиновьевских групп выдвигают идею создания единой контрреволюционной партии и создания единого организационного центра власти в СССР. Задачей наших органов является ликвидация без остатка всего троцкистско-зиновьевского подполья. Немедленно приступите к ликвидации всех... дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива, направив следствие на вскрытие подпольных контрреволюционных формирований, всех организационных связей троцкистов и зиновьевцев и вскрытие террористических групп».

После этого репрессии в отношении бывших троцкистов усилились. К апрелю 1936 года количество арестованных достигло 508 человек.

Уже 23 февраля 1936 года Прокофьев докладывал Сталину, что в Москве арестована группа бывших троцкистов: А. И. Шемелев, политредактор Главлита, И. И. Тусов, беспартийный, литературный сотрудник Комакадемии, и другие.

При обыске у Тусова был обнаружен и изъят личный архив Троцкого периода 1927 года. На сообщении об архиве Сталин наложил следующую резолюцию: «Молотову, Ежову. Предлагаю весь архив и другие документы Троцкого передать т. Ежову для разбора и доклада ПБ, а допрос арестованных вести НКВД совместно с т. Ежовым». (27 февраля 1936 года это предложение Сталина было оформлено постановлением Политбюро, принятым опросом.)

В марте 1936 года Ягода доложил Сталину о ходе ликвидации троцкистского подполья и выявления террористических групп. Одновременно он внес предложение: троцкистов, причастных к террору, предать суду и, применив к ним закон от 1 декабря 1934 года, всех расстрелять.

31 марта 1936 года Сталин поручил Ягоде и Вышинскому дать более конкретный проект предложения о троцкистах, оформив это поручение следующим решением Политбюро ЦК: «Всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду военной коллегии Верховного Суда с применением к ним в соответствии с законом от 1.12.1934 года расстрела. Обязать НКВД и Прокуратуру Союза по окончании следствия представить список лиц, подлежащих суду по закону 1.12.1934 года».

Была дана соответствующая директива НКВД, в которой указывалось:

«Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников... Следствие по всем ликвидационным троцкистским делам ведите максимально быстро, ставя основной задачей следствия вскрытие и разгром всего троцкистского подполья, обнаружение и ликвидацию организационных центров, выявление и пресечение всех каналов связей с закордонным троцкистским руководством».

Одновременно с выявлением «троцкистского центра» органы НКВД проводили активную работу, чтобы доказать тезис об объединении троцкистов с зиновьевцами в совместной террористической деятельности.

При допросах арестованных широко использовался вымышленный донос, согласно которому, по рассказам Смирнова,

в 1932 году после переговоров между Каменевым, Тер-Ваганяном и Ломинадзе был создан объединенный центр, куда вошли Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Мрачковский, Ломинадзе и Шацкий.

Выполняя личные указания Сталина о разработке более конкретных мер по усилению борьбы с троцкистами, Ягода и Вышинский 10 июня 1936 года представили ему список троцкистов в количестве 82 человек, якобы причастных к террору, и внесли предложение о предании их суду военной коллегии по закону от 1 декабря 1934 года как участников антисоветской террористической организации.

В письме ставился вопрос о предании суду по этому закону Зиновьева и Каменева, как организаторов террора, не выдавших на следствии и в суде по процессу «московского центра» террористов, продолжавших подготовку убийства руководителей ВКП(б).

Однако Сталин не согласился с организацией процесса только над одними троцкистами. В июне 1936 года он через Ежова дал указание органам НКВД подготовить общий процесс и над троцкистами, и над зиновьевцами.

С этого времени следствие о троцкистах получило новое направление — началась активная работа по фабрикации дела об объединенном троцкистско-зиновьевском центре. Как она велась, кто ее направлял, можно представить из выступления заместителя наркома внутренних дел Агранова на совещании актива ГУГБ НКВД, которое проходило 19—21 марта 1937 года (цитируется по исправленной стенограмме):

«Агранов. Я хочу рассказать, как удалось поставить на верные рельсы следствие по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. Неправильную антипартийную линию в этом деле занимали Ягода и Молчанов. Молчанов определенно пытался свернуть это дело, еще в апреле 1936 года упорно доказывая, что раскрытием террористической группы Шемелева, Сафонова и Ольберга, связанных с И. Н. Смирновым, можно ограничиться, что это и есть троцкистский центр, а все остальные никакого отношения к делу не имеют... Молчанов старался опорочить и тормозить следствие по делам террористических организаций, которые были раскрыты Ленинградским и Московским управлениями...

При таком положении вещей полное вскрытие и ликвидация троцкистской банды была сорвана, если бы в это дело не вмешался ЦК (Сталин).

А вмешался он следующим образом... По моему возвращению после болезни Ежов вызвал меня к себе на дачу. Надо сказать, что это свидание носило конспиративный характер. Ежов передал указание Сталина на ошибки, допускаемые следствием по делу троцкистского центра, и поручил принять меры, чтобы вскрыть

троцкистский центр, выявить явно нескрытую террористическую банду и личную роль Троцкого в этом деле.

Ежов поставил вопрос таким образом, что либо он сам созывает оперативное совещание, либо мне вмешаться в это дело. Указания Ежова были конкретны и дали правильную исходную нить к раскрытию дела.

Именно благодаря мерам, принятым на основе этих указаний Сталина и Ежова, удалось вскрыть зиновьевско-троцкистский центр.

Однако развертывание следствия на основе новых данных проходило далеко не гладко. Прежде всего глухое, но упорное сопротивление оказывал Молчанов, который старался это дело свернуть.

Пришлось обратиться к очень важным материалам, которые имелись в Управлении НКВД по Московской области в связи с показаниями Дрейцера, Пикеля и Э... (Эстерман). Это дало возможность сдвинуть следствие на новые рельсы».

Действительно, после состоявшегося между Ежовым и Аграновым разговора последний сам включился в следственную работу по созданию дела об объединенном центре.

23 июля 1936 года Агранов лично, в присутствии ответственных работников НКВД Радзивиловского, Якубовича и Симановского, произвел повторный допрос троцкиста Дрейцера и бывшего зиновьевца Пикеля и сумел получить от них показания о том, что объединенный центр троцкистов и зиновьевцев был образован на террористической основе.

О том, что полученные Аграновым показания от Дрейцера и Пикеля являлись ложными и вынужденными, свидетельствуют высказывания по этому поводу самого Агранова и заместителя начальника управления НКВД по Московской области А. П. Радзивиловского. В заявлении на имя Ежова от 20 декабря 1936 года Радзивиловский сообщал, что троцкист Дрейцер доставлен в Москву для допросов в мае 1936 года, а зиновьевец Пикель был арестован несколько позже. Здесь же Радзивиловский пишет: «Исключительно тяжелая работа в течение трех недель над Дрейцером и Пикелем привела к тому, что они начали давать показания».

Когда же показания Дрейцера и Пикеля были доложены Ягоде, то он, как сообщал уже в 1937 году Агранов, на показаниях о существовании московского троцкистско-зиновьевского центра написал «неверно», а на показаниях о том, что якобы Дрейцер получил от Троцкого директиву об убийстве руководителей ВКП(б) и правительства, он написал «неправда» или просто «ложь». Об этом же говорил Ежов на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году, заявив, что показания Дрейцера,

Ильи-Давида, обоих Лурье и всех других Ягода считал чепухой и на протоколах допросов писал: «чепуха», «ерунда», «не может быть».

Несмотря на очевидную несостоятельность полученных от Е. А. Дрейцера и Р. В. Пикеля показаний, они были положены в основу создания дела по объединенному центру, и, как заявил Агранов, «это дало возможность, включив в следствие ряд новых работников, поставить дело на новые рельсы».

Советскому следствию лайковые перчатки противопоказаны...

Вскоре после этого следствие добилось необходимых признательных показаний от всех обвиняемых.

Об изложенных выше обстоятельствах возникновения дела об объединенном троцкистско-зиновьевском центре свидетельствует также выступление Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году (цитируется по исправленной стенограмме):

«Е ж о в. Когда только началось следствие по этому делу...

Ста л и н. По какому делу?

Е ж о в. По делу раскрытия троцкистско-зиновьевского объединенного центра, оно началось с конца декабря 1935 года (первая записка была в 1935 году). В 1936 году оно начало понемножку разворачиваться, затем первые материалы поступили в Центральный Комитет, и, собственно говоря, цель-то поступления этих материалов в Центральный Комитет, как теперь раскрывается, была, поскольку напали на след эmissара Троцкого, а затем обнаружили центр в лице Шемелева, Эстермана и других, — цель была вообще свернуть это дело.

Тов. Сталин правильно тогда учуял в этом деле что-то неладное и дал указание продолжать его, и, в частности, для контроля следствия назначили от Центрального Комитета меня.

Я имел возможность наблюдать все проведение следствия и должен сказать, что Молчанов все время старался свернуть это дело: Шемелева и Ольберга старался представить как эmissаров-одиночек, провести процесс или суд и на этом кончить, и только.

Совершенно недопустимо было то, что все показания, которые давались по Московской области Дрейцером, Пикелем, Эстерманом, т. е. главными закоперщиками, эти показания совершенно игнорировались, разговорчики были такие: какой Дрейцер, какая связь с Троцким, какая связь с Седовым, с Берлином, что за чепуха, ерунда и т. д.

Словом, в этом духе были разговоры, и никто не хотел ни Дрейцера, ни Эстермана, ни Пикеля связывать со всем этим делом. Такие настроения были».

Выступая на упоминавшемся совещании актива НКВД, Ежов указывал, что аресты этих лиц производились при отсутствии материалов об их преступной деятельности и что «следствие вынуждено ограничиваться тем, что оно нажимает на арестованного и из него выжимает». И, как он выражался, арестованных «брали на раскол».

Установлено, что следователи НКВД в целях получения признаний в преступной деятельности применяли к арестованным незаконные меры воздействия. Из многочисленных заявлений арестованных, написанных ими во время ведения следствия, видно, какие методы применяли следователи на допросах и какими путями добивались ложных показаний. Так, Ольберг после первых двух допросов 27 января 1936 года написал следователю заявление следующего содержания:

«После Вашего последнего допроса 21.1. меня охватил отчего-то ужасный, мучительный страх смерти. Сегодня я уже несколько спокойнее. Я, кажется, могу оговорить себя и сделать все, лишь бы положить конец мукам. Но я явно не в силах возвести на самого себя поклеп и сказать заведомую ложь, т. е. что я троцкист, эмиссар Троцкого и т. д. Я приехал в Союз по собственной инициативе, теперь — в тюрьме уже я понял, что это было сумасшествие, преступление. Горько раскаиваюсь в нем. Я сделал несчастными не только себя, но и жену мою, брата. Теперь я понял, до чего неправилен был мой шаг, т. е. приезд в СССР по неверным данным и сокрытие моего троцкистского прошлого».

На следующий день Ольберг обратился с новым заявлением, в котором говорилось:

«Очень прошу вызвать меня сегодня к себе. Кроме других вопросов, я хочу назвать имена лиц, которые смогут подтвердить мою невиновность в инкриминируемом мне обвинении».

Расследований этих заявлений не производилось, и от суда они были скрыты. Сам же Ольберг впоследствии во всех предъявленных ему обвинениях на допросах стал признавать себя виновным.

Смирнов 8 мая 1936 года в знак протеста против методов следствия объявил голодовку, которая длилась тринадцать дней.

Тер-Ваганян, протестуя против необоснованного ареста, дважды объявлял голодовку, а затем порезал себе палец и кровью написал заявление:

«Тов. Берман. Прошу сегодня все мои письма Сталину и Ягоде отправить. Потеряв надежду добиться выполнения Вами своего слова, с 12 часов перестал пить».

В письме Сталину он писал о том, что решил покончить жизнь самоубийством:

«Я обвиняюсь в терроре. Меня обвиняют в соучастии в подготовке террористических групп на основании показаний лиц, пря-

мо причастных к этому делу. Люди эти клеветают, клеветают подло, мерзко, бесстыдно, их клевета шита белыми нитками, не стоит большого труда ее обнажить, мотив творцов этой лжи прозрачный. Тем не менее! Против этой очевидной лжи я бессилён... Клянусь священной памятью Ленина, я не имел никогда никакого отношения к террористическим речам и делам контрреволюционных бандитов и каннибалов...»

Это письмо Тер-Ваганяна не было доведено до сведения суда, а 10 августа 1936 года после просмотра обвинительного заключения, за девять дней до начала судебного процесса, Сталин включил Тер-Ваганяна в число обвиняемых по данному процессу как одного из активных организаторов объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

А. Н. Сафонова, бывшая жена И. Н. Смирнова, выступавшая по данному делу в качестве свидетеля (впоследствии осужденная за троцкистскую деятельность), в своем объяснении от 14 июня 1936 года в КГБ СССР и Прокуратуру СССР сообщила, что ею и другими обвиняемыми на следствии и в суде были даны ложные показания, что во время допросов работники НКВД применяли методы морального воздействия, требовали показаний о преступной деятельности, якобы необходимых в интересах партии. «Вот под знаком этого понимания, — указывала Сафонова, — что этого требует партия и мы обязаны головой ответить за убийство Кирова, мы пришли к даче ложных показаний, не только я, но и все другие обвиняемые».

Вместе с тем она сообщила, что следователь угрожал ей, заявляя, что если она будет упорствовать в даче показаний, то он примет меры к аресту ее сестры, высылке ее детей, а также применит к ней физические меры принуждения. Следователь, сообщала Сафонова, говорил, что показания, которые ей называют в процессе следствия, она должна подтверждать независимо от того, верны они или нет, потому что так надо для партии.

«Так было на предварительном следствии, — писала Сафонова, — а на суде это усугублялось присутствием иностранных корреспондентов, и все мы, зная, что последние могут использовать наши показания во вред советскому государству, не могли сказать правду». В результате воздействия следователей, заявляла Сафонова, ее показания, а также показания Мрачковского, Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Тер-Ваганяна, которые они дали на предварительном следствии и в суде, на девяносто процентов не соответствуют действительности.

Методы, которыми пользовались следователи, особенно ярко видны из заявления Шацкого, написанного им 22 октября 1936 года на имя Сталина. Шацкий был арестован по обвинению в принадлежности к объединенному троцкистско-зиновьевскому

центру. В заявлении он сообщил, что ему предъявлено тяжчайшее обвинение в причастности к террористическому заговору, в чем он неповинен.

«Не оспаривая законности подозрения следствия и понимая, что следствие не может верить на слово, я все же считаю, — писал Шацкин, — что следствие должно тщательно и объективно проверить имеющиеся, по словам следствия, соответствующие показания. Фактически следствие лишило меня элементарных возможностей опровержения ложных показаний. Лейтмотив следствия: «Мы вас заставим признаться в терроре, а опровергать будете на том свете».

Далес Шацкин пишет:

«Вот как допрашивали меня. Главный мой следователь Геднин составил текст моего признания в терроре на четырех страницах (причем включил в него разговоры между мной и Ломинадзе, о которых у него никаких, в том числе и ложных, данных быть не может). В случае отказа подписать это признание мне угрожали: расстрелом без суда или после пятнадцатиминутной формальной процедуры заседания военной коллегии в кабинете следователя, во время которой я должен буду ограничиваться только односложными ответами «да» и «нет», организованным избиением в уголовной камере Бутырской тюрьмы, применением пыток, ссылкой матери и сестры в Колымский край. Два раза мне не давали спать по ночам: «пока не подпишешь». Причем во время одного сплошного двенадцатичасового допроса ночью следователь командовал: «Встать, очки снять! — и, размахивая кулаками перед моим лицом: — Встать! Ручку взять! Подписать!» — и. т. д. Я отнюдь не для того привожу эти факты, чтобы протестовать против них с точки зрения абстрактного гуманизма, а хочу лишь сказать, что такие приемы после нескольких десятков допросов, большая часть которых посвящена ругательствам, человека могут довести до такого состояния, при котором могут возникнуть ложные показания. Важнее, однако, допросов: следователь требует подписания признания именем партии и в интересах партии».

К осени 1936 года фальсификация протоколов допросов стала более откровенной. Была введена система составления парадных протоколов — после ряда допросов в отсутствие арестованного составлялся протокол, печатался на машинке и в таком виде давался арестованному на подпись.

3 марта 1937 года на Пленуме ЦК ВКП(б) Ежов заявил:

«Я должен прямо сказать, что существовала такая практика: прежде чем протокол давать на подпись обвиняемому, его вначале просматривал следователь, потом передавал начальству повыше, а важные протоколы доходили даже до наркома. Нарком вносил указания, говорил, что надо записывать так, а не эдак, а потом протокол давали подписывать обвиняемому».

Все следователи обязаны были знакомиться с массой признательных показаний о терроре и на этой основе формировать свое «правосознание». Мысль о терроре вколачивалась в сознание всех работников. Систематические внушения об опасности, якобы со всех сторон угрожающей жизни Сталина, вызвали напряженное состояние, которое нарастало с каждым днем. Ежов непосредственно осуществлял контроль за следствием по делу объединенного центра, ходил на допросы и, как говорили тогда, «завинчивал гайки».

Арестованные подвергались длительным ночным допросам. По настоятельному требованию Ежова следствие не должно было вестись в «лайковых перчатках», он заставлял «не церемониться с троцкистами».

По сути, провокационную роль при расследовании дел сыграл Вышинский. На совещаниях, проявляя крайнюю суровость по отношению к следователям, он призывал добиваться прямых показаний от арестованных о терроре. При анализе показаний требовал более острых политических выводов и обобщений, а по существу — фальсификации дел.

Бывший сотрудник НКВД Г. С. Люшков, принимавший активное участие в расследовании дела, бежав в 1938 году за границу, сделал там следующее заявление:

«Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину... Таковы непосредственные причины моего побега из СССР, но ими только дело не исчерпывается.

Имеются и более важные и фундаментальные причины, которые побудили меня так действовать. Это то, что я убежден в том, что ленинские принципы перестали быть основой политики партии. Я впервые почувствовал колебания со времени убийства Кирова Николаевым в конце 1934 года. Этот случай был фатальным для страны так же, как и для партии. Я был тогда в Ленинграде. Я не только непосредственно занимался расследованием дела об убийстве Кирова, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после Кировского дела под руководством Ежова. Я имел отношение к следующим делам:

1. Дело так называемого ленинградского террористического центра в начале 1935 года;
2. Дело террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле в 1935 году;
3. Дело так называемого троцкистско-зиновьевского объединенного центра в августе 1936 года.

Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они были преднамеренно сфабрикованы.

Николаев, безусловно, не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем. Это явствует из его дневника.

На процессе, проходившем в августе 1936 года, обвинения в том, что троцкисты через Ольберга были связаны с германским гестапо, обвинения против Зиновьева и Каменева в шпионаже, обвинения в том, что Зиновьев и Каменев были связаны с так называемым «правым центром» через Томского, Рыкова и Бухарина, — полностью сфабрикованы.

Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков и Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его политике. Сталин использовал благоприятную возможность, представившуюся в связи с делом Кирова, чтобы избавиться от этих людей посредством фабрикации обширных антисталинских заговоров, шпионских процессов и террористических организаций. Так Сталин избавлялся всеми мерами от политических противников и от тех, кто может стать ими в будущем...

Это происходило не только благодаря истерической подозрительности Сталина, но и на основе его твердой решимости избавиться от всех троцкистов и правых, которые являются политическими оппонентами Сталина и могут представить собой политическую опасность в будущем...»

Таким образом, признательные показания обвиняемых на следствии и в суде о принадлежности к объединенному центру и в проведении террористической деятельности объясняются применением к арестованным незаконных методов следствия.

Кроме того, Зиновьев, Каменев, Тер-Ваганян и другие, подвергавшиеся уже ранее репрессиям — неоднократным арестам, допросам, ссылкам, тюремному заключению, в период следствия и суда по настоящему делу находились в тяжелом моральном и физическом состоянии.

Револьвер у террориста украли жиганы

Доведенные до морального и физического истощения, заключенные стали к обвинениям относиться безразлично и потому признавать их. Характерным в этом смысле является признание своей вины Каменевым.

Когда в судебном заседании Вышинский сделал вывод о том, что Каменев, как один из организаторов объединенного троц-

кистско-зиновьевского центра, вынужден был признать себя виновным в террористической деятельности, оказавшись перед стеной улик, то в ответ на это Каменев заявил, что признал себя виновным не потому, что против него имелись улики, а... «потому, что, будучи арестованным и обвиненным в этом преступлении, я его признал».

Характерны и показания в судебном заседании Смирнова:

«Вышинский. Когда же вы вышли из «центра»?

Смирнов. Я не собирался выходить, не из чего было.

Вышинский. Центр существовал?

Смирнов. Какой там центр?»

О моральном и физическом истощении Зиновьева свидетельствуют его тюремные письма. В записях, обращенных к Сталину, он писал 10 апреля 1935 года: «Еще в начале января 1935 года в Ленинграде в ДПЗ секретарь ЦК тов. Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: «Политически вы уже расстреляны».

Я знаю, что и физическое мое существование во всяком случае кончается. Один я чувствую и знаю, как быстро и безнадежно иссякают мои силы с каждым часом, да и не может быть иначе после того, что со мной случилось...»

14 апреля 1935 года: «При всех обстоятельствах мне осталось жить во всяком случае очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося, раскался до конца, сказал Советской власти абсолютно все, что знал, порвал со всем и со всеми, кто был против партии, и готов был все, все, все сделать, чтобы доказать свою искренность. В моей душе горит одно желание: доказать вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это...

Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Вас и других членов Политбюро — на портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же вы не видите, что я не враг ваш больше, что я ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение».

1 мая 1935 года: «Ну где взять силы, чтобы не плакать, чтобы не сойти с ума, чтобы продолжать жить...»

6 мая 1935 года: «Если бы я мог надеяться, что когда-нибудь мне будет дано хоть в малой степени загладить свою вину. В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат и т. д. Но я стар, я потрясен. За эти месяцы я состарился на 20 лет. Силы на исходе... Помогите. Поверьте. Не дайте умереть в тюрьме. Не дайте сойти с ума в одиночном заключении».

10 июля 1935 года Зиновьев обращается с запиской в НКВД: «Товарищи! Родные! Дело не только в лишении свободы, болезней и прочее. Дело прежде всего в моральном факторе. Я убит. Я совершенно убит. И хоть некоторое время я мог бы протянуть только в концлагере с возможностью работы и передвижения».

Будучи доставлен из Челябинской тюрьмы в Москву в качестве обвиняемого по настоящему делу, Зиновьев 12 июля 1936 года пишет Сталину письмо:

«Состояние мое совсем плохое. Я боюсь, что не доеду. Горячая просьба: издать мою книгу, написанную в Уральске. Она не кончена (не успел), но все-таки главное сказано. Писал ее кровью сердца. И еще, если смею просить: о семье своей, особенно о сыне. Вы знали его мальчиком. Он талантливый марксист, с жилкой ученого. Помогите им.

Всей душой теперь Ваш

Г. Зиновьев».

И наконец, за день до суда, 18 августа 1936 года Зиновьев пишет, что в связи с поставленными ему следствием вопросами он просит добавить к своим предыдущим показаниям ряд дополнительных данных о якобы проводившейся террористической деятельности объединенным центром.

Это письмо Зиновьева свидетельствует, что до последнего момента работники НКВД постоянно воздействовали на него, с тем чтобы он не имел возможности отказаться от данных ранее показаний.

В тяжелом физическом и моральном состоянии находился и Мрачковский. 23 апреля 1936 года его жена писала в НКВД, что состояние Мрачковского тяжелое, врачи нашли у него заболевание нервов и нервных узлов. Но, несмотря на тяжелое болезненное состояние Мрачковского и длительное его пребывание в больнице, следователи НКВД производили допросы и добивались от него нужных им показаний. Из материалов следственного дела видно, что из семи протоколов допросов, имеющихся в деле, шесте были заготовлены заранее и отпечатаны на машинке.

Все эти протоколы Мрачковским подписаны. Только на вопрос о связях с заграничным троцкистским центром он отвечал: «Я прошу предъявить мне ваши доказательства существования связи нашей организации с Троцким».

Как показывают имеющиеся материалы, Сталин постоянно оказывал воздействие на ход предварительного следствия и судебного процесса. Еще до окончания следствия и начала судебного процесса в местные партийные комитеты от имени ЦК ВКП(б) 29 июля 1936 года было послано закрытое письмо «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контр-

революционного блока». В этом письме утверждалось, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против руководителей партии и правительства, но и авторами прямых указаний об убийстве Кирова. «Равным образом, — говорилось в письме, — считается теперь установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами». Далее в письме утверждалось, что «Сергей Миронович Киров был убит по решению объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока... Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева».

Установлено, что в конце июля 1936 года Ежов проект этого письма направил Сталину со следующей запиской: «Тов. Сталину. Посылаю проект Закрытого письма ЦК ВКП(б) ко всем организациям партии о террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы. Для перепроверки изложенных в письме фактов я их зачитал тт. Агранову и Молчанову».

В сохранившемся машинописном экземпляре проекта этого письма и в его сигнальном типографском экземпляре имеются многочисленные исправления и добавления, сделанные рукой Сталина.

На второй странице проекта письма предложение «...до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской группы» он переделал следующим образом: «...до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской деятельности зиновьевцев, равно как не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова».

На этой же странице Сталин вписывает новое предложение: «Равным образом считается установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами».

На четырнадцатой странице проекта предложение «объединенный центр троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы своей основной и главной задачей ставил убийство товарища Сталина» также было изменено и стало выглядеть так: «...объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева».

Указанное письмо предопределило дальнейший ход следствия и судебного процесса, которые велись в направлении закрепления

выдвинутых в нем утверждений об организации в 1932 году и существовании до 1936 года объединенного троцкистско-зиновьевского центра и проводившейся им террористической деятельности.

Кроме того, для Вышинского и Ульриха (председателя военной коллегии Верховного суда СССР) это письмо явилось основой для составления обвинительного заключения и приговора суда. Все содержащиеся в письме утверждения — об объединении троцкистов с зиновьевцами, убийстве Кирова и организации террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства — были перенесены в обвинительное заключение и приговор.

Первый вариант обвинительного заключения Вышинским был составлен сразу же после появления закрытого письма. 7 августа 1936 года, еще задолго до окончания расследования по делу, Вышинский по требованию Сталина представил ему этот вариант с числом обвиняемых в двенадцать человек.

Корректируя его, Сталин зачеркнул в показаниях обвиняемых Зиновьева, Мрачковского и Бакаева оценку положения в партии и стране. В текст обвинительного заключения он внес ряд поправок и изменений. Так, в предложение «...было осуществлено 1 декабря 1934 года по прямому указанию Л. Троцкого и под непосредственным руководством объединенного центра злодейское убийство тов. С. М. Кирова» Сталин вписал: «...по прямому указанию Г. Зиновьева и Л. Троцкого...» На полях шестнадцатой страницы проекта дважды дописал фамилию Лурье.

В соответствии с указанием этот текст обвинительного заключения Вышинский переделал.

Исправленный текст обвинительного заключения, в котором значилось уже не двенадцать, а четырнадцать обвиняемых, 10 августа 1936 года вновь был представлен Сталину. Им текст был опять переделан, и в качестве обвиняемых в него были включены Евдокимов и Тер-Ваганян. Оба они стали проходить по делу как активные члены объединенного центра.

Кагановичу, замещавшему Сталина на время его отпуска, неоднократно представлялись на согласование составленные до окончания судебного заседания председателем военной коллегии Верховного суда Ульрихом различные варианты проектов приговора по делу.

После рассмотрения Кагановичем последнего варианта приговора в него были вновь внесены поправки. На третьей странице в число лиц, в отношении которых готовились террористические акты, Каганович внес собственную фамилию, а на седьмой странице дописал фамилию Орджоникидзе.

Вносимые Сталиным и Кагановичем произвольные изменения в тексты обвинительного заключения и приговора свидетель-

ствуют о том, что исход дела и судьбы лиц, привлеченных к уголовной ответственности по нему, были predetermined задолго до суда.

Согласно сфабрикованным обвинениям, основой для создания так называемого объединенного центра послужили показания о получении из-за границы указаний Троцкого о терроре. Однако эти показания никакими документальными доказательствами и другими объективными данными не подтверждались. Более того, в силу их надуманности они противоречивы и неконкретны.

В подтверждение вывода о переходе троцкистов и зиновьевцев к тактике террора против руководителей ВКП(б) в обвинительной речи Вышинского содержится ссылка на открытое письмо Троцкого в Президиум ЦИК СССР, опубликованное 1 марта 1932 года в издававшемся за границей бюллетене. В письме Троцкий пишет о необходимости осуществить завещание Ленина — убрать Сталина. Эта ссылка не может быть принята во внимание как доказательство. К тому же Троцкий в статье, опубликованной в бюллетене 15 октября 1932 года, разъяснил этот свой тезис, заявив, что лозунг убрать Сталина не означает его физического устранения...

Никаких других данных о террористических директивах Троцкого, кроме показаний осужденных, в распоряжении следствия и суда не имелось. Показания же осужденных, как отмечалось выше, являются несостоятельными, противоречивыми, сделанными явно по подсказке следствия.

В материалах обвинения утверждается, что объединенный троцкистско-зиновьевский центр создан с целью террора против руководителей ЦК ВКП(б) и Советского правительства. В соответствии с этим положением во время следствия работники НКВД получили от арестованных показания о том, что в различных городах Советского Союза, в том числе в Москве, Ленинграде и Горьком, а также в Красной Армии были созданы многочисленные террористические организации. На основании этого в 1936 году было арестовано и расстреляно более 160 человек, якобы принимавших участие в подготовке террористических актов по заданию объединенного центра. Несмотря на применение к арестованным незаконных мер воздействия, многие из них виновными себя не признали.

В качестве обвиняемых по делу были также привлечены прибывшие в 1932—1935 годах в СССР Берман-Юрин, Круглянский и оба Лурье.

Несмотря на то что они не состояли в контактах с обвиняемыми по так называемому объединенному троцкистско-зиновьевскому центру, они тем не менее были осуждены по одному делу с Зиновьевым, Каменевым, Смирновым и другими. Все они обви-

нялись в том, что будто бы по заданию Троцкого прибыли в СССР с целью совершения террористических актов. На следствии и в суде они признали себя виновными в террористической деятельности, однако их показания также содержат явные противоречия, неконкретны и неправдоподобны.

Перед отъездом в СССР, показывали Берман-Юрин и Илья-Давид, в марте 1933 года они в Копенгагене встречались с Троцким, который дал им задание убить Сталина. Однако в списках лиц, посетивших Троцкого в Копенгагене, Берман-Юрин и Круглянский не значатся.

М. И. Лурье тоже показывал, что в марте 1933 года перед поездкой из Берлина в Москву он получил указание Троцкого о подготовке убийства Сталина. М. И. Лурье также говорил, что по прибытии в Москву он лично давал указание Н. Л. Лурье о подготовке этого террористического акта.

В свою очередь и Н. Л. Лурье давал показания, что является террористом и собирался убить Сталина, Орджоникидзе и Кагановича. Но и эти показания М. И. Лурье и Н. Л. Лурье не соответствовали действительности.

М. И. Лурье на допросах предъявленное обвинение в терроре длительное время категорически отрицал, а затем начал говорить об активной подготовке терактов совместно с Н. Л. Лурье.

Н. Л. Лурье на допросах в июне 1936 года показывал, что, будучи членом компартии Германии в 1927—1929 годах, разделял троцкистские взгляды, а с апреля 1932 года до июля 1933 года состоял в троцкистской организации в Москве, но террористических взглядов не поддерживал. Однако на допросе 10 июля 1936 года он вдруг дал показания, что в Москве готовил террористические акты против Сталина и Ворошилова, а в Челябинске, где работал врачом, готовился убить Орджоникидзе и Кагановича в случае их приезда на Челябинский тракторный завод. Далее Лурье показал, что он пять раз с револьвером приезжал из Челябинска в Москву, надеясь встретить кого-либо из руководителей партии и правительства и совершить против них террористический акт. Револьвер же, как говорил Лурье, при последнем приезде в Москву у него был похищен вместе с чемоданом. Он также показывал, что в 1936 году имел поручение от М. И. Лурье убить в Ленинграде на первомайской демонстрации А. А. Жданова, но совершить этот акт не смог, так как во время демонстрации проходил в колонне далеко от трибуны.

По показаниям Лурье, он четыре года пытался совершить убийство кого-либо из руководителей ЦК ВКП(б) и Советского правительства, однако никакого оружия у него обнаружено не было и вопрос о якобы имевшихся у него пистолетах органами НКВД не выяснялся.

Таким образом, после 1927 года бывшие троцкисты и зиновьевцы организованной борьбы не проводили, между собой ни на террористической, ни на другой основе не объединялись, а дело об объединенном троцкистско-зиновьевском центре искусственно создано органами НКВД по прямому указанию и при непосредственном участии Сталина.

Выдвинутые по делу обвинения об организации объединенным центром убийства Кирова и о подготовке его участниками террористических актов против Сталина и других руководителей партии и правительства являются абсолютно несостоятельными.

Закрытое письмо ЦК

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б)» было направлено 18 января 1935 года. В письме сообщалось, что убийство Кирова, как установлено судом и следствием, совершено ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя «ленинградским центром», что идейным и политическим руководителем «ленинградского центра» был «московский центр» зиновьевцев, который, вероятно, не знал о готовившемся убийстве Кирова, но наверняка знал о террористических настроениях «ленинградского центра» и разжигал эти настроения.

«Как известно, тогда Зиновьев и Каменев признали свою вину только в разжигании террористических настроений, заявив, что они несут за убийство Кирова лишь моральную и политическую ответственность. Однако, как теперь выяснилось, полтора года назад, во время следствия по делу об убийстве Кирова, до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской террористической деятельности зиновьевцев, равно как не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства Кирова.

На основании новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве Кирова, так и о готовившихся покушениях на других руководителей нашей партии и в первую очередь на товарища Сталина. Равным образом считается установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами. В связи в этом ЦК ВКП(б) считает необходимым информировать партийные организации о новых фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев. Какова фактическая сторона дела, вскрытая за последнее время?

Факты:

1. После убийства С. М. Кирова в течение 1936 года органами НКВД вскрыт ряд террористических групп троцкистов и зиновьевцев в Москве, Ленинграде, Горьком, Киеве, Баку и других городах.

Подавляющее большинство участников этих террористических групп во время следствия призналось в том, что основной своей задачей они ставили подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

2. Руководство разоблаченными группами троцкистов и зиновьевцев и всей их террористической деятельности в СССР осуществлялось блоком троцкистов и зиновьевцев.

Блок троцкистской и зиновьевско-каменевской группы сложился в конце 1932 года после переговоров между вождями контрреволюционных групп, в результате чего возник объединенный центр в составе — от зиновьевцев — Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Куклина и от троцкистов — в составе Смирнова И. Н., Мрачковского и Тер-Ваганяна.

Главным условием объединения обеих контрреволюционных групп было взаимное признание террора в отношении руководителей партии и правительства как единственного и решающего средства пробраться к власти.

С этого времени, т. е. с конца 1932 года, троцкисты и зиновьевцы всю свою враждебную деятельность против партии и правительства сосредоточили главным образом на организации террористической работы и осуществлении террора в отношении виднейших руководителей партии и в первую очередь в отношении товарища Сталина.

Факты террористической деятельности раскрытых троцкистских и зиновьевских контрреволюционных групп настолько неопровержимы, что они заставили даже вождей этих террористических групп полностью признать все их белогвардейские злодеяния.

Так, например, допрошенный в связи с раскрытыми террористическими группами Зиновьев на следствии 23—25 июля 1936 года признал следующее:

«Я действительно являлся членом объединенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 году.

Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б) и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены прямые указания по подготовке убийства Сталина» (Г. Зиновьев. Протокол допроса от 23—25 июля 1936 г.).

Другой член контрреволюционной зиновьевской группы — Каменев, подробно рассказывая об организации троцкистско-зиновьевского блока и практическом плане центра, на следствии 23 июля 1936 года показал:

«...Мы, т. е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которой был мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна договаривались в 1932 году об объединении обеих, т. е. зиновьевской и троцкистской контрреволюционных организаций для совместной подготовки совершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь против Сталина и Кирова.

Главное заключается в том, что и Зиновьев, и мы — я, Каменев, Евдокимов, Бакаев и троцкистские руководители Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян в 1932 году решили, что единственным средством, с помощью которого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь против Сталина.

На этой именно базе террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и велись переговоры между нами и троцкистами об объединении».

На вопрос о том, были ли доведены в 1932 году переговоры между зиновьевско-каменевской и троцкистской группами до конца, Каменев на следствии ответил:

«Переговоры с троцкистами об объединении троцкистской и зиновьевской контрреволюционной организации мы довели до конца, и между нами, т. е. зиновьевским центром в лице Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева и Куклина и троцкистским центром в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна, был заключен блок о совместной борьбе против ВКП(б) путем, как я уже показал выше, террора против руководителей партии» (Л. Каменев. Протокол допроса от 23—24 июля 1936 г.).

Таким образом, Зиновьев и Каменев, объединяясь с Троцким, считали, что самое главное заключается в единодушном признании того нового, чем отличается вновь созданный ими блок от предыдущего.

Это новое, по показаниям зиновьевцев — Каменева, Рейнгольда, Пикеля, Бакаева и троцкистов — Мрачковского, Дрейцера и других, состояло в признании целесообразности активных террористических действий против руководства партии и правительства.

С этим положением Зиновьева и Каменева Троцкий был не только согласен, но в свою очередь считал основным условием объединения троцкистов и зиновьевцев признание обеими группами целесообразности террора против вождей нашей партии и правительства.

Об отношении Троцкого к созданию объединенного троцкистско-зиновьевского блока и условиях объединения известный троцкист и один из ближайших соратников Троцкого — Мрачковский на следствии показал:

«В середине 1932 года И. Н. Смирнов поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости объединения нашей организации с группами Зиновьева—Каменева и Шацкина—Ломинадзе. Тогда же было решено запросить по этому поводу Троцкого и получить от него новые указания. Троцкий ответил согласием на создание блока, при условии принятия объединившихся в блок группами вопроса о необходимости насильственного устранения вождей ВКП(б) и в первую очередь Сталина» (Мрачковский. Протокол допроса от 19—20 июля 1936 г.).

О том, что троцкисты и зиновьевцы своей главной задачей ставили террористическую борьбу против руководителей ВКП(б) и правительства, дали показания и все остальные арестованные видные троцкисты и зиновьевцы, например, Бакаев, Рейнгольд, Сафонов, Пикель, Дрейцер и другие.

Таким образом, неопровержимым фактом является то, что троцкисты и зиновьевцы уже несколько лет как объединились на платформе индивидуального белогвардейского террора против вождя партии и Советского правительства и прибегают к методам, которыми до сих пор пользовались озлобленные остатки белоэмигрантщины, организованные в террористические организации типа РОВ, Союз русских фашистов, Фашистского союза молодежи и т. п.

Сергей Миронович Киров был убит по решению объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока.

Вся практическая работа по организации покушения была возложена на члена объединенного центра — Бакаева. В помощь Бакаеву центр выделил работавшего в Ленинграде видного зиновьевца Карева, который был близко связан лично с Зиновьевым.

В результате решения объединенного центра в Ленинграде было организовано несколько троцкистских и зиновьевских террористических групп, в том числе группа Румянцева—Каталынова—Николаева, которая и совершала убийство Кирова.

О том, что убийство Кирова совершено по решению объединенного троцкистско-зиновьевского центра, на следствии показывают большинство активных участников террористических групп, в том числе Зиновьев, Каменев, Бакаев, Карев и другие.

Так, например, Зиновьев на следствии показал следующее:

«Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кирова в Ленинграде» (Зиновьев. Протокол допроса от 23—25 июля 1936 г.).

Другой руководитель объединенного блока — Каменев на вопрос следователя, знал ли он о решении центра убить товарища Сталина и С. М. Кирова, ответил следующее:

«Да, вынужден признать, что еще до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока».

И далее:

«Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял» (Каменев. Протокол допроса от 23—24 июля 1936 г.).

Помощник Бакаева по Ленинграду в деле организации покушения на Кирова Карев Н. А. на следствии тоже подтвердил полученное от объединенного центра поручение. Он показал, что, будучи в середине августа 1932 года на даче у Зиновьева в Ильинском, принимал участие в состоявшемся там совещании, получил следующее поручение Зиновьева:

«Зиновьев сообщил, что на основе признания террора основным средством борьбы с существующим партийным руководством зиновьевским центром установлен контакт с руководителями троцкистской организации в Союзе Иваном Никитичем Смирновым и Мрачковским и что есть решение объединенного троцкистско-зиновьевского центра об организации террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде.

Зиновьев сказал, что подготовка террористических актов над Сталиным и Кировым поручена Бакаеву, который должен использовать для этих целей свои связи с зиновьевской группой в Ленинграде и Москве. Мне Зиновьев также предложил в свою очередь подбирать из близких руководимой мною в Академии наук в Ленинграде организации людей, способных осуществить террористический акт над Кировым» (Карев. Протокол допроса от 5 июля 1936 г.).

И далее он сообщает, что в разговоре с Бакаевым там же в Ильинском он узнал следующее: «...при разговоре с Бакаевым я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над Кировым существующие в Ленинграде и связанные с ним — Бакаевым — зиновьевские группы Румянцева и Катыльнова».

Главный организатор покушения — Бакаев также сознался в том, что ему было поручено центром организовать убийство товарища Сталина и Кирова.

После состоявшегося решения центра троцкисты и зиновьевцы развивают интенсивную деятельность по организации покушения на Кирова.

В июне 1934 году Каменев специально вылетает в Ленинград для проверки подготовленности организации террористического акта над товарищем Кировым. Каменев связался тогда с руководителем одной из террористических групп в Ленинграде — Яковлевым М. Н., которому от имени объединенного центра дал указание форсировать подготовку убийства Кирова. Зиновьев также всячески форсирует совершение убийства Кирова, упрекая участников террористических групп в медлительности и нерешительности.

Так, например, один из участников террористической группы, арестованный зиновьевец Моторин Н. М., бывший личный секретарь Зиновьева, показал, что осенью 1934 года он был в Москве и посетил Зиновьева, которого информировал о том, как идет подготовка террористического акта над Кировым во исполнение полученных им через Бакаева указаний от Зиновьева.

Он говорит:

«Зиновьев мне указал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме Киров должен быть убит. Он упрекал меня в недостаточной решительности и энергии и указал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо отказаться от предрассудков» (Моторин Н. М. Протокол допроса от 30 июня 1936 г.).

Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева.

Решение об убийстве товарища Сталина было принято одновременно с решением об убийстве товарища Кирова.

С этой целью центром было организовано в Москве несколько строго законспирированных террористических групп. Для объединения деятельности этих групп всесоюзным троцкистско-зиновьевским центром был создан московский центр в составе зиновьевцев — Бакаева, Рейнгольда, Пикеля и троцкистов — Мрачковского и Дрейцера.

Непосредственная организация убийства товарища Сталина была возложена на Бакаева.

На следствии Бакаев признал свою роль непосредственного организатора террористических актов. Он показал:

«Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство товарища Сталина в Москве».

И далее:

«По указанию Зиновьева к организации террористического акта над Сталиным мною были привлечены зиновьевцы Рейн-

гольд, Богдан и Файвилович, которые дали согласие принять участие в террористическом акте.

Наряду с нами убийство Сталина готовили И. Н. Смирнов и С. В. Мрачковский, которые получили прямую директиву Троцкого совершить террористический акт» (Бакаев. Протокол допроса от 17—19 июля 1936 г.).

Активный член зиновьевского центра, бывший заведующий секретариатом Зиновьева — Пикель Р. В. сообщил на следствии, что Бакаев развил лихорадочную деятельность по организации покушения, вкладывая в это дело всю свою энергию. Пикель говорит:

«Бакаев не только руководил подготовкой террористического акта в общем смысле, а лично выезжал на места наблюдения, проверял и вдохновлял людей...

Летом 1934 года я как-то пришел к Рейнгольду. Рейнгольд мне сообщил, что наблюдение за Сталиным дало положительные результаты и что Бакаев с группой террористов выехали на его машине сегодня с задачей убить Сталина. При этом Рейнгольд нервничал, что они долго не возвращаются.

В этот же день вечером я вновь виделся с Рейнгольдом и он сообщил мне, что осуществлению террористического акта помешала охрана Сталина, которая, как он выразился, спугнула участников организации» (Пикель. Протокол допроса от 22 июля 1936 г.).

Троцкий, находясь за границей, особенно после ареста Каменева и Зиновьева, всячески форсирует совершение убийства тт. Сталина и Ворошилова, направляя деятельность всесоюзного объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Он систематически посылает через своих агентов директивы и практические указания об организации убийства.

Близкий Троцкому человек, несший в свое время его личную охрану, участник троцкистско-зиновьевского блока Дрейцер Е. А. на следствии признал, что в 1934 году он получил письменную директиву Троцкого о подготовке террористического акта против тт. Сталина и Ворошилова. Он сообщил:

«Эту директиву я получил через мою сестру, постоянно проживающую в Варшаве Сталовицкую, которая приехала в Москву в конце сентября 1934 года. Содержание письма Троцкого было коротко. Начиналось оно следующими словами: “Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи: первая — убить Сталина и Ворошилова, вторая — развернуть работу по организации ячеек в армии, третья — в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства”» (Дрейцер. Протокол допроса от 23 июля 1936 г.).

Содержание этой директивы подтвердил и другой видный троцкист — Мрачковский, который показал следующее:

«Эстерман передал мне конверт от Дрейцера. Вскрыв конверт при Эстермане, я увидел письмо, написанное Троцким Дрейцеру. В этом письме Троцкий давал указание убить Сталина и Ворошилова» (Мрачковский. Протокол допроса от 4 июля 1936 г.).

После убийства Кирова и разгрома в связи с этим троцкистско-зиновьевского центра Троцкий берет на себя руководство террористической деятельностью в СССР.

Для восстановления террористических групп в СССР и активизации их деятельности Троцкий перебрасывает из-за границы по подложным документам своих проверенных агентов.

В числе таких агентов из Берлина в Москву в разное время он перебросил Берман-Юрина, В. Ольберга, Илья-Давида, Горовича, Гуревича, Быховского и других. Все они получали задание во что бы то ни стало убить Сталина, Ворошилова, Кагановича и других вождей партии.

Агент Троцкого В. Ольберг, командированный в СССР для организации террористических групп и ныне арестованный, показал следующее:

«Я был непосредственно связан с Троцким, с которым поддерживал регулярную связь, и с Львом Седовым (Лев Седов — сын Троцкого, организатор террористических групп, ведущих за границей работу под руководством своего отца Троцкого), который давал мне лично ряд поручений организационного порядка, в частности по нелегальной связи с Советским Союзом.

Я являлся эмиссаром Троцкого в Советском Союзе вплоть до моего ареста.

С целью ведения в Советском Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным, я нелегально приехал в СССР» (В. Ольберг. Протокол допроса от 13 февраля 1936 г.).

Ольберг по приезде в СССР в целях конспирации организовал террористическую группу из троцкистов, находящихся не в Москве, а в городе Горьком, имея в виду перебросить ее в Москву для убийства товарища Сталина. Убийство предполагалось совершить во время Первомайских празднеств 1936 года.

В этих целях руководитель троцкистской организации в Горьком — директор Горьковского педагогического института Федотов И. К. должен был командировать террористов в Москву под видом отличников учебы пединститута и обеспечить таким образом им возможность участвовать в демонстрации на Красной площади.

Почти одновременно с Ольбергом Троцкий перебрасывает и другого своего агента Берман-Юрина. Давая Берман-Юрину директиву об организации террористического акта против товарища Сталина, Троцкий особо подчеркивал, что это убийство

должно быть совершено не конспиративно, в тиши, а открыто на одном из пленумов или на конгрессе Коминтерна.

Вместе с Берман-Юриным в работе по подготовке террористического акта против товарища Сталина принимал участие работник Коминтерна Илья-Давид, также прибывший в СССР по личному поручению Троцкого в мае 1933 года. Берман-Юрин и Илья-Давид установили между собой организационную связь и готовили совершение террористических актов против товарища Сталина на VII конгрессе Коминтерна.

«В беседе со мной, — показал на следствии Берман-Юрин, — Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами и что Сталин должен быть физически уничтожен. О Сталине он говорил с невероятной злобой и ненавистью. Он в этот момент имел вид одержимого. Во время беседы Троцкий поднялся со стула и нервно ходил по комнате. В нем было столько ненависти, что это производило исключительное впечатление, и мне тогда казалось, что этот человек исключительной убежденности. Я вышел от него как заипнотизированный» (Берман-Юрин. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.).

Но троцкистско-зиновьевский центр не ограничивался организацией убийства одного лишь товарища Сталина. Он ставил своей задачей одновременное убийство других руководителей партии Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Троцкистско-зиновьевский центр рассчитывал, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти. Зиновьев и Каменев, говоря об убийстве тт. Сталина, Ворошилова, Жданова и других, неоднократно заявляли: «Мало вырвать дуб, надо уничтожить все то молодое, что около этого дуба растет».

Убийство перечисленных товарищей пытались организовать различные группы. Наиболее характерными из них, освещающими деятельность троцкистско-зиновьевского центра, являются следующие группы. По осуществлению террористического акта над тов. Ворошиловым работали две группы.

Одна группа была организована входившим в московский террористический центр троцкистом Дрейцером, который получил задание об убийстве Ворошилова непосредственно от Троцкого.

В качестве непосредственных участников и исполнителей террористического акта над Ворошиловым Дрейцер привлек бывших активных троцкистов командиров Красной Армии Шмидта Д. А. и Кузьмичева. Последние лично дали согласие совершить террористический акт и деятельно к нему готовились в 1935—36 гг.

Вот, например, что показывает небезызвестный Мрачковский о деятельности террористической группы в направлении организации убийства Ворошилова. На вопрос следователя, было ли практически подготовлено покушение на руководителей ВКП(б), кроме товарища Сталина, он ответил:

«В середине 1934 года Дрейцер мне докладывал, что им подготавливалось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен был быть подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии. Предполагалось, что он убьет Ворошилова либо во время личного доклада Ворошилову по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать Ворошилов» (Мрачковский. Протокол допроса от 19—20 июля 1936 г.).

Вторую группу по организации покушения на Ворошилова организовал прибывший из Германии троцкист М. Лурье.

По показаниям М. Лурье, он имел в августе месяце 1934 года встречу с Зиновьевым на его квартире в Москве. Во время этой встречи М. Лурье проинформировал Зиновьева о том, что он был в СССР с директивой Троцкого об организации террористических актов против руководителей ВКП(б).

М. Лурье сообщил Зиновьеву о том, что действующая под его руководством террористическая группа в составе Натана Лурье, Эрика Константа и Павла Липшица в течение 1933 года веда систематическую слежку за наркомом обороны тов. Ворошиловым.

Назначенный непосредственным исполнителем готовившегося убийства тов. Ворошилова Натан Лурье показал следующее:

«Я должен признать, что возглавлявшая мною боевая террористическая группа с осени 1932 года и до конца 1933 года активно подготавливала террористический акт над наркомом обороны Ворошиловым. Мы предполагали выследить и убить Ворошилова в районе дома Реввоенсовета на улице Фрунзе, для каковой цели вели наблюдение в этом районе на протяжении года» (Лурье Н. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.).

Об организации покушения на тов. Кагановича показывает активный член троцкистско-зиновьевского блока, близкий Троцкому человек Эстерман И. С. Рассказывая на следствии о том, как он организовал террористическую группу, он говорит:

«В декабре 1934 года Чаговский высказался за организацию покушения на Кагановича, указывая, что это покушение очень легко осуществить. Чаговский рассказал мне, что Каганович иногда бывает на кожзаводе им. Кагановича (бывший «Красный поставщик») в сопровождении небольшой охраны. Чаговский также говорил мне, что после выступления на заводе Каганович беседу-

ет с рабочими и совершить покушение в этот момент не представляет особого труда. Весь вопрос заключается только в том, чтобы найти и вовлечь в организацию кого-либо из рабочих этого завода, который своевременно мог бы поставить в известность наших боевиков о приезде Кагановича.

Я полностью одобрил это предложение и поручил Чаговскому приступить к практической подготовке террористического акта над Кагановичем.

В декабре 1934 года Чаговский мне сообщил, что им подготовлена на складе «Союзкожобувьсбыт» боевая группа из 3 человек, которой можно поручить совершить покушение».

Обо всем этом Эстерман якобы доложил одному из руководителей московского террористического центра — Дрейцеру, который одобрил план Чаговского и согласился на создание террористической группы на заводе имени Кагановича.

Покушение на Кагановича при удобном случае имела в виду совершить и группа М. Лурье, которая пыталась убить, главным образом, Ворошилова.

Кроме того, по показаниям бывшего редактора «Ленинградской правды» Закса-Гладнева, его бывшего заместителя Антонова и видного зиновьевца Тойво, они готовили покушение на Сталина, Кагановича и Ворошилова по заданию троцкистско-зиновьевского центра, которое они получили через члена зиновьевско-каменевского центра Гертика.

Покушение на Орджоникидзе готовила группа Натана Лурье, которому было поручено приурочить это покушение к возможному приезду Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Наиболее удобным покушение на Челябинском тракторном заводе троцкисты считали потому, что Натан Лурье был временно командирован туда на работу.

Кроме того, в июле 1934 года на оружейном заводе в Туле по поручению троцкистско-зиновьевского центра якобы была создана террористическая группа, ставящая своей целью организацию покушения на товарища Сталина, Ворошилова и Орджоникидзе.

Покушение на Жданова готовили две группы. Одна группа, организованная переброшенными из-за границы троцкистами Х. Гуревичем и М. Быховским, и вторая группа, организованная троцкистско-зиновьевским центром через активного троцкиста Зайделя, в составе научных работников Академии наук Седых, Бусыгина и Урановского.

Организацию покушения на Косиора и Постышева на Украине готовила боевая террористическая организация, которая состояла из ряда групп. Согласно следствию, наиболее активной из них была группа М. А. Нырчука и Н. И. Мухина.

Руководитель одной из террористических групп Мухин показывает об организации покушения на Косиора и Постышева следующее:

«Наша организация построена была на принципах глубокой конспирации. Объектами террора были намечены Косиор и Постышев. Боевая организация состояла из ряда групп, одну из которых возглавлял я. В задачу этих групп входила подготовка и осуществление террористических актов, каждая над своим объектом.

Моя группа действовала в направлении осуществления террористического акта над секретарем ЦК КП(б) У. Косиором; группа Глушенко, Звада и Фесюра — над Постышевым» (Мухин. Протокол допроса от 11 декабря 1935 г.).

Следствием установлено, что террористические группы, готовившие покушение на товарища Сталина и тт. Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева, были организованы в разное время и сохранились до 1936 года, т. е. до момента своего ареста, и последние их покушения приурочивались к 1 мая 1936 года. Предполагалось, что одновременное покушение в нескольких местах может внести замешательство в ряды ВКП(б) и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

Встав на путь индивидуального белогвардейского террора, троцкистско-зиновьевский блок потерял всякое чувство безразличности и для осуществления своих преступных замыслов стал пользоваться услугами не только разгромленных остатков последней белогвардейщины, но и услугами иностранной разведки, иностранных охранников, шпионов и провокаторов.

Так, например, террористическая группа, возглавляемая прибывшим из Германии М. Лурье, фактически была организована активным германским фашистом Францем Вайцем, представителем Гимmlера (в то время руководитель штурмовых фашистских отрядов в Берлине, а сейчас руководитель германского охранного отделения — гестапо).

М. Лурье, будучи у Зиновьева, сообщил ему, что участники его террористической группы имеют организационную связь с фашистом Францем Вайцем и немецкой «охранкой» — гестапо, и спросил у Зиновьева, каково его отношение к этому. Зиновьев на это ответил:

«Что же вас здесь смущает? Вы же историк, Моисей Ильич. Вы знаете дело Лассалья с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции».

Участник организованной М. Лурье террористической группы Константин Э. К., сообщая о мотивах своей связи с представителем германской «охранки» Францем Вайцем, на следствии показал следующее:

«Будучи крайне озлоблен против политики ВКП(б) и лично против Сталина, я сравнительно легко поддался политической обработке, которую вел в отношении меня Франц Вайц. В беседах со мной Франц Вайц указывал, что различие наших политических позиций (я троцкист, а он фашист) не может исключить, а наоборот, должно предполагать единство действий троцкистов и национал-социалистов в борьбе против Сталина и его сторонников. После ряда сомнений и колебаний я согласился с доводами Франца Вайца и находился с ним все время в постоянном контакте».

Многие из переброшенных Троцким в СССР террористов тоже, как установлено следствием, были связаны с германской «охранкой» (гестапо).

Следствие установило, что Троцкий знал об их связях с гестапо и считал желательной такую связь для более успешной организации террористических актов против вождей Советской власти.

Так, например, переброшенный Троцким его агент Валентин Ольберг, организовавший террористическую группу для покушения на Сталина, прибыл нелегально в СССР по паспорту гражданина Гондурасской республики, который ему помогло приобрести гестапо. Немецкая «охранка», связавшись с В. Ольбергом, сначала предполагала дать ему собственное задание по шпионской деятельности в СССР.

Однако, узнав от Ольберга, что ему поручено Троцким организовать террористический акт над Сталиным, целиком одобрила этот план и обещала всяческое содействие, вплоть до устройства обратного побега через границу после совершения убийства. Ольберг, в частности, получил от гестапо явки к целому ряду немецких агентов в СССР.

В. Ольберг, прежде чем принять предложение гестапо о совместном сотрудничестве, решил испросить согласие троцкистской организации и обратился по этому поводу к Троцкому через его сына Седова, который вел всю практическую организационную работу по связям и переброске террористов в СССР в загранничном центре троцкистов.

В. Ольберг по этому поводу на следствии показал следующее:

«Я не решился без специальных указаний Седова идти на это и сообщил условным письмом Седову в Париж, что есть возможность наладить связь с крупной немецкой организацией крайне правого направления (речь идет о гестапо), которая может помочь мне в приобретении паспорта и въезда в Советский Союз. Седов мне ответил, что он согласен на установление мною связи с этой организацией, предупредив меня о необходимости сохранения этой связи в строжайшей тайне».

Переброшенные Троцким в СССР троцкисты Гуревич и Быховский, конечно, тоже были связаны с гестапо. Все связанные с немецкой полицией и переброшенные в СССР троцкисты имели доступ к немецкому посольству в Москве и несомненно пользовались его услугами.

Так, например, упомянутый нами выше троцкист Натан Лурье, о террористической деятельности которого было известно Троцкому и Зиновьеву, рассказал на следствии о предполагавшемся ими использовании германского посольства:

«После беседы с М. Лурье я собрал у себя Константа и Липшица, и мы втроем обсудили положение с наблюдением за Ворошиловым. По моему предложению было решено приобрести взрывные снаряды, которые мы поручили Константу достать в германском посольстве, где Константин имел оставленные ему Вайцем связи. Мы договорились с Константином зайти в германское посольство, но моя внезапная командировка в Челябинск на два года помешала выполнить задуманный план».

Для приобретения необходимых материальных средств, связанных с подготовкой террористических актов, троцкистско-зиновьевский контрреволюционный блок прибегал к воровству государственных средств и прямому грабежу народных денег.

На следствии установлено, что на одном из заседаний объединенного троцкистско-зиновьевского центра было предложено некоторым активным троцкистам и зиновьевцам завязать связи со скрытыми, работающими на хозяйственной работе, троцкистами и зиновьевцами для получения средств.

Такое поручение, в частности, было дано Рейнгольду.

Последний должен был по заданию Каменева связаться со «скрытым двурушником» Г. М. Аркусом, занимавшим пост заместителя председателя Госбанка СССР.

По показаниям Рейнгольда, Аркус систематически оказывал материальную поддержку троцкистско-зиновьевскому центру. В частности, Рейнгольд на следствии показал, что в июле или августе 1933 года Аркус перевел из Госбанка 30 тысяч рублей на нужды троцкистско-зиновьевского центра. 15 тысяч он перевел Картографическому тресту, который возглавлялся тогда активным зиновьевцем Федоровым, и 15 тысяч другому хозяйственному тресту, который возглавлял неизвестный Г. Евдокимов.

Деньги были переведены под видом сумм на оплату статистико-экономических работ, которые государством не регулируются.

В ряде случаев террористические группы троцкистов и зиновьевцев прямо готовились к грабежам, для того чтобы добыть средства и оружие для совершения террористических актов.

Так, например, группа террористов в Горьком, возглавляемая троцкистом Поповым, пыталась осуществить ряд грабежей для

приобретения средств и оружия. Активный участник этой группы троцкист Л. А. Лаврентьев на следствии показал:

«...Составленный террористической контрреволюционной троцкистской группой план совершения террористического акта над тов. Сталиным состоял из следующих основных частей:

1) приобретение средств для террористической группы путем совершения экспроприации государственных учреждений и банков;

2) приобретение оружия для членов террористической группы;

3) непосредственная подготовка и совершение террористического акта над Сталиным.

На одном из совещаний террористической группы было решено, что Попову, Храмову, Пугачеву и мне, Лаврентьеву, нужно целиком отдаться террористической деятельности и уволиться с работы. Первым по заданию Попова уволился с работы Храмов и по указанию Попова выехал в Ардатовский район для подготовки экспроприации.

Предполагалось для начала захватить кассу сельсовета при наибольшем поступлении налоговых сумм.

Вскоре после отъезда Храмова с работы уволились Попов и Пугачев. Я же находился в отпуску.

Все мы трое, а вместе с нами и Пелевина выехали в село Хохлово Ардатовского района для совершения экспроприации кассы сельсовета. По приезде в село Хохлово Храмов рассказал нам, что подготовить экспроприацию ему не удалось. В течение двух суток Попов также пытался подготовить экспроприацию, но ему это не удалось. В связи с этим мы — члены террористической группы — Попов, я, Лаврентьев, Пугачев и Пелевина выехали в Арзамас. По предложению Попова начали вести подготовку ограбления кассиров, получающих большие суммы в банке.

К ограблению было намечено 3 человека. Ограбление совершено не было, так как не было подходящей обстановки».

Таковы факты о контрреволюционной террористической деятельности объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока.

Выводы НКВД и ВКП(б):

Факты показывают, что троцкистско-зиновьевский контрреволюционный центр и его вожди Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, слились с самыми отъявленными и озлобленными врагами Советской власти и превратились в организующую силу последышей разгромленных в СССР классов, которые в отчаянии приступают к подлейшему средству борьбы с Советским правительством — к террору.

Они не только превратились в организующую силу последней разгромленных классов в СССР, но они стали еще головным отрядом контрреволюционной буржуазии за пределами Союза, выразителями ее воли и чаяний. Всей своей деятельностью они вдохновляют худшие элементы белоэмигрантщины, состоящие на службе иностранных «охранок» и организованные в террористические группы за границей вроде РОВСа (Российский общевосточный союз), Русской фашистской партии, Фашистского союза молодежи и т. п.

Они превратились в организующую силу худших и наиболее озлобленных врагов СССР, потому что у них не осталось никаких политических мотивов борьбы с партией и с Советской властью, кроме голого, неприкрытого карьеризма и желания во что бы то ни стало прокрасться к власти.

Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями, в результате чего создадутся условия для их возможного выступления и прихода к власти. Но видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они делают ставку на поражение Советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтают пробраться к власти.

И наконец, не видя никаких перспектив, они в отчаянии хватаются за последнее средство борьбы — за террор.

Если раньше троцкистско-зиновьевские группы мотивировали свою борьбу против партии тем, что партия и правительство якобы ведут неправильную политику, ведут страну к гибели, то сейчас они выдвигают совершенно противоположные мотивы.

Теперь главным мотивом перехода к террору они считают именно успехи, одержанные нашей партией на всех фронтах социалистического строительства, успехи, вызывающие у них озлобление и толкающие их на месть за свое политическое банкротство. Вот, например, что в своих показаниях на следствии говорит один из вождей объединенного троцкистско-зиновьевского блока Каменев:

«Должен признать, что действительно никакой положительной программы мы не противопоставляли и не в состоянии были противопоставить политике ВКП(б). В самом начале наших переговоров с троцкистами еще намечались бледные попытки обсуждать возможность составления положительной платформы.

Однако вскоре мы убедились, что это напрасный труд, что никакой идейной политической платформы у нас нет. Ставка же наша на непреодолимость трудностей, которые переживала страна, на кризисное состояние хозяйства, на крах хозяйственной политики партийного руководства ко второй половине 1932 года уже была явно бита.

Страна под руководством ЦК ВКП(б), преодолевая трудности, успешно шла по пути хозяйственного роста. Мы это не видеть не могли.

Казалось бы, что мы должны были прекратить борьбу. Однако логика контрреволюционной борьбы, голое, безыдейное посягательство на власть повели нас в другом направлении. Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвала в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к Сталину» (Каменев Л. Протокол допроса от 24 июля 1936 г.).

Аналогичные показания дает и член московского террористического центра зиновьевец И. И. Рейнгольд:

«С Каменевым я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году, у него на квартире в Карманниковом переулке в Москве.

Каменев оценивал положение примерно так же, как и Зиновьев, причем подкреплял эти свои выводы анализом экономической и политической обстановки в стране. Каменев приходил к выводу, что «дело все-таки идет не к катастрофе, а к подъему; поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство слишком твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколется».

Отсюда Каменев делал вывод, что «придется руководство раскалывать». Каменев неоднократно цитировал Троцкого, утверждавшего, что все дело в верхушке и что поэтому надо снять верхушку. Каменев доказывал необходимость террористической борьбы и, прежде всего, убийства Сталина, указывая, что этот путь есть единственный для прихода к власти.

Помню особенно его циничное заявление о том, что головы отличаются тем, что они не отрастают.

Каменев предлагал готовить боевиков-террористов. Он говорил, что отличительной особенностью нового блока по сравнению с прежним оппозиционным блоком является переход к активным террористическим действиям.

Я уже показывал выше, что никакой новой политической программы у троцкистско-зиновьевского объединенного блока не было. Исходили из старой обветшалой платформы, причем никто из лидеров блока не занимался и не интересовался вопросом разработки какой-либо и сколько-нибудь цельной и связной политической программы.

Единственно, что объединяло весь этот разношерстный блок, была идея террористической борьбы против руководителей партии и правительства. На деле блок являлся контрреволюционной террористической бандой убийц, стремившихся любыми средствами захватить в свои руки власть в стране».

Как видно, все эти показания арестованных троцкистов и зиновьевцев говорят только о том, что они, не имея никакой положительной, приемлемой для трудящихся нашей страны политической платформы, не имея никакого влияния в массах и связи с ними, вынужденные признать решающие успехи нашей партии и полное свое политическое банкротство, превратились в беспринципную банду убийц, единственным «принципом» которых является карьеристский лозунг — прокрасться к власти любыми средствами. В прямой связи с этим своим «принципом» они определяли средства и способы борьбы.

Широко практикуя двурушничество как систему взаимоотношений с партией и Советским государством, они довели его до чудовищных размеров.

Они создали целую систему двурушничества, которой могут позавидовать любые Азефы, любая «охранка» со всем ее штатом шпионов, провокаторов и диверсантов. Считая двурушничество основным методом, при помощи которого они могут прийти к власти, троцкисты и зиновьевцы широко пользовались им в отношении террористической деятельности.

Тщательно скрывая свои гнусные террористические замыслы, изо дня в день оплеывая свои собственные взгляды и убеждения, изо дня в день клянясь в верности партии и показывая себя сторонниками линии ЦК, они рассчитывали на то, что им удастся после убийства основных руководителей партии и правительства прийти к власти, потому что в глазах партии и широких масс трудящихся они будут выглядеть вполне раскаявшимися и осознавшими свои ошибки и преступления сторонниками ленинско-сталинской политики.

Именно поэтому они особую заботу проявляли о том, чтобы скрыть свою террористическую деятельность.

В соответствии с этим Троцкий, Зиновьев и Каменев, давая директивы исполнителям террористических актов, одновременно подробно инструктировали их о том, чтобы они скрывали какую бы то ни было связь с троцкистско-зиновьевскими организациями. Рейнгольд в своих показаниях, например, сообщил о следующих директивах Зиновьева:

«В 1933—34 годах Зиновьев у себя на квартире с глазу на глаз говорил мне: главная практическая задача — построить террористическую работу настолько конспиративно, чтобы никоим образом себя не скомпрометировать. На следствии главное — это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности категорическим образом отрицать это, аргументируя тем, что террор несовместим со взглядами большевиков-марксистов».

Об этом же особую заботу проявлял Троцкий. Он давал указа-

ния, что в случае осуществления террористического акта троцкисты должны отмежеваться от совершения его и «занять позицию, аналогичную занятой в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан», стрелявшей в Ленина.

О возможных вариантах прихода к власти с откровенным цинизмом на следствии рассказывал Каменев. На вопрос следователя, обсуждался ли троцкистско-зиновьевским центром вопрос о планах захвата власти, он ответил следующее:

«Этот вопрос нами обсуждался неоднократно. Нами были намечены и предопределены два варианта прихода лидеров троцкистско-зиновьевского блока к власти.

Первый и казавшийся нам наиболее реальным вариант заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным в руководстве партии и правительства произойдет замешательство и с нами, лидерами троцкистско-зиновьевского блока, в первую очередь с Зиновьевым, Каменевым и Троцким, вступят в переговоры.

Мы исходили из того, что в этих переговорах я и Зиновьев займем в партии и стране главенствующее положение, т. е. при Сталине мы своей двурушнической политикой добились все же того, что партия простила нам наши ошибки и вернула нас в свои ряды, а участие наше, меня, Зиновьева и Троцкого, в террористических актах останется тайной для партии и страны.

Второй вариант захвата власти, казавшийся нам менее надежным, заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным создастся неуверенность и дезорганизованность в руководстве партии и страны.

Руководителям троцкистско-зиновьевского блока удастся воспользоваться замешательством и принудить оставшихся руководителей партии допустить нас к власти или же заставить их уступить нам свое место. Появление Троцкого и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось само собой разумеющимся.

Кроме того, мы считали не исключенным, что при организации новой правительственной власти в ней примут участие также и правые: Бухарин, Томский и Рыков».

Об этом на следствии показывает Рейнгольд:

«Наряду с глубоко законспирированной работой по подготовке террористических актов против руководства партии и правительства Зиновьев и Каменев прилагали все усилия к тому, чтобы завоевать доверие к себе со стороны ЦК и партии и, насколько это возможно, занять руководящее положение в партии. Этой цели непосредственно были подчинены выступления Каменева и Зиновьева в печати, в которых они подчеркивали свою преданность партии и отказ от своего прошлого.

При встречах с руководителями партии Зиновьев и Каменев всячески подчеркивали свою лояльность и преданность Центральному Комитету партии и отказ от своих прежних ошибок.

Этой же цели служили и выступления Зиновьева и Каменева с трибуны XVII съезда партии.

Зиновьев и Каменев при этом исходили из того, что успех террористического акта против вождей партии и правительства прямо открывает им — лицам, прощенным партией и принятым в ее ряды при Сталине, — непосредственный путь прихода к руководству партией и страной. В этом макиавеллистическом плане борьбы заключались глубоко скрытые расчеты Зиновьева и Каменева о путях прихода к власти» (Рейнгольд. Протокол допроса от 17 июля 1936 г.).

Такова контрреволюционная деятельность троцкистов и зиновьевцев, этих перешедших в лагерь злейших врагов Советской власти предателей партии и рабочего класса, предателей нашей социалистической революции, предателей нашей социалистической родины.

ЦК ВКП(б) считает необходимым довести до сведения всех партийных организаций об этих фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев и еще раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, приковать внимание к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности.

ЦК ВКП(б) обращает внимание всех членов партии на то, что уже после убийства товарища Кирова в отдельных партийных организациях в результате недостаточной их бдительности врагам партии удалось под прикрытием звания коммуниста активно продолжать свою террористическую работу.

Только отсутствием должной большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что агенту Троцкого — Ольбергу, прибывшему из Берлина в 1935 году, удалось при помощи скрытых троцкистов Федотова и Елина, работавших на руководящей работе в аппарате Горьковского крайкома партии, легализовать себя и организовать террористическую группу, подготовлявшую убийство вождей партии.

Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что в некоторых райкомах партии города Ленинграда (Выборгский) исключенным из ВКП(б) троцкистам и зиновьевцам уже в 1935 году удалось восстановиться в партии, а в некоторых случаях пробраться в партийный аппарат и использовать его в своих гнусных террористических целях.

Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что троцкисты и зиновьевцы свили себе

прочное гнездо в ряде научно-исследовательских институтов, в Академии наук и некоторых других учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске.

Наконец, только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить то, что часть арестованных участников террористических групп в ряде партийных организаций прошли проверку партийных документов и были оставлены в рядах партии.

Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, все парторганизации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б).

Москва, 1936 год. 29 июля».

Пятаков хотел расстрелять всех

Как возникали и создавались дела так называемых центров — объединенного троцкистско-зиновьевского и параллельного антисоветского троцкистского, — рассказал Агранов на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году. Он подчеркнул, что летом 1936 года Ежов передал ему указание Сталина вскрыть подлинный троцкистский центр.

Это выступление в своем заключительном слове на Пленуме ЦК Ежов прокомментировал следующим образом (цитируется по направленной стенограмме):

«Я чувствую, что в аппарате что-то пружинят с Троцким, а т. Сталину явное ясно было. Из выступления т. Сталина прямо был поставлен вопрос, что тут рука Троцкого, надо его ловить за руку».

К тому времени относится и начало активного получения показаний от арестованных троцкистов на Пятакова и других лиц, проходивших по данному делу.

В июле—августе 1936 года от обвиняемых по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра Каменева, Евдокимова, Рейнгольда и Дрейцера были получены показания о существовании еще и параллельного антисоветского троцкистского центра.

10 августа 1936 года из Киева в ЦК ВКП(б) — Ежову и в НКВД СССР — Ягоде было сообщено по телеграфу о показаниях арестованного Голубенко о том, что Пятаков якобы руководил украинским троцкистским центром. Об этих показаниях сразу же был информирован Сталин.

На следующий день Ежов письменно доложил Сталину о разговоре с Пятаковым:

«Тов. Сталин, Пятакова вызывал. Сообщил ему мотивы, по которым отменено решение ЦК о назначении его обвинителем на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра. Зачитал показания Рейнгольда и Голубенке. Предложил выехать на работу начальником Чирчикстроя. Пятаков на это реагировал следующим образом:»

1. Он понимает, что доверие ЦК к нему подорвано. Противопоставить показаниям Рейнгольда и Голубенко, кроме голых опровержений на словах, ничего не может. Заявил, что троцкисты из ненависти к нему клеветают. Рейнгольд и Голубенко — врут.

2. Виновным себя считает в том, что не обратил внимания на контрреволюционную работу своей бывшей жены и безразлично относился к встречам с ее знакомыми. Поэтому решение ЦК о снятии с поста замнаркома и назначении начальником Чирчикстроя считает абсолютно правильным. Заявил, что надо бы наказать строже.

3. Назначение его обвинителем рассматривал как акт огромнейшего доверия ЦК и шел на это — от души. Считал, что после процесса, на котором он выступит в качестве обвинителя, доверие ЦК к нему укрепит, несмотря на арест бывшей жены.

4. Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации.

В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати. Несмотря на то что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК. Проект постановления ЦК о назначении Пятакова — прилагаю.

11/VIII — 36 г.

Ежов».

В личном письме на имя Сталина от 11 августа 1936 года Пятаков имеющиеся на него показания назвал клеветническими и заявил, что бесповоротно рассчитался со своими прошлыми политическими ошибками, старается на деле проводить линию партии и готов умереть за партию и Сталина.

Несмотря на такое письмо, сбор обвинительных материалов против Пятакова и других будущих участников так называемого параллельного центра продолжался.

17 августа 1936 года был арестован Серебряков, а 22 августа на

судебном процессе по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра Вышинский заявил, что им отдано распоряжение о начале расследования в отношении Пятакова, Радека и некоторых других лиц.

Опросом членов ЦК ВКП(б) 10—11 сентября 1936 года было принято решение об исключении Пятакова из состава ЦК и членов ВКП(б).

В ночь на 12 сентября 1936 года Пятаков, находившийся в командировке на Урале, был арестован.

Радек в августе—сентябре 1936 года, еще до своего ареста, также обращался к Сталину с письмами, в которых опровергал имевшиеся на него показания, заверял в своей невинности и преданности. Заявления Радека, как и заявление Пятакова, остались без внимания, и 16 сентября 1936 года он был арестован.

Находясь под арестом, Радек написал Сталину еще одно большое письмо, в котором заверял «вождя народов» в своей полной невинности. Но Сталин и этому письму не поверил, поскольку Радек уже на следующий день сознался в приписываемых ему грехах.

В период следствия по делу параллельного антисоветского троцкистского центра был принят ряд важных решений.

25 сентября 1936 года Сталин, находясь в Сочи, направил Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б) телеграмму, в которой говорилось:

«...Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост Наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела.

Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова».

На следующий день Ежов был назначен наркомом внутренних дел СССР с оставлением его на посту секретаря ЦК и председателя КПК при ЦК ВКП(б).

29 сентября 1936 года Политбюро приняло (опросом) постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», которое было подписано Сталиным:

«Утвердить следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам:

а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов-диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе;

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы».

Подписанная Сталиным директива Политбюро о необходимости расправы с троцкистами свидетельствует о том, что перед органами НКВД была поставлена прямая задача: организовать громкий процесс над наиболее видными в прошлом участниками троцкистской оппозиции.

Как видно из архивных документов, Сталину в процессе следствия по данному делу направлялись многие протоколы допросов обвиняемых и лиц, их изобличавших.

Знакомясь с протоколом допроса Сокольников от 4 октября 1936 года, Сталин на полях той части протокола, где излагался ответ Сокольников о встречах и разговорах с английским журналистом Тальботом, сделал следующую пометку: «А все же о плане убийства лидеров ВКП сообщил? Понятно, сообщил».

На последней странице протокола, где Сокольников утверждает, что он не знал о связях Тальбота с английской разведкой, Сталин написал: «Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу об СССР, о ЦК, о ПБ, о ГПУ, обо всем. Сокольников — следовательно — был информатором (шпионом-разведчиком) английской разведки».

Этот протокол допроса Сокольников по поручению Сталина 22 октября 1936 года был разослан членам ЦК ВКП(б).

Проверка показала, что следствие по делу велось ускоренными темпами, необъективно, с грубейшими нарушениями законности. Аресты Пятакова, Сокольников, Радека, Серебрякова, Лившица, Князева, Ратайчака, Пушина, Граше и Норкина были произведены без санкции прокурора.

Как сообщили в своих объяснениях в 1961 году бывшие сотрудники НКВД СССР Газов, Иорш и Воробин, имевшие прямое отношение к следствию по данному делу, руководство НКВД требовало от оперативного состава любыми средствами вскрывать вражескую деятельность троцкистов и других арестованных бывших оппозиционеров и обязывало относиться к ним как к врагам народа. Арестованных уговаривали давать нужные следствию показания, провоцировали, угрожали. Широко практиковались ночные и изнурительные по продолжительности допросы с применением «конвейерной системы» и многочасовых «стоек». Вся система допросов была рассчитана на морально-психологическое и физическое изматывание подследственных.

Об этом свидетельствовал в 1938 году и бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Фриновский. Он, в частности, пока-

зал, что лица, проводившие следствие по делу параллельного антисоветского троцкистского центра, начинали допросы, как правило, с применения физических мер воздействия, которые продолжались до тех пор, пока подсудимые не соглашались давать навязываемые им показания. Часто протоколы допросов и очных ставок составлялись только после признания арестованными своей вины.

Практиковалось оформление одним протоколом многих допросов, а также составление протоколов в отсутствие допрашиваемых. Заранее составленные следователями протоколы допросов обвиняемых «обрабатывались» работниками НКВД, после чего перепечатывались и давались арестованным на подпись. Объяснения обвиняемых не проверялись, серьезные противоречия в показаниях обвиняемых и свидетелей не уточнялись.

Допускались и другие нарушения процессуального кодекса.

Большинство обвиняемых по делу параллельного антисоветского троцкистского центра длительное время категорически отрицали свою виновность. Так, показания с признанием вины Муралов дал лишь через 7 месяцев 17 дней после ареста, Серебряков через 3 месяца 16 дней, Радек — через 2 месяца 18 дней, Турок — через 58 дней, Норкин и Лившиц — через 51 день, Дробнис — через 40 дней, Пятаков и Шестов — через 33 дня.

Однако, используя меры физического и морального воздействия, манипулируя материалами прошедших в 1934—1936 годах судебных процессов, «разоблачавших» троцкистов и их антисоветскую деятельность, органы следствия добились от обвиняемых нужных показаний.

Большинство обвиняемых, давая требуемые от них показания, делали это, по их словам, прежде всего в интересах окончательного разоблачения и разгрома троцкизма. Так, Муралов, отвечая в суде на вопрос Вышинского, почему он на следствии так долго не давал показаний о своей виновности, ответил (цитируется по исправленной стенограмме судебного заседания):

«...Я думал так: что если я дальше останусь троцкистом, тем более что остальные отходили — одни честно и другие бесчестно... во всяком случае, они не являлись знаменем контрреволюции. А я нашелся, герой... Если я останусь дальше так, то я могу быть знаменем контрреволюции. Это меня страшно испугало... И я сказал себе тогда, после чуть ли не восьми месяцев, что да, подчинится мой личный интерес интересам того государства, за которое я боролся в течение двадцати трех лет, за которое я сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске...

Предположим, меня даже запрут или расстреляют, то мое имя будет служить собирателем и для тех, кто еще есть в контрреволюции, и для тех, кто будет из молодежи воспитываться...

Опасность оставаться на этих позициях, опасность для государства, для партии, для революции, потому что я — не простой рядовой член партии...»

Подобные объяснения давали и другие обвиняемые по этому «делу».

Характерны показания Радека, которые он дал 4 декабря 1936 года:

«Я выбираю путь откровенного признания фактов, которые я отрицал из чувства стыда за совершенные преступления перед партией и страной. Я признаю себя виновным в принадлежности на день моего ареста к действующему параллельному центру троцкистско-зиновьевского блока, созданного в 1932 году по директиве Троцкого и ставившего своей задачей захват власти путем террористической борьбы с руководством ВКП(б) и Советского правительства.

К троцкистско-зиновьевской организации я примкнул в 1932 году».

На одном из допросов в Верхне-Уральской тюрьме, 10 июня 1938 года, осужденный по данному делу на 10 лет тюремного заключения Арнольд заявил:

«...После моего ареста в Анжерке 6.XI 1936 года во время следствия в Новосибирске следователем мне было заявлено: «Нам известно, что вы из себя представляете, и мы располагаем достаточным материалом, чтобы обвинить вас в шпионаже, но сейчас мы тебя обвиняем как участника террористической организации и других показаний не требуем, выбирай, кем хочешь быть: или шпионом, или террористом?» На поставленный передо мной вопрос я ответил, что являюсь участником террористической организации и обязуюсь давать показания».

Уже находясь в тюрьме, Арнольд утверждал, что процесс был политической комедией, никакого участия в подготовке покушения на Молотова он не принимал и вообще все это дело — мыльный пузырь.

Бывшие следователи по важнейшим делам Прокуратуры СССР Шейнин и Рагинский, участвовавшие вместе с Вышинским в допросах обвиняемых, в своих объяснениях в начале 1960-х годов сообщали, что так называемые передпросы обвиняемых Вышинским носили чисто формальный характер, им предъявлялись только протоколы допросов, а с материалами всего дела, как требовалось по закону, их не знакомили. Во время судебного заседания Прокурор СССР Вышинский по собственному усмотрению корректировал заключение экспертизы.

О грубом нарушении социалистической законности со стороны Вышинского свидетельствуют документы и показания очевидцев. Сохранилось, например, свидетельство о встрече Радека

с Вышинским при подготовке к процессу. На этой встрече Радек зачитал Вышинскому написанный им проект «Последнего слова подсудимого».

Как рассказывают свидетели, реакция была следующей:

«И это все? — сурово спросил Вышинский. — Не годится. Переделать, все переделать! Потрудитесь признать то-то и то-то, признать в том-то и в том-то, осудить то-то и то-то, и т. п.»

И Радек выполнил требование Вышинского!

Как установлено, первоначально дела о параллельном антисоветском троцкистском центре не было, следствие велось на каждого арестованного в отдельности. Позднее, когда началась подготовка к открытому процессу, особое значение стали придавать личным и служебным связям между обвиняемыми. Чтобы придать делу солидность и подтвердить его конкретными фактами преступной деятельности, были использованы отдельные случаи неполадок и аварий в промышленности и на железнодорожном транспорте, которые намеренно квалифицировались как вредительство и диверсионные акты, совершенные обвиняемыми.

Об искусственном создании дела говорит и тот факт, что лишь к самому началу судебного процесса был определен состав обвиняемых.

По делу составлялось три варианта обвинительного заключения. По первому предавалось суду шестнадцать человек, в том числе Членов, но отсутствовали Лившиц и Турок, по второму — уже семнадцать человек, в их числе Лившиц, и в третьем, окончательном, вместо Членова был введен Турок. Все варианты обвинительного заключения посылались лично Сталину и не раз передсдывались по его указаниям. Так, Ежов и Вышинский, направляя второй вариант Сталину 9 января 1937 года, в сопроводительном письме указывали: «Направляем переработанный, согласно Ваших указаний, проект обвинительного заключения по делу Пятакова, Сокольникова, Радека и других...»

Второй вариант обвинительного заключения был отредактирован лично Сталиным и им же вместо обвиняемого Членова вписана фамилия Турика.

28 января 1937 года в нарушение установленного законом порядка, то есть за два дня до завершения судебного процесса, председатель военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих представил в ЦК ВКП(б) на имя Ежова вариант приговора по данному делу. Текст его отличается от приговора, вынесенного в суде, лишь тем, что в нем для всех подсудимых предусматривалась высшая мера наказания — расстрел. В личном архиве Вышинского обнаружены записи, сделанные им в ходе беседы со Сталиным в связи с подготовкой к процессу по делу параллельного антисоветского троцкистского центра. Из них видно, что Сталин давал конкрет-

ные оценки обвиняемым, характеризовал их как людей, всю жизнь боровшихся против Ленина, подчеркивал, что они пали ниже Деникина, Колчака и Мамонтова и представляют собой банду преступников. Записи показывают, что, касаясь порядка допроса обвиняемых Турока и Князева, Сталин указывал: «Не давать говорить много о крушениях. Цыкнуть. Сколько устроили крушений, не давать много болтать».

Сохранилась схема обвинительной речи Вышинского по делу параллельного центра, в которую лично Сталиным внесены исправления и дополнения, содержащие политические установки и оценки.

Все это показывает, что предварительное следствие, подготовка к суду и сам судебный процесс по делу параллельного антисоветского троцкистского центра проходили под личным руководством и контролем Сталина и его доверенных лиц.

Для политической расправы с неугодными людьми Сталину было недостаточно простой фальсификации обвинений. Важно было, чтобы в эти обвинения безоговорочно поверили советский народ и мировая общественность. Этой цели и служили открытые процессы, на которых обвиняемые должны были признаваться в самых чудовищных преступлениях против партии и страны.

Комкоры в застенках НКВД

«Дело военных» — так назвала мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной Армии, проходивший в Москве летом 1937 года, — имело далеко идущие и трагические последствия.

Осуществленные Сталиным и его ближайшим окружением репрессии в армии накануне Второй мировой войны нанесли большой ущерб вооруженным силам, всей обороноспособности Советского государства.

Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 30-х годов, обострение и расширение репрессий вызвали у Сталина определенные опасения в отношении позиции крупных военачальников, авторитет которых в народе и армии был очень высок еще со времен Гражданской войны. Их независимость в суждениях, открытая критика выдвиженцев Сталина — Ворошилова, Буденного, Кулика, Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной армии, — вызывали у вождя определенные опасения, что армия может проявить колебания в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех, кто вызывал у Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшие сомнения.

Раскрытие органами НКВД во второй половине 30-х годов так называемой антисоветской троцкистской военной организации явилось полной неожиданностью для советских людей, привыкших видеть в Тухачевском, Якире, Уборевиче и других крупных военачальников Красной Армии, чьи имена были известны каждому. Большинство военных различных рангов и положений, объявленных врагами народа, имели большие заслуги перед страной. Многие из них являлись участниками революции, защищали советскую власть в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны, прошли путь от организаторов и командиров отдельных частей и соединений до командующих армиями и фронтами, выросли в крупных политических и штабных работников. Им были присвоены высшие воинские звания: М. Н. Тухачевскому — Маршала Советского Союза; И. П. Уборевичу и И. Д. Якиру — командарма 1-го ранга; А. И. Корку — командарма 2-го ранга; Р. П. Эйдеману, Б. М. Фельдману, В. М. Примакову, В. К. Путне — комкора; Я. Б. Гамарник был армейским комиссаром 1-го ранга. Они неоднократно награждались орденами Красного Знамени, а Тухачевский и Гамарник — и орденами Ленина. Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир избирались в состав Центрального Комитета ВКП(б), а Корк, Эйдеман, Примаков являлись членами ЦИК СССР. Тухачевский был заместителем наркома обороны СССР, Якир и Уборевич командовали Особыми военными округами — Киевским и Белорусским.

И вот эти люди предстали перед судом как злейшие враги народа и Советской власти, предатели Родины, агенты иностранных разведок. Стране было объявлено о существовании в Красной Армии конспиративной антисоветской троцкистской военной организации.

Следует сказать, что репрессии и до этого не раз потрясали Красную Армию, но прежде они не задевали военачальников столь высокого ранга. В середине 1920-х годов была проведена чистка командного состава и политических работников, подозреваемых в сочувствии троцкистской оппозиции.

Спустя несколько лет, в конце 1920—начале 1930-х годов, были осуществлены мероприятия по чистке РККА от бывших офицеров старой армии. Дело не ограничилось только увольнением их из вооруженных сил. По фальсифицированным обвинениям были сфабрикованы дела о заговоре бывших офицеров. По ним было осуждено более трех тысяч командиров Красной Армии.

А всего за 1920-е и первую половину 1930-х годов, по словам Ворошилова, было уволено из армии 47 тысяч человек, в том числе 5 тысяч бывших оппозиционеров.

Со второй половины 1936 года вновь возобновились аресты среди командного состава Красной Армии. Под руководством

и при прямом участии Ежова органы НКВД начали активно собирать различные провокационные показания против ряда военачальников.

Так, у арестованных заместителя директора челябинского завода «Магnezит» Е. А. Дрейцера, начальника строительства железной дороги Караганда—Балхаш С. В. Мрачковского, начальника хлопкового управления Южного Казахстана И. И. Рейнгольда и других будущих участников параллельного троцкистского центра были добыты показания о существовании в армии военно-троцкистской организации. В нее, судя по этим показаниям, входили, в частности, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В. М. Примаков и военный атташе при полпредстве СССР в Великобритании В. К. Путна.

Все эти показания — весьма противоречивые и не внушающие доверия — были получены незаконными методами.

14 августа 1936 года органами НКВД в Ленинграде был арестован и доставлен в Москву Примаков, а 20 августа в Москве арестовали Путну. Обоим предъявили обвинение в участии в боевой группе троцкистско-зиновьевской организации. Путна обвинялся также в связях с Троцким, от которого получал директивы о терроре.

На всех допросах вплоть до мая 1937 года Примаков категорически отрицал свое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности. 29 августа 1936 года в заявлении на имя заместителя наркома внутренних дел Агранова он писал:

«Я очень прошу Вас лично вызвать меня на допрос по делу о троцкистской организации. Меня все больше запутывают, и я некоторых вещей вообще не могу понять сам и разъяснить следовательно. Очень прошу вызвать меня, так как совершенно в этих обвинениях невиновен. У меня ежедневно бывают сердечные приступы».

Примаков, в 1920-х годах примыкавший к троцкистской оппозиции, под давлением следствия в конце концов назвал многих известных ему оппозиционеров. 16 октября 1936 года он написал письмо Сталину, где указывал:

«Я не троцкист и не знал о существовании военной организации троцкистов. Но я виновен в том, что, отойдя от троцкизма в 1928 году, я не до конца порвал личные связи с троцкистами, бывшими моими товарищами по гражданской войне и при встрече с ними (с Кузьмичевым, Дрейцером, Шмидтом, Зюком) вплоть до 1932 года враждебно высказывался о тт. Буденном и Ворошилове... Личные отношения с бывшими троцкистами после моего отхода от троцкистской оппозиции прервались, и со многими я совершенно перестал встречаться...

Заявление об отходе от троцкизма я написал в 1928 году, в Кабуле, в полной изоляции от троцкистов — написал честно, без двурушничества, без обмана.

Когда осенью 1930 года вернулся я из Японии и виделся с Пятаковым, меня поразила одна фраза в нашем разговоре. Говоря о линии партии, Пятаков сказал: «Делается то, что надо, но мы, вероятно, сделали бы это лучше». Я ответил на это: «Как можно делить на мы и не мы, раз делается то, что надо?»

Раньше я часто бывал у Пятакова, с этого времени перестал бывать — не было доверия к его честности. После возвращения из Японии я очень активно работал в партии и армии...

Я не троцкист и не контрреволюционер, я преданный боец и буду счастлив, если мне дадут возможность на деле, работой доказать это».

На первом допросе 24—25 августа 1936 года Путна признал, что в 1926—1927 годах он участвовал в троцкистско-зиновьевской оппозиции, но полностью от нее отошел и никакой контрреволюционной деятельностью не занимается. Однако уже на следующем допросе, 31 августа, Путна дал показания о существовании всесоюзного, параллельного и московского центров троцкистско-зиновьевского блока и о своем, совместно с Примаковым, участии в военной организации троцкистов.

Репрессии в армии особенно усилились после февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б). По вопросу о положении с кадрами в армии на Пленуме ЦК выступили Ворошилов и Гамарник. По их оценке, политико-моральное состояние личного состава в армии не вызывало тревоги. «К настоящему моменту, — заявил Ворошилов, — армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу... отбор в армию исключительный. Нам страна дает самых лучших людей».

Однако Молотов совсем иначе оценивал положение дел с армейскими кадрами, дав, по существу, установку о необходимости вскрыть вредительскую, шпионскую и диверсионную деятельность троцкистов в армии. В заключительном слове на пленуме Молотов заявил следующее:

«Было вначале предположение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого, мы имели в виду важность дела, но пока там небольшие симптомы шпионско-диверсионно-троцкистской работы. Но я думаю, что и здесь, если бы внимательнее подойти, должно быть больше... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей. Это было бы нелепо...

Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко».

Как свидетельствуют архивные документы, эта установка Молотова, равно как и его утверждение о широком распространении

нии вредительства в народном хозяйстве, не имела под собой никаких оснований. Тем не менее требование о проверке военного ведомства было воспринято руководством Наркомата обороны и НКВД как прямая директива по чистке армии и ликвидации врагов народа, проводивших в рядах Красной Армии вредительскую работу.

Подчиняясь этой директиве, руководство НКВД стремилось любыми путями добиться от арестованных военачальников и бывших сотрудников НКВД показаний о существовании военно-троцкистской организации в армии и о том, что во главе ее стоят Тухачевский и другие видные военные деятели.

В апреле 1937 года Политбюро ЦК приняло решение об отмене поездки Тухачевского в Лондон на коронацию английского короля Георга VI. Формально это решение основывалось на спецсообщении Ежова от 21 апреля 1937 года Сталину, Молотову и Ворошилову. Вот текст этого сообщения:

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки товарища Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт.

Для подготовки террористического акта создана группа из четырех человек (трех немцев и одного поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международные осложнения.

Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану товарища Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку товарища Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить».

На этом документе имеется резолюция Сталина: «Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением товарища Ежова. Нужно предложить товарищу Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин». Рядом надпись Ворошилова: «Показать М. Н. 23.IV. 37 г. К. В». На этом же экземпляре сообщения расписался Тухачевский, подтвердив этим, что он ознакомился с документом.

22 апреля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление:

1. Ввиду сообщения НКВД о том, что товарищу Тухачевскому во время поездки на коронационные праздники в Лондон угрожает серьезная опасность со стороны немецко-польской террористической группы, имеющей задание об убийстве товарища Тухачевского, признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке товарища Тухачевского в Лондон.

2. Принять предложение НК обороны о посылке товарища Орлова на коронационные праздники в Лондоне в качестве представителя СССР по военной линии».

22—25 апреля 1937 года от бывшего начальника Особого отдела НКВД СССР М. И. Гая и бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР Г. Е. Прокофьева, к этому времени арестованных, были получены показания о преступных связях Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова, Эйдемана и других с Ягодой.

Однако попытки получить тогда же показания на военных у арестованного Ягоды успеха не имели. На допросе Ягода показал: «Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался».

27 апреля 1937 года работники НКВД получили показания от арестованного заместителя начальника отдела НКВД З. И. Воловича на Тухачевского как участника заговора, обеспечивающего поддержку этого заговора воинскими частями.

Показания Гая, Прокофьева и Воловича носили общий характер и противоречили друг другу. Они были добыты в результате обмана, провокаций и насилия. В суде эти показания проверены не были, так как Гай, Прокофьев и Волович были расстреляны в 1937 году без суда, «в особом порядке».

В своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС от 20 декабря 1961 года И. Д. Суровицких, бывший работник НКВД, сообщил:

«Все, что творилось в органах НКВД в то время, было от начала до конца продуманной и подготовленной провокацией... Поведение Воловича на следствии свидетельствовало о том, что он был подготовлен к даче нужных показаний... Воловича допрашивал Ежов... Абсолютное большинство фамилий подсказывалось Воловичу Ярцевым или мною по его указанию...

Логичность показаний арестованных также диктовалась следствием. Так было и с показаниями Воловича на Тухачевского как на участника заговора, подготавливавшего войска к военному захвату власти заговорщиками... Я и Ярцев получили от Воловича развернутые показания на Тухачевского как на участника заговора, готовившего армию для обеспечения военного переворота, то есть добились подтверждения о наличии воинской силы и закрепили нужную Ежову солидность и серьезность заговора».

Несмотря на то что никаких достоверных доказательств о наличии заговорщиков среди руководящих военных кадров не было, Сталин на обеде у Ворошилова, состоявшемся после Первомайского парада 1937 года, в присутствии многих военных руководителей открыто высказал угрозы в адрес врагов, имевшихся среди военных.

Об этом заявлении Сталина напомнил 27 сентября 1937 года бывший начальник Разведуправления РККА комкор С. П. Урицкий в письме к Ворошилову: «...1 мая 1937 года после парада у Вас на квартире вождь сказал, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину».

Такие угрозы стали сигналом для расширения репрессий в армии и фальсификации дела о военном заговоре.

6 мая 1937 года Управление НКВД по Московской области арестовало комбрига запаса М. Е. Медведева, бывшего до 1934 года начальником ПВО РККА и исключенного из партии за разбазаривание государственных средств. В тот же день от него были получены показания на некоторых работников ПВО, которые, как записано в протоколе допроса, вызывали у Медведева «сомнения в их искренности и преданности». 8 мая 1937 года он заявил о своем участии в троцкистской военной организации, возглавляемой заместителем командующего войсками Московского военного округа Б. М. Фельдманом.

На допросе 10 мая 1937 года Медведев рассказал о существовании в РККА военной контрреволюционной организации, ставившей своей задачей свержение Советской власти, установление военной диктатуры с реставрацией капитализма, чему должна была предшествовать вооруженная помощь интервентов. В состав руководящего центра этой организации входили, по его словам, Тухачевский (возможный кандидат в диктаторы), Якир, Путьна, Примаков, Корк.

О том, как появились эти и подобные показания, можно судить по рассказу сотрудника НКВД тех лет Радзивиловского.

Будучи арестованным после смещения Ежова, он сообщил на допросе 16 апреля 1939 года:

«Фриновский (заместитель наркома внутренних дел) в одной из бесед поинтересовался, проходят ли у меня по материалам какие-либо крупные военные работники. Когда я сообщил Фриновскому о ряде военных из Московского военного округа, содержащихся под стражей в УНКВД, он мне сказал о том, что первоочередная задача, в выполнении которой, видимо, и мне придется принять участие, — это развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии. Из того, что мне тогда говорил Фриновский, я ясно понял, что речь идет о подготовке раздутого военного заговора в стране, с раскрытием которого была бы ясна огромная роль и заслуга Ежова и Фриновского перед лицом ЦК. Как известно, это им удалось...»

Позднее, 16 июня 1937 года, Медведев в судебном заседании военной коллегии Верховного суда СССР виновным себя не при-

знал и заявил, что он в троцкистскую организацию не входил, а показания о существовании в РККА военно-фашистского заговора являются ложными. Тем не менее Медведев был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Арестованный 14 августа 1936 года комкор Примаков содержался в Лефортовской тюрьме в Москве и на протяжении девяти месяцев ни в чем не признавал себя виновным.

В архиве Сталина сохранилось несколько заявлений Примакова, в которых он протестовал против незаконного ареста. Однако, не выдержав тяжелых испытаний, Примаков 8 мая 1937 года написал в Лефортовской тюрьме следующее заявление на имя Ежова:

«В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом заперательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираяться и всячески уменьшать свою вину. Товарищ Сталин правильно сказал, что Примаков — трус, запираяться в таком деле — это трусость». Действительно с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман.

Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 году, я связался в Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания».

Из этого документа видно, что Сталин сам участвовал в допросе Примакова, и, уступая домогательствам следствия и давлению Сталина, Примаков встал на путь обмана и самооговора.

Уже на допросе 14 мая 1937 года он, называя своих «соучастников», сообщил о Якире:

«Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом, и допускали, что он, Якир, лично связан с Троцким и, возможно, он выполняет совершенно секретные, нам неизвестные самостоятельные задачи».

Продолжая обработку Примакова, органы НКВД 21 мая 1937 года сумели получить от него «собственноручные показания» о том, что во главе заговора стоял Тухачевский, который был связан с Троцким. Кроме того, на этом допросе Примаков назвал 40 видных советских работников участниками военно-троцкистского заговора в армии. Он дал, в частности, показания, компрометирующие таких видных военных деятелей, как Шапошников, Каменев, Гамарник, Дыбенко, Урицкий и другие.

Мучительному ночному допросу был подвергнут арестованный комкор В. К. Путна. 14 мая 1937 года он был переведен из

тюремной больницы Бутырской тюрьмы в Лефортовскую тюрьму, где его допрашивали в течение всей ночи. В результате Путьна дал показания на Тухачевского и других видных военных работников как участников военной антисоветской троцкистской организации.

Позже стало известно, какими методами добывались подобные показания.

Бывший сотрудник органов НКВД В. И. Бударев на допросе в прокуратуре 3 июня 1955 года показал, что в период расследования дел Примакова и Путьны ему было известно, что они дали показания об участии в заговоре после избития их в Лефортовской тюрьме, что он сам по поручению А. Л. Авсеевича (сотрудника Особого отдела НКВД) часами сидел с Примаковым, не давал ему возможности спать, что это делал он еще до признания Примаковым своей вины.

Бывший заместитель министра госбезопасности СССР Н. Н. Селивановский 10 декабря 1962 года сообщил в ЦК КПСС:

«В апреле 1937 года дела Путьны и Примакова были переданы Авсеевичу. Зверскими, жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путьну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана. Эти показания Путьны и Примакова послужили основанием для ареста в мае 1937 года Тухачевского, Якира, Фельдмана и других крупных военных работников».

Производивший допросы Авсеевич в своем объяснении в ЦК КПСС в 1962 году сообщил:

«...Мне, как и многим другим сотрудникам, пришлось работать в Особом отделе НКВД в 1937—1938 годах, то есть в период массовых арестов военных работников, и принимать участие в допросах, а также избитии арестованных... На допросе вопросы и ответы формулировал Леплевский (начальник Особого отдела НКВД СССР), причем фамилии в протоколе заносились те, что называл Примаков, но значение разговоров и встреч, о которых говорил Примаков, в формулировках усиливалось, возводилось в степень заговорщицкой деятельности. Таким образом были сформированы показания Примакова на большую группу крупных военных работников».

В середине мая 1937 года были проведены новые аресты видных военных работников. Среди арестованных оказались начальник Военной академии им. Фрунзе командарм 2-го ранга Корк и назначенный заместителем командующего войсками Московского военного округа комкор Фельдман.

На первых допросах Корк, арестованный в ночь на 14 мая 1937 года, свое участие в антисоветской деятельности отрицал, однако 16 мая его сопротивление было сломлено и он подписал на имя Ежова два заявления. Корк сообщал, что в организацию правых

он был вовлечен Енукидзе, что военная организация правых включала и троцкистскую военную группу Путны, Примакова и Туrowsкого. С военной организацией правых был связан и Тухачевский.

Далее Корк писал, что основная задача группы состояла в совершении военного переворота в Кремле, а возглавлял военную организацию правых штаб переворота в составе его (Корка), Тухачевского и Путны.

Комкор Фельдман был арестован 15 мая 1937 года. В своем заявлении он просил ознакомить его с имеющимися у следствия материалами и выразил готовность в соответствии с этими материалами давать показания. Представляя Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу протокол допроса Фельдмана, Ежов 20 мая 1937 года просил обсудить вопрос об аресте «остальных участников заговора», названных Фельдманом.

В число «остальных участников заговора», еще не арестованных к тому времени, входили Тухачевский, Якир, Эйдеман и другие командиры. Аресты их были проведены в 20-х числах мая 1937 года.

В протоколах допроса Фельдмана от 19, 21 и 23 мая 1937 года участниками военно-троцкистской организации называются более 40 командиров и политработников армии.

22 мая 1937 года были арестованы Тухачевский и председатель центрального совета Осоавиахима Эйдеман, 28 мая — Якир, 29 мая — Уборевич.

Аресту Тухачевского и Якира предшествовали мероприятия по линии Наркомата обороны. Суть их состояла в следующем: 9 мая 1937 года Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с письмом о подтверждении новых назначений. 10 мая 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение.

«Утвердить:

1. Первым заместителем народного комиссара обороны Маршала Советского Союза товарища Егорова А. И.

2. Начальником Генерального штаба РККА — командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1-го ранга товарища Шапошникова Б. М.

3. Командующим войсками Ленинградского военного округа — командующего войсками Киевского военного округа командарма 1-го ранга товарища Якира И. Э.

8. Командующим Приволжским военным округом — Маршала Советского Союза товарища Тухачевского М. Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

13 мая 1937 года, как это установлено по книге регистрации, Сталин лично принял в Кремле маршала Тухачевского. Никаких материалов о существовании разговора Сталина с Тухачевским обнаружить в архивах не удалось.

О том, как вел себя на допросе Тухачевский в первый день пребывания в НКВД, достаточных данных нет. Протоколы первичных допросов Тухачевского или вовсе не составлялись, или были уничтожены следствием.

Однако сохранившиеся отдельные следственные документы свидетельствуют, что Тухачевский в начале следствия отрицал участие в заговоре. Имеется также заявление Тухачевского от 26 мая 1937 года об очных ставках с Примаковым, Путной и Фельдманом. Протоколов этих очных ставок в его архивно-следственном деле и в других делах не обнаружено. Архивные материалы следствия показывают, что Тухачевский отрицал свое участие в заговоре, очень недолго — были приняты все меры, чтобы сломить его сопротивление.

Следствием по делу Тухачевского руководил непосредственно Ежов, в качестве следователей им были использованы Леплевский, Ушаков и другие.

29 мая 1937 года Тухачевского допрашивал сам Ежов. В результате этого допроса были получены «признательные показания» Тухачевского:

«Еще в 1928 году я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 году я лично связался с Бухариным, с немцами я установил шпионскую связь с 1925 года, когда я ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 году в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым (сыном Троцкого). Я был связан по заговору с Фельдманом, Каменевым С. С., Якиром, Эйдемманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И. Н., Ягодой, Осипяном и рядом других».

В процессе изучения дела Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна буро-коричневого цвета. В заключении Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 года говорится:

«В пятнах и мазках на листках 165, 166 дела № 967581 обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательного знака. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом...»

Комкор Эйдемман, арестованный 22 мая 1937 года одновременно с Тухачевским, был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, а на следующий день переведен в Лефортовскую тюрьму. 25 мая появилось заявление Эйдеммана на имя Ежова, в котором он сообщал о своем согласии помочь следствию в раскрытии преступления. Судя по внешнему виду (неровный почерк и пропуски букв в словах), это заявление было написано в состоянии нервного потрясения.

Бывший заместитель начальника отделения НКВД Я. Л. Карпейский на допросе в прокуратуре 4 июля 1956 года показал, что принимал участие в следствии по делу Эйдемана, и далее: что, кроме него, Эйдемана допрашивали Леглевский и В. С. Агас. «...В отношении Эйдемана до моего прихода были применены угрозы и даже физические меры воздействия. Следует учесть, что во время допроса Эйдемана из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум... Через день или два я... вызвал Эйдемана на допрос в Лефортовской тюрьме. В этот раз Эйдеман на допросе вел себя как-то странно, на вопросы отвечал невпопад, вяло, отвлекался посторонними мыслями, а услышав шум работающего мотора, Эйдеман произносил слова: «Самолеты, самолеты». Протокол допроса я не оформлял, а затем доложил, что Эйдеман находился в каком-то странном состоянии и что его показания надо проверить... После этого Эйдеман был от меня, по существу, откреплен и его впоследствии допрашивал Агас».

30 мая 1937 года была проведена очная ставка между Корком и Уборевичем, на которой Корк утверждал, что Уборевич в 1931 году входил в правотроцкистскую организацию. Возражая Корку, Уборевич заявил: «Категорически отрицаю. Это все ложь от начала до конца. Никогда никаких разговоров с Корком о контрреволюционных организациях не вел».

Но показания Уборевича были крайне необходимы, и эти показания были вырваны у него силой.

Бывший сотрудник НКВД СССР Авсеевич показал:

«В мае месяце 1937 года на одном из совещаний помощник начальника отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показания. Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу физические методы воздействия».

Вскоре после этого Уборевич подписал два заявления на имя Ежова, в которых признавал свое участие в военном заговоре. Подписал он и протокол допроса с признанием своей вины.

Сталин лично занимался вопросами следствия по делу о военном заговоре. Получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Ежова, а 21 и 28 мая 1937 года и заместителя наркома Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения.

Случалось и так, что допросы подследственных проводились с участием членов Политбюро ЦК. Отдельные данные об этом содержатся в некоторых показаниях арестованных бывших работников НКВД. Так, бывший начальник отдела охраны НКВД И. Я. Дагин 15 ноября 1938 года показал:

«Как обставлялись очные ставки, на которых по решению ЦК присутствовали члены Политбюро? Об очных ставках заранее предупреждали всех следователей, которые не переставали «нака-

чивать» арестованных вплоть до самого момента очной ставки. Больше всех волновался всегда Ежов, он вызывал к себе следователей, выяснял, не сдадут ли арестованные на очной ставке, интересовался не существом самого дела, а только тем, чтобы следствие не ударило лицом в грязь в присутствии членов Политбюро, а арестованные не отказались бы от своих показаний. Уговаривания и запугивания продолжались даже в комнатах, где рассаживали арестованных перед самым вызовом на очную ставку. Известные мне очные ставки с присутствием членов Политбюро готовили Николаев, Рейхман, Листенгурт, Ушаков — сотрудники Особого отдела НКВД СССР, принимавшие участие в расследовании дел по военному заговору, и другие. Накануне очных ставок срочно готовились новые протоколы, подкреплявшие те показания, которые должны были дать арестованные на самой очной ставке. То же самое делалось и после очных ставок».

24 мая 1937 года, через два дня после ареста Тухачевского, Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло постановление:

«Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правозаговорщицком блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передачи их дела в Наркомвнудел».

25—26 мая 1937 года опросом членов ЦК и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано Сталиным соответствующее постановление.

После ареста Якира и Уборевича решением Политбюро от 30 мая 1937 года, а затем от 30 мая—1 июня 1937 года опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано Сталиным постановление:

«Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК:

ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии, Польши, исключить из рядов ВКП и передать их дела в Наркомвнудел».

30 мая 1937 года Политбюро приняло решение:

«Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного совета как работников, находящихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Гамарник в это время был болен и находился у себя на квартире. 31 мая 1931 года заместитель начальника Политуправления РККА А. С. Булин и начальник управделами НКО И. В. Смородинов по приказанию Ворошилова приехали к Гамарнику и объявили ему приказ НКО об увольнении из РККА. Сразу же после их ухода Гамарник застрелился.

На следующий день в «Правде» и других газетах было опубликовано: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

1—4 июня 1937 года в Кремле на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны СССР с участием членов Политбюро обсуждался доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов, на Военном совете присутствовали 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата Наркомата обороны. Необходимо отметить, что к 1 июня 1937 года двадцать членов Военного совета уже были арестованы как «заговорщики».

Перед началом работы Военного совета все его участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского, Якира и других «заговорщиков». Это создало напряженную атмосферу с самого первого дня работы совета.

Широко используя сфабрикованные следствием ложные показания арестованных, Ворошилов в докладе утверждал (цитируется по стенограмме):

«Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии... О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко...

В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному в присутствии тт. Сталина, Молотова и многих других в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание ПБ и на заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату».

Ворошилов в докладе призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек», заранее предупреждая,

что в результате этой чистки «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон».

Далее Ворошилов заявил:

«Я, как народный комиссар, откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых их них (Горбачева, Фельдмана и других) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления.

Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы...»

2 июня 1937 года на Военном совете выступил Сталин. Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране был военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами. По его утверждению, руководителями этого заговора были Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, Ягода, а по военной линии — Тухачевский, Корк, Эйдемман и Гамарник.

«Это — ядро военно-политического заговора, — говорил Сталин, — ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов».

Сталин уверял, что из тринадцати названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Так, говоря о Тухачевском и других арестованных военных, Сталин заявил:

«Он (Тухачевский. — *Авт.*) оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых, передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал, Карахан — немецкий шпион, Эйдемман — немецкий шпион, Корк (в стенограмме ошибочно повторно назван Карахан. — *Авт.*) информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии».

По словам Сталина, Рудзутак, Карахан, Енукидзе были завербованы Жозефиной Гензи (Енсен), разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера. И она же помогла завербовать Тухачевского.

Обвиняя этих лиц в шпионаже, Сталин на Военном совете заявил:

«Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера.

Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили.

Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из десяти патентованных шпииков и трех патентованных подстрекателей-шпионов. Это агентура германского рейхсвера.

Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не только политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера.

Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпииков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка».

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300—400 человек, Сталин попенял, что дело о военном заговоре все-таки «прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных». Он заявил, что разведка по военной линии плоха, слаба, что внутри чекистской разведки нашлась целая группа, работавшая на Германию, Японию, Польшу. Выразив недовольство отсутствием разоблачающих сигналов, Сталин заявил: «Если будет правда хотя бы на пять процентов, то и это хлеб».

Поверив утверждениям Сталина и Ворошилова и приняв за достоверные показания самих арестованных, участники Военного совета резко осуждали «заговорщиков», заверяли в своей безграничной преданности партии и правительству.

Однако из 42 выступивших по докладу Ворошилова 34 были вскоре арестованы как «заговорщики».

5 июня 1937 года Сталин принял Молотова, Кагановича и наркома внутренних дел СССР Ежова. В тот же день из большой группы арестованных в апреле—мае 1937 года военнослужащих были отобраны для судебного процесса по делу о военном заговоре Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Эйдеман и Фельдман, а для придания делу троцкистской окраски в эту же группу были включены Примаков и Путьна, действительно разделявшие до

1927 года троцкистские взгляды. Индивидуальные уголовные дела на всех этих лиц 5 июня 1937 года были объединены в одно групповое дело.

7 июня 1937 года Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов приняли Ежова и Вышинского. В этот же день был отпечатан окончательный текст обвинительного заключения по делу. Вслед за этим в НКВД были приняты меры к немедленному окончанию следствия по делу о военном заговоре.

7 июня 1937 года было предъявлено обвинение Примакову, 8 июня — Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Корку, Фельдману и Путне по статьям 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-8 и 58-9 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, шпионаж, террор и т. п.).

9 июня 1937 года Вышинский и помощник главного военного прокурора Л. М. Суббоцкий провели в присутствии следователей НКВД короткие допросы арестованных, подтвердив прокурорскими подписями достоверность показаний, данных арестованными на следствии в НКВД.

В архиве Сталина находятся копии этих протоколов допроса. На протоколе допроса Тухачевского имеется надпись: «Т. Сталину. Ежов. 9. VI. 1937 г.».

9 июня 1937 года, в день окончания следствия по делу о военном заговоре, Вышинский два раза был принят Сталиным. Во время второго посещения, состоявшегося в 22 часа 45 минут, присутствовали Молотов и Ежов. В тот же день Вышинский подписал обвинительное заключение по делу.

В обвинительном заключении утверждалось, что в апреле—мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в Москве военно-троцкистский заговор, в руководство которым входили Гамарник, Тухачевский и другие. Военно-троцкистская организация, в которую вступили все обвиняемые по этому делу, образовалась в 1932—1933 годах по прямым указаниям германского Генштаба и Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых — Бухарина и Рыкова. Занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма.

После Вышинского в 23 часа 30 минут Сталиным, Молотовым и Ежовым был принят редактор «Правды» Л. Мехлис.

11 июня 1937 года в «Правде» было опубликовано сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу Тухачевского и других, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

10 июня 1937 года состоялся чрезвычайный пленум Верховного суда СССР, заслушавший сообщение Вышинского о деле по об-

винению Тухачевского и других. Пленум постановил для рассмотрения этого дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. В его состав были введены председатель военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих, заместитель наркома обороны Алкснис, командующий Дальневосточной армией Блюхер, командующий Московским военным округом Буденный, начальник Генштаба РККА Шапошников, командующий Белорусским военным округом Дыбенко и командующий Северо-Кавказским военным округом Каширин.

Инициатива создания специального военного суда для рассмотрения дела Тухачевского и других и привлечения в состав суда широко известных в стране военных руководителей принадлежала Сталину. Выбор их был не случаен, все они участники Военного совета при наркомате обороны СССР и выступали на июньском заседании совета в присутствии Сталина с резким осуждением Тухачевского, Якира, Уборевича как «заговорщиков».

Бывший член военной коллегии Верховного суда СССР И. М. Зарянов, участвовавший в судебном процессе по делу Тухачевского в качестве секретаря суда, в 1962 году в своем объяснении написал:

«Из разговоров с Ульрихом я понял, что Особое присутствие, членами которого являлись только маршалы и командармы, создано по инициативе Сталина. Целью создания этого специального военного суда Сталин ставил поднять этим авторитет суда и убеждение в правильности приговора».

10 июня 1937 года состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, вынесшего определение об утверждении обвинительного заключения, составленного Вышинским, и предании суду Тухачевского и других. После передачи дела Тухачевского и других в суд от них требовали показаний на различных военачальников, и в частности на самих судей Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

Так, 10 июня 1937 года от Примакова были получены показания, компрометирующие трех членов суда: командармов Каширина, Дыбенко и Шапошникова. Допрашивавший Примакова следователь Авсеевич в объяснении в 1962 году сообщил:

«На последнем этапе следствия Леплевский, вызвав к себе Примакова, дал ему целый список крупных командиров Советской Армии, которые ранее не фигурировали в показаниях Примакова, и от имени Ежова предложил по каждому из них написать... Так возникли показания Примакова на Каширина, Дыбенко, Гамарника, Куйбышева, Грязнова, Урицкого и других.

Перед судом обвиняемым разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя Сталина и Ежова, создавая

иллюзию, что это поможет сохранить им жизнь. Арестованные написали такие заявления».

Какое к ним было отношение, показывает такой факт. На заявлении И. Э. Якира имеются следующие резолюции: «Подлец и проститутка. И. Ст.», «Совершенно точное определение. К. Ворошилов и В. Молотов», «Мерзавцу, сволочи и бляди одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

Незадолго до начала судебного процесса было проведено в Особом отделе НКВД СССР совещание, на котором Леплевский дал указание следователям еще раз убедить подсудимых, чтобы в суде они подтвердили свои показания, и заявить, что признание в суде облегчит им участь. Следователи, фабриковавшие дело, сопровождали своих обвиняемых в суд, находились с ними в комнатах ожидания и были в зале суда. Накануне процесса арестованные вызывались к Леплевскому, который объявил, что завтра начнется суд и что судьба их зависит от их поведения на суде.

11 июня 1937 года в Москве Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании рассмотрело дело по обвинению Тухачевского и других. После зачитания обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопросы председателя суда, заявили, что они признают себя виновными. В дальнейшем они, выполняя требования работников НКВД, подтвердили в суде в основном те показания, которые дали на следствии.

Вот некоторые моменты, характеризующие ход судебного процесса. Выступление Якира на судебном процессе в соответствии с замыслами организаторов должно было подсказать линию поведения другим подсудимым — разоблачать происки Троцкого и фашистских государств против СССР. При этом всячески подчеркивалась роль Тухачевского в заговоре.

Однако когда Блюхер, пытаясь конкретизировать подготовку поражения авиации Красной Армии в будущей войне, задал об этом вопрос, то Якир ответил: «Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написано следствию».

На вопрос председателя суда о том, в чем выразилось вредительство по боевой подготовке, Якир уклончиво заявил: «Я об этом вопросе говорил в особом письме».

Тухачевский в суде некоторые обвинения не подтвердил.

Когда же Уборевич стал отрицать обвинение во вредительстве и шпионаже, суд прервал его допрос, а после перерыва, продолжавшегося один час, перешел к допросу других подсудимых.

При допросе в суде Якир и Уборевич отрицали обвинения в шпионаже. Так, на вопрос Дыбенко, обращенный к Якиру: «Вы лично когда конкретно начали проводить шпионскую работу в пользу германского Генерального штаба?» — подсудимый Якир

ответил: «Этой работы лично непосредственно я не начинал». Когда Дыбенко спросил Уборевича: «Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким Генеральным штабом?» — Уборевич ответил суду: «Не вел никогда». На вопрос Ульриха, адресованный Тухачевскому: «Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с 1932 года, а ваша шпионская деятельность, ее вы считаете антисоветской, она началась гораздо раньше?» — последовал ответ Тухачевского: «Я не знаю, можно ли было считать ее шпионской...»

Эйдеману при допросе в суде было задано всего три вопроса.

Судьба подсудимых была предрешена заранее. Бывший секретарь суда Зарянов в 1962 году сообщил: «О ходе судебного процесса Ульрих информировал Сталина. Об этом мне говорил Ульрих, он говорил, что имеется указание Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела».

Объяснения Зарянова о встрече Сталина с Ульрихом подтверждаются регистрацией приема Сталиным Ульриха 11 июня 1937 года. Из записи видно, что при приеме Ульриха Сталиным были Молотов, Каганович и Ежов.

В день суда в республики, края и области Сталиным было направлено указание:

«Нац. ЦК, крайкомам, обкомам.

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня.

Секретарь ЦК
11.VI. 1937 г.

Сталин».

11 июня 1937 года в 23 часа 35 минут председательствующий Ульрих огласил приговор о расстреле всех восьми осужденных. Приговор был приведен в исполнение 12 июня 1937 года. По указанию Сталина повсеместно были проведены собрания и митинги, сообщение о приговоре и приведении его в исполнение были опубликованы во всех газетах и объявлены в приказе Ворошилова по армии. Все это вело к дезинформации военных организаций и советской общественности о положении в Красной Армии.

Как отмечалось выше, решения февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, требования Сталина и Молотова о проверке военного ведомства были восприняты органами НКВД как прямая директива о массовой чистке кадров армии и флота от имевшихся там вредителей, и уже через девять дней

после суда над Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров.

С ведома и разрешения Сталина органы НКВД по отношению к арестованным широко применяли физические меры воздействия, шантаж, провокации и обман, в результате чего добивались ложных показаний о «преступной деятельности» целого ряда видных военных работников, находившихся на свободе. Показания многих арестованных направлялись Сталину, который единолично, без какого-либо разбирательства, решал вопрос об аресте невиновных людей.

Так, например, ознакомившись с протоколом допроса от 5 августа 1937 года арестованного заместителя начальника Разведуправления РККА М. К. Александровского, Сталин написал Ежову: «Арестовать: 1) Каширина, 2) Дубового, 3) Якимовича, 4) Дорожного (чекист), 5) и других».

В этом протоколе отметки «арестовать», «взять» были сделаны Сталиным против 30 фамилий.

Значительное число военачальников было арестовано также и с санкции Ворошилова. Так, 28 мая 1937 года НКВД СССР составил список работников Артуправления РККА, на которых имелись показания арестованных как на участников военнотроцкистского заговора. В этот список были включены помощник начальника Артиллерийского управления РККА комбриг Я. М. Железняков и многие другие, всего 26 командиров Красной Армии. На списке имеется резолюция Ворошилова: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28.V. 1937 года. К. Ворошилов».

В августе 1937 года из Наркомата обороны СССР в НКВД СССР было направлено письмо об аресте ряда видных руководящих военных работников. В данном случае Ворошиловым без какого-либо разбирательства были приняты решения об аресте руководящих военных работников. Активное участие в решении вопроса об аресте командиров и видных руководящих военных работников принимали в 1937—1938 годах начальник Управления Наркомата обороны по начсоставу Е. А. Щаденко, начальник Главного политического управления РККА Мехлис (на эту должность он был назначен вместо Гамарника), заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков.

В декабре 1937 года и январе 1938 года НКВД направил представление на имя Ворошилова об аресте ряда военачальников, в числе которых были член Военного совета Сибирского военного округа Н. А. Юнг, член Военного совета Северо-Кавказского военного округа К. Г. Сидоров, старший инспектор Главпура РККА, дивизионный комиссар Я. Г. Индриксон, заместитель на-

чальника политуправления Северо-Кавказского военного округа корпусной комиссар А. М. Битте, член Военного совета Уральского военного округа А. В. Тарутинский и другие. На этих документах имеются резолюции Щаденко, Мехлиса и Маленкова.

Все эти командиры были арестованы и затем осуждены.

Из семерых военных работников (Ворошилов, Гамарник, Якир, Тухачевский, Егоров, Буденный и Уборевич), избранных XVII съездом ВКП(б) в состав Центрального Комитета партии, пятеро были объявлены в 1937—1938 годах врагами народа, участниками военного заговора, и только Ворошилов и Буденный сохранили свое положение, хотя на Буденного органы НКВД тоже сфабриковали показания о принадлежности его к заговору.

Среди членов ЦИК СССР, избранных на VII Всесоюзном съезде Советов, было 36 видных командиров и армейских политработников. Из этого числа 30 человек в 1937 году были объявлены «врагами народа». Из 108 членов Военного совета при наркоме обороны СССР к ноябрю 1938 года от прежнего состава осталось всего 10 человек.

В ноябре 1937 года из НКВД Сталину был направлен список на 292 человека с предложением об их расстреле. Список включал видных деятелей Красной Армии, имевших большие заслуги перед партией и государством.

В июле 1938 года Ежов направил Сталину список на 138 человек, а в сопроводительной записке, написанной карандашом на клочке бумаги, сообщал: «С. секретно, тов. Сталину. Посылаю список арестованных, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории. Ежов. 26.VII.1938 г.». На списке имеется резолюция: «За расстрел всех 138 человек. И. Ст., В. Молотов».

Репрессированными оказались заместители наркома обороны СССР Егоров, Алкснис, Федько и Орлов, заместители начальника Генерального штаба РККА Левичев и Меженинов, заместители начальника Главпура РККА Булин и Осенян.

Были репрессированы 88 старших командиров округов, а также 8 начальников военных академий, институтов и школ: Кучинский (Академия Генштаба), Немерзелли (Военно-политическая академия), Смолин (Военно-инженерная академия), Авиновицкий (Академия химической защиты), Егоров (Школа им. ВЦИК), Брынков (НИИ РККА), Милейковский (Научно-испытательный технический институт АККА), Бажанов (Научно-испытательный институт ВВС) и другие; 26 профессоров и преподавателей.

Не миновал репрессий и Военно-Морской Флот. Были арестованы и осуждены нарком ВМФ Смирнов, его заместитель Смирнов-Светловский, начальник морских сил РККА Викторов, начальник штаба морских сил Стасевич, командующие флотами Кожанов (Черноморский флот), Душенов (Северный флот), Ки-

реев (Тихоокеанский флот), командующий Амурской флотилией Кодацкий-Руднев, начальник Военно-морской академии Лудри, начальник НИИ военного кораблестроения Алякринский, а также 22 военно-морских командира высокого ранга.

Были репрессированы, кроме того, четыре сотрудника советских военных представительств за рубежом и семь руководящих работников Осоавиахима. По обвинению в участии в военном заговоре в 1937—1938 годах арестованы и осуждены секретарь Совета Союза ЦИК СССР Уншлихт, секретарь Комитета обороны при Совнаркоме СССР и уполномоченный ЦК ВКП(б) в Монголии Таиров (Тер-Григорьян), заместитель наркома оборонной промышленности СССР Муклевич и начальник 8-го главного управления этого наркомата Нейман.

Всего в тот период было арестовано и осуждено военной коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и ВМФ, 386 из них являлись членами партии. К высшей мере — расстрелу — был приговорен 401 человек, 7 — к различным срокам исправительно-трудовых лагерей. Изучение документальных материалов, хранящихся в архивах, а также опрос лиц, причастных к событиям тех лет, позволили установить, что дело по обвинению Тухачевского и других военных фальсифицировано, а признания обвиняемых на следствии получены недозволенными методами.

В те годы органы зарубежных разведок систематически направляли по различным каналам дезинформационные материалы, которые должны были свидетельствовать о предательстве Тухачевского и других советских военных руководителей. В архивах Сталина обнаружены документы, подтверждающие стремление германских разведывательных кругов довести до него дезинформационные сведения о Тухачевском. Одним из последних документов такого рода было письмо корреспондента «Правды» в Берлине А. Климова, которое было направлено Сталину редактором «Правды» Мехлисом. В середине января 1937 года Климов передает как якобы достоверное сообщение о том, что в Германии «среди высших офицерских кругов упорно говорят о связи и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. В этой связи называется имя Тухачевского». Следует заметить, что его имя упоминается и в других дезинформационных материалах. В связи с этим в то время неоднократно обстоятельно проверялась достоверность подобных сведений, которые отвергались как полностью вымышленные и несостоятельные.

В начале 1920-х годов за рубежом было распространено мнение о нелояльном отношении Тухачевского к Советской власти. Определенное основание этому могло быть положено его участием в начале 1920-х годов в известной операции «Грест»: желая

придать фиктивной конспиративной монархической организации, которая якобы действовала в стране, большой авторитет, за границу было сообщено о вовлечении в ее состав Тухачевского. Однако в конце 1923 — начале 1924 года выяснилось, что органы ОГПУ переиграли с именем Тухачевского. Им было дано указание о выводе его из операции «Трест». Это было сделано, но след в зарубежных разведывательных кругах, очевидно, остался.

Необходимо отметить, что ни в следственном деле, ни в материалах судебного процесса дезинформационные сведения зарубежных разведок о Тухачевском и других военных деятелях не фигурируют. Свидетельств о том, что они сыграли какую-либо роль в организации дела военных, не обнаружено.

НКВД борется с космополитами

В мае—июле 1952 года военной коллегией Верховного суда СССР было рассмотрено дело группы лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). По данному делу было привлечено 15 человек:

1. Лозовский Соломон Абрамович, 1878 года рождения, член КПСС с 1901 года, ранее работавший заместителем начальника и начальником Совинформбюро, перед арестом — заведующий кафедрой международных отношений Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б);

2. Фефер Исаак Соломонович, 1900 года рождения, член КПСС с 1919 года, поэт, секретарь Еврейского антифашистского комитета;

3. Юзефович Иосиф Сигизмундович, 1890 года рождения, член КПСС с 1917 года, младший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР;

4. Шимелиович Борис Абрамович, 1892 года рождения, член КПСС с 1920 года, главный врач Центральной клинической больницы им. Боткина;

5. Квитко Лейба Моисеевич, 1890 года рождения, член КПСС с 1941 года, поэт;

6. Маркиш Перец Давидович, 1895 года рождения, член КПСС с 1942 года, поэт, секретарь ревизионной комиссии Союза писателей СССР;

7. Бергельсон Давид Рафаилович, 1884 года рождения, поэт;

8. Гофштейн Давид Наумович, 1889 года рождения, член КПСС с 1940 года, поэт;

9. Зускин Вениамин Львович, 1889 года рождения, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра;

10. Тальми Леон Яковлевич, 1893 года рождения, журналист-переводчик Совинформбюро;

11. Ватенберг Илья Семенович, 1887 года рождения, старший контрольный редактор Государственного издательства художественной литературы на иностранных языках;

12. Теумин Эмилия Исааковна, 1905 года рождения, член КПСС с 1927 года, редактор международного отдела Совинформбюро;

13. Ватенберг-Островская Чайка Семеновна, 1901 года рождения, переводчик Еврейского антифашистского комитета;

14. Штерн Лина Соломоновна, 1878 года рождения, член КПСС с 1938 года, академик АН СССР и АМН СССР, директор Института физиологии Академии медицинских наук СССР и заведующая кафедрой физиологии 2-го Московского медицинского института;

15. Бергман Соломон Леонтьевич, 1895 года рождения, член КПСС с 1912 года, заместитель министра Госконтроля РСФСР.

Еврейский антифашистский комитет был создан в годы Великой Отечественной войны в целях мобилизации советского и мирового общественного мнения против злодеяний фашизма. Начало деятельности ЕАК относится к февралю — апрелю 1942 года. Председателем ЕАК был народный артист СССР Михоэлс, ответственным секретарем — Эпштейн, а затем Фефер. Комитет имел свой печатный орган — газету «Эйникайт», которая распространялась как в СССР, так и за рубежом.

12 октября 1946 года Министерство госбезопасности СССР направило в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) тогда же была организована проверка деятельности ЕАК.

В записке об итогах проверки, адресованной в ЦК ВКП(б), говорилось, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценивать как проявление национализма. Подчеркивалось, что комитет явочным порядком развертывает свою деятельность внутри страны, присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами. В результате делался вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, приобрела несвойственные ему функции и поэтому является политически вредной и нетерпимой. В связи с этим было внесено предложение о ликвидации ЕАК.

Записка аналогичного содержания была направлена Сусловым 26 ноября 1946 года Сталину.

Непосредственным предлогом к возбуждению уголовного дела на руководителей ЕАК послужили, как было установлено впоследствии, сфальсифицированные и полученные в результате незаконных методов ведения следствия показания старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР Гольдштейна, арестованного 19 декабря 1947 года, и старшего научного сотрудника Института мировой литературы АН СССР Гринберга, арестованного 28 декабря того же года.

В своих показаниях они утверждали, что Лозовский, Фефер и другие члены ЕАК занимаются антисоветской националистической деятельностью.

Протоколы допросов Гольдштейна и Гринберга, избличающие указанных лиц, 10 января и 1 марта 1948 года были направлены министром госбезопасности В. С. Абакумовым в ЦК ВКП(б).

26 марта 1948 года МГБ СССР направило в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР еще одну записку «О Еврейском антифашистском комитете», в которой указывалось, что руководители ЕАК являются активными националистами и проводят антисоветскую националистическую работу, особенно проявившуюся после поездки Михоэлса и Фефера в 1943 году в США, где они вошли в контакт с лицами, связанными с американской разведкой.

20 ноября 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось:

«Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР:

Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «делу Еврейского антифашистского комитета», несет Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству. 13 января 1949 года он вызвал к себе Лозовского и в процессе длительной беседы, на которой присутствовал председатель КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятов, домогался от Лозовского признания в проведении им преступной деятельности.

В этих целях Маленковым было использовано направленное Сталину пять лет назад — 15 февраля 1944 года — за подписью

Михозлса, Эпштейна, Фефера (членов ЕАК) и отредактированное Лозовским письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики.

После беседы Маленков и Шкирятов составили на имя Сталина записку с предложением вывести Лозовского из членов ЦК ВКП(б) со следующей формулировкой: «За политически неблагонадежные связи и недостойное члена ЦК поведение».

Решением ЦК ВКП(б) от 18 января 1949 года (опросом) Лозовский был выведен из состава ЦК ВКП(б) и исключен из партии, а 26 января 1949 года арестован.

В январе были арестованы также члены ЕАК Шимелиович, Юзефович, Квитко, Маркиш, Бергельсон, Ватенберг, Ватенберг-Островская, Теумин.

Ранее, в 1948 году, уже были арестованы привлеченные по этому делу Фефер, Зускин и Гофштейн. Используя факт роспуска ЕАК, а также содержащиеся в указанных выше записках политические обвинения и фальсифицированные материалы допросов, Абакумов и его окружение обвинили членов комитета в государственных, контрреволюционных преступлениях.

Установлено, что следствие велось с грубыми нарушениями закона и применением недозволённых методов для получения «признательных показаний». Несмотря на это, на первых допросах Лозовский, Фефер и другие свою вину отрицали. Затем всех, кроме Шимелиовича, вынудили признать себя виновными и дать показания о проводимой членами ЕАК шпионской и антисоветской деятельности.

Назначенный министром госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев после ознакомления с материалами следствия в письме от 24 августа 1951 года на имя Маленкова и Берии сообщал, что «почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием ЕАК», а также информировал о намерении расширить мероприятия по делу.

3 апреля 1952 года Игнатьев направил Сталину обвинительное заключение, копии которого были посланы Маленкову и Берии. В сопроводительном письме высказывалось предложение о мере наказания: расстрел для всех обвиняемых, за исключением Л. С. Штерн.

7 апреля 1952 года дело было направлено в военную коллегия Верховного суда СССР, где рассматривалось с 8 мая по 18 июля 1952 года под председательством председателя военной коллегии А. Л. Чепцова, без участия представителей государственного обвинения и защиты.

Военная коллегия приговорила Лозовского, Фефера и других — всего 13 человек — к расстрелу, а Штерн — к лишению

свободы на три с половиной года и к последующей ссылке на пять лет.

Имеются объяснения Чепцова об обстоятельствах, сопутствовавших вынесению этого приговора. Суть их сводилась к тому, что обвинение невиновных людей и подписание им несправедливого приговора было predetermined заранее вышестоящим руководством. Как утверждал Чепцов в объяснении, направленном 15 августа 1957 года члену Президиума ЦК КПСС Г. К. Жукову и в копии — другим членам Президиума ЦК: Хрущеву, Булганину, Суслову, Брежневу, Ворошилову, Швернику и Микояну, еще до начала процесса Игнатъев и его заместитель Рюмин сообщили ему, что по их докладу на Политбюро было принято решение о расстреле всех обвиняемых, кроме Штерн.

В этом и последующих объяснениях в КПК при ЦК КПСС Чепцов указывает, что у состава суда возникали сомнения в полноте и объективности расследования дела, в связи с чем оно подлежало направлению на доследование, но сделано этого не было.

Согласно объяснениям Чепцова, о необходимости проведения дополнительного расследования он докладывал Генеральному прокурору СССР Г. Г. Сафонову, председателю Верховного суда СССР А. А. Волину, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, секретарю ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, председателю КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятову, однако поддержки у них не получил. Все они рекомендовали ему обратиться по этому вопросу к Маленкову.

Как указывает далее Чепцов, он в присутствии Игнатъева и Рюмина был принят Маленковым и высказал соображения о необходимости направить дело на дополнительное расследование. Однако Маленков ответил: «Этим делом Политбюро ЦК занималось три раза, выполняйте решение ПБ».

Объяснения Чепцова находят свое подтверждение. Так, 24 июня 1953 года Рюмин, принимавший участие в расследовании дела Лозовского и других, будучи допрошен в качестве обвиняемого, признал: «Когда суд пытался возратить это дело на доследование, я настаивал на том, чтобы был вынесен приговор по имеющимся в деле материалам».

Бывший помощник Рюмина Гришаев на допросе по делу Рюмина показал:

«Со слов Рюмина мне известно, что во время разбирательства дела ЕАК т. Чепцов обращался в инстанцию, где говорил о недостатках и нарушениях, допущенных по делу, однако, как мне говорил Рюмин, т. Чепцов критиковал это дело не за то, что оно вообще сомнительно, а за то, что арестованные не разоблачены и корни преступлений не вскрыты».

В 1948—1952 годах, в связи с делом Еврейского антифашистско-

го комитета были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности другие лица еврейской национальности, в том числе партийные и советские работники, ученые, писатели, поэты, журналисты, артисты, служащие государственных учреждений и промышленных предприятий — всего 110 человек.

Из числа репрессированных было приговорено к высшей мере наказания — 10 человек, к 25 годам исправительно-трудовых лагерей — 20, к 20 годам — 2, к 15 годам — 12, к 10 годам — 50, к 8 годам — 2, к 7 годам — 1, к 5 годам — 2, к 10 годам ссылки — 1, умерло в ходе следствия — 5, прекращены дела после ареста в отношении 5 человек.

В 1955 году, после смерти Сталина, была организована дополнительная проверка уголовного дела Лозовского, Фефера и других. В ходе ее изучались документальные материалы, хранящиеся в партийных и государственных архивах, были опрошены многие лица, причастные к событиям тех лет, изучены уголовные дела на бывших следственных работников, производивших расследование данного уголовного дела и осужденных в 1952—1954 годах за фальсификацию следственных материалов.

В результате дополнительной проверки установлено, что дело по обвинению Лозовского, Фефера и других является сфабрикованным, а признания обвиняемых на следствии получены под пытками.

Дом на Лубянке

В декабре 1917 года постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В феврале 1922 года постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета упразднена ВЧК и создано Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР для обеспечения государственной безопасности Советской Республики. В ноябре 1923 года в соответствии с постановлением I Всесоюзного съезда Советов Президиум Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР образовал Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, которому подчинены также погранвойска.

Председатели ВЧК—ГПУ—ОГПУ:

Ф. Э. Дзержинский (1917—1926), Я. Х. Петерс (июль—август 1918), В. Р. Менжинский (1926—1934).

10 июля 1934 года Постановлением ЦИК СССР был образован НКВД СССР. ОГПУ было упразднено, на его базе создано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), которое вошло в состав НКВД СССР.

Наркомы:

Г. Г. Ягода (1934—1936), Н. И. Ежов (1936—1938), Л. П. Берия (1938—1946).

3 февраля 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД СССР был разделен на два наркомата: Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР

Нарком: В. Н. Меркулов.

20 июля 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД и НКГБ объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР.

Нарком: Л. П. Берия.

14 апреля 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР вновь образован Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР. В марте 1946 года он переименован в Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР. (НКВД СССР переименован в Министерство внутренних дел (МВД) СССР.)

Наркомы (министры):

В. Н. Меркулов (1943—1946), В. С. Абакумов (1946—1951), С. Д. Игнатьев (1951—1953).

5 марта 1953 года Постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР МГБ и МВД объединены в единое Министерство внутренних дел (МВД) СССР.

Министры:

Л. П. Берия (март—июнь 1953), С. Н. Круглов (1953—1954).

13 марта 1954 года Указом Президиума Верховного Совета СССР образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР, с июля 1978 года — КГБ СССР.

Председатели:

И. А. Серов (1954—1958), А. Н. Шелепин (1958—1961), В. Е. Семичастный (1961—1967), Ю. В. Андропов (1967—1982),

В. В. Федорчук (май—декабрь 1982), В. М. Чебриков (1982—1988), В. А. Крючков (1988—1991), В. В. Бакагин (август 1991—январь 1992).

В ноябре 1991 года КГБ СССР преобразован в три самостоятельные ведомства: Межреспубликанскую службу безопасности (МСБ), Центральную службу разведки СССР и Комитет по охране государственных границ.

В январе 1992 года МСБ и МВД объединены в Министерство безопасности (МБ) Российской Федерации.

Министры:

В. П. Баранников (1992—1993), Н. М. Голушко (сентябрь—декабрь 1993).

В декабре 1993 года МБ РФ преобразовано в Федеральную службу контрразведки (ФСК) Российской Федерации.

Директоры:

Н. М. Голушко (декабрь 1993—февраль 1994), С. А. Степашин (1994—июнь 1995).

В апреле 1995 года ФСК РФ переименована в Федеральную службу безопасности (ФСБ) РФ.

Директоры:

С. В. Степашин (апрель—июнь 1995), И. И. Барсуков (1995—1996), Н. Д. Ковалев (1996—1998), В. В. Путин (1998—1999), Н. П. Патрушев (с августа 1999).

Комитет государственной безопасности был создан в 1954 году и подразделялся на несколько главных управлений, которые в свою очередь делились на службы и отделы. Кроме того, в КГБ входили менее крупные самостоятельные службы, выполнявшие свои задачи.

1-е Главное управление (ПГУ) состояло из трех подразделений. Самое крупное — *Управление «С»*, которое курировало всех нелегальных агентов в разных странах. Одна из служб этого управления занималась вербовкой агентов из советских граждан и их подготовкой к работе за рубежом. Другая служба готовила им легенды и снабжала документами. Третья служба руководила уже внедренной агентурой, четвертой были подчинены работники зарубежных агентур, занимающиеся нелегальными агентами.

Будущий агент проходил трехлетний индивидуальный курс обучения в Москве и Подмоскowie. Потом его могли послать на несколько лет за границу для адаптации. И уже после этого направляли в страну, где ему предстояло работать.

Для разработки легенд и изготовления документов КГБ накапливал массу информации. Использовались туристические путеводители, планы городов, паспорта, образцы почерков служащих и прочее. Если, например, служащий бразильского консульства в той или иной стране будет уволен или уйдет на пенсию, КГБ должен об этом знать, подпись его преемника на визе будет уже другой.

В сборе этой информации деятельно участвовали сотрудники зарубежных резидентур, занимающиеся нелегальными агентами (эти сотрудники относились к так называемой линии «Л»), но главная их задача заключалась в обеспечении связи между нелегальной агентурой и центром. Для этого они подыскивали тайники и использовали их как каналы связи. Обычно эти сотрудники находились в стране под видом служащих советских посольств и консульств, где по роду службы постоянно имели дело с иностранными паспортами и документами.

Управление «С» в 1970-х годах включило в свой состав работавшее до того независимо *Управление «В»*, занимавшееся диверсиями и организацией покушений.

После бегства на Запад (1971) Олега Лялина, оказавшегося британским агентом, КГБ перетряхнул все *Управление «В»*, к которому относился Лялин, уволив или понизив в должности руководящих работников этого управления, и отозвал всех его представителей из зарубежных резидентур.

Потом *Управление «В»* было восстановлено как 8-й отдел *Управления «С»*. К 1982 году 8-й отдел уже вовсю работал, готовя в Балашихинском учебном центре агентов. Теперь там учебная школа *Управления* по борьбе с терроризмом.

Управление «Т» отвечало за сбор научно-технической информации, его сотрудники имели ученую степень, прекрасно разбирались в вопросах и проблемах новых технологий. За границей они работали в торгпредствах, агентствах Аэрофлота.

Управление «К» занималось внедрением в заграничные разведорганы и службы безопасности. Оно же ведало охраной советских посольств, контролировало их служащих. Один из отделов осуществлял слежку за самими сотрудниками управления.

В 1-м Главном управлении были три очень важные службы. Первая занималась анализом разведывательной информации, собираемой всеми подразделениями управления, составляла ежедневную сводку для руководства страны о событиях в мире и разрабатывала прогноз. Ежегодно эта служба делала оценку работы каждой заграничной резидентуры.

Служба «А» (Служба активных мероприятий) выделилась из бывшего отдела «А», занимавшегося дезинформацией. Она трудилась в тесном контакте с Международным отделом ЦК, Отделом соцстран и Отделом пропаганды ЦК.

Служба «Р» анализировала операции КГБ за рубежом — для опыта и лучшей организации дела.

Конкретно странами в ПГУ занимались специальные отделы: 1-й отдел «работал» с США и Канадой, 2-й — с Латинской Америкой и т. д. Таких отделов было одиннадцать: с первого по десятый и семнадцатый.

11-й отдел отвечал за связь с разведками соцстран и внедрял туда свою агентуру. Теснее всего связи были с ГДР и Болгарией.

12-й отдел возник при Андропове. Он состоял из ветеранов КГБ, много лет проживших за границей и хорошо знавших обычаи и быт Запада. Они считались научными сотрудниками разных институтов — Института США и Канады, Института Латинской Америки и т. д. — и выезжали на международные конференции по культурному обмену, где можно было знакомиться с разными людьми.

13-й отдел ведал покушениями и диверсиями. Потом его преобразовали в отдел «В» и, наконец, в 8-й отдел Управления «С».

14-й отдел занимался разработкой технических средств операций: оружием, тайнописью, фотокамерами и прочим.

15-й отдел являлся архивом ПГУ.

Объектами внимания 16-го отдела были шифровальщики и сотрудники связи других стран.

2-е Главное управление (ВГУ) — это контрразведка. ВГУ занималось иностранными журналистами и студентами, жившими в СССР, сотрудниками посольств. Оно также отвечало за охрану промышленных объектов, вылавливало шпионов.

Контрразведкой в вооруженных силах ведало **3-е управление**, представители которого работали в особых отделах при армейских подразделениях.

4-е управление занималось вопросами безопасности.

5-е Главное управление было идеологическим. Его создал Андропов для выявления инакомыслящих и работы с ними. В конце 1980-х оно переименовано в Управление «З» — по защите конституционного строя.

В компетенцию **6-го управления** входили проблемы экономической безопасности. Исследовался предполагаемый экономический саботаж и прочее.

7-е управление обеспечивало наружное наблюдение. Оно занималось слежкой за персоналом посольств в Москве и насчитывало более трех тысяч сотрудников — в основном выпускников двухгодичной спецшколы в Ленинграде. Управление имело множество разнообразной спецтехники, средств наблюдения и прослушивания. Там работало много женщин, которым легче завязать будто случайное знакомство.

8-е Главное управление обеспечивало безопасность правительственной связи, разрабатывало систему шифров и кодов для КГБ

и Министерства иностранных дел, осуществляло радиоперехват и электронную разведку. Здесь были собраны талантливые математики, физики, программисты.

9-е управление осуществляло охрану высших должностных лиц страны, важнейших правительственных и партийных объектов, включая Кремль. На балансе управления находились госдачи, места отдыха членов Политбюро, спецмагазины.

Общая численность сотрудников войск и органов КГБ в 1991 году достигла 420 тысяч человек.

Нас интересует в этой книге политический сыск, осуществляемый КГБ внутри страны. Непосредственно этим занималось 5-е Главное управление.

По указу президента России от 14 января 1992 года «О защите государственных секретов Российской Федерации» в течение 75 лет не будут выдаваться дела, которые могут нанести моральный ущерб гражданам. Поэтому донесения агентов и сотрудников КГБ нам недоступны. То же можно сказать об аналитических записках КГБ, адресованных в ЦК и Политбюро, материалах следственных дел и прочем.

Поэтому, говоря о работе КГБ, мы пользуемся в основном воспоминаниями, самиздатом, отрывочными сведениями. Это в общем-то, позволяет видеть картину работы могущественного Комитета государственной безопасности.

Диссиденты

О какой-либо подпольной организованной анти-советской деятельности в послевоенном Советском Союзе трудно было помыслить. И все-таки были две робкие попытки. Это Демократический союз, созданный московскими и воронежскими студентами, просуществовавший два месяца — до ноября 1946 года: органы быстро его раскрыли. И еще — Коммунистическая партия молодежи в Воронеже, созданная в 1949 году. Студентов быстренько похватали, дали срок и рассовали по лагерям.

После XX съезда и хрущевской «оттепели» оживилась общественная жизнь страны, начали выходить книги, фильмы, за которые раньше авторам не поздоровилось бы. Но на эту дозволенность существовала своя планка, выше которой прыгать не рекомендовалось. Поэтому наряду с легальными журналами стали выходить и самиздатские — тоненькие, отпечатанные на машинке, со слепыми копиями, экземпляров в 10—15. Таким был, например, журнал «Синтаксис», выпускаемый в 1959 году А. Гинзбургом.

В июле 1958 года в Москве открыли памятник поэту Владимиру Маяковскому. Открытие происходило при огромном стечении

народа, очень торжественно. Выступали артисты, поэты. После того как начальство разъехалось, стала выступать молодежь, читать свои стихи. Постепенно такие встречи вошли в обыкновение: по субботним и воскресным вечерам собиралось несколько сотен человек, преимущественно молодежь. За стихами, конечно, пошли споры, обмен мнениями, и не только о литературе.

КГБ эти сборища не понравились. Постоянных участников вечеров задерживали, сообщали в институты. Вообще студенты у органов сыска никогда не вызывали симпатии. Незадолго до этого прошел в Ленинграде суд над студентом Револьтом Пименовым, распространявшим листовки против безальтернативных выборов в Верховный Совет.

Наконец, было арестовано несколько человек, и осенью 1961 года, перед XXII съездом партии, вечера эти окончательно запретили. Владимира Осипова, Эдуарда Кузнецова и Илью Бакштейна осудили по семидесятой статье за антисоветскую агитацию и пропаганду и дали по семь лет лагерей. Арестовали и А. Гинзбурга.

В поле зрения КГБ попал начальник кафедры Академии Генштаба генерал Петр Григоренко, который на партконференции Ленинского района Москвы стал говорить о косности партии, опасности нового культа личности. Затем Григоренко не раз выступал с критикой партии, ее руководства, был активным сторонником правозащитного движения. Его исключили из партии, уволили с работы. Позже он уехал в США.

В 1962 году арестовали и поместили в психиатрическую лечебницу писателя Валерия Тарсиса, опубликовавшего в Англии «Сказание о синей мухе» — пародию на советскую действительность.

На Западе появился ряд романов, явно написанных кем-то в России. Выходили они под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. КГБ без труда установил авторов, и они — писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль — были арестованы. По вполне правдоподобной версии, их сдало ЦРУ, которому нужен был политический скандал в Москве.

И точно, для устрашения интеллигенции решено было провести показательный судебный процесс. А 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве прошла первая за советское время правозащитная демонстрация. Правда, чекистов там было едва ли не больше, чем демонстрантов, хотя последних набралось около двухсот. Инициатором этой акции протеста был Александр Есенин-Вольпин, успевший уже дважды побывать в психбольнице. Он держал в руках плакат: «Уважайте Советскую Конституцию!» Задержали тогда человек тридцать студентов, все они были исключены из институтов.

С делом Синявского и Даниэля был связан и «процесс 4-х» в 1962 году: А. Гинзбург и Ю. Галансков обвинялись в создании и передаче на Запад «Белой книги о процессе Синявского и Даниэля», а В. Дашкова и А. Добровольский в пособничестве им. Во время суда над ними на улице собралась толпа из трехсот человек во главе с Буковским и В. Хаустовым.

Неожиданной для КГБ явилась демонстрация 25 августа 1968 года на Красной площади против ввода войск в Чехословакию. Демонстрантов было немного, они развернули плакаты: «Позор оккупантам!», «За вашу и нашу свободу!» Сразу же к Ларисе Богораз, Наталье Горбаневской, Павлу Литвинову, Виктору Файнбергу, Вадиму Делоне и Владимиру Дремлюге бросились сотрудники КГБ в штатском и затолкали их в машины. Двое попали в лагерь, трое в ссылку, один — в психбольницу. Н. Горбаневскую отпустили, так как у нее был грудной ребенок.

Анатолий Марченко, ставший впоследствии известным правозащитником, послал в «Правду» и пражскую «Руде право» открытое письмо по поводу событий в Чехословакии. Спустя три дня его арестовали и по обвинению в нарушении паспортного режима дали год лагерей.

В апреле 1968 года стал выходить первый в Советском Союзе самиздатский периодический журнал «Хроника текущих событий» — о нарушениях прав человека, жизни политических заключенных в лагерях, преследованиях религиозных общин. Первым его редактором стала Н. Горбаневская, после ее ареста — А. Якобсон.

В 1969 году несколько человек — С. Ковалев, П. Якир, Л. Плющ и другие — организовали Инициативную группу защиты прав человека в СССР.

Организация просуществовала до 1972 года, рассылая в ООН и другие организации списки 63 правозащитников, сидящих в лагерях и психбольницах; лидеры П. Якир и В. Красин были арестованы.

4 ноября 1972 года дочери Петра Якира Ирине Якир разрешили свидание с отцом в Лефортовской тюрьме. Свидание проходило в присутствии следователей Кислых и Володина.

На этом свидании П. Якир сказал дочери, что изменил свое отношение к демократическому движению и к своей деятельности. Стало очевидно активное сотрудничество П. Якира со следствием. По заявлению Якира, предъявленные ему следствием материалы убедили его в тенденциозном характере и объективно вредном направлении «Хроники текущих событий», в наличии в ней фактических неточностей и даже прямых искажений. Он заявил также, что каждый следующий выпуск «Хроники» будет удлинять ему и Красину срок заключения; с выходом «Хроники»

последуют также новые аресты. Следователи подтвердили последнее заявление, указав, что арестованы будут необязательно прямые участники выпусков.

13 ноября КГБ произвел обыск в квартире Якира. После обыска допрошены жена Якира Валентина Савенкова и его зять Юлий Ким.

В середине декабря следователь по делу Виктора Красина П. И. Александровский ездил в Енисейск (Красноярский край), где отбывала ссылку жена Красина Надежда Емелькина. Александровский несколько раз допрашивал Емелькину, но, насколько известно, она не дала никаких показаний. Состоялся телефонный разговор Емелькиной с Красиным, который содержался в Лефортовской тюрьме. По просьбе мужа Емелькина указала тайники в тайге, в которых находились интересные следствие материалы.

29 декабря по делу № 24 была вызвана на допрос в КГБ Адель Найденович. Ей были заданы общие вопросы о Якире и Красине. Было заявлено, что процесс по делу Якира коснется и «Хроники текущих событий». Следователь КГБ майор Истомин, который вел допрос, обвинил «Хронику» в искажении фактов, указав на неточности в отдельных ее сообщениях.

На следующий день после краткого допроса А. Найденович о связях ее мужа, редактора журнала «Вече» Владимира Осипова, с Якиром ей устроили с последним очную ставку. Кроме Истомина, на очной ставке присутствовал следователь Якира майор Кислых. Якир подтвердил свои показания о том, что А. Найденович приносила ему ряд текстов для передачи за границу. Найденович эти показания отрицала.

Адель Найденович оставила запись своих впечатлений от допроса и очной ставки под названием «Последние вести о Петре Якире».

В середине декабря Д. Марков из Обнинска также имел очную ставку с Якиром. Якир показал, что Марков перепечатывал и распространял «Хронику». На предыдущих допросах Марков отрицал это, но на очной ставке подтвердил показания Якира.

В 70-х годах арестованные диссиденты исчислялись сотнями. Министерством здравоохранения СССР была согласована с МВД инструкция, по которой психиатрические лечебницы могли госпитализировать лиц, «представляющих общественную опасность», без согласия родственников. Таким образом КГБ направлял в психушки П. Григоренко, В. Борисова, В. Файнберга и других.

В 1973 году КГБ «посоветовал» выехать из страны А. Синявскому и редактору «Хроники текущих событий» А. Якобсону. В 1974 году был выслан А. Солженицын.

В 1972—1974 годах, в результате активной работы КГБ, диссидентство практически перестало существовать.

В 1974 году возрождается Инициативная группа защиты прав человека, которую возглавили академик А. Сахаров, историк Р. Медведев и математик В. Турчин. Но в декабре того же года были арестованы члены группы С. Ковалев и А. Твердохлебов.

12 мая 1976 года в Москве была организована Московская Хельсинкская группа. В учредительном заявлении говорилось, что группа основывает свою работу на гуманитарных статьях Заключительного акта международных Хельсинкских соглашений и будет ждать от советских граждан сообщений о нарушении этих статей. Подписалось 11 человек: Л. Алексеева, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург, П. Орлов, А. Марченко, А. Шаранский, Ю. Орлов, В. Рубин, А. Корчак, М. Ланда. Эта группа была первой, куда вошли еврей-отказники. Группа находилась в тесном контакте с западными СМИ, а некоторые ее члены — и с различными западными спецслужбами.

В конце 1976 года был создан Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Руководил комитетом священник Глеб Якунин, по происхождению иудей. Задачей комитета была защита верующих, в том числе и разных сектантов, хотя по своему положению священника Якунина ратовать за баптистов не имел никакого морального права. Впоследствии, уже в 1995 году, за действия, несовместимые с церковной моралью, он был лишен сана.

Зарубежные радиостанции «Свобода» и «Голос Америки» взахлеб рассказывали о деятельности диссидентов, и подобная слава соблазняла некоторых людей — им казалось, что таким образом легче заработать себе имя и политический капитал, чтобы, выехав за рубеж, претендовать на пособия различных фондов и приличное трудоустройство.

Приведем один довольно любопытный документ:

«ЦК КПСС

10 июля 1970 г.

№ 1878-А

Секретно.

Коллегия по уголовным делам Московского городского суда 7 июля 1970 года рассмотрела дело по обвинению Горбаневской Н. Е., 1936 года рождения, до ареста занимавшейся частными переводами, в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 190 и 191 УК РСФСР.

Горбаневская до ареста являлась активной участницей дерзких антиобщественных акций, систематически изготавливала и нелегально передавала на Запад материалы враждебного содержания. При аресте Горбаневская нанесла телесные повреждения сотруднику прокуратуры Шилову.

По определению суда она направлена на принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу, так как в течение длительного времени страдает психическим заболеванием в форме шизофрении.

К концу судебного заседания у здания Мосгорсуда собралась группа ее единомышленников из 15—20 человек во главе с Якиром П., Вольпиным-Есениным, Тельниковым и другими, которые, не попав в помещение суда, пытались наблюдать за ходом процесса через окна, чем мешали нормальному ходу разбирательства дела.

По указанию председательствующего в суде члена Мосгорсуда Богданова В. В., дежуривший у здания суда милиционер предложил указанной группе лиц отойти от окон и соблюдать установленные правила. В ответ на это Тельников, Вишневская и другие, окружив плотным кольцом милиционера, вступили с ним в пререкания, а затем применили к нему физическое воздействие. При этом у милиционера было похищено служебное удостоверение. При содействии дружинников Тельников и Вишневская были задержаны и доставлены в 68 отделение милиции г. Москвы. Решается вопрос о привлечении их к уголовной ответственности за сопротивление власти (ст. 191 УК РСФСР).

В период разбирательства дела у здания находилось 3—4 иностранных журналиста, в том числе Дорнберг (корреспондент американского журнала «Ньюсуик») и Армур (корреспондент агентства Рейтер), которые вступали в контакты с Якиром, Тельниковым, Вольпиным-Есениным и Ефимовым.

Комитетом госбезопасности через оперативные возможности до общественности Запада доведена оперативно выгодная для нас информация в связи с судебным процессом и происшедшим инцидентом у здания суда.

Одновременно Комитет госбезопасности сообщает о неправильном поведении в судебном процессе адвоката Калистратовой С. В., которая встала на путь отрицания состава преступления в действиях Горбаневской. Более того, явно клеветнические материалы, порочащие советский государственный и общественный строй, изготовленные подсудимой, Калистратова в своем выступлении на судебном заседании квалифицировала как «оценочные», выражающие убеждения Горбаневской. Не случайно по окончании процесса Якир, Алексеева и их единомышленники встретили Калистратову как «героя» с цветами.

Такое поведение адвоката в судебном процессе не является единичным. По имеющимся у нас данным, аналогичные позиции занимает группа московских адвокатов (Каминская Д. И., Монахов Н. А., Поздеев Ю. Б., Ромм В. Б.) при защите подсудимых, обвиняемых в антисоветской и антиобщественной деятельности в виде клеветы на советский государственный и общественный

строй. В настоящее время сложилось такое положение, когда эта группа адвокатов выступает практически по всем подобным делам, возникающим в различных районах страны. Нередко они действуют по прямому сговору с антиобщественными элементами, информируя их о материалах предварительного следствия и совместно вырабатывая линию поведения подсудимых и свидетелей в процессе следствия и суда.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов».

К концу 1970-х годов марксистско-ленинская идеология почти утратила свое значение. Идеология существовала отдельно, а жизнь текла по-своему.

В иной стране эта пустота, может быть, и осталась бы незаполненной, но не в России. На фоне всеобщей нивелировки встала проблема выживания русского народа. Русские писатели и публицисты начали поднимать вопросы о низкой рождаемости, алкоголизме, охране памятников, то есть о всем том, о чем коммунистическая идеология умалчивала.

Трибуной русской интеллигенции стал журнал «Наш современник». В конце 1981 года на его страницах появилась статья В. Шубкина «Неопалимая купина», посвященная 100-летию со дня смерти Достоевского. Автор отстаивал идею великого писателя о главенстве «моральных проблем», без которых решить социальные вопросы невозможно. Моральное же, нравственное возвышение человека виделось в обращении его к православию. Мысли статьи резко расходились с официальной идеологией.

Воспользовался юбилейной датой и В. Кожин. В своем эссе «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» он отделял русскую идею от христианской. Кожин представлял, например, битву на Куликовом поле как решающую борьбу «многонационального Российского государства» с «агрессивной космополитической армией», являвшей темные силы мира в те времена. Писатель явно проводил параллель с современностью.

В том же 1981 году в журнале публикуются рассказы Вл. Солохина, в которых он пытается говорить о своей вере в Бога.

Появился первый за годы Советской власти русский самиздатский альманах «Многая лета», который возглавлял Геннадий Шиманов. Еще тогда, предвидя начало наших 90-х, он предупреждал, что страна неожиданно может свернуть на капиталистический путь. В этом он, не без основания, видел гибель русского духа, гибель русской национальной идеи, гибель России, наконец, ибо русскому народу неприемлем мир с «разрывом естественных связей, нравственной пустотой, отчуждением, террором и потребительским отношением...».

Шиманов писал: «Разве американские подачки не довели уже целый мир до глобального кризиса?... Западная цивилизация безусловно разложилась, потому что все эти психоделические и сексуальные революции, бронированные двери против грабителей, социальные потрясения и всепожирающий дух меркантилизма — разве это не моральное разложение?...»

Вышедшая книга очерков С. Семанова «Сердце родины» прямо призывает к русскому патриотизму. Писатель толкует отечественную историю как «единый поток»: на одной линии стоят у него Кутузов и Георгий Жуков, Александр Невский и Матросов. Героям революции в этом ряду нет места.

Много шума наделал запрещенный вскоре роман В. Пикуля «У последней черты» — о закате самодержавия. Затрепанные книжки журнала «Наш современник» с главами романа переходили из рук в руки.

Мгновенно разошлась книга Н. Яковлева «1 августа 1914», в которой перед читателем открывались неведомые ему страницы русской истории.

В это же время выходят лучшие книги В. Белова, В. Распутина, Ф. Абрамова и других «деревенщиков». Западногерманский советолог К. Менерт недоумевал: «Одна из двух главных тем, которая с исключительным постоянством присутствует в русской беллетристике (первой является война) и всегда отсутствует в лучших западных бестселлерах, — это... деревня. Странно. Ведь СССР — одна из самых промышленно развитых стран мира». Но Менерт не был бы советологом, если бы не попытался объяснить это явление: «Миллионам русских легче отождествлять себя с деревней, из которой они вышли, чем с километрами бетонных блочных конструкций в городах или дымовыми трубами прославляемых гигантов индустрии... Русские начинают чувствовать, что человеческие ценности приносятся в жертву на алтарь прогресса, что современные города ни в коей мере не лучше старых деревень...»

Но в начале 1982 года журнал «Коммунист» публикует письмо, резко критикующее «Наш современник» за рассказы В. Солоухина, где он, дескать, «заигрывает с боженькой». Февральская «Правда» дает статью «Точность критериев» о «мнимых интерпретаторах Достоевского». Имеется в виду Вадим Кожинов, «отошедший от традиций марксистско-ленинской эстетики». Хотя Кожинов никогда этой эстетики не придерживался, поэтому и отойти от нее не мог.

Перешли власти и к практическим действиям. Были арестованы русские писатели Леонид Бородин и Анатолий Иванов-Скуратов, Николай Блохин — руководитель православного самиздата. Сергея Семанова со скандалом уволили с работы.

К концу 1982 года общее число арестованных диссидентов превышало 500 человек.

Писатель Георгий Владимов, уехавший на Запад, вспоминал: «Власти рассматривали русское движение как главную угрозу. Говорят, что Федорчук, недолго пробывший на посту главы КГБ, успел отдать распоряжение: «Главный противник сейчас — русский национализм. Диссидентами мы займемся потом, их мы выловим за одну ночь».

Летом выходит Постановление ЦК КПСС «О творческой связи литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства». В этом постановлении рекомендовалось «шагать в ногу со временем», бросить все журнальные силы на создание образа положительного героя и т. д. Сеговалось, что слишком много внимания журналы уделяют «истории Отечества, коллективизации».

В январе 1983 года пленум Союза писателей СССР обрушился на журнал «Север». Особенно усердствовали Ю. Суровцев, Ф. Кузнецов... «Север» обличали в «классово недифференцированном отношении к фактам истории», в увлечении «этнографией» и прочем. «Не копаться в прошлом, — наставлял Суровцев, — а активно участвовать в пропаганде миролюбивой политики КПСС».

Добрались и до «Нашего современника». Из журнала уволили сразу двух заместителей главного редактора: ярко выраженных русских писателей Юрия Селезнева и Валентина Устинова. В последнем номере журнала за 1982 год на второй странице обложки уже не было привычных слов: «Россия — родина моя».

На июньском пленуме секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко выступил с докладом, в котором отметил «отклонение от исторической правды» в оценке коллективизации, «богоискательский» мотив и идеализацию патриархальности.

«Правда» поместила статью В. Оскоцкого «В борьбе с антиисторизмом», проникнутую резким неприятием национальной русской идеи. В. Оскоцкий представляет себе 1917 год как начало новой великой эпохи. Непрерывной истории, по Осоцкому, нет: он осуждает «антинаучные попытки отрицать непреходящую актуальность ленинского критерия «двух наций и двух культур»...

В Политиздате выходит книга С. Калтахчяна «Марксистско-ленинская теория нации и современность», в которой автор критикует Л. Гумилева, В. Распутина, В. Кожина, М. Лобанова. О последнем он пишет, например: «Игнорируя резкие неоднократные критические замечания в его адрес, Лобанов опубликовал в журнале «Волга» статью «Освобождение», в которой с позиций антиисторизма продолжает настаивать на своих прошлых ошибочных рассуждениях относительно тяжелого креста национального самосознания».

Между тем редактор русского самиздатского журнала «Вече» В. Осипов уже сидел в лагере, посадили И. Огурцова, А. Огородникова — издателя журнала «Община».

Наступят ли золотые времена?

Из доклада Председателя КГБ В. А. Крючкова Председателю Верховного Совета СССР М. С. Горбачеву в феврале 1990 года: «...Динамичное развитие ситуации в стране и мире потребовало от Комитета госбезопасности активизации работы по обеспечению информацией высшего руководства государства, правительства СССР и заинтересованных ведомств. В инстанции направлено большое число записок и шифртелеграмм. Особое внимание уделялось подготовке материалов к переговорам советских руководителей с лидерами США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, КНР и Индии.

Важное значение придавалось добыванию документальных секретных материалов руководящих органов капиталистических государств и их военно-политических блоков, в том числе путем перехвата и дешифрования корреспонденции, проходящей по различным системам связи.

Осуществлен ряд крупномасштабных активных мероприятий в целях оказания долговременного воздействия на влиятельные зарубежные круги в решении ключевых проблем в области международной безопасности, ядерного, химического и обычного разоружения.

Реализован широкий комплекс мероприятий по нейтрализации вмешательства Запада в развитие внутривнутриполитических процессов в СССР, оказанию влияния на позиции руководителей и парламентариев ряда стран, в частности их подхода к событиям в республиках Советской Прибалтики.

На научно-техническом направлении разведке комитета удалось добыть ряд остро необходимых для оборонных отраслей промышленности образцов и документальных материалов, внести существенный вклад в решение народнохозяйственных проблем, в ускорение фундаментальных и прикладных исследований.

Расширены возможности проведения разведывательной работы с нелегальных позиций и с территории страны. Обеспечивалась безопасность советских учреждений и граждан за рубежом. Сорвано большое число провокационных акций спецслужб противника, в том числе направленных против сотрудников разведки. По информации КГБ досрочно отзывали из-за границы 274 советских гражданина. Не удалось предотвратить невозвращение на Родину 118 советских граждан.

...Контрразведка действовала в условиях значительного расширения контактов СССР с США и другими странами НАТО. Среди граждан стран НАТО, посетивших советские оборонные объекты, около трети составляли сотрудники спецслужб.

Разведчики стран НАТО, работающие в СССР под прикрыти-

ем дипломатов и журналистов, совершили 2267 поездок по стране (в 1988 году — 1478). Органами госбезопасности пресечено более 200 попыток их проникновения к военным объектам. 19 человек за противоправную деятельность выдворены из СССР...

Предотвращены попытки ряда советских граждан, в том числе военнотружущих и секретоносителей из числа гражданских лиц, инициативно установить связь с иностранными разведками в преступных целях.

Усилена борьба с терроризмом, не допущен въезд в страну 384 членов международных террористических организаций. На основе достоверных данных о причастности к таким организациям поставлены под контроль въезда 899 иностранцев. Взятые под контроль в связи с высказыванием террористических намерений 130 граждан СССР. Пресечены три попытки захвата и угона за границу пассажирских самолетов. Контролировалось поведение 140 граждан, высказавших намерения захвата воздушных судов...

В сфере экономики контрразведкой предотвращен ряд подрывных торгово-экономических акций. Наиболее крупная из них — попытка иностранных фирм при посредничестве московского кооператива «Альков», эстонского совместного предприятия «Эстек» и других советских организаций приобрести в СССР по курсу «черного рынка» несколько миллиардов рублей. Сорваны намерения ряда должностных лиц выдать в корыстных целях коммерческую тайну...

В целом КГБ по своей структуре, функциям, кадровому составу и, главное, месту в системе госинститутов соответствовал механизмам государственной-политической власти в Советском Союзе. Это был мощный инструмент, обеспечивающий стабилизацию режима, реальную работу по безопасности страны, а значит, и ее граждан.

После выступления ГКЧП Председателем КГБ СССР стал демократ В. В. Бакатин. В КГБ начались чистки, было уволено несколько сот сотрудников. Более 20 тысяч человек с конца августа 1991 по июнь 1992-го уволились сами: по моральным соображениям. Из состава КГБ была выведена внешнеполитическая служба. Служба охраны была переименована в Главное управление охраны (ГУО) РФ, которое подчинялось непосредственно президенту страны. Одновременно в его личное подчинение перешла и группа «А» 7-го управления — так называемая «Альфа». В дальнейшем ГУО РФ стало самостоятельным федеральным ведомством, а в конце 1993 года из его состава выделился еще один орган — Служба безопасности президента РФ.

Управление правительственной связи, 8-е и 10-е Главные управления также были выведены из структур КГБ, а с декабря 1991 года получили название Федеральное агентство правительствен-

ной связи и информации (ФАПСИ) при президенте РФ. В самостоятельное ведомство были выведены и погранвойска, относившиеся ранее к КГБ.

То, что осталось (а это в основном контрразведывательные подразделения), также подверглось жестким переменам. Созданный весной 1991 года КГБ РСФСР после августовских событий переименован в Агентство федеральной безопасности (АФБ РФ), из остатков центрального аппарата КГБ была создана аморфная структура — Межреспубликанская служба безопасности (МСБ), просуществовавшая несколько месяцев. В январе 1992 года МСБ и МВД объединены в Министерство безопасности и внутренних дел РФ, но после признания его не соответствующим конституции образовано Министерство безопасности (МБ) РФ. В декабре 1993 года Ельцин решил еще раз почистить контрразведку. Появились указы о преобразовании МБ РФ в Федеральную службу контрразведки (ФСК) и создании комиссии по проверке ее руководящих кадров. В феврале 1994 года ФСК (с апреля 1995 года — Федеральная служба безопасности — ФСБ) возглавил С. В. Степашин — молодой политработник внутренних войск, занимавшийся безопасностью в Верховном Совете, а затем, как заместитель министра, безопасностью страны.

Таким образом, на развалинах КГБ было создано шесть спецслужб, имеющих статус федеральных министерств и ведомств, действующих без какого-либо взаимодействия и координации. Генералов стало в семь раз больше, чем в КГБ, а оперативная работа снизилась. Удельный вес квалифицированных оперативников с опытом работы 7—15 лет снизился в пять раз. Сильно сократился агентурный аппарат, не говоря уже о его качестве, а ведь агентура — основа любой спецслужбы. В десятки раз уменьшилась информация, добываемая агентурным путем, — и в России, и тем более за границей.

Информация, получаемая каждой из шести упомянутых структур, стала носить все более фрагментарный и поверхностный характер, без постоянно действующей системы обмена полученными данными затруднена их проверка и перепроверка. В итоге зачастую наверх шли сомнительные сведения.

В государстве практически не осталось работоспособных органов, которые анализируют и обобщают совокупную информацию спецслужб и ставят им продуманные перспективные и краткосрочные задачи. Указания президента Ельцина, его помощника по национальной безопасности и аппарата Совета безопасности носили, как правило, разовый, спонтанный характер и определялись текущей внутри- и внешнеполитической конъюнктурой.

В целом же главный недостаток системы спецслужб в России по сравнению с КГБ — отсутствие единой государственной поли-

тики в отношении системы безопасности. В итоге, несмотря на словесные декларации и указы президента о деятельности спецслужб, в России не удалось создать целостного сообщества последних.

Пожалуй, в результате разрушения КГБ удалось достичь лишь двух провозглашенных целей: возникла определенная конкуренция между спецслужбами и была ликвидирована монополия на информацию для руководства страны. Однако разнообразие потоков недостаточно проверенной информации, напрямую идущих в аппарат президента, процессу принятия взвешенных государственных решений наносило больше вреда, чем пользы.

Примером для команды Ельцина служила система разведсообщества США, где спецслужбы раздроблены на десятки независимых ведомств, а собственную разведку имеет даже военно-морской флот. Там эффективность работы спецслужб регулируется конкуренцией между разными ведомствами. Она же не позволяет одной структуре монополизировать «доступ к телу» президента.

Любопытно, что сегодня не только в России, но и в США решили вернуться к советской структурной модели спецслужб. В США создано министерство национальной безопасности, в России под крыло ФСБ возвращены бывшие управления КГБ.

11 марта 2003 года Владимир Путин начал самую крупную реформу спецслужб за последнее десятилетие. Согласно подписанному в этот день указам упразднены Федеральная служба налоговой полиции (ФСНП) и ФАПСИ, пограничная служба вошла в состав ФСБ. При этом если на месте налоговой полиции была создана новая структура, то Федеральное агентство правительственной связи и информации было включено частично в состав Федеральной службы охраны, а частично в ФСБ.

Очевидно, что система безопасности государства и его спецслужбы, не решающие масштабных общенациональных задач, ориентированные лишь на сохранение и укрепление власти первого лица и его окружения, неизбежно деградируют. Лишь когда будет выработана ясная новая политика, обеспечивающая выживание России как государства, можно будет создать адекватную систему безопасности страны и, естественно, укрепить ее спецслужбы.

Но наступят ли, благословенный читатель, те золотые времена, когда в России воцарятся мир и покой, когда все люди станут относиться друг к другу по-братски? Наверное, наступят. И тогда не будет места подозрительности, не будет надобности в шпионах и тайных сотрудниках, секретных службах, как бы они ни назывались.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов В. К.* Заграничная охранка. Пг., 1918.
- Алексеев И. В.* Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932.
- Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. М., 1999.
- Архив* внешней политики России.
- Ашешов Н. П.* Андрей Николаевич Желябов. Пг., 1919.
- Балрон Дж.* КГБ сегодня. Нью-Йорк, 1984.
- Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 2003.
- Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 бывшего Московского охранного отделения. Пг., 1918.
- Былое. Пг., 1900—1926.
- Веретенников В. И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
- Волк С. С.* «Народная воля». 1879—1882. М., 1966.
- Волков А.* Петроградское охранное отделение. Пг., 1917.
- ВЧК — ГПУ. Вермонт, 1989.
- Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.
- Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986.
- Голос минувшего. М., 1918 — 1923.
- Голубев А. А.* Сыскной приказ. М., 1884.
- 20 лет ВЧК — ОГПУ — НКВД. М., 1938.
- Ефремов В. А.* Сыск и политическая полиция самодержавной России: Автореферат. СПб., 1996.
- Есипов Г. В.* Дела Преображенского приказа. М., 1861.
- Есипов Г. В.* Люди старого века. СПб., 1880.
- Жилинский В. Б.* Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. М., 1918.
- Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1900—1914.
- Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры. Париж, 1924.
- Заварзин П. П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924.
- За кулисами охранного отделения. Берлин, 1916.
- Известия ЦК КПСС. М., 1989—1991.
- Ирецкий В.* Охранка. Пг., 1917.
- Исторический архив. М., 1993—1996.
- Источник. М., 1992—1996.
- Каторга и ссылка. М., 1922—1935.
- Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909.
- Красная книга ВЧК. М., 1989.
- Красный архив. М., 1922—1941.
- Крючков В. А.* Личное дело. М., 2003.
- Лонге Ж.* Террористы и охранка. М., 1924.
- Меньщиков Л. П.* Охрана и революция. М., 1925—1932.
- Меньщиков Л. П.* Русский политический сыск за границей. Париж, 1914.
- Министерство внутренних дел. 1802—1901. СПб., 1901.

- Михайлов Н.* Слово и дело. М., 1912.
- Николаевский Б. Н.* История одного предателя. М., 1991.
- Новомбергский Н.* Слово и дело государевы. М., 1911.
- Овченко Ю. Ф.* Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880—1904 гг.: Автореферат. М., 1989.
- Осоргин М. А.* Охранное отделение и его секреты. М., 1917.
- Павлов П.* Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922.
- Перегудова З. И.* Политический сыск России. М., 2000.
- Рубенберг П. М.* Убийство Гапона. Л., 1925.
- Сватиков С.* Заграничная агентура департамента полиции. М., 1941.
- Семевский М. И.* Слово и дело! М., 1884.
- Сергеев В. Д.* Пропагандист с динамитом. Правда и миф. Вятка, 1998.
- Спиридович А. И.* Записки жандарма. М., 1991.
- Спиридович А. И.* Революционное движение в России. СПб., 1914.
- Стригин Е. М.* КГБ был, есть и будет. М., 2004.
- Тихомиров Л. А.* Заговорщики и революция. М., 1930.
- Троцкий Н. М.* III Отделение при Николае I. М., 1930.
- Хаустов В. Н.* Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. М., 2003.
- ЦГАРФ.* Фонд департамента полиции. Особый отдел.
- Щедрин В.* Тайная канцелярия. М., 1913.
- Щеголев П. Е.* Охранники и авантюристы. М., 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Как все это начиналось	5
Застенки Тайной канцелярии	13
Дыба и кнут	22
Неистовый Шешковский	39
Таинственный узник	44
К сечению кнутом, вырыванию ноздрей и вечной ссылке в Сибирь... ..	46
Русский Нострадамус	55
Как возникло III Отделение	61
Обзоры III Отделения	68
Петрашевы	73
Люди в гороховых пальто	76
Секретные сотрудники	85
Агентурные записки — архив русской истории	92
Цветочки провокации	97
Большевик-провокатор	100
Ненавидевшая революцию	106
Кровавый Азеф	109
Филеры докладывают	114
Сребреники Гапона	117
Меньшиков начинает говорить	125
На развалинах старого	129
Мошенник или революционер?	132
Рыцари плаща и кинжала	137
Народовольцы	142
Покушение на царя	151
Бомба Александра Ульянова	159
Бабушка и ее внуки	163
Когда говорят револьверы	170
Как убивали Плеве	176
Система генерала Герасимова	186
В память декабристов — ведро пива	192
Куплено на японские деньги	198
Заспиртованная голова	202
Покушение на Столыпина	206
Новый сыск для новой власти	207
Арест в Левшинском переулке	209
Графини или бандитки?	215
Высшая мера — расстрел	218
Анархисты переходят в наступление	225
ВЧК против эсеров	230
ГПУ — государство в государстве	243
НКВД не дремлет	252
Дело «марксистов-ленинцев»	255

Троцкисты-оппортунисты	261
Зиновьев и Каменев — враги народа?	266
Был ли «московский центр»?	269
«Кремлевское дело»	273
Нарушители партийной дисциплины	279
Как Шляпников покушался на вождей	283
Нарком Ежов становится писателем	298
Личный архив Троцкого	303
Советскому следствию лайковые перчатки противопоказаны... ..	307
Револьвер у террориста украли жиганы	312
Закрытое письмо ЦК	319
Пятаков хотел расстрелять всех	339
Комкоры в застенках НКВД	346
НКВД борется с космополитами	369
Дом на Лубянке	374
Диссиденты	379
Наступят ли золотые времена?	388
Литература	392

Кошель П. А.
К 76 История российского сыска. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 395[5]с.: ил. — (Россия и мир).

ISBN 5-235-02770-1

Хотя в юридическом словаре слово «сыск» определяется как устаревшее, сам сыск не стареет. Пока существует государство, существует и сыск. Первой такой спецслужбой на Руси стал Приказ тайных дел. О его практической работе, а также о сыске, проводимом Тайной канцелярией, III Отделением, царской охранкой, ЧК, НКВД и КГБ, рассказывает эта книга.

УДК 351(470)

ББК 67.401.213

Кошель Петр Агеевич
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СЫСКА

Главный редактор А. В. Петров
Редактор Е. В. Смирнова
Художественный редактор И. И. Сулов
Технический редактор В. В. Пылкова
Корректор Л. М. Логунова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97.

Сдано в набор 09.11.2004. Подписано в печать 17.02.2005. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон». Усл.-печ. л. 23,25+1,86 вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ 44626.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.
Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02770-1

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ

БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников, музыкантов,
театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Готовятся к изданию и уже вышли в свет:

**Л. Бородин
«БЕЗ ВЫБОРА»**

**Н. К. Чуковский
«О ТОМ, ЧТО ВИДЕЛ»**

**Т. Маврина
«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 гг.»**

**Н. М. Молева
«БАЛАНС СТОЛЕТИЯ»**

**Н. Кончаловская
«ВОЛШЕБСТВО И ТРУДОЛЮБИЕ»**

**Д. Лешков
«ПАРТЕР И КАРЦЕР»**

**О. Высотский
«НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГЛАЗАМИ СЫНА»**

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Хотя в юридическом словаре слово «сыск» определяется как устаревшее, сам сыск не стареет. Пока существует государство, существует и сыск. Первой такой спецслужбой на Руси стал Приказ тайных дел. О его практической работе, а также о сыске, проводимом Тайной канцелярией, III Отделением, царской охранкой, ЧК, НКВД и КГБ рассказывает эта книга.

